

Владимир Комарьков

ХРОНИКИ АРЛИ

книга вторая

Кто я?

18+

Владимир Валерьевич Комарьков
Хроники Арли. Книга 2. Кто я?
Серия «Хроники Арли», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63629437

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98881-1

Аннотация

Мир со странным названием – Арли, в котором давным-давно живут люди, эльфы, гномы и другие расы. Мир, где над всеми господствует Церковь. Мир, в который раз в две тысячи лет приходит Убийца, чтобы уничтожить сложившийся порядок, покарать достойных и недостойных, спалить его в горниле войны. Продолжение приключений Александра, волею судеб попавшего в тело нищего подростка из катакомб, которому суждено стать новым Убийцей. Но хочет ли он того?

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
ЧАСТЬ 2	18
Глава 1	18
Глава 2	32
Глава 3	36
Глава 4	48
Глава 5	56
Глава 6	74
Глава 7	85
Глава 8	92
Глава 9	104
Глава 10	115
ЧАСТЬ 3	120
Глава 1	120
Глава 2	133
Глава 3	143
Глава 4	149
Глава 5	163
Глава 6	167
Глава 7	187
Глава 8	224
Глава 9	256
Глава 10	273

Глава 11	316
Глава 12	330
Глава 13	347
Глава 14	359
Глава 15	374
Глава 16	384
Глава 17	409
Глава 18	417
Глава 19	433
Глава 20	459

Владимир Комарьков

Хроники Арли.

Книга 2. Кто я?

ЧАСТЬ 1

Грунтовая дорога, высохшая до состояния асфальта, когда ее день ото дня поливает лучами беспощадное солнце, петляла между изумрудными холмами, словно нить неряшливой пряжи, то исчезая за очередным поворотом, то появляясь вновь с совершенно неожиданной стороны. Плавный и убаюкивающий пейзаж навевал спокойствие и умиротворение. Настоящий рай для художников, им бы пришлось по душе настроение этих мест. Слишком впечатлительные натуры, наверное, испытали бы благоговение перед Создателем, который своим мастерством касался самых потаенных струнок в душе, обволакивал очарованием и величавой неторопливостью сцены. Горизонт растаял, смазав границы между землей и небом. С любой возвышенности распахивались бескрайние просторы зеленого океана. Ни одного излома, ни проплешины, ни единого следа безжалостного течения времени, словно на свете не бывает резких, стремительных форм. Мы будто угодили в детскую комнату, убран-

ную в нежных тонах с плавными линиями и мягкими тканями. Природа вокруг поражала невинностью и нашептывала мысли о вечном. Легкий ветерок гулял по бахrome цветущей травы, причудливо изменяя ее узор, – все окружающее жило своей жизнью: воздух пел, холмы дышали, луга отвечали им взаимностью, оглаживая шорохом трав подножья дремлющих великанов.

Окружающий мир отчаянно напоминал Италию с ее виноградниками, холмами, травами, ниточками узких дорог, иногда попадающимися на глаза, но, к сожалению, не был ею, как, впрочем, не был и любой другой страной на Земле.

За последние дни ребёнок в моем сердце прибавил лет сорок, живописца прогнали вназад за пьянство, и теперь, бурывая взглядом бесконечную даль, я с трудом сдерживал раздражение и мрачно прикидывал, сколько ещё придётся плестись по жаре до ближайшего города. А ведь за плечами в лучшем случае четверть пути. Да, черт возьми, считай, что мы едва высунули нос за порог – я даже помню недовольную физиономию стражника у ворот Рогона, белеющую в пред-рассветной тьме. Впрочем, стоило ему бросить взгляд мне за спину, и навстречу устремилась самая радушная улыбка из всех, что я когда-либо видел. Мужик старательно раздвигал непослушные губы, демонстрируя обломки зубов, что не вызывало ничего, кроме желания дать ему в морду.

Я прикрыл глаза, думая о своем первом детском путеше-

ствии: вагон поезда, жесткая койка и мерное постукивание колес – все, как сейчас. Только вместо вагона – лошадь, койку заменило седло, а звук копыт почти не отличим от перестука колес. Я до того погрузился в воспоминания, что едва не вывалился из седла. А еще мне безмерно хотелось пить – ощущение, сделавшееся моим постоянным спутником.

Местное солнце с бесстрастностью механизма выжимало из путников влагу. Даже появившись у меня желание всплакнуть, тереть глаза в ожидании слез – напрасная трата времени. Я потрогал флягу, привязанную у подушки седла, – воды в ней оставалось не так уж много. Помню самое начало путешествия, когда по недоразумению заветную емкость убрали так, что дотянуться до нее мог бы только умелый наездник. Пришлось молча терпеть, проклиная свою безалаберность. Крутиться в седле? Увольте! Я даже оглядывался с опаской, не говоря уж о том, чтобы добраться до фляги.

Облизнув губы, я тут же вяло ругнулся: язык, пытаюсь смочить пересохшую кожу, поцарапался о шершавую, словно шкурка, поверхность. От жары плавилась мысли, а монотонное движение, скорее, не убаюкивало, а вводило в состояние, близкое к коме. Мысли текли вялые, как будто думал не я и не о себе. Да, старушка Земля осталась где-то там, за спиной, и эта часть тела канула в пропасть, утащив за собой все, что напоминало о цивилизации: телефон, самолеты, Интернет, космическую станцию «Мир». Даже туалетная бумага, и та исчезла в мгновение, когда я уснул в одном теле, а

проснулся уже в другом.

Разница в количестве дней в месяце сбивала с толку, но ведение дневника помогало вести хронологию. Сорок первого марта мы вышли из Рогона, утром тридцать четвертого июня семь тысяч пятьсот тридцать первого года наконец-то пересекли границу Темирской Торговой автономии и оказались в королевстве Гальд. Здесь мы первым делом повстречали братьев-инквизиторов во главе с Гюго из города Архана, до которого еще пилить и пилить. По какой-то причине, видимо, памятуя о распоряжении епископа, Оррик решил скрыть наше происхождение, и мы прикинулись сопровождающими эльфа, впрочем, Гюго особо и не усердствовал в расспросах. Он предложил проводить нас до своего города, сообщив, что вскоре мы должны соединиться с основными силами в лице главного инквизитора Поля.

Воины шли парами. Справа от меня погруженный в свои мысли дремал Аридил, за все время не проронивший ни слова. Оррик пропадал впереди. Я оказался предоставлен самому себе и спустя какое-то время от нечего делать принялся разглядывать наших сопровождающих.

К примеру, кто это едет вон там, впереди? Молодой человек – явно моложе всех здесь присутствующих лет на десять-пятнадцать – отличался от воинов не только возрастом, но и одеждой: длинный зеленый плащ с красным блестящим подкладом, штаны из ткани такого же, как и плащ, цвета – в

общем, ни грамма кожи – и в довершение всего длинный посох с тусклым камнем в навершии. Я сразу обратил на него внимание. Неужели передо мной маг?! Настоящий! Князь Аэлрэль, конечно, не в счет, за пять тысяч лет можно заделаться кем угодно.

Я не видел выражения лица мага, но почему-то представлял себе сурово сдвинутые брови, острый нос, пронизывающий взгляд, которому доступно знание сути вещей. Эдакий не по годам мудрый и уважаемый человек, который знал себе цену. Реальность, впрочем, вносила некоторые коррективы, с моего ракурса виднелась редкая, росшая клоками борода, как выклеванный воробьями газон, на молодом и свежем лице. Она портила все ощущения – ее я видел прекрасно, так как лошадь мага ступала в другом ряду, и его щека то и дело мелькала над широким воротником. Было бы здорово с ним познакомиться! Интересно, маги выше всех предрассудков или еще большие снобы, чем все остальные люди?

В следующую секунду голова мага дернулась ухом к плечу и развернулась под девяносто градусов – из его виска высунулось острие арбалетной стрелы. Болт пробил голову человека насквозь, удар, видимо, сломал ему шею. Затем последовал новый щелчок, и ещё один воин, за спиной которого висел лук, беззвучно опрокинулся на круп своей лошади: стрелок оказался безжалостно точен.

И только сейчас забили тревогу.

– К бою! – трубный глас Оррика разорвал тишину, и рас-

терянность людей сменилась лихорадочной суетой.

На нас напали, когда мы приготовились покинуть дорогу ради привала. Смерть вышла из рощи, вплотную подступавшей к тому месту, где нас ждал отдых, и тем неожиданней она оказалась. Люди совсем расслабились, по сторонам никто не смотрел, хотя вряд ли особенная внимательность уберегла бы этих двоих от тяжелой стальной стрелы.

– Спешиться! – заорал Оррик, видя, что Гюго чересчур долго мешкает с приказом. Похоже, опыта, того самого опыта, который позволяет не терять голову и уверенно командовать в бою, помощнику главного инквизитора не хватало, несмотря на весь его суровый внешний вид. К счастью, Оррик достаточно быстро сообразил, что пора брать бразды управления на себя.

Люди бестолково ерзали в седлах и в растерянности оглядывались по сторонам, получив четкий приказ, они встрепенулись – умелый командир в бою стоит половины отряда! Впрочем, время, пожалуй, самый редкий ресурс, за который приходится драться. Враг слишком хорошо понимал, что растерянность играет ему на руку, а время – напротив, позволяет подготовиться нам.

Из леса в нашу сторону бросились люди. Так как у меня процесс спешивания отличался от общей массы, то получилось, что я в данный момент единственный оставался в седле. Звёздочка преспокойно игнорировала мои команды, увлеченно рассматривая зад впередиидущего жеребца, а я

не был излишне настойчив, замороженный происходящим. В итоге, похоже, лишь мне было видно: количество нападавших значительно превосходит наше число. И хотя мечей у них не было, копья, топоры и дубины смотрелись не менее грозно.

Небо кувыркнулось в глазах, и я очнулся уже на земле. Сначала я решил, что в меня попал болт, но боли не было, а надо мной склонился пышущий раздражением Аридил.

– Мишень из тебя превосходная! – рявкнул обычно спокойный эльф, оглядываясь по сторонам. – Но постарайся раньше времени не умирать. Мне хватило одной попытки, в следующий раз Оррик может не успеть сообщить мне, что ты все-таки жив.

– Оррик, похоже, в курсе, что происходит, – выдавил я из себя. – Я заметил, как он отвечал этому Гюго!

Аридил жёстко на меня посмотрел.

– Ты ошибаешься!

– Но... – хотел было возразить я, но меня перебили.

– Тебе не кажется, что сейчас не самое подходящее время выяснять отношения? – Эльф поморщился. – Подожди, пока мы разберёмся с этой толпой.

– Их гораздо больше, чем нас, – выдохнул я, признавая правоту эльфа.

– Значит, это займет чуть больше времени, чем я планировал, – он голосом выделил слово «больше». – Так что постарайся не лезть на рожон и не умереть раньше, чем поло-

жено на роду.

У меня на этот счет имелось собственное мнение, но действительно, сейчас не к месту о нем вспоминать.

– Я постараюсь, – пообещал я, лежа в пыли.

– Уж будь так любезен, – улыбнулся мне Аридил. – Оррик, он на тебе!

Вот уж не думал, что наш тихоня в состоянии переорать шум боя.

В следующее мгновение мир снова пришёл в движение: меня вздернули на ноги – за спиной стоял Оррик.

– Их человек тридцать! – крикнул я.

Инквизитор лишь отмахнулся.

– Хороших воинов тут немного. Меня беспокоят стрелки. Попасть в голову с такого расстояния могут немногие.

Нападавшие преодолели разделявшие нас метры, и мне стало не до бесед. Лошади разбежались в страхе, теперь мало что закрывало мне вид: на каждого из наших приходилось по двое-трое врагов. Я видел, как за секунды пали еще двое наших, одного достали с ходу копьем, второму сзади попали со всего маха дубинкой так, что голова словно взорвалась от крупнокалиберной пули – мозгами забрызгало нападавших.

Бой завязался отчаянный, никаких раскачек и вялотекущей оценки противника. Я не успевал крутить головой. Со всех сторон неслись хеканье, тяжелое дыхание, крики, предсмертные хрипы. В уши настойчиво лезли хруст костей и влажное чмокание от ударов тяжелым по незащищенным ме-

стам хрупких человеческих тел. Звон оружия и скрежет зубов эхом разносились над полем битвы. Страшно было первые несколько секунд, а потом адреналин добрался до головы, и все мысли испарились.

Уже спустя минуту дерущиеся перемешались, и мне стало казаться, что каждый пытается убить каждого, не различая своих и чужих. Мне, во всяком случае, это бы точно не удалось. Какофония криков достигла такой насыщенности, что в мире больше ничего не осталось, кроме остервенело размахивающих оружием людей. Впрочем, людей ли?

Прострация – вот лучшее слово, чтобы описать мое состояние. Я повиновался чьим-то командам, послушно передвигая ногами, в руках оказался нож, я размахивал им, пока не получил чувствительный удар по затылку – как выяснилось от Оррика.

– Сдурел?! – он бешено вращал глазами, лицо все залито кровью, волосы сосульками стекали с лица. – Держись за мной!

Чудо, что до меня пока не добрались, заключалось именно в нем, Оррике, страшном воине, злобно скалившем зубы. Он встал передо мной, уперевшись ногами в землю, в его руках бабочкой порхал стальной клинок. Мне казалось, что я видел все, но я упустил момент, когда он искупался в крови, и к своему стыду, я не мог сказать, была ли это только чужая кровь. На моих глазах он убил уже четверых, действуя крайне уверенно и расчетливо, так что схватка начала обтекать

человека, несущего смерть с такой лёгкостью.

В остальном дела наши были плохи. Вокруг нас ворочалось еще три рычащих клубка. Ребят Гюго зажали – на них приходилось по три-четыре воина, увлеченно тычущих в них копьем или старающихся достать дубиной. Эльф вообще куда-то пропал, но чуть вдалеке слышались крики, и оставалась надежда, что он все ещё жив.

Повсюду вокруг лежали люди, не все они были мертвы, некоторые стонали, кто-то ворочался, большинство окровавлено. Я видел смятые в лепешку головы и покалеченные руки, все еще не выпустившие из пальцев оружие. Даже если бы я не был уродцем, вряд ли оказался готов участвовать в подобной резне. Мозг работал вяло, лишь бесстрастно фиксируя окружающее, в противном случае я давно потерял бы сознание.

Впрочем, надолго в покое нас не оставили. Оррик схватился сразу с четырьмя. Меня пока что не замечали, не принимая в расчет. Да и какая от меня может исходить опасность – с моим горбом я никому не противник. Инквизитор старался держать их на расстоянии, но в конце концов его оттеснили. Чтобы не попасть под удар, я вынужден был отбежать в сторону, восхищаясь, с какой лёгкостью Оррик отражает очередную атаку и противостоит сразу нескольким далеко не слабым противникам.

Ещё я заметил, что он все время перемещается, чтобы враги мешали друг другу, выстраивая их в одну линию. Из-

за этого одновременно ему приходилось биться лишь против одного или двух человек. Остальные вынуждены были искать новую позицию для атаки. Наконец Оррик сбил одного из них с ног и коротким ударом ботинка, которые я уговорил мастера сделать и для него, проломил ему голову.

И тут я увидел эльфа. Аридил не шел – парил над схваткой, превратившись в ангела смерти. Кровь заливала его с головы до ног. Страшное даже на вид оружие, казалось, вращалось одновременно во всех плоскостях. Он появился откуда-то сбоку и с ходу врубился в одну из кучек, за пару секунд разметав всех, кто в ней был. Кровь летела, как будто люди попали под вертолетный винт. Аридил что-то бросил оставшемуся стоять изможденному и израненному человеку, а потом скользнул к следующему месту схватки. И я наконец понял, у кого на самом деле не было шансов. Вот оно, преимущество классического образования!

Знаете, ведь как бывает? Злодей получает смертельный удар за секунду до торжества. Злодеем я себя не чувствовал, но на классический ход всех киношников нарвался по полной программе. Я слишком рано решил, что наши уже победили, поэтому для меня оказалось полной неожиданностью появление здоровенного воина с тяжёлым мечом в пятнадцати шагах от меня.

Он тоже был залит кровью, кожаный доспех пробит на боку и груди, но взгляд его жег, как лазерный луч, и умирать он не собирался. К сожалению, я сам виноват: чересчур бурная

радость привлекла внимание врага, вызвав кривую усмешку у него на лице. Он бросил взгляд на Оррика, который к тому моменту расправился еще с одним человеком, и, перехватив меч получше, направился прямо ко мне.

Аридил, как ни странно, первым заметил угрозу, но, ввязавшись в драку сразу с пятью противниками, даже с его умением не мог немедленно прийти мне на помощь.

– Оррик! – вскричал он отчаянно. – Иан! Оррик!

Инквизитор тоже заметил, что у меня намечаются смертельные затруднения. Его попытка прорваться ко мне едва не стоила ему жизни. Он ещё раз взвинтил темп, но то ли на этот раз его противники оказались не из последних, то ли сказывалась усталость, – ему так и не удалось задуманное. Судьба в очередной раз подкинула мне задачку. На этот раз в ней было не меньше ста килограммов, а в руке зажат меч.

Воин решительно приближался. На его лице играла презрительная ухмылка, над головой черным-черно от намерений. Иллюзий я не питал: сбежать от него я бы не смог при самом хорошем раскладе, убить прекрасно вооруженного человека, который к тому же знает, с какой стороны братья за меч, – история из разряда фантастики. Осталось одно: тянуть время, пока мои спутники не покончат со своими проблемами, и тогда они разберутся с моей.

– Уважаемый, – крикнул я, отступая, выставив вперед правую руку. – А с какой стати, позвольте спросить, вы набросились на мирных людей, которые шли себе и никого не

трогали...

– Это инквизиция-то мирные люди? – с усмешкой прорычал мужик. – Я удивляюсь, как это они такого уродца не сожгли на костре. Ну ничего, я исправлю их ошибку, а затем разберусь с остальными!

Воин догнал меня и сбил с ног. Получив удар кулаком в лицо, я «поплыл». Мир потек перед глазами, начал вращаться, постепенно замедляясь. Я моргнул и увидел, как острие меча возносится вверх, чтобы через секунду оборвать мне так дорого доставшуюся свободу, а заодно и во второй раз мою жизнь. Возносящийся кверху меч лишал сил, завораживал своей безысходностью, на грани сознания разряженной батареей моргала мысль, что жить мне оставалось считанные мгновения. Нормально, по-человечески...

В следующую секунду меня словно ударило током и подбросило вверх. Никогда в своей жизни я не двигался так быстро, а моя рука, в которой был стиснут нож, подаренный Орриком, оказалась ещё быстрее. Не помня себя, я бил и бил в не защищенный доспехами низ живота, тесно прижавшись к ненавистному телу. Отчаянно резало глаз под повязкой, в ушах гудело, а сверху на голову падала рукоять чужого меча – память тут же услужливо подсунула воображению звук моей первой смерти.

ЧАСТЬ 2

Глава 1

Эта прогулка под палящим солнцем началась почти два месяца назад с довольно памятного разговора. Не знаю, сколько прошло времени, после того как кинжал эльфа вспорол мне сердце.

Холод – вот первое, что я тогда почувствовал, едва открыл глаз. Вдаль убежал лунный пейзаж, кратеры, выбоины, мелкое коричневое крошево – все такое преувеличенно громоздкое, большое, словно под микроскопом. Где-то посередине возник скрежет, ему вторил хрип, в центре моего существования что-то дрогнуло, зашевелилось, стронулось с места; легкие, словно гигантские меха, втянули первую порцию воздуха, послышался звук, с каким утопший делает спасительный вдох. Грудь стиснуло, и я закричал, захлебываясь чем-то тягуче-приторным. В висках громыхнул первый «бум», пружавевший механизм провернулся. Новая вспышка ослепительной боли. Грудь разрывало на части. Меня вывернуло, по телу побежала сильная дрожь, как будто сквозь него пропустили разряд. Снова вздох, его сделать так трудно, что нестерпимо хотелось протолкнуть воздух руками. «Бух-бух». Взгляд то застилала молочная пелена, то прояснялось,

и тогда перед глазами возникала ставшая привычной картина красной пустыни. Третий удар запустил мысли вскачь.

Рядом с лицом опустился чей-то сапог, и меня осенило, что я просто лежу на полу из каменных плит. По поверхности обуви пробежала волна, и кожа текстурой подстроилась под камень – очень уж знакомые сапоги! Мысли оказались прерваны новым спазмом. Меня вырвало. Мозг подсказал пугающее слово «кровь». Снова одиночное «бум», звук напомнил чихание стартера, и мотор, мое дырявое сердце, вдруг схватился. Я почувствовал, как грудь отпускают стальные крючья смерти, гул в ушах стихает, и услышал сочувственный голос:

– С почином вас, юноша. Не буду обнадеживать, что после будет легче. Приходите в себя, и вернёмся к нашему делу. – Коричневая громадина исчезла из поля зрения. Провожая ее глазами, я узнал помещение: мы все еще в кабинете епископа. – Вам повезло. Помнится, один из ваших поймал горлом стрелу. Оказалось, он совсем новичок, но никому тогда и в голову не пришло извлекать из тела оперенную вестницу смерти. Так он и умер три раза подряд, бедняга. Хрипел и скреб горло руками, скорее приближая конец. – Эльф хмыкнул. – Мироздание стремится к равновесию, и чем больше сил будет дано вам впоследствии, тем меньше шанс их использовать на свое благо. Так что умереть сразу трижды – это то, что заслуживаете все вы. С жизнью же расстаться так просто, – я услышал легкий щелчок, напоминающий стук ко-

стяшек.

«Один из ваших» – это, несомненно, про одного из моих предшественников. Ну да, про тех четырнадцать человек, что стали бичом для Арли. Бичом, который щелкает раз в две тысячи лет. Бичом, одним из которых, так уж вышло, стал и я, Александр Гроцин, ныне пацан семнадцати лет по имени Иан. Я – Враг. Но я смогу избежать этой участи, если не погибну три раза. Это заветная цифра, которую стоит запомнить лучше, чем день своего рождения. Ибо, как только трижды остановится сердце, планы на будущее можно будет больше не строить, и одну попытку у меня уже отобрали.

Воспоминания молнией сверкнули и тут же поблекли. Секунды мне хватило, чтобы вцепиться мыслью в слова, произнесенные эльфом. Я похолодел. Одной стрелой можно убить сразу три раза?! Где же хваленая регенерация? Или как раз она-то и убивает? Ты возрождаешься со стрелой и умираешь от нее снова. Меня бросило в жар: получается, стоило Аэлэрэлю оставить кинжал в моем сердце, как период моей осмысленной жизни закончился бы, не начавшись?!

Глазами обшарив камень, я только сейчас заметил, что плаваю в луже крови. Да, теперь не оставалось сомнений, что я воскрес на том самом месте, где меня решили поучить уму-разуму. Доказательством тому испорченная одежда с аккуратной дырочкой напротив левой груди – князю не откажешь в ювелирной точности действий.

– А если отрубить голову? – прохрипел я, изучая на ощупь

кожу напротив сердца: на ней не оказалось и следа от кинжала.

– Топор – это для благородных, вашим, как правило, достаточно и верёвки. Впрочем, если так хочется, всегда можно договориться об исключении.

Заманчиво, но торопиться не будем. Оставим все глупые вопросы на будущее. Главное, легкие снова работают, как обычно. Я попытался подняться и тут же перехватил направленный в мою сторону холодный взгляд, над головой светилось зеленым ровная, гладкая сфера. Но, демон его задери, я терялся в догадках: то ли он так доволен расправой, удовлетворив чувство мести, то ли у него просто хорошее утро. В отличие, кстати, от моего. Не припомню, чтобы в нем после плотного завтрака что-то говорилось о смерти.

Спустя мгновение я с сожалением осознал, что слишком высокого мнения о собственной выносливости. От приложенных усилий помутнело в глазах, я начал заваливаться, но тут же спиной ощутил поддержку. Распахнул глаза и с изумлением увидел в десяти сантиметрах улыбку на холеном лице. Аэлэрэль не дал мне упасть, в губы ткнулось что-то холодное и жесткое, в нос ударил изумительный аромат.

– Пейте, это вино, – повелительно произнес князь. – Вы, молодой человек, потеряли чересчур много крови.

В какой-то момент эльф приблизился настолько, что запах вина отошёл на второй план. Я ощутил, как пахнет Аэлэрэль. Тонкий, но столь мощный букет запахов, исходящий от

его тела, оказался настолько настойчивым, что все остальное вмиг забылось. Цветы. Пахло цветами, как будто корицей и ещё чем-то безобидным, почти незаметным. От этой смеси бежали мурашки по коже, хотелось, как щенку, прижаться к нему щекой, потереться, чтобы ощутить причастность к чуду.

Мне впервые довелось столкнуться со столь сильным желанием, какая-то часть моего «я» оказалась не в силах сопротивляться. Аура князя заполонила все. Зелёное бесконечно живое поле, я почти физически ощущал радость существования, склонившегося надо мной. Аэлэрэль был в восторге! Мне ещё не приходилось сталкиваться со столь насыщенной краской. Инстинктивно я перехватил его руку с бокалом, и в тот самый миг, когда ладонь дотронулась до его пальцев, мое тело пронзило током. В его мыслях было совсем иное. Ненависть, презрение, брезгливость – меня словно окатило помоями. Я почувствовал, что теряю контроль.

«По твоей вине, длинноухий ты ублюдок!» – мысли черной кляксой скользнули перед глазами. Передо мной замаячила незащищенная грудь, прикрытая лишь парадным костюмом. Я аж затрясся, зубы свело, так что я не мог ни что-то произнести, ни сделать глоток. Мой взгляд опустился, и я увидел тот самый клинок, что пригвоздил меня к стулу, как муху. Он безжизненно свисал с пояса эльфа на тонком ремне в нескольких сантиметрах от моей раскрытой ладони. Меня осенило: «У этой сволочи в одной руке я, в другой чаша с

вином – успею!»

В следующую секунду чудовищная сила подняла меня в воздух, и я на секунду обрел способность к полету. Ещё мгновения хватило, чтобы понять: рожденный горбатым – летать может, но ничего общего с чувством свободы эта история не имеет. Встреча с камнями пола напрочь отшибла дух, меня несколько раз перевернуло, я вообразил себя лавиной, пущенной с гор, но поток нес совсем недолго: три кувырка, и я замер носом к стене. Двигаться не хотелось. Сердце опять изображало чахотку, судорожно выплевывая удары, звезды в глазах заставляли сжаться от страха ожидания, что вот он, второй раз. Но миновало. Я снова пришёл в себя, похоже, на какое-то время потеряв сознание от удара.

– Надо же, – укоризненно заметил скрипучий голос, – а я считал вас благоразумным молодым человеком.

– Надо же, – услышал я свой переломанный шепот, – я тоже. – Осознание, что немедленной смерти удалось избежать, ничуть не уменьшило шок от произошедшего: я был готов убить. Но и эльф хорош! Скрыл от меня свои чувства. Как? Как ему удалось? Но касание руки расставило все по местам. Видимо, лучше «контакт», и даже такое древнее и могучее существо не может сопротивляться дару.

Вот только теперь совпадение наших желаний меня уже не радовало. Следует держаться настороже. У князя даже за тройным дном может скрываться секрет. Но об этом я подумаю позже. Ни в коем случае нельзя дать понять, что я чи-

таю его, как открытую книгу, пусть вместо слов одни лишь картинки. За ними не скроешь руку с кинжалом.

Мое невнятное бормотание услышали. Епископ громко хмыкнул, в тишине послышались его старческие шаги. Какой актер! Если бы не видел собственными глазами, сколько прыти в его тщедушном теле, ни за что не догадался бы, насколько старикан талантливый лицедей. Все они тут артисты больших и малых театров.

Сколько косточек я недосчитаюсь сегодня? Выходка с ножом может стоить мне слишком дорого. Если так пойдёт дальше, то шансы выйти отсюда живым – призрачные. Крякнув, я рывком приподнялся и, на миг пожертвовав сознанием, все-таки оперся спиной о стену. Стало легче. Нос тут же сморщился: в помещении перемешались запах крови и пьянящий аромат отменного красного. Я осмотрел себя: на одежде бурели пятна. Потерев пальцами то, что выглядело совсем свежим, я понюхал ладонь: вино. Костюм, за который я отдал немалую часть сбережений, оказался безнадёжно испорчен. Как в поэме: кровь и вино. Ни то, ни то не отстирывается. И да, кровь действительно нужно чем-то восстановить.

– Можно мне глоток?

Князь стоял у окна. Он бросил равнодушный взгляд на стол епископа, где стояла початая бутылка.

– Можно.

Ага, как я и предполагал, рисковать он не будет. Да и за-

чем Аэларэль вообще полез со своей помощью? Показать участие? Угрызения совести? Смешно. Я уверен, за пять тысяч лет от этих штук у князя ничего не осталось. Высохли и отвалились. Тогда зачем? Очередная игра напоказ? Но перед кем? Себя, конечно, я за фигуру не брал – не тот вес и коленкор. Но кто еще сможет оценить его пантомиму? Или как раз наоборот? Что может быть восхитительнее, чем пьянящее чувство превосходства над Убийцей, именем которого заставляют содрогаться в страхе планету. Власть над ужасом прошлого – отказаться от такой приманки сложно даже древнему интригану.

Я искоса за ним наблюдал. Сейчас Аэларэль демонстрировал холодное высокомерие. Но я-то видел, что его настроение ничуть не тронула моя неудавшаяся попытка. Значит, ждал и догадывался! Но как он мог предугадать, что его действия вызовут такую реакцию? Выходит, помощь – хорошо разыгранная провокация! Черт возьми, сейчас подобные вопросы слишком сложны для моего измученного событиями мозга. Но полно, мне действительно хотелось вина. Его запах дразнил. Пузатая бутылка, в которой оставалась еще половина, мозолила мне глаза. Вставать самому? Упаси боже, ещё и тут опозорюсь.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Епископ, меривший шагами пространство перед столом, подхватил бутылку за горлышко, близоруко сощурившись, посмотрел на просвет и сделал добрый глоток. Уровень жидкости ощути-

мо просел, я помянул и его нехорошим словом.

– Кислятина, – поморщился он, доковылял до стены и сунул бутылку мне. – Сразу все не пей, у тебя и так с головой неважно. Или, знаешь, можно вернуть тебя обратно в подвал. Номер-то свободен.

Мне стало не по себе. Конечно, я догадывался, что епископ вряд ли исполнит угрозу, но сам факт, когда из уст человека такого ранга срываются подобные обещания, не способствует душевному равновесию.

– Спасибо, я сыт по горло вашими пытками, – как я ни пытался сдерживать дрожь, у меня не получилось продемонстрировать стойкость. Уж не знаю, что меня выдало, но епископ аж подпрыгнул от вскипевших чувств.

– Пытки?! – заскрипел он, и я впервые за все время услышал его смех: нечто среднее между скрипом металла по стеклу и уханьем филина, больного бронхитом. Я даже про вино позабыл, обняв его, как пьяница прижимает к себе остатки от вчерашнего пира, которые внезапно обнаружили под кроватью после славной попойки.

Епископ долго и выразительно смеялся. Облако над его головой приобрело такой оттенок, какой бывает у травы в армии, когда ее, по словам отца, красили зеленой краской перед очередным смотром. Я же недоумевал. Что может быть смешного в пытках, которые длятся так долго, что забываешь, что жизнь наверху отличается от грязного крысиного пяточка, проклятого и солнцем, и луной? Мне стало казаться-

ся, что свою попытку покончить со злом я начал не с того человека. И хоть старость надо уважать, конкретно эту мне захотелось немного укоротить.

Наконец отец Тук справился с приступом веселья, и, подбоченившись, надвинулся на меня, как айсберг на набивший всем оскомину теплоход. Он остановился передо мной, покачиваясь на пятках. Ряса мешком свисала с его тощих плеч, поверх нее на груди массивно поблескивал символ церкви: три кольца с тремя мечами, устремленными внутрь. Эдакий олимпийский значок всемирно известного чемпиона.

– Повеселил, нечего сказать, – пропыхтел он. – Попытки, – он выговорил это слово почти с любовью. – Попытки, мой юный друг, к тому, что делал Крыса, не имели никакого отношения.

В смысле?! Я задохнулся от возмущения, не в силах вытерпеть удар ниже пояса. А что же это было?! Отпуск у моря?! Китайский массаж? Но озвучивать свои мысли я не стал, чудом ухитрившись задушить в зародыше всякое желание говорить.

– Если бы тебя пытали по-настоящему, – епископ опустился передо мной, оперевшись руками в колени, и ласково заглянул в глаза, – ты бы превратился в растение через пару дней, – он встал и покачал головой. – А может, и раньше. Крыса каждый день обивал у меня пороги, скуля, чтобы я либо позволил ему нормально работать, либо прекратил над ним насмеяться. Этот простак думал, что чем-то провинил-

ся, раз я не даю ему полную свободу воли. Но что поделать, только он был способен не заиграться, хоть и не понимал, зачем это нужно.

До сих пор меня грела мысль, что я вынес эти два месяца благодаря стойкости духа. Да я сам от себя не ожидал, что выдержу испытание. Но я смог! Я сам себя удивил. Мысли об этом так вдохновляли меня в дни, когда казалось, что уже ничего не поможет. И вот пожалуйста! Крепость оказалась бумажной, ей хватило грибного дождя. Как же я хотел услышать, что это неправда! Из-за его слов моя неприязнь словно удесятилась. Сама мысль об убийстве больше не казалась мне такой отвратительной. Я даже уже не знал, чьей смерти желаю больше. Впрочем, нет, знал: меня вполне устроит, если подохнут оба.

– Зачем? – одно-единственное слово протиснулось между губ. Пусть говорит, я чувствовал: если он замолчит, я брошусь, и будь что будет.

– Признаться, когда мне отдавали приказ начать поиски давно забытой легенды, – задумчиво проговорил отец Тук, – я не слишком верил в существование страшилок из древних сказок. Все эти советы и наставления звучали бредом свихнувшегося старика, помешанного на прошлом. И даже представление, устроенное на площади, не слишком убедило меня в обратном. Но то, что я увидел сейчас... – старик замолчал и посмотрел мне в глаза. Я почувствовал, что за безгливостью и недоверием скрывается глубоко упрятан-

ный страх. – Ты ведь совсем не о том спрашиваешь, правда? Ты хочешь услышать не то, зачем тебя пытали, тебя интересует, с какой стати я рассказал, что тебя не пытали вообще? – он растянул губы в улыбке, в которой не было ни капли человеческих чувств. – Не знаю, что Убийца чувствует, когда умирает, тут я вынужден довериться Аэлрэллю, но я хочу обратить твое внимание на то, что если тебе не хватит благоразумия не совершать необдуманных поступков, и при жизни найдётся немало способов показать, насколько ты заблуждаешься. Ты не всемогущ, и то, что тебе кажется великим, песчинка у наших ног. Помни об этом. – С этими словами он отобрал у меня вино, а заодно и надежду на благополучный исход.

В этот момент до меня донеслись слова эльфа, они звучали так, будто он говорил за закрытой дверью. Мне пришлось сосредоточиться, чтобы понять, о чем идёт речь. Аэлрэль продолжал как ни в чём не бывало, выбрав менторский тон добропорядочного наставника:

– Вам, юноша, уже известно, что Аридил составит вам компанию до самых ворот Академии. Впрочем, он останется и после: таким горячим ребятам нужен учитель хороших манер. – Князь посмотрел на меня долгим, пронзительным взглядом. Ждал, что я начну возражать? Не начну, я не доставлю вам удовольствия, вам обоим. Он хмыкнул. – Правда, признаюсь, ему может не хватить опыта в человеческом мире. Мальчик все это время просидел едва ли не взаперти

над книгами.

Мальчик? Назвать мальчиком существо, которому полтысячи лет... Ну да, племянник же.

– Не стоит волноваться, с ними будет Оррик. – Епископ опять занимал свое кресло, смотрясь в ней маленькой плюшевой тварью на большом человеческом стуле.

Князь бросил на него задумчивый взгляд.

– Я слышал, что он твой лучший человек.

А вот это уже интересно! Отец Тук тоже скрывал своё хорошее настроение под маской кислого раздражения. На его лице не осталось и следа от эмоций, бушевавших минуту назад.

– Во всяком случае, не из последних.

– Превосходно! – улыбнулся князь одними губами. – Значит, у нашего юного друга все шансы добраться до места.

Иными словами, у меня не будет шанса добраться куда-либо ещё. Со мной посылают не охрану, а соглядатаев, главной задачей которых будет довести меня туда, куда нужно этим двоим. И вот вопрос на миллион золотых: а так ли уж нужно данное место мне? Может, дело вообще в другом? Если в стремлении навязать мне плащ инквизитора нет двойного дна, я готов съесть подошву своих ботинок. Оба моих попечителя настолько поднаторели в интригах, что скорее перестанут дышать, чем сделают что-то без выгоды для себя. Пожалуй, мне лучше научиться спать вполглаза, чтобы не пропустить удар. А если учесть, что цели у них, скорее все-

го, различны, я легко могу оказаться перед необходимостью выбора стороны или же и вовсе оказаться против них всех.

Глава 2

Помню, после того нелегкого разговора нас довольно быстро выдворили из города. Кого нас? Ну, нас троих. На моей скромной персоне смысла останавливаться не вижу, а про спутников стоит сказать пару слов.

Один на черном, как смоль, коне покачивался впереди меня и чем-то отдаленно напоминал свой четвероногий транспорт – такой же здоровый, как дом, опасный, как голодный медведь, и при этом не менее злой. Оррик, а речь шла именно о нем, не слишком порадовался своему новому назначению, ещё больше его раздражала необходимость спешить, хотя, по его мнению, можно было выбрать и более комфортный режим движения, чтобы не жариться на полуденном солнце, и наконец, он слегка расстроился навязанной ему компании. Меня он еще готов был терпеть, потому что уже представлял, что можно ждать от такого соседства. А вот что ждать от... от... второго?

Тот пылил позади на ослепительно белом коне, который, впрочем, своей статью ничуть не уступал черному демону Оррика и поглядывал на своего собрата с некоторой снисходительностью, как будто был уверен в том, что только на белых разъезжают герои, а черные – так, для всякой шушеры, мяса на поля боя. На нем восседал мой второй спутник, длинные уши которого, торчавшие из-под гривы свет-

лых волос, выдавали в нем эльфа. Я украдкой поглядывал назад, рассматривая недовольную гримасу на идеальном лице, и мой взгляд то и дело натывался на оружие нечеловека – две сабли, соединенные вместе метровой длины рукоятью. Глефа – теперь я знал, как называется эта штука и с какой лёгкостью эльф обращается с необычным оружием. Помнил я и то, как некоторое время назад сам держал в руках его точную копию, правда, вряд ли эльфу следует знать, как я ею распорядился.

Эльфа звали Аридил, тот самый обещанный сопровождающий, племянник князя, пятисотлетняя недоросль с гипертрофированным чувством превосходства, пафосом, которому мог позавидовать даже его собственный дядя, и пренебрежительным отношением ко всем окружающим. Так как на данный момент его окружение ограничивалось нами двумя, на нас и выливался весь этот компот из его головы.

Он восседал на коне, как голиаф верхом на горе, и надо признать, мог себе такое позволить – ростом племянник вышел в дядю, совсем немаленький Оррик смотрелся рядом с ним обиженным недомерком, несмотря на то что был обряжен в кожаные доспехи и с головы до ног увешан разными инструментами для умерщвления себе подобных.

Время от времени я поглядывал на обоих своим особым взором, чтобы лишний раз убедиться, что даже погода может сменить свой гнев на милость, но два моих спутника тверды в своих намерениях и не изменяют себе ни на миллиметр.

Рискну предположить, что оба были крайне недовольны положением, в которое они угодили по вине тех, кому на их настроение оказалось плевать с самой высокой колокольни.

Душевное состояние Оррика цветом весьма напоминало черно-серую тучу над его головой, которая лишь на пару тонов отличалась от его скакуна со странной для боевого коня кличкой Ветерок. Воин злился, иногда в этой палитре проскальзывала досада, реже – ненависть, и совсем уж изредка распухали зеленые пятнышки. Полагаю, в такие моменты он представлял, как по-тихому душит эльфа в кустах, а тот эдак слегка подергивает ножкой, закатывая глаза. Что ж, у всех нас есть несбыточные мечты.

Мой второй спутник не слишком от него отличался. Облако над эльфом полыхало ненавистью столь незамутненной, что у меня всякий раз перехватывало дыхание, стоило глазам зацепиться за его край. Оно настолько не вязалось с выражением лица принца, что даже мне, человеку, не знакомому с дворцовыми интригами (а откуда ещё мог появиться отпрыск знатного рода, как не из дворца), становилось понятно, что передо мной разыгрывается какая-то сцена, свидетелем которой я стал в силу обстоятельств. Похоже, эльф далеко не так прост, как хочет казаться, и его умение играть на публику ничуть не уступает способностям прочих моих знакомых. Оррик получил достойную компанию, а я – приличную головную боль. Возможно, мое предположение о лёгкой прогулке так же далеко от действительности, как и мое буду-

щее – от определенности. Во всяком случае, их первая встреча оказалась весьма фееричной. Она состоялась сутки тому назад и до сих пор стояла перед глазами.

Глава 3

Помню, вперёд вышел отец Тук, чем вызвал лёгкое недомогание князя Аэлэрэля, и что-то сказал вполголоса. Аура князя резко почернела, заставив меня попятиться. Таким разгневанным я Аэлэрэля видел совсем недавно, ничем хорошим это не кончилось. Впрочем, на лице у него по-прежнему светилась доброжелательная улыбка. Похоже, епископ внес некоторые изменения в церемонию, не предупредив партнёра.

Дальше встреча приняла совершенно неожиданный оборот: Оррик, стоявший в нескольких шагах от племянника князя, не глядя на него, бросил какую-то фразу – я ее не расслышал, – которая возымела эффект разорвавшейся бомбы. Эльф выхватил глефу едва ли не быстрее, чем я успел моргнуть глазом, и без раздумий атаковал своего обидчика. Я оторопел: епископ возмущённо вскрикнул, но его выражение лица оказалось противоположно мыслям – старик пребывал в восторге! Да что происходит?!

Едва зазвенела сталь, в дело вмешался князь, видимо, больше не в силах терпеть творимые перед ним безобразия. Чего я ожидал меньше всего на свете – это способ, к которому он прибегнул. Эльф что-то пролаял коротко и указал рукой на сцепившихся драчунов. Здоровенное синее нечто плетью вытянулось из его кисти и играючи расшвыряло обо-

их в стороны, изрядно изваляв в пыли, а следом до меня донесся стук моей челюсти, упавшей на камни.

Синяя штука, словно кобра, сделала стойку, заискрилась золотыми прожилками и рассыпалась в пыль – князь сделал жест, как будто стряхивая с рукава снег. Меня трясло, я с трудом удержался, чтобы не закричать. Что это было?! Я быстро obeжал взглядом вокруг: никто и не думал смотреть на то место, где только что гигантская синяя змеюка разметала в стороны двух здоровенных озлобленных мужиков, а потом рассыпалась в прах. Неужели никто ничего не заметил?! Только я один видел эту штуковину?! Какого хрена вообще это было?! Магия? Та самая, о которой мне прожужжали все уши, что это бесполезная и малопригодная для стоящего дела вещь? Да у меня до сих пор дёргается в груди, как будто сердце хочет вырваться из опостылевшей клетки. Я стиснул зубы. К счастью, все глазели на сцену схватки и мою реакцию на происходящее посчитали естественной. Ещё плюсики к преимуществам, о которых никому не следует знать.

Хорошо, пусть будет магия, и я ее вижу. Но откуда у меня эта способность? Быть может, та самая добавка, дарованная мне после смерти? Или я и раньше мог нечто подобное, но некому было магичить поблизости?

Я ещё раз пробежался по лицам – похоже, и вправду синяя субстанция осталась для всех незамеченной. Взгляды следили лишь за упавшими на землю людьми. В противном случае, полагаю, их эмоции выглядели бы на порядок сильнее –

уж слишком необычен и вызывающ оказался вид гигантской руки. Я хмыкнул: интересно, а сам эльф видит свое колдовство или просто машет руками, проговаривая заклинания?

На идеальном лице эльфийского аристократа не дрогнул ни один мускул, но даже без всяких специальных способностей я разглядел, как он взбешен. Отец Тук – епископ тоже стоял тут рядом – в это время с кислой миной рассматривал неудавшихся поединщиков, которые в слегка расстроенных чувствах пытались нащупать в пыли потерянное оружие. Старик едва не плясал от радости, хотя и умело это скрывал, что весьма странно, ведь он только что стал свидетелем творимого волшебства и драки его подчиненного. В отличие от епископа, над лежавшими на земле людьми (эльфа я про себя решил называть человеком) розовыми поросятами подрагивали облачка изумления, оба драчуна в растерянности шарили глазами вокруг и ошарашенно трясли головой. Вряд ли они успели сообразить, что могло помешать выяснению отношений. Обо всем этом стоило поразмышлять, но точно не в данный момент. Не хватало еще упустить что-то важное. А что может быть важнее свары твоих покровителей?

Я с любопытством разглядывал эти розовые пузыри и недоумевал, почему некоторые чувства по цветам в принципе совпадают с моими ассоциациями, а некоторые, как вот эти, в корне противоречат. Ну скажите, с какой стати у изумления должен быть розовый цвет? Почему не голубой, не жёлтый, в конце концов? И как я вообще понимаю, что

это именно изумление, а не, скажем, страх или гнев. Механизм определения непонятен, инструкцию выбросили раньше, чем открыли коробку с подарком. Впрочем, нам не привыкать к методу тыка, главное, чтобы раньше времени ничего не сломалось – сервис-центра поблизости уж точно не сыщешь.

Тем временем Оррик с племянником князя пришли в себя и, судя по их виду, решили завершить начатое.

– А ну стоять! – рявкнул крупнокалиберной гаубицей голос отца Тука. И если никакой магии в нем не было и в помине, то по своим останавливающим свойствам он почти не отличался от магического щупальца. Впрочем, нет, отличался – я поковырял в ухе: инструмент князя обладал более избирательным действием, а инквизитор, как динамит, глушил всю рыбу вокруг.

– Впечатляет, – уважительно покачал головой князь, видимо, соглашаясь со мной. – Всегда удивляюсь, как ты это делаешь.

– А ты поживи с мое, – буркнул епископ в ответ то ли шутку, то ли издевку. – Эй, вы двое, а ну хватит изображать из себя боевых петухов. Марш сюда, не гневите меня и богов.

Поддействовало! Оба драчуна, взъерошенные и помятые, словно побитые собаки, поползли к хозяевам. У них хватило ума сообразить, что приближаться к начальству с обнаженным оружием опасно пахнет открытым неповиновением, поэтому Оррик поспешно убрал меч в ножны, а перевязь

осторожно передвинул за спину – от греха! У Аридила такой роскоши не было: коса торчала над головой даже с его немалым для эльфов ростом, а лезвие тускло отблескивало налетом из пыли, что вкупе с некогда щегольским нарядом довершало разгром.

Меня оттеснили назад, епископ, героически выпятив хилую грудь, положил руку на верхний край сутаны и вышел вперёд, подбоченившись и разбрасывая вокруг колючие искры. Кроме нас троих и Оррика с племянником князя, на монастырской площади чуть поодаль стояли лишь Харальд с невозмутимой усмешкой на гладко выбритом, вытянутом лице и ещё один эльф, имени которого я не знал. За все время он не проронил ни единого слова. Судя по их аурам, Харальд немного скучал, а эльф был чем-то расстроен, но не сильно, а так, словно впопыхах забыл с утра выпить чашечку кофе.

Больше никого на площади не было. Более того, монастырь словно вымер: несмотря на не такое уж раннее утро – часы на башне показывали восемь, – ни одна живая душа не рвалась на работу: не гремела железом кузня, странно было не ощущать аромата свежего хлеба – да что там говорить, весь город замер вслед за монастырём в ожидании развязки. Я знал, что он буквально наводнен инквизицией, а эльфийские стрелки прячутся чуть ли не на каждой крыше. И зачем такие предосторожности? Что, кроме простуды, может угрожать одним из самых влиятельных людей на континен-

те? Представляю, о чем сейчас думают жители, какие ужасы рисует им их воспаленное воображение. Между тем все возможные события уже произошли, виновники найдены и понесли заслуженное наказание, ну или им ещё предстоит его понести.

Пока я предавался воспоминаниям и ломал голову над тем, что происходит, отец Тук успел забрызгать слюной и того и другого, даже эльфа, в самом начале пытавшийся слабо протестовать, сейчас просто уткнулся глазами в пол, понимая всю бессмысленность попыток вставить хоть слово. Чужое перед тобой начальство или свое – не отменяет того, что оно остаётся начальством. Тем более свое тоже рядом, просто протяни руку, сверлит дырки в проштрафившемся подчиненном, и в данном конкретном случае то, что оно по совместительству еще и является родственником, только ухудшает положение, потому что твой просчёт бросает тень и на его репутацию.

Тем временем, когда епископ пошел по третьему кругу и слегка растерял запал, – я видел это по ауре, изрядно поредевшей и посветлевшей, – его мягко перебил князь:

– Я полагаю, что каждый из вас осознает степень своей вины, – заметил он, на что и племянник, и Оррик отчаянно закивали.

Если бы кто-нибудь удосужился спросить меня, я бы рискнул предположить, что раскаянием тут и не пахнет. Если раньше они лишь немного недолюбливали друг друга, то сей-

час инквизитору удалось разжечь в их сердцах страсти, которые не улягутся скоро. Вряд ли можно было говорить о ненависти, но стойкая неприязнь уж точно зацепилась за каждым – просто прекрасное начало для совместного путешествия! Может, вообще рвануть одному, а эти пусть убивают друг друга?!

Думаю, князь тоже далеко не дурак и всё прекрасно видел и понимал. Я же предположил, что епископ, будучи уверен, что на людях Аэларэль не станет выносить сор из избы, серьёзно нарушил договоренности. Что эльф теперь предпримет? С какой стати вообще началась эта свара? Ведь в целом старикан прав: без командира в отряде начнутся разброд и шатание, правда, ещё хуже, если их окажется двое.

– Аридил, старший инквизитор Оррик, – невозмутимо продолжал князь Аэларэль, по очереди остановив свой тяжёлый взгляд на каждом из вытянувшихся перед ним, – властью своей, Кардинала Церкви Святого Круга, говорю вам, что отныне жизнь ваша принадлежит вот этому юноше по имени Иан. Нет для вас более важного дела, кроме сохранности его жизни, и, если того потребуют обстоятельства, не должно в вашей голове оставаться сомнений, чьей жизнью стоит пожертвовать, чтобы спасти его.

Что это? Что это застучало опять по камням? Да это ж моя челюсть, которую я так и не успел подхватить! Князь Аэларэль ещё вдобавок и кардинал! Вот это поворот! На фоне этой новости все остальные казались лишь бледной тенью.

Я скосил глаза на эльфа, интересно, он пытается усидеть на двух стульях сразу или действительно радеет за Церковь? А может, он сам себе голова? За такую прорву веков можно стать правителем мира раз десять или столько же раз разочароваться и податься в отшельники.

Я отвлекся на размышления, а на площади все ещё шла промывка костей. Какой генерал упустит возможность вставить фитиль подчиненным?

– Но, дядя... – глаза Аридила от изумления стали похожи на два чайных блюдца.

Ох, вот это ты зря, парень! Тебе только что дали понять, что пред тобой не дядя, а целый, черт возьми, кардинал! Я как-то наступил на эти же грабли, когда прямо на совете директоров попробовал «папкнуть», едва услышав озвученное решение отца, которое мне показалось несправедливым. Очнулся я в коридоре у лифта, но и там до меня доносились гулкие раскаты его голоса, метавшего грома и молнии.

– В чем дело, Аридил, я вижу, ты недоволен? – внешне спокойно произнес князь.

– Дядя, я мечтал о чем-то значимом, я... – затараторил племянник, и я понял, что, во-первых, он действительно не нюхал порошу за эти полтысячи лет, а во-вторых, теперь ему точно хана!

– Ты хочешь сказать, что я предлагаю заниматься тебе ерундой?! – ледяным тоном осведомился князь, и я подумал, что он слегка лукавил, когда так искренне восхищался во-

кальными данными епископа Тука, – Аэлэрэль владел этим искусством не менее виртуозно, отдавая предпочтение интонациям и тембру, нежели силе и громкости. – Ты смеешь оспаривать мое решение?!

Выражение «ни жив ни мёртв» вам о чем-нибудь говорит? Если нет, я бы посоветовал вам взглянуть на племянника князя, чтобы увидеть его воочию, а также удостовериться, что молодой эльф пребывает лишь в полнейшей протрации, а не отдал богу душу. Судя по ауре, им завладели совершеннейшие паника и страх, нет, пожалуй, это был чистый ужас, отчего мне пришло на ум, что я все ещё недооцениваю князя Аэлэрэля – следует держаться с ним как можно более осторожно!

– Впрочем, – размышляя вслух, продолжал князь, – можно будет отправить тебя посланником к ограм – по слухам, с предыдущим у дикарей отношения не задались.

К ограм Аридил хотел ещё меньше, чем отвечать за меня в компании инквизитора, поэтому ему пришлось срочно приходить в себя. И это частично ему удалось.

– Не-е...

Князь с насмешкой оглядел его с головы до ног и посмотрел на меня.

– Кроме того, я думаю, что вы не будете возражать, что за ним мы оставим и главенство в отряде, а его слово пусть будет решающим.

Оп-па! Я в изумлении уставился на князя, чувствуя, как

к горлу подступает комок рвущихся наружу междометий. Да какой же из меня главный? Вы бы меня видели!

Да-да, я недавно смог добраться до зеркала! Мне удалось выклянчить его у епископа, залив старика самыми горячими слезами на свете. Представьте, с какой осторожностью Оррик принес кусок мутного стекла размером не больше фотокарточки для бабушкиного альбома. Но для меня это чудо стоило всех богатств мира, и прошлых, и будущих.

Оказалось, все не так плохо, как я себе представлял. Да, не красавец, но и не Квазимодо – на меня из глубины зеркала с опаской смотрел юноша, а не мальчик. Пожалуй, голос вполне соответствовал внешности – именно так и выглядят в этом возрасте. Длинные светлые волосы, вьющиеся на концах, но до блондина я теперь не дотягивал, скорее шатен, на вид что-то среднее между уличным хулиганом и видеоблогером. Не отталкивающие черты, но и не идеал. И узкая черная повязка поверх левого глаза, словно напоминание о том, что в этом мире я никто и звать меня никак.

О чем вообще думает князь, ставя меня во главе? Какой толк в командире, если у него нет уважения подчинённых? Оррик как-то обмолвился, что терпеть не может высокочек-молокососов, про эльфа и говорить не стоит – он принц. Впрочем, нужно ли строить догадки, когда ответ лежит на поверхности: мое назначение – лишь реакция на действия оппонента. Аэларэль решил подбросить ложку дегтя епископу? Но я проглотил рвущиеся наружу возражения, решив

подыграть более рослому покровителю. Скажут руководить – пойдем и будем! Только вот моего восторга они не увидят.

– Уверен? – поинтересовался у эльфа епископ. – Не молод он для этой роли?

Какое-то слишком подозрительное спокойствие у нашего дядюшки инквизитора. Подозрительное для столь тщательного разыгранного сомнения в голосе – над стариком зеленел английский газон после полива. Стиснув зубы, я молчал, епископ задумчиво полосовал взглядом мое лицо, и газон над его головой увядал на глазах. Совсем другой реакции ждали от меня высокие господа; семнадцать лет, как ни крути, – это возраст, когда пытаешься всем доказать, что тебе двадцать три и ты уже взрослый. А мне и так двадцать три, и я не понаслышке знаю, что такое ответственность, успел полюбить независимость и научился избегать обязательств, поэтому помалкиваем и ждем.

– В самый раз, – наконец сказал князь, и я удостоился его чересчур любопытного взгляда.

Впрочем, больше возражений не последовало, меня выбрали единогласно, но меня насторожила реакция инквизитора. Его хорошего настроения как не бывало. Он определенно что-то задумал, но, к сожалению, чтение мыслей не входило в мой текущий инструментарий.

– Так как характер наших взаимоотношений должен оставаться в секрете, – начал отец Тук, и я почувствовал, как сжимается комок в животе. Мне вот-вот подложат толстое

розовое животное с пятачком. – Мы приняли решение об исключении Оррика из рядов инквизиции. Тебя снимут с доверия, ты больше не сможешь пользоваться привилегиями службы.

Это был удар под дых, Оррик задохнулся от возмущения, покраснел, но смолчал. Я тоже помалкивал, перехватив недоуменный взгляд князя Аэлара, из чего я предположил, что выходка инквизитора – самая настоящая самодеятельность. Но каков жук?! Теперь отряд под моим чутким руководством превратится в змеиное гнездо.

Я посмотрел на епископа и стиснул зубы: похоже, старичок приготовил вишенку на праздничный торт. Сейчас он добьёт не только моих спутников, но и меня.

– Кроме того, – отец Тук со смирением посмотрел мне в глаза, – все средства, находящиеся на хранении в монастыре, в казне инквизиции или любом другом месте, временно удерживаются до выполнения задания и вашего восстановления на службе. Это касается всех троих.

Я посмотрел на своих будущих спутников и с обреченной покорностью узника, только что услышавшего пожизненный приговор, подумал, что не нужно обладать какими-либо способностями, чтобы понять – деньги с собой ношу только я.

Глава 4

Так мы и отправились в путь, урезанные в правах, с тремя золотыми в моем кармане и «изумительным» настроением на победу. На этом злоключения не закончились. Стыдно признаться, но мне удалось отличиться в первый же день пути. Из моей памяти выпал момент, когда тело поставило в путешествии точку. Я вообще мало что помнил. С превеликим трудом приоткрыв единственный глаз, я разглядел кусок неба и Оррика, склонившегося надо мной. На его лице застыл отпечаток серьезной тревоги, встопорщенная борода лишь подчеркивала озабоченность воина.

– Живой! – проревел он, едва заметив, что я пытаюсь вертеть головой. «Конечно, живой, что за странный вопрос», – подумал я и был неприятно удивлен, что мысли постоянно путаются, цепляясь одна за другую. Что случилось? Почему я лежу? Когда это мы успели встать на привал?

– Голова раскалывается, – пожаловался я: затылок и впрямь трескался пополам, немного подташнивало, во всем теле чувствовалась такая слабость, что, казалось, будто оно вообще не мое.

– Слышь, длинноухий! – заорал куда-то в сторону Оррик. – Да живой он, вон, голова, говорит, болит. Если б не болела, другое дело. Так что скидывай долой с лошади поклажу и топай сюда помогать!

Я с усилием повернул голову набок и увидел Аридила, с изумлением взирающего на мои слабые трепыхания. Он нахмурился, яростно мотнул головой, сбросил с седла уже притороченный мешок, рывком запрыгнул в седло и, гикнув, скрылся за поворотом дороги.

– Паучье семя! – буркнул Оррик, поднимаясь с земли. Похоже, его выходка эльфа несколько не беспокоила.

– Что это было? – проямлил я, ещё не вполне доверяя своему зрению. – Куда он?!

– Не соврал, длинноухий действительно из этих, – объяснил Оррик, как будто после его слов мне все вдруг станет понятно, особенно если речь идёт о каких-то определённых «этих».

Он дошел до лежавшего на земле мешка и отнес его обратно к костру.

– Что я один со всеми вами делать буду? – Вопрос был риторический, поэтому я не стал бы на него отвечать, даже если бы мог. – Навязались на мою голову. Один падает с лошади, другой псих.

Что значит «навязались»? Как будто был выбор. Справившись с очередным приступом тошноты, мне наконец удалось рассмотреть место, где я оказался.

Я лежал, прислонившись спиной к стволу дерева, которое, похоже, росло на самой опушке леса. Стараясь не слишком резко вертеть головой, потому что сознание относилось

к подобным проявлениям любопытства не очень-то благосклонно, я убедился, что мы добрались до опушки леса, во всяком случае, деревья шумели над головой, создавая такое ощущение. Дорога, слегка касаясь опушки, пробегала мимо. Ее след едва угадывался среди высоких кустов, за которыми пряталась наша стоянка. Мир ощутимо потемнел, небо потяжелело, налившись темно-серыми оттенками, и обвисло над головой распухшими складками. Очевидно, время подошло к позднему вечеру, но ничего из этого я не помнил: ни росы, ни сгустившихся сумерек, ни последней части пути, как будто заснул посередине фильма и меня растолкали, когда по экрану побежали ниточки титров.

Больше всего поразило, что лагерь перед глазами разбит основательно: шагах в пяти бодро бурлил над огнем котелок, поодаль высилась свежая куча хвороста для костра, и лошади паслись у импровизированной коновязи.

– Долго я был в отключке?

– Два дня, – невозмутимо заметил Оррик, помешивая оструганной палкой в котелке. – Ты свалился с лошади метров за сто отсюда. Я предупреждал, что хождение по жаре до добра не доведет.

Если бы мне не было так хреново, я бы присвистнул от удивления: два дня?! Заработать солнечный удар в первый день путешествия – это, я вам скажу, даже по моим нынешним меркам рекорд. Если я и планировал поднимать авторитет командира, то сейчас это сделать не так уж сложно – па-

дать ниже, чем сейчас, просто некуда.

– Куда он уехал? – спросил я, имея в виду эльфа.

– Молодой, горячий – вернется, никуда не денется. – Инквизитор достал палку, обстучал ее о край котла, затем вытащил из-за голенища ложку и принялся снимать пробу. – По их традиции, если эльф не сможет сберечь жизнь, которую ему вручили, на его род ложится несмываемое пятно. Умер, значит, исполнил долг до конца, и тогда все в порядке. Выжил – тебя ждет изгнание или героическая смерть в лапах какой-нибудь твари, что, в общем, одно и то же. – Оррик принялся быстро-быстро глотать воздух, изо всех сил пытаюсь остудить похлебку во рту. – Я раньше с ними так близко не сталкивался, но слышал, что Темные обычно забираются в самую глубь Отрогов Мудрости, а Светлые выбирают Долину Тишины. Так они, видимо, лишний раз подчеркивают, что между ними не может быть ничего общего.

– А что, есть ещё и темные? – я застонал.

– Разные бывают, – ответил Оррик, отодвигая ложку в сторону и отхлебывая еще.

– Так он действительно собрался уезжать?!

– Таков обычай, – глубокомысленно заключил Оррик, отчаянно хлопая.

– А с чего он решил, что я... хм... ну, умер?

– Когда у человека перестаёт биться сердце, обычно он умирает, – пожал плечами воин.

Это он серьезно про сердце?! Я попробовал порыться в

воспоминаниях, но ничего определённого не нашёл. Никаких особенных ощущений, как после первой смерти, в памяти не отложилось. Может, они напутали? Сердце билось, но очень слабо – они ведь не врачи скорой.

Оррик присел рядом со мной.

– Ты мне вот что скажи, за каким демоном мы так ломимся в Аллию? Чуть вон мальчика не убили.

Что-то я вообще перестал понимать, что происходит. Это кого только что Оррик назвал мальчиком? До меня дошло, что он имеет в виду Аридила.

– Это он-то малец?! Да ему больше, чем нам обоим в несколько раз.

– Он-он, – хмыкнул Оррик. – Ты не смотри, что ему демон знает сколько лет...

– Пятьсот! – напомнил я.

– ...да хоть бы и пятьсот, – Оррик хмыкнул. – Если все пятьсот лет сидеть за ученическим столом, это не значит, что ты повзрослел и набрался опыта. Она как егохватило, когда решил, что ты отправился к Аиду.

– Да откуда ты знаешь?! – взорвался я, но сил особо не было, поэтому эмоцийхватило на целый хлопок от мыльного пузыря – мне почудилось, что сознание начинает съезжаться.

– Отец Тук поведал, – признался Оррик. – Просил быть поаккуратнее, потому что принц первый раз выбрался из своего медвежьего уголка. Князя вконец извел своим ны-

тьем, вот и получил разрешение.

– А он точно принц?

Оррик вздохнул и посмотрел мне прямо в глаза.

– Самый настоящий. Одно плохо: все, что он знает о жизни, – из этих его книжек. А разве там что-то путное напишут? Задурили ему каракулями голову, он за то время, пока ты мертвый лежал, столько приключений себе навывдумывал, что я только диву давался. Уж так он сокрушался, так переживал, бедняга. И то ведь верно: отдавать жизнь за того, о ком ничегошеньки не знаешь, – удовольствия немного, не находишь?

Это даже не камушек, это скала в мой огород.

– Оррик, я не знаю, что сказать, – речь по-прежнему давалась мне с трудом. – Но, даю слово, ты первый узнаешь об этом.

Воин криво усмехнулся.

– Звучит слишком громко для семнадцатилетнего паренька, но большего мне не услышать? – Он пожевал губами. – В принципе, конечно, хотелось бы выяснить, ради кого мне, не дай боги, отдавать жизнь, но для начала сойдёт и так.

Он встал, собираясь уходить.

– А почему ты не выполнил приказ епископа и полез с эльфом в драку? – спросил я ему вослед.

Оррик остановился и бросил взгляд на лежавшего без сознания Аридила, нагнулся, проверил у него пульс.

– Я как раз его выполнил – я был аккуратен.

До меня дошел смысл его слов.

– Так ты специально...

Оррик ухмыльнулся в усы.

– Зачем мне в отряде темная лошадка? Что ждать от тебя, я знаю, а его – нет.

Я в очередной раз подивился прозорливости епископа.

– И как он?

Оррик пожал плечами.

– Молодой ещё, но слово держит. – Подумав, он добавил: – С этой своей штуковиной обращаться умеет.

– Он хороший боец?! – удивился я, выделив для себя главное. – Ты же сказал, что он сидел за книгами.

– Глаза иногда должны отдыхать от каракулей, – воин усмехнулся.

– И что, хорошо дерется? Вы же едва только начали. Как ты понял это за пару секунд?

Оррик на секунду задумался.

– Как понял? А как за один миг понимают, стоит связываться с человеком или, наоборот, держаться от него подальше? С опытом приходит чутье на такие вещи: смотришь, как двигается, как стоит, как дышит – раз, и уже понимаешь: этого лучше обходить стороной. Я и сам мечник не из последних, но меня бы он разделал на раз. К тому же помахать мечами нам бы точно не дали, что я, не понимаю, что ли.

– Оррик! – я все никак не мог отпустить воина, мне казалось, что упущена какая-то очень важная для меня деталь. –

Мне не нужна его жертва и его клятва! И твоя не нужна. Мне не по карману такие долги. И нести ответственность за отряд я не могу – у меня совсем нет опыта в подобных вопросах, а быть виновником вашей гибели из-за неправильных решений я не хочу.

Оррик повернулся на каблуках и очень быстро оказался рядом со мной. Он приблизился настолько, что я ощутил его ровное дыхание на лице. Мне стало не по себе от внимательных глаз, пронзающих душу насквозь.

– Отвечать за кого-то не самое простое занятие. Но теперь у тебя есть лишь одна возможность снять с себя этот груз.

Он точно хотел, чтобы я задал этот вопрос, и я его не подвёл.

– Какая?

– Выполнить то, ради чего мы с тобой.

Глава 5

Спустя несколько недель после того разговора мы наконец добрались до Бадери. Второй город Арли, представший передо мной во плоти, встречал нас распахнутыми настежь воротами, несусветной вонью, которой в Рогоне я то ли не замечал, то ли мне просто было не до того, и охраной, состоявшей из десятка вооружённых людей, бездельничавших на входе. Вид нашей троицы подействовал на них лучше всякого кофе. Если бы я был их начальником, моя душа воспарила от счастья при виде горящих глаз и рвения, с которым они ринулись исполнять свои должностные обязанности. Мужики с копьями наперевес грудью встали на нашем пути. А их командир, возникший буквально из ниоткуда, лишь укрепил мою веру в народную мудрость: и в мыслях не стоит помнить о нечистом. Чуйка у этого господина работала так, что он, по-моему, даже знал, где у меня припрятан заветный мешочек с наличностью.

– С какой целью благородные господа почтили присутствием наш славный город? – со слащавой улыбкой на лице начальник стражи пытливым взглядом ощупал нас всех с ног до головы и остановился на эльфе, посчитав его за главного.

– А ну с дороги! – рявкнул Оррик, направив коня на него. – Не твоего ума дело.

Но служивый оказался не робкого десятка. Перед нами

вмиг выстроился частокол из копий. Время было за полдень, основной поток путешественников схлынул, и люди с удовольствием схватились за возможность развеять скуку, особенно если это сулило им изрядный куш в виде мзды.

– Не балуй! – старший потряс перед носом Оррика копьем. – Мы порядок знаем – платите и добро пожаловать в Бадери.

Воин оказался не готов к такому приему, поэтому я смекнул, что про пошлину он если и знает, то явно никогда ее не платил. Вряд ли инквизицию заботят такие мелочи.

– А велика ли плата? – я решил перехватить инициативу, пока мои спутники не усугубили и так весьма щекотливую ситуацию. Лучше потратить пять медяков, чем остаться вообще без гостиницы. Несмотря на существенные расходы, отказаться от крова совсем я пока был не готов.

Старший стражников окинул нас насмешливым взглядом, оценил презрительную гримасу на лице Аридила, который во всю демонстрировал аристократическую спесь, помноженную на эльфийское высокомерие, и растянул губы в улыбке.

– Серебрушку положите, мы, так и быть, постараемся сделать вид, что ничего не было.

Это был даже не грабеж, а хамство среди бела дня, но я посмотрел на выставленные копья и понял, что, во-первых, без теплой постели уже не выдержу – предвкушение терзало меня хуже, чем перспектива оставить кучу денег этому вы-

могателю; во-вторых, своему спутнику я потом это определенно припомню.

– А иначе... – прервал мои мысли Оррик.

– А иначе, – не растерялся стражник, не дав тому договорить, – ночлег и за городом найти можно – вона места сколько.

– Да ты... – воин потянулся за мечом, но я вовремя пнул его по ноге и едва не свалился с лошади. Если бы я мог видеть свои эмоции, то можно предположить, что туча над моей головой ничем бы не уступила цветом небольшому смерчу.

– Мы заплатим, – скрипя зубами, я отсчитал требуемую сумму, погрозив взглядом Оррику. – Что-то еще?

– И за лошадок еще докиньте, – нагло заявил дядька с копьем, многообещающе поглядывая на своих людей, – по пять медяков.

– Ты в своем уме? – не выдержал я. – Мы же не торговать лошадьми сюда приехали.

– Так тогда можете их здесь, с нами, оставить, – он оскалится в наглой усмешке. – Мы уж за ними присмотрим, расстараясь.

Я беспомощно оглянулся на своих спутников, но так и не ощутил никакой поддержки. Оррик надулся, а Аридил вел себя так, будто ему вообще было все равно, что происходит. Я почти с ненавистью бросил взгляд на попутчиков – вежливость, как оказалось, не только красит людей, но и обходится

гораздо дешевле.

Так мы и вступили на улицы города: Оррик с эльфом чуть впереди и верхом, при этом каждый сам по себе, моя лошадь со мной в придачу плелась за ними. Я уже убедился, что без чьей-либо помощи выбраться из седла мне нечего было и думать, поэтому не собирался устраивать представление у всех на виду. Лошадь, эта четвероногая тварь, и не думала возражать – догадываюсь, ей тоже не в радость таскать на себе такого наездника.

Я уперся глазами под ноги и тихо переваривал результат первого перехода: двадцать три дня! Вместо положенных восьми мы плелись по местным дорогам вчетверо больший срок: что это, как не настоящая катастрофа? Такими темпами проще вообще никуда не ходить, а осесть в любом городе и дожидаться появления князя. Какая разница, где пускать мир по откос?!

На улицах города лошадь практически перестала меня слушаться. Я безнадежно отстал от спутников, погрузившись в невеселые думы, поэтому, чтобы их догнать, мне пришлось спешиваться без чьей-либо помощи. Так себе зрелище, я вам скажу, – все равно что на пузе съезжать с горы. Полминуты позора, отчаянный рывок, и вот под моими ногами твердая земля, а горизонт перестал покачиваться перед глазами. Славно! Схватив поводья, я бросился вдогонку за Орриком, расталкивая прохожих.

Едва впереди замаячила широкая спина с перевязью ме-

ча, я заметил, что спутники, забыв обо всем, довольно оживленно препираются друг с другом. Вид принца, обычно молчаливого и сдержанного, а ныне бурно жестикулирующего в ответ на возмущенные крики Оррика, привел меня в изумление. Я прислушался к спору: с первых же слов выяснилось, что он шел о выборе гостиницы для постоя. Оррик настаивал на заведении с темно-зеленой крышей, пристройкой для лошадей и еще кучей зданий поменьше, а Аридил указывал на трёхэтажный особняк по другую сторону улицы, всего в двух шагах отсюда выходящей на городскую площадь.

Да что ж такое! Я выкраиваю каждую копейку, а они ведут разговоры о перинах и поросячьих боках! И это притом, что их «помощь» со стражей вообще ни в какие ворота не лезет. Если так пойдет дальше, жрать станет нечего примерно на полпути. В деле экономии надежды на спутников мало. Следовало заняться поиском ночлега самостоятельно.

– Эй, ты, – я поймал за рукав пробегающего мимо мальчишку: как известно, лучшего источника информации на всем белом свете нет.

Он недовольно ойкнул, оглядел меня с головы до ног, оценил мою кожаную обновку – да, я избавился от своих тряпок и теперь тоже поскрипываю в седле – и уже приготовился покорно слушать, как его взгляд наткнулся на что-то у меня за спиной. Аура над головой парня вмиг озарилась ужасом, меня окатила волна паники. Он резко дернул рукой, освобождая рукав: громкий треск холщовой ткани перешел в оглу-

шительный мальчишечий вопль.

– Убиваю-ют! – пацан стремительно набрал скорость так, что уже через секунду пятки засверкали на площади. – Убивают!

Догнать его нечего было и думать. Не в силах скрыть досаду, я выругался. В свете последних событий из памяти вылетело, как могут окружающие реагировать на мой внешний вид, между тем, он вносил сильные коррективы во взаимоотношения с другими людьми, и это оказалось третьей по счёту головной болью, которую я упустил из виду. Возможно, в современном мире и пропагандировали толерантность, веротерпимость и прочее, здесь же все оказалось гораздо проще и одновременно сложнее: если ты отличаешься, значит, чужак, а где чужак, там и до врага рукой подать. Прямо как в школе: если ты не такой, как все, значит, есть на ком отвести душу.

Как-то не вовремя я задумался: на нас стали засматриваться. Хоть город и впечатлял обилием народа, столь разношерстного и по одежде, и по говору, и по достатку, но мы все равно выделялись из общего потока, как куски скал из русла горной реки. К счастью, люди по большей части глазели на эльфа, своей статью превосходившего любого из жителей города и его многочисленных гостей.

Он стройный мужчина и мог бы сойти за человека, если бы на его голове не выделялись неестественно длинные, заостренные к кончикам уши; но вовсе не они притягива-

ли взор, а сверхчеловеческая грация этого крайне высокого, больше двух метров, существа, кроме того, несмотря на свой рост, природа одарила его идеально выверенными пропорциями, и фигура нечеловека отнюдь не смотрелась нескладной, наоборот, поражала своей мужественной красотой; и в довершение всех вышеперечисленных обстоятельств из-за его плеч выглядывало невиданное орудие смерти, глефа, пугающая обывателей своими не менее совершенными формами и хищным спокойствием смерти.

Впрочем, Оррик притягивал не меньше внимания. Звероватого вида здоровяк, комплекцией напоминавший гнома-переростка, ну, такого, каким в моем воображении должны были выглядеть гномы, весь увешанный оружием, словно витрина оружейной лавки, недобро посматривал по сторонам. От его взгляда шарахались не меньше, чем от коней благородных господ, периодически раздиравших толпу на две половины.

За ними обоими плелся я, и до поры до времени мне удавалось скрываться в лучах их славы. Но мое опрометчивое решение вырвало мою фигуру из тени, выставив на всеобщее обозрение. В один миг люди шарахнулись в стороны.

– Колдун!

– Горб, у него горб!

– Дети! Он заберёт моего ребёнка!

– Гоблин!

– Троль!

Я мрачно смотрел, как вокруг образуется пустое пространство, как будто в момент отлива отступал океан. Эмоции я отключил, но вокруг скопилось столько народу, и их совокупная мощь была столь велика, что никакие блоки не помогали: меня словно придавило к земле вселенским смрадом. Так ощущался страх, идущий со всех сторон. Пока это был страх, но от «уноси ноги» до «давай ему навалием» – рукой подать. Я хоть и ни разу не попадал в аналогичную ситуацию, но соображал, что к чему.

– Командир, уходить надо, – навис надо мной Оррик, тревожно поглядывая по сторонам.

Его опыта, видимо, хватало, чтобы понять, что ничего хорошего нас не ждет. Тут никакого искусства не хватит – элементарно задавят числом. Да и оно мне надо? Хорошенькое начало – положить половину города, так я впишу свое славное имя в историю гораздо раньше, чем превращусь в настоящего Убийцу.

– Командир, – он подергал меня за плечо, – не стой столбом.

Я же вместо того, чтобы искать выход, почему-то вспомнил, как научил его слову «командир». Теперь инквизитор при случае и без того использовал его, чтобы обратиться ко мне. Всего моего могучего психотропного механизма при этом не хватало, чтобы понять, издевается он или говорит серьезно. Каждый раз получалось по-разному, но всякий раз чудилось, что он надо мной подтрунивает. Сейчас же в его

голосе читалась неподдельная тревога и озабоченность. Похоже, он был не слишком уверен, что нам удастся уйти.

По большому счету до сих пор нас спасало наличие в компании лишь нашего ушастого друга. Расступившись, толпа обнаружила, что колдун не один, его сопровождающие – та еще парочка. На него показывали пальцами и тихонько перешептывались. Видно, его сородичи здесь нечастые гости. Оррик же выступал той самой соломинкой, которая пока что ломала хребет слону. Хоть за меч он пока и не брался, наличие такого количества оружия говорило само за себя. А я уже заметил, что колюще-режущий инструмент не в чести у местного населения. Кое-как им владела стража, и только. Оррик как-то обмолвился о наемниках, но я пока что никого такого не встретил.

Между нами и толпой установилось шаткое перемирие. Я прислушался и обратил, наконец, внимание на то, что шум на площади усиливался. Эльф сузившимися глазами смотрел в ту же сторону. Ему происходящее нравилось еще меньше, хоть за оружием он и не тянулся, но был готов к любому развитию событий. Вряд ли он будет спокойно стоять и смотреть, как толпа разрывает меня на части.

Что же делать? Как и всякий нормальный человек, я надеялся, что все в конце концов обойдется, но опыт этого мира, основанный на таких вот надеждах, нашептывал обратное. Я скрипнул зубами: как все не вовремя. Уходить из города? А дадут ли уйти? К тому же не к месту вспомнилась сумма,

с которой пришлось расстаться на входе, и я заскрипел зубами. Приписывать к своему послужному списку побег в самом начале карьеры означало для меня потерять слишком многое.

– Могут побить?

– Могут, – кивнул Оррик с таким видом, что я понял: могут побить, а могут и...

Не к тому отец меня подготовил. Но кто же знал?

– Предложения? – Я посмотрел на Оррика, а потом и на Аридила.

Воин смущённо пожал плечами и промолвил:

– Я бы попытался уйти. – Он оглянулся на эльфа, тот посмотрел на меня и кивнул, подтверждая, что в кои-то веки он согласен с инквизитором. – Не крошить же народ. Можно ещё зайти в гостиницу, вряд ли эти попрутся за нами, – сказал Оррик, но тут же добавил: – Правда, можно поиметь проблемы со стражей.

В его ауре и впрямь отсутствовал страх. Сожаление и досада – вот этого хоть отбавляй, но он не боялся. Значит, просто предложил обдуманное решение. Это хорошо: палачи и маньяки мне в команде без надобности. Аридил же внешне, казалось, готов был принять любое решение. Медитирует он, что ли?

Шум между тем нарастал все больше, наконец, его заметили и в толпе. Люди с той стороны стали оглядываться, тот, кто пониже, вытягивал шею, чтобы рассмотреть, что же там

происходит. Послышались голоса. Я с удивлением заметил, что часть народа спешно ретировалась. Вспомнили, что дома на плите молоко? С чего разбежаться, коль самое интересное еще и не начиналось?

А вообще, конечно, странно. Происходящее мне не казалось нормой. Неужели беспорядки тут привычное дело?! Полагаю, такое не должно быть свойственно торговому городу, здесь должны гостей приветствовать с распростёртыми объятиями, а не сжигать на костре или гнать взашей поганой метлой. С другой стороны, вероятно, у них не ахти с развлечениями, и таким образом народ поднимает себе настроение?

Шум большого количества голосов нарастал. Уходить или оставаться? Может, использовать момент и прорваться к воротам? Вон, внимание окружавших нас людей временно переключилось на происходящее за пределами ринга. Я оглянулся на Оррика, но так и не смог перехватить его взгляд, инквизитор смотрел поверх большинства голов как раз в ту сторону, откуда доносилось большинство голосов.

Было ли мне страшно? Без всяких сомнений: я видел, на что способна толпа. К счастью, только по телевизору. Вживую ни противостоять, ни участвовать не приходилось. Может, оно и к лучшему: страх не слишком влиял на выбор вариантов действий.

Сейчас у меня был шанс поднять свой авторитет в отряде или угробить нас всех к чертовой бабушке.

Время решило все за меня. Я не учёл, что от того места,

где мы стояли, до площади – рукой подать, и потерял время. Толпа человек в пятьдесят разрешила оцепление, бежать стало некуда. Новые действующие лица нас окружили мгновенно, оттеснив прочих зевак. Вот тут меня пробрало: я осознал, каким страшным оружием наделил меня Вася – да, моя способность видеть эмоции показалась во всей красе!

Новые люди были на взводе, впереди бежал тот самый пацан, размахивая руками, видимо, расписывая, каких страшных кар он только что избежал. Подозреваю, все вновь пребывшие настроились, что тут их ждет пятиметровый горбун с когтями, копытами и зубами длиной в целую руку. Когда они увидели меня – метр с кепкой, – на секунду растерялись. Вид моих вооружённых до зубов спутников ещё больше умерил их пыл. Настрой толпы, задорный, но не очень-то боевой, – я видел их ауры, сливающиеся в общее облако, – немного поблек и начал рассеиваться: как я и надеялся, люди шли не убивать, а позабавиться, они жаждали зрелища, мне только нужно им его предоставить, хотя и не то, что они, возможно, подсознательно ждали.

Как там говорится: удивить – значит победить? Я сделал быстрый шаг вперёд и хлопнул пацана по плечу, тот от неожиданности плюхнулся на пятую точку, чем вызвал смешки в толпе.

– Хвалю! – гаркнул я что было мочи, пытаясь перекрыть гомон пятидесяти человек, которые и так не сводили с меня глаз. – На те пять медяков! Заслужил.

Пацан было принялся подниматься, но, услышав про деньги, мгновенно сориентировался и протянул ко мне обе руки. При этом он не рассчитал скорость и случайно зацепил верёвку, которой были повязаны панталоны, и они с лёгкостью бабочки порхнули вниз.

В толпе заржали еще несколько человек. Остальные недоумевающе крутили головами: где же обещанное развлечение?

– Видите ли, уважаемые господа, – начал я, обращаясь сразу ко всем собравшимся, – я в вашем добром городе впервые, пока доехал, чуть не стерся до самых ушей, – жестом я продемонстрировал, каким маленьким стал.

Хохот стал громче, на этот раз смеялись и те, кто не видел происходящего, но слышал мои слова, – люди высовывали головы, чтобы рассмотреть говорившего.

– Мои два балбеса, даром что здоровые, как медведи, а ума-то, – я жестом опять показал, настолько неважно у моих спутников с этой эфемерной субстанцией – да простят меня Оррик и Аридил. – Я им говорю, кто ж останавливается в гостиницах в центре, коль дыра в кошеле, – пустой кошель и впрямь пригодился, и я мысленно поблагодарил того жадного стражника на въезде в город, который стряс с меня все, что там было. Мной немедленно был продемонстрирован пустой кошелек. Для верности я даже потряс им, перевернув вверх дном, а потом заглянул внутрь, разочарованно вздохнув. Толпа разочарованно выдохнула со мной в

унисон. – Вот и хотелось у пацана спросить, чтобы присоветовал место попроще да попримечнее, а он, вишь, сколько советчиков мне привел! Ну что, поможете путникам, люди добрые?

Отец, в бытность свою имея немалый опыт в уличных делах, как-то сказал: не можешь вырубить, рассмеши или попроси помочь: как правило, люди не трогают тех, над кем смеются, и благосклонны к тем, кто просит у них совета.

Вот теперь в толпе улыбалась добрая половина. Темные тона над головами расцвели дружелюбием или хотя бы поблекли, на отдельные личности, пришедшие сюда с определённой целью, теперь можно было не обращать внимания. Основная масса довольна, чего же боле.

– Поможем, как не помочь!

– Да тут рядышком!

– Вестимо, зачем деньгу понапрасну тратить!

– Совсем эти трактирщики оборзели, с честных людей в три шкуры дерут!

– Вона какой мелкий, истерса совсем!

Пацану в итоге досталось пять медяков и несколько подзатыльников, а нам – человек пятнадцать провожатых, которые вызвались нас доставить в лучшую гостиницу в городе, где путников не обирали до нитки и обхаживали со всем старанием.

Пока мы удалялись от площади, вослед нам летели пожелания и наставления, куда идти следует, а кого нужно обхо-

дить стороной. Наши проводники со смехом махали руками тем, кто остался, перебрасываясь с ними шутками, и тянули нас за собой.

Я мельком глянул в сторону эльфа с инквизитором и едва не потерял челюсть: оба пребывали в состоянии сильнейшего изумления, об этом же твердили и два розовых поросёнка, шаловливо крутящиеся над их головами. И тот, и другой молча следовали за мной, иногда переглядываясь, как бы спрашивая друг друга: «Ты чего-нибудь понял? Нет! А ты? И я нет». Мысленно я улыбнулся и похвалил себя, добавив к репутации плюсик. Приятно дать по носу принцу и бывалому инквизитору и заработать плюсик к карме.

Так толпой мы и прошли весь город насквозь, потратив на дорогу едва ли больше часа. И то только потому, что наши провожатые останавливались и подолгу спорили, каждый пропихивал свою идею, доказывал свое мнение. Не удивительно, ведь город пестрел гостиницами, вывески постоянных дворов попадались на каждом шагу. Я с улыбкой наблюдал за происходящим, попутно рассматривая город, Оррик с Аридиллом, ни слова не говоря, плелись следом, продолжая многозначительно переглядываться.

В целом Бадери оказался точной копией города, в котором я столько всего пережил, что и не вспомнить сразу. Только по площади занимал раза в три больше места. Те же, что и в Рогоне, кривые улочки, те же обшарпанные двухэтажные строения, ратуша в центре города с небольшой площа-

дью и колокольной, которая, впрочем, пока не показывалась на глаза – однажды слышался только характерный звук колокола, размеренно отсчитывающий текущее время. Отсутствовал лишь монастырь, на его месте, на взгорке, красовалась часовня с куполообразной крышей и знаком богов на шпиле. В остальном практически без изменений: довольно чисто, хоть и не слишком богато, даже неприятный запах почти развеялся, смешавшись с прочими ароматами живого города.

– А ты, я смотрю, не из пугливых. – Неожиданно прозвучавший за спиной глумливый голос сбил меня с мыслей.

Я резко обернулся: предо мной вальяжно стоял мужичок неопределённого возраста, невзрачной наружности, и вообще был он весь какой-то средненький, ни то ни сё. В одежде, и в причёске одно и то же – быть как все, не выделяться, не бросаться в глаза. Пожалуй, именно этим он и выделялся: именно своей неприметностью. Отвел от такого взгляд и не вспомнишь через минуту.

– Передавай Кривому Элу привет, – ляпнул я наугад и получил еще одного розового поросенка в копилку. Что поделаешь, сегодня я весь из себя такой удивительный.

Невзрачный тип очень быстро пришел в себя.

– Надо же, а я не поверил, – хмыкнул он задиристо. – Ты к тому же ещё и умный.

Я жестом остановил двинувшегося вперед Оррика.

– Два замечания, – будничным тоном сказал я. – Во-пер-

вых, ещё раз скажешь мне «ты», и я не смогу его остановить, – я указал на бывшего инквизитора. – Дорога дальняя, я устал, настроение не очень, меня ограбили на входе в город, так что силы мои на исходе.

– Второе? – криво усмехнувшись, промолвил мужичок.

– Вежливые люди представляются, – заметил я.

– Бальн, – мужичок взмахнул несуществующей шляпой.

– Так вот, Бальн, – продолжал я. – Я терпеть не могу, когда на меня давят. У меня еще больше портится настроение.

Мужичок враз посерьезнел.

– Кривой просил за то... вами приглядеть, – наконец сказал он, едва не обмолвившись, причём, я уверен, сделал это специально, чтобы лишний раз проверить мою реакцию.

Я усмехнулся, погрозив ему пальцем, вот интересно взглянуть на сцену со стороны: пацан-недоделок угрожает маститому уголовнику.

– Не больно-то вы старались.

– Мы ждали вас раньше, но все равно, мы держим все под контролем и...

– Так! – я возмущенно топнул ногой и оглянулся: наши провожатые, о которых я, признаться, почти позабыл, все еще самозабвенно размахивали руками и к единому мнению не пришли. Тем лучше для нас: надо расставить все точки. – Давай-ка сразу договоримся: ваша помощь зачтется только в том случае, если я сам о ней попрошу. Во всех остальных – это ваша самодеятельность, и ничего больше. Кривой не мог

не сказать об этом.

Мужичок поскутнел, а я с удовлетворением убедился, что он изрядно разочарован.

– Тебе никто не говорил, что инициатива наказуема? – усмехнулся я.

– Вас никто не побеспокоит, – вздохнул Бальн уже без всяких ужимок. – Тем более вы и сами прекрасно справляетесь.

Он уже было собрался исчезнуть, но тут кое-что вспомнил.

– Если вы ищете ночлег, можете остановиться у Большой Берты. За постой она с вас не возьмёт, оплатите только продукты, – Бальн усмехнулся. – Это жест доброй воли, я слышал, что у вас неважно с деньгами.

С этими словами мужичок исчез, а я изрядно задумался: принимать или не принимать предложение? Сэкономленные деньги – это заработанные деньги, не помню, кто сказал, но сейчас на собственной шкуре ощутил, насколько правильные слова. С другой стороны, откуда ему известно о наших трудностях? Хотя, стоп, я сам только что в этом почти признался.

– Эй, уважаемый, – позвал я одного из провожатых. – Что скажете про заведение Большой Берты?

Глава 6

На следующий день три всадника на огромных, страшных животных выметнулись из распахнутых настежь городских ворот... я уныло проводил их взглядом: пока что единственное место, откуда я мог выметнуться на такой скорости, — это седло. Все, чему я выучился за двадцать три дня пути, сводилось к умению не падать с лошади, когда она идет шагом. Если мне нужно было выбраться из седла, я сообщал Оррику о необходимости остановки и с каменным выражением на лице ждал, пока тот, как подъемный кран, вынимает меня из седла. Чтобы самостоятельно соскочить с лошади, мне требовалось нечто большее, чем просто желание. Не хватало сил, роста, ловкости и бог знает чего ещё. Повторить же трюк, проделанный в городе, мне не доставало духа.

В это утро Оррик, как обычно, помог мне взобраться в седло, проверил, надежно ли закреплена поклажа, подергав с усилием за скрученные узлы, и расплатился с хозяйкой за собранные в дорогу припасы. Пока я ждал остальных, вспоминал последние дни и все больше думал о том, что мои планы пока что не выдерживают испытание временем. К подобным мыслям привел разговор, состоявшийся вечером, когда мои спутники с кислыми лицами наблюдали за официанткой, разносившей еду в кабаке.

– Иан, как ты представляешь война вот с этим?! – Оррик наклонил деревянную миску, и жижа, наполнявшая ее, нарушая закон всемирного тяготения, лишь сделала попытку двинуться к ее краю.

– А ты хотел теплого пива и холодных девок? – мрачно поинтересовался я.

– Вообще-то наоборот, – буркнул Оррик, ковырнув коварное месиво.

– Это похлебка с отрубями и мясом, очень питательно, – заметил эльф, но меня обмануть было сложно, его наше меню тоже не вдохновляло.

– Сейчас бы съел целого поросенка, – вздохнул Оррик.

Я до того устал, что у меня не было ни малейшего желания вступать с ним в спор. Он прекрасно осведомлен о скудности моих золотовалютных резервов, поросенок в них точно не помещается. Даже на пятак от хрюшки не хватит. А еще ж девки! Нет уж, пусть глотает слюни – это бесплатно. У меня вырвался стон – чертова лошадь! Нет, не зря я раньше так ненавидел дорогу.

Я до того ушел в свои мысли, что не обращал внимания на бурчание инквизитора. Кто же знал, что на этот раз Оррику потребовалось мое участие в разговоре?

– Иан! – Я услышал свое имя, и что-то попало мне в лицо – это Оррик кинул в меня хлебный мякиш.

Убедившись, что теперь его слушают, он, прищурившись, посмотрел на меня.

– Вот скажи, командир, с какой стати надо нестись сломя голову в эту твою Алату? Чего тебя так приперло? Ты вон на коне сидишь, как мешок с... э... зерном, а на одном месте уже мозоль величиной с мою голову. Нужно ли так торопиться, ведь мы угробим и тебя, и себя заодно.

Аридил отложил в сторону ужин и уставился на меня. По его лицу ничего нельзя было прочесть, но в ауре явственно проглядывался интерес, а мои чувства твердили о том, что его обычные мысли обо мне сменили тональность с пренебрежительной на нейтральную. И вообще со времени происшествия на улице, когда я разобрался с толпой, моего затылка не раз касались заинтересованные взгляды. Мысли, обращенные ко мне, я чувствовал физически.

– Командир, – почти правильно повторил слово эльф. – Что это?

– Это вот он, – кивнул на меня Оррик. – Ну, когда головой думает, а не тем местом, которое об седло трется.

Вот вроде и пошутил, да я видел, что инквизитор не шутит. Его взгляд не оставлял шансов так думать. Эльф тоже был слишком серьезен, чтобы его игнорировать. Надо же, Оррик враз позабыл, что его настоятельно просили не лезть с расспросами. Но начальство далеко, жизнь одна, и она зависит от недоделанного ребенка. Удивляло другое: они действительно не в курсе, куда меня послали их чудо-боссы?

– А разве вам не сказали, куда мы направляемся, отец Тук или князь? – озвучил я свое недоумение.

– Куда – сказали, – протянул Оррик, и Аридил согласно кивнул. Одно то, что эльф согласился с инквизитором даже по такому пустячному вопросу, говорило о многом. – Но о цели путешествия они как-то упомянуть позабыли.

– А почему вы не спросили? – удивился я.

Эльф с Орриком переглянулись. Мне что, всю жизнь предстоит всех удивлять?

– Как бы попроще тебе объяснить, – сказал бывший инквизитор. – Это ты по какой-то непонятной для меня причине можешь пойти и спросить что-то у доброго дядюшки Тука, и тебе, что не уместается у меня в голове, возьмут да ответят, а я помню случаи, когда людей сажали на дыбу за один только неосторожный взгляд в его сторону. – Он посмотрел на эльфа. – Вряд ли ваш князь очень уж отличается от епископа.

– Аэлэрэль с королями не со всеми разговаривает, – подтвердил Аридил.

Оба моих спутника выжидающе смотрели на меня, а я, признаться, пребывал в растерянности – интересная вырисовывается картина: с одной стороны, у меня под боком два человека, которые определённо обязаны стучать обо мне при первой возможности; с другой, отвечают за меня головой. При этом не сомневаюсь, что один, что другой давно сыграли роль мальчиков на побегушках, а тут их снова вернули обратно, поставив в подчинение какому-то безродному шалопаю, – у кого угодно испортится настроение.

Мне следует сыграть на этом несоответствии, правда, я пока ещё не знал, каким образом. Испытывал ли я вину за их положение? Наверное, нет. В нашей лихой компании выбор отсутствовал в принципе, здесь я несколько не отличался от моих спутников. Идешь – живешь, и все у тебя когда-нибудь будет, не идешь – можешь писать завещание, а может, и того не успеешь. Инквизиция – вот мой удел без возможности уклониться, любой отказ поставит меня вне закона, и я заполучу таких врагов, что о времени, проведенном в темнице, буду вспоминать с умилением.

– Думал, вы знаете, – сказал я.

Оррик дотянулся до миски, в которой лежал хлеб далеко не первой свежести, и захрустел куском сухаря. Все это время он задумчиво смотрел на меня.

– Прямо пир на весь мир, – сказал он. – Видишь ли, Иан, солдаты рождены, чтобы драться, убивать и умирать. С нами не делятся мыслями и сомнениями, потому что сомневающийся солдат – мертвый солдат. Нас кормят, поят, иногда отправляют по девкам – куда же без них-то, но в остальном вся наша жизнь – это бесконечная дорога с могилами по обочинам. Повезло, значит, попадешь к девкам дважды, срубишь денег, пограбив зажиточный город во время штурма, потом поднимешь кружку за горожан, которые поделились с тобой добром. Целями же с мясом не делятся, его ведут убивать и умирать.

Я аж опешил от такой речи, а зацепив краем глаза эльфа,

догадался, что он обескуражен не меньше.

– А, что, ушастый, ты теперь мясо, дружок, – Оррик зло на него посмотрел. – Такое же мясо, как я. Привыкай, принца тоже можно пустить на фарш.

Слова не слишком довольного своей судьбой человека. Но он не воин, а инквизитор, на его месте явно должно быть лучше, чем топтать грязь среди тысяч себе подобных.

Оррик, словно заглянул в мои мысли.

– Ты явно дивишься, чего это старина Оррик пустил нюни, это же целый инквизитор, а не обычный серопузый солдат. – Он невесело усмехнулся. – Только ты забываешь, что крови бывает слишком много даже для инквизитора. Я стал тем, кем стал, потому что хотел отомстить за своих. Теперь мне все чаще кажется, что я давно раздал свои долги.

Я посмотрел на Оррика, чтобы понять, что он чувствует, но увидел нагромождение цветов – им овладело то состояние, когда человек думает обо всем сразу, и мои способности бессильны что-либо показать.

– Я еду в Аллию, чтобы стать инквизитором.

Над костром повисла изумленная тишина.

– Ущипните меня, я, наверное, сплю, – наконец сказал Оррик охрипшим голосом и протянул эльфу руку.

– Что не так? – Я по очереди оглядел своих спутников. – Меня предупредили, что это непросто и мне придётся достаточно постараться.

Оррик крикнул, запустил руку в бороду и принялся ярост-

но скрести шею. Эльф выглядел слегка растерянным.

– Да уж, слегка постараться точно придется.

– Я чего-то не знаю?

– Хм, – Оррик прочистил горло, – видишь ли, Иан, дело в том, что одного желанья, чтобы стать инквизитором, недостаточно. Ты можешь не уметь читать и писать – тебя этому, если нужно, научат, ты можешь не знать счет – нам и считать-то нечего, но ты просто обязан уметь кое-что делать – драться! Вступительный экзамен в Семинарию – это поединок с не самым слабым соперником, который знает, с какой стороны братья за меч. И он будет оценивать не то, как ты умеешь драться сейчас, а можно ли тебя чему-нибудь научить.

Он окинул меня таким взглядом, что мне пришло в голову, будто он сомневается в моей способности просто держать в руке меч, не говоря уж о том, чтобы им хоть как-то владеть.

– Меня уже просветил отец Тук, – сказал я.

– Тогда какого же рожна... – возмутился Оррик, но я взмахом руки не дал ему договорить.

– Оррик, ты мог отказаться от этой прогулки? – теперь уже я начал заводиться.

– Каким образом?

– Вот и мне не предоставили выбора. Я либо стану инквизитором, либо... не стану, – закончил я, так и не придумав достойное окончание. – Князь Аэлэрэль ясно дал понять, что моя дорога проходит исключительно через ворота Семина-

рии, факультет Инквизиторов.

Оррик потер лоб, Аридил сидел, глубоко задумавшись.

– Мне жаль, что невольно втравил вас в это, – произнёс я. – Если бы это было в моих силах, я бы пошел один.

Оррик хмурился, но, несмотря на кажущуюся угрюмость, я уже знал, что злиться долго не в его характере, и хотя обычно излишним красноречием воин не отличался, сегодня он далеко превзошел себя прежнего. Аридил, с виду сама безмятежность, на самом деле бурлил внутри, как перегретый котел, аура эльфа, обычно монотонная, сейчас напоминала картину абстракциониста и по цвету, и по форме. Оба моих невольных товарища вертели шестеренками так, что мне казалось, что от обоих сейчас пойдет пар. Новая информация взбудоражила обоих, и они пытались просчитать, что она могла для них означать.

Первым, как ни странно, начал эльф.

– Я мог бы попробовать научить его драться, – сказал Аридил.

Оррик посмотрел на него так, будто с ним заговорил камень, на котором он обычно разделывает мясо.

– Вы в своих лесах, или откуда еще ты там родом, – он по очереди посмотрел на Аридила, а затем на меня, – видно, совсем позабыли, как принимают экзамены в Семинарии. Давай-ка я вам освежу память...

Честно говоря, когда я узнал, куда меня направляют, подумал, что все не так плохо. Проверка на владение оружием

не пугала, а лишь подогревала мой интерес – ведь у меня есть Оррик. Я был уверен, что за время в дороге смогу уболтать его показать мне, что называется, пару приемов. Мастером, мне, конечно, не стать, но я знал, что экзамен можно пройти даже в том случае, если просто выдержать три минуты (именно столько продолжается поединок), уйдя в оборону. Больше меня пугало чудовищное, по меркам современного человека, время в пути.

Как оказалось, боялся я совсем не того. Оррик, не жалея красок, расписал нам процесс поступления, и теперь я понимал, что князь фактически подsunул мне дохлую кошку в мешке. Дело в том, что в Семинарию может поступить любой человек, кто в состоянии раз в год на протяжении трех лет оплачивать свое содержание – пятьдесят серебряных монет. Никаких иных условий не существует. Платишь – учишься, некоторым Семинария даже оплачивалась за счет особого распределения. По окончании обучения получаешь назначение в какой-нибудь церковный приход – свободных мест больше, чем претендентов.

Если же ты решил, что твое место – стоять плечом к плечу с Чистыми Братьями – так в народе прозвали инквизиторов, – будь добр, доказывай делом, а не словами, что ты достоин, ибо инквизитор – это идеал человека, образец добродетели и мужской красоты. Догадываетесь, куда я клоню?

В жюри приемной комиссии заседают одиннадцать человек – по одному от каждой Конгрегации рангом не ниже епи-

скопа. Экзаменатор, против которого нужно выстоять три минуты, – инквизитор с уровнем владения оружием не ниже «мастер меча». Так что бой на равных – это к любителям ненаучной фантастики, а пока претенденты на поступление летали по рингу, как нашкодившие котята.

Считалось, что экзаменатор проверяет их силу, ловкость и волю к победе. Чистота рядов инквизиции блюлась строго: пьяниц, любителей дурман-травы и улиток гнали вшаей. За проступки карали без жалости. Главное, что касалось лично меня: Оррик не мог припомнить, чтобы в рядах братьев служили люди, имеющие какие-либо отклонения от общепризнанной нормы, – другими словами, кривоногим горбунам вряд ли будут рады в самой закрытой Конгрегации из всех, что он знал.

– Так что, – Оррик посмотрел на меня, – я бы сто раз подумал, прежде чем давал слово отправиться на испытание.

– Повторяю, – произнёс я с нажимом, – у меня, как и у вас, сложности с выбором.

Оррик вздохнул.

– Мое дело – предупредить.

Я повернулся к эльфу.

– Аридил, а ты что скажешь?

Эльф, наверное, впервые глядел на меня без пренебрежения и брезгливости.

– У меня достаточно времени, чтобы доказать, что принц – это не фарш.

Оррик в ответ на эти слова ухмыльнулся, а я подумал, что Аридил явно имел в виду что-то свое.

Глава 7

Следующий на нашем пути славный город Гавин мы решили обойти стороной. Делать там было нечего: мы крепко отоспались днем ранее, заодно пополнив запасы провизии в одной из деревень рядом с городом. Староста и слушать не пожелал, что нам нужно до заката миновать городские стены, и буквально силой забрал у нас лошадей, стоило мне заикнуться о цене за постой в гостинице. Всего за половину серебряного мы получили шикарное ложе на сеновале и место за хозяйским столом на ужин. А где-то за полночь Оррик, тихонько шурша соломой, испарился в ночной тишине. Спрононок я было решил, что его «прихватило» – мало ли как желудок отреагирует на незамысловатую деревенскую пищу, а потом, растянув рот до ушей, вспомнил, какими взглядами хозяйка одаривала нашего бравого инквизитора, когда Усан (так звали нашего хлебосольного хозяина), отвлекался на кого-то другого. Вот они, радости жизни обычного воина, о которых с такой охотой поведал мой боевой товарищ.

Инквизитор – ну и что, что бывший, ментов, как известно, бывших не бывает, – пошатываясь, вернулся под самое утро. Я так и не смог заснуть, время от времени проваливаясь в неглубокую дрему: слишком много посторонних звуков вокруг. Сеновал, кое-как обшитый корявыми досками и накрытый шапкой соломы, ничуть не скрадывал ощущение

улицы: сверчки, ночные птицы, шорохи за стеной и Оррик, пытающийся ступать, как здоровенная пьяная мышь, – все это лезло в уши и, несмотря на усталость, мешало уснуть.

Когда беспокойный воин прекратил ворочаться и засопел ровнее, я мстительно толкнул его в бок.

– Что так долго? Запор?

В ответ сначала была тишина, а потом, когда до сонного и обессиленного Оррика наконец добрался смысл моих слов, он яростно засопел. Впрочем, и сопение продолжалось недолго, сменившись коротким смешком.

– Всыпать бы тебе хорошенько! – прошептал он с чувством. – Спи, завтра не будем так плестись по дороге и пойдем галопом.

Вот кто меня тянул за язык?

До Гавина, третьего города Темирской Торговой Автономии, через который пролегал наш путь, мы добрались за двадцать четыре дня вместо запланированных одиннадцати, но и так и эдак прикинув услышанное из того памятного разговора в самом начале нашего путешествия, я пришёл к выводу, что торопиться все-таки не стоит. Поначалу я думал, что непременно нужно успеть к началу экзаменов именно в этом году, чтобы иметь возможность попытать свое счастье дважды, с тем расчётом, что первый раз могу позволить себе провалить испытания, зато разжиться опытом и уже к следующему подойти во всеоружии. В свете того, что рассказал

Оррик, я на всех парах летел к самому грандиозному в своей жизни провалу: уверен, что никакой пробы пера, тестирования и «сдам на следующий год» мне не светило. Зная мою судьбу, обязательно произойдет какая-нибудь пакость. Лучше уж опоздать и изучить детали, чем запороть дело наскоком.

Придя к выводу, что «поспешишь – получишь шиш», как говорил мой отец, я успокоился и начал получать наслаждение от процесса. И процесс, как говорится, пошел!

Во-первых, я перестал изводить себя мыслями, что мы куда-то опаздываем, а следовательно, нервничать по этому поводу. Год у меня есть, сцену вряд ли будут менять, так что ничего, подождут, а я к тому времени что-нибудь да придумаю. Во-вторых, нужно было что-то решать с лошадыю: мы никак не могли сойтись с ней характерами или ещё по какой причине, но верховая езда оказалась для меня сущим кошмаром – вот все, что я получил от общения с этим архаичным способом передвижения.

В один из дней я подошёл к Оррику.

– Что я делаю не так?

– Ты о чем-то конкретно? – поинтересовался тот.

Я вздохнул.

– Давай начнём с лошади.

Оррик хмыкнул.

– С чего бы? Едешь и едешь.

Ага, это мои слова. Помнит же, старый черт.

– Так было раньше, а сейчас хочу послушать твоих советов. Почему я никак не привыкну?

Но помощь пришла совсем с другой стороны.

– Ты сидишь на лошади, как будто на сломанном стуле, а едешь на ней, словно погоняешь плетень.

Я оглянулся: эльф на коленях стоял у огня и размеренно свежевал только что добытого Орриком зайца – сегодня ему повезло подстрелить на охоте ушастого и нас ждал знатный ужин.

– Вон, – опять хмыкнул Оррик, – послушай, что умные люди говорят.

На «люди» эльф не отреагировал, а я припомнил, что инквизитор стал намного меньше цеплять Аридила, хотя иногда и не отказывал себе в удовольствии. После того случая в Бадери, когда я остановил толпу, они стали гораздо терпимее относиться и к моим промахам.

– Я всю дорогу за тобой наблюдаю, – тем временем говорил эльф, даже не глядя в мою сторону. – Ты странный человек, Иан. Упорный, целеустремлённый, у тебя есть воля, ты вглядываешься в самую суть, но почему-то видишь только то, что хочешь увидеть. Ты настолько не прислушиваешься к другим, что даже если собаку называют собакой, а тебе взбрело в голову, что это кошка, то она так и останется для тебя кошкой. Еще я заметил, что ты совсем не делаешь разницы между мной и Орриком. Тебе плевать, эльф я или, скажем, гном. Уверен, что даже с орком ты вел бы себя точ-

но так же. Это странное чувство, Иан, боюсь, я был не готов к такому. Дома меня воспринимали исключительно в свете моего положения, возраста, связей и возможного будущего. Тебе, как ты тонко подметил, по барабану, что я принц, а он инквизитор. Ты относишься ко мне, как это ни странно звучит, просто как к человеку, у которого длинные уши. И это ставит меня в тупик: кто ты, Иан? В каком краю процветают такие обычаи? Кто занимался твоим воспитанием? Я кое-что слышал про твою историю, но это ни в малейшей степени не дает ответы на эти вопросы. Я перебрал в уме сотню мест, но не смог представить себе тех, кто воспитывает ребенка так, что он полностью игнорирует сословные и расовые различия.

Вот и приехали. Это тебе не смущенное бурчание Оррика. Его хоть и удивляли некоторые моменты в моем поведении, но он старался о них помалкивать, делая вид, что ничего особенного не происходит. Эльф не был ограничен словом своего босса и за свои полтысячи лет, видимо, листал перед сном отнюдь не бульварное чтиво, коль настолько точно описал мой портрет. К счастью, мне не пришлось отвечать: Аридил, похоже, не очень-то ждал ответа, рассуждая, скорее, с самим собой.

– А ещё во мне вызывает изумление твоя привычка: ты никогда не спросишь совета. Ты всегда лучше всех знаешь, почему встаёт солнце, где взять еду, и я уверен, стал бы учить нас держаться на лошади. Почему бы не узнать заранее, как

правильно делать ту или иную вещь, если сам не умеешь, а рядом есть люди, готовые с тобой поделиться?

Я мысленно простонал: нашелся тоже доморощенный аналитик на мою голову. Сделав глубокий вздох, я бросился с головой в омут. Всем нам когда-то приходится делать первый шаг.

– С лошадкой поможешь?

Ума не приложу, когда я давал разрешение так над собой измываться?!

На коротком совете, в котором я принимал участие, безмолвно помаргивая глазами, высокие и не очень стороны постановили: спуску мне не давать, ибо дело предстояло серьёзное, практически невыполнимое: научить всему, что умели сами, дабы мог я – далее по списку – постоять за себя, разумением не ударить в грязь лицом, манерами не оскорбить семью эльфа, глупостью не насмешить Оррика. Списочек-то можно продолжать и дальше, там пунктов о-го-го сколько, но чтобы общий смысл передать, достаточно.

Поначалу я решил взбунтоваться. Да мне плевать, что только команда может бунтовать против своего капитана, если предстоит менять правила, почему бы и не подправить это? Есть у меня права или нет?! Бунт, и ещё раз бунт, страшный и непредсказуемый! Я уже начал продумывать свои первые шаги в его направлении, как кое-что заставило меня тормознуть.

На фоне неумехи-командира мои спутники начали трудный процесс сближения и притирки. Перво-наперво я подметил, что Оррик старается не использовать унижительные эпитеты в отношении эльфа. Даже «длинноухого» я и то почти от него не слышал. Хотя, по большому счету, с чего бы?

Аридил тоже немного оттаял, изредка перебрасываясь короткими фразами с инквизитором, но по-прежнему держался на расстоянии. Впрочем, и чужим он уже не чувствовался – скорее, задумчивым, отстраненным, но уже не враждебным. И заносчивости со спесью в нем поубавилось. Нет, конечно, на людях все это демонстрировалось и выпячивалось сверх всякой меры, но тут, при своих, он словно прятал свою корону и надевал тапочки.

Ради таких изменений можно поступиться многим, поэтому я терпел. И не просто терпел, а добросовестно выполнял все, что придумывали для меня мои изобретательные наставники.

Глава 8

– Это точно граница? – я вертел головой, но вокруг не было ни малейших следов присутствия человека. Весь мой опыт перемещений из одного государства в другое вопил об иррациональности.

Прямо передо мной широкой черно-коричневой полосой раскинулась Ула. Река разделяла Темирскую Торговую Автономию и королевство Гальд, что, наверное, способствовало мирному межеванию и отсутствию территориальных претензий. Не Миссисипи, конечно, – противоположный берег просматривался невооружённым взглядом, – но и не ручеёк, который можно перейти вброд: русло обладало именно той шириной, увидев которую, средний пловец вроде меня махнет в сомнении рукой – свою лихость можно продемонстрировать и по-другому.

Впрочем, к реке у меня вопросы отсутствовали. А вот циклопических размеров сооружение, которое должно было служить каким-то неведомым целям, но пока что являлось всего лишь мостом, вызывало их массу. Представьте себе стадион в лесу, или нет – для полноты ощущений пусть он будет в пустыне. Здание, огромное, нелепое, чужеродное настолько, что глаза непременно отыскивали его, даже если смотришь в другую сторону. Почти черный кусок скалы на фоне коричневой воды, и, как ни странно, цвета не сочета-

лись друг с другом. У меня возникло ощущение, что это реку пустили здесь после того, как воздвигли мост.

Зачем оно здесь? Мысли вертелись одна безумнее другой, но спросил я совсем не то, что думал.

– А где застава? Где стража?

– Стража? – удивился Оррик. – Зачем? Кому нужен мост?

– Да причём здесь мост? Я про границу.

– А её от кого охранять? – сказал инквизитор.

Я отвлекся от созерцания. Что-то не сходится. Или я чего-то не понимаю. Как это – от кого охранять границу?

– Да от кого угодно: перебежчики, нелегальные переселенцы, шпионы, воры и убийцы, соседская армия, наконец, – начал перечислять я тех, кому могли пригодиться услуги стражей порядка.

Оррик остановил коня, заставив его сдать назад – я так ещё не умею, – и поравнялся со мной.

– Иан, ты вообще о чём?! Какая армия, какие перебежчики?

Кто бы знал, о чём я вообще. Вот так прямо «вообще». Если бы не воспитание и не с потом и кровью впитанный курс актерского мастерства, который меня заставил пройти отец, а потом еще масса частных уроков, где усиленно вбивали в голову хитрое умение правильно изъясняться, заменил бы «вообще» на «ваще».

Бывший инквизитор, молчун и человек, которому платят

вовсе не за слова, приоткрыл ещё одну грань своего характера, оказавшись весьма неплохим рассказчиком. Сын кузнеца, говорите? Ну-ну. Уж не знаю, с чего вдруг его «пробило на поговорить», но в течение часа я узнал об Арли больше, чем за все время, проведенное здесь. При этом Оррик из простого начальника охраны в моих глазах вырос до человека, который пообтесался в соответствующих кругах. Оказалось, он разбирается в местной кухне – если и не повар, то подмастерье уж точно. Ценность такого партнера выростала на порядок!

Для начала он подозрительно на меня посмотрел, а затем выдал мне короткую справку.

– На Арли ни у кого, кроме церкви, нет армии, – сказал он. – Ни у каких королей, герцогов или тем более баронов. Запрещено церковным эдиктом так давно, что уже никто не помнит, когда это было.

Оррик рассказал, что ни одно королевство не вправе формировать, обучать и содержать войска. Наемные дружины – пожалуйста, но численность их строго оговорена и ограничена тем же эдиктом. У короля она больше всех, бароны, маркизы, графы – все они тоже могут держать при себе вооружённых людей, но опять же, именно столько, сколько им полагается. Полагалось, к слову, не так уж много.

Король имел право ещё и на гвардию. Формировалась она сплошь из отпрысков знатных семей. Билет в это подразделение – высшая степень признания заслуг перед короной,

однако есть и приписка, гласящая, что любая кандидатура проходит утверждение церкви. Использовать гвардию в междоусобных конфликтах строжайше запрещено. Они несли функцию почетного караула и личных телохранителей, все остальное выполняли наемники. Крестьянам и прочим сословиям, если в крови нет благородных предков, брать в руки оружие было строжайше запрещено. Войны между королевствами не приветствовались священниками, а значит, и не велись.

– Наши границы освящены богами, и не дело смертным на них покушаться, – отрубил Оррик. – Короли – другое дело, если кишка не тонка, можешь попробовать основать свою династию, но никаких войн. Яд, удавка или наемный убийца – это пожалуйста.

На дразги, интриги и распри внутри стран церковь смотрела сквозь пальцы. Короли и лорды вынуждены были защищать свою власть самостоятельно, впрочем, оппозиции приходилось быть в сотни раз изобретательнее, ибо одна из главных сил любых заговорщиков – армия, как стабильный фактор поддержки и правящего класса, и предполагаемых бунтарей, – в данном случае отсутствовала. В этой связи смена династий в королевствах – весьма редкое и нерядовое явление.

– Офигеть! – присвистнул я. Нет, я и раньше подозревал, что церковь на Арли и бог, и царь, но чтобы настолько... – А наёмники тогда зачем? Ты же сказал, что их много. И откуда

они берутся?

– Побываешь в Отрогах Мудрости – узнаешь.

Оррик умел отвечать на вопросы. Информативно до крайности, а главное, эмоционально – я в который раз уже слышу это название, но никаких подробностей о нем мне не рассказывают. Что же это за место такое? Контекст, впрочем, не слишком располагает к романтике, и предложи мне кто-нибудь там побывать, я бы наверняка отказался. Как-нибудь потом, в другой жизни.

Инквизитор, между тем, продолжал. Я узнал, что отсутствие регулярных войск не самая удивительная вещь. Помните поговорку: «Где родился, там и пригодился»? Обычная пословица, немного потерявшая смысл в наше время, здесь оказалась возведена в абсолют. Свод правил предписывал человеку практически все, начиная от рождения ребенка, заканчивая смертью кого-нибудь из родных.

Особые ограничения касались передвижения народных масс. Собственно, о каких уж тут массах говорить. Даже поход в соседнюю деревню требовал разрешения местного священника, хотя, скорее, формального, чем действительно обязательного. Другое дело, если человеку нужно поехать в город. Многие, имея свое хозяйство, частенько наведывались на местные рынки, чтобы, с одной стороны, избавиться от излишков, с другой – выменять что-то, что требовало замены. Без подорожной путник легко мог оказаться в темнице, а старосте деревни грозил солидный штраф. И уж со-

всем строго смотрели за теми, кто решил по каким-то причинам переехать в другую провинцию. Незнатному люду достать подобное разрешение – все равно что десять раз подряд выкинуть решку – математическая вероятность есть, а фактически никому и в голову не приходит пытаться. По этой же причине перебраться в другую страну для местных означало то же самое, что и попытка основать колонию на Луне для жителя тундры: крестьяне имели крайне скудное представление о мире, а про иные королевства слышали, что они вроде бы есть, предпочитая не задумываться о вещах, которые напрямую их не касаются.

– Купцы – те, конечно, шныряют повсюду. Да кто ж их останавливать будет, выправил разрешение – торгуй на здоровье. Только про налоги не забывай, – заметил Оррик.

Насколько я понял, торговля – чуть ли единственный легитимный способ для населения перемещаться из города в город. Она же поставляет свежую информацию. Естественно, для священников таких ограничений не существует, они отчитываются перед своими, если отчитываются вообще. Отдельной когортой выступают бывшие соратники моего спутника. Эти вообще, что называется, вещь в себе. Абсолютная власть и непогрешимость – вот их девиз, никому и в голову не придет призвать их к ответу, что бы они ни делали, но обвинять во всех грехах я их пока не спешил – мой случай особый, а о других мне пока неизвестно.

Тут я вспомнил своего недавнего знакомого, не слишком

подпадающего под описание «законопослушный», Кривой Эл не принадлежал ни к торговому люду, ни уж тем более к священникам, но точно также был заинтересован в свободе перемещений, да и вообще свободе, как таковой. Конечно, у каждого свое представление о свободе, и используют ее все по-разному, но мне, если честно, не слишком по душе, когда вокруг сплошные ограничения.

– Церковь в Автономии старается не слишком нажимать на людей, – признался Оррик.

Как там у эльфов, гномов и орков, инквизитор не знал, а Аридил не спешил удовлетворять мое любопытство, впрочем, я заметил, насколько внимательно он прислушивался к нашему разговору, хотя и не участвовал в нем.

– Остановимся вон там. – Оррик показал на холм перед мостом с другой стороны дороги. – У холма есть небольшая полянка, там обычно отдыхают торговцы перед тем, как идти на ту сторону.

До моста осталось не больше четверти километра, и дорога, заложив очередную петлю, на мгновение скинула с себя воротник из растительности, позволив оценить грандиозность сооружения. Я натянул поводья.

– Кто его построил?

Инквизитор проследил за моим взглядом.

– Гномы, кто же ещё.

Я покачивался на лошади, и даже стертая почти до плеч задняя точка перестала меня беспокоить, словно мост, по-

строенный гномами, выросал не только перед глазами, но и разместился в моей голове. Примерно так же смотрелся бы небоскреб по соседству с деревней в глубинке.

– Гномы творят из камня то, что времени не подвластно. – Аридил подъехал сзади, его взгляд тоже был устремлен на реку. – Мы, эльфы, приветствуем красоту во всех ее проявлениях, потому что знаем ей цену.

Я бросил взгляд на Аридила и подумал, что загадки имеются и поближе, чем этот мост. Мысли плавно перетекли на последние дни нашего путешествия.

Похоже, я нашел-таки лучшего в своей жизни учителя. Благодаря Аридилу Звездочка действительно стала моей лошадью. Когда она в первый раз опустилась передо мной на колени, чтобы я сам смог взобраться в седло, я радовался как ребёнок.

Правда, дальше уроков наши отношения не клеились.

– Чего застыли?! – крикнул Оррик. – Лагерь сам себя разбивать не будет.

Утро, как обычно, началось с пытки. После моей просьбы научить меня верховой езде мои спутники почему-то решили, что могут творить со мной всё, что вздумается. Вздумалось им буквально следующее: общая физическая подготовка, владение оружием, конный спорт и ещё по мелочи. Энтузиазм моих доморощенных учителей был немедленно вознагражден: они с такой энергией взялись за мое обучение, что

едва меня не угробили. Когда я открыл глаза после второго в своей жизни обморока, увидел оба лица, склонившихся надо мной и пылающих аурой страха. Но на этот раз наученный горьким опытом эльф и не подумал куда-либо уезжать. Оррик ограничился хлопком по плечу и коротким «ладно».

К счастью, довольно быстро выяснилось, что ниндзя при всем желании инквизитора из меня не выйдет. Я искренне жалел Оррика, видя, как он сокрушается по поводу моей непригодности к школе молодого бойца. Да какое там к школе, мне был закрыт путь даже в ясли! Что поделывать, простейшие упражнения, которыми, как оказалось, был до зубов вооружён мой человеческий спутник, для меня являлись прямым путём на тот свет. Мое искреннее желание помочь исполнить ему долг наставника натыкалось на полную неспособность моего тела к физическим упражнениям. Стоило мне дать даже мизерную нагрузку на мышцы, у меня учащался пульс, полыхало огнем лицо. Если проигнорировать первые признаки, пульсирующая боль из рук, словно ручеек раскаленной стали, заполняющий мелкие трещинки в заготовке, по венам добиралась до верха спины, перетекала в затылок, и меня скручивала жесточайшая судорога, а потом пульей из тела вышибало сознание. После четырех подряд случаев даже упрямому инквизитору пришлось скрепя сердце признать, что ученик ему попался посредственный, если не сказать больше.

Вопреки распространённому мнению никакие трениров-

ки не помогали отодвинуть порог нагрузок. Поэтому, скрипя зубами, мне урезали их до минимума. По той же причине планы Оррика вложить в корявые руки меч также не увенчались успехом. Оружие я держал и только, ни о каком размахивании и уж тем более овладении изощренной техникой и речи не шло – боль в спине и обморок практически сразу. В итоге бедняга инквизитор плюнул и стал учить меня ножевому бою или тем огрызкам, которые у меня получались. С паршивой овцы...

Гораздо дальше мне удалось продвинуться в верховой езде. Я больше не падал с лошади и мог держаться в седле все дольше и дольше. Больше того, в один из дней мне пришло в голову, что я ощутил некий ритм, который роднил меня с лошадью, превращал в единое целое. Восторг до того затопил мое существо, что я долго не мог успокоиться: о, это великое чувство, что теперь я всемогущ!

У меня постепенно складывалось понимание своих возможностей: сила, ловкость, умение – явно не про меня. Надежда переждать поединок таяла, как снег на весеннем солнце. Любому самому тупому невежде при виде меня становилось понятно, что никаких перспектив в бою на мечах и вообще силовых поединках у меня нет, и место мое не впереди на лихом коне, а на трибунах – с тремя лишними подушками под задним местом.

После короткой разминки с Орриком эльф разложил на циновке скудный завтрак: вяленое мясо и сухари.

– Здесь всегда так? – спросил я, потягиваясь.

– Как? – буркнул Оррик, не оборачиваясь.

О! Да, сегодня господин бывший инквизитор не многословен! Честно говоря, вчера он меня удивил, выдав такую лекцию. Обычно, кроме слов про еду и потока ворчания от него ничего не добьёшься. Правда, своей откровенностью он добился прямо противоположного: разжег любопытство и подкинул много новых вопросов, на которые вряд ли ответит, в очередной раз отправив к епископу.

– Ну, вот так, – я сделал неопределённый жест, – сыро, холодно.

– Всегда, когда я тут бывал, – выдавил из себя Оррик. Ему явно не хотелось продолжать разговор.

– И часто ты тут бывал? – Я ж говорил, что мне нужно тренировать свои навыки? Сейчас я упражнялся в упрямстве.

– Приходилось, – неопределённо сказал Оррик.

Аридил при этом не проронил ни слова, монотонно двигая челюстями. Замечательная у меня команда, дружная и сплоченная. И командир у нее...

После короткого завтрака мы вступили на мост. Стук копыт гулко отдавался от стен.

– Давно его построили? – Мне стало любопытно, почему покрытие моста выглядит так, будто его возвели только вчера и только-только содрали защитную пленку.

– Да кто ж знает-то, – хмыкнул Оррик, которого, похоже, мост интересовал в последнюю очередь. Он слишком внима-

тельно вглядывался вдаль.

– Все творения гномов, что ты встретишь на поверхности, – вдруг услышал я голос эльфа, – появились задолго до последней войны.

– Войны? – Оррик обернулся. – Когда это гномы участвовали в войне? Недомерки вылезли из своих нор, когда церковь вернула им землю на поверхности.

– Давно, – эльф задумчиво осматривал местность. – Задолго до моего рождения. Родители избегают говорить о тех временах. Думаю, что мосту вряд ли меньше двух-трёх тысяч лет.

Глава 9

Шел восемьдесят первый день нашего путешествия. Каждый из них кособокой чертой ложился на страницу моего дневника. Поначалу я пытался записывать свои мысли и кратенько пробегаться по действиям, но после второго раза оставил эту затею. Во-первых, что конкретно писать? Все дни похожи один на другой, как две капли воды. Во-вторых, первая же попытка нанести на грубо выделанный лист коричневой бумаги свою бесценную мысль вылилась в кляксу прямо посередине слова. Как вообще пером можно что-то писать? В лучшем случае нарисуешь ценник на помидоры: «Томата вкусная, сладкая – 300 р.». И то в итоге не решишь, что накарябал.

Вот бы мне бы сюда хотя бы самую дешевую ручечку с синеньким обгрызенным колпачком, тогда бы я размахнулся! Пока же графоманство свелось к одним черточкам и крючочкам, с помощью которых я отмечал дни в дороге.

Впрочем, оказался в моих мытарствах и некий смысл: своими стараниями и высунутым от усердия языком я привлек внимания Аридила. Если Оррик с пренебрежением относился к моим потугам, то эльф заинтересованно посматривал в мою сторону, когда я садился за «блог». Несколько раз я с удивлением обнаруживал, как он уходил куда-то по делам, но всякий раз незаметно для меня возвращался и загляды-

вал в мои прописи, его аура наполнялась оттенками любопытства, а на меня опускалась волна изумления и недоумения. Похоже, я отыскал-таки кое-что значимое и для нашего высокородного спутника.

Драгоценный груз с аккуратным подсчётом времени был упрятан в глубине седельных сумок и завернут в непромокаемый кусок рыжей кожи, выделанный таким образом, что походил на папку-карман. Это был подарок принца – Аридил как-то раз заметил, что я старательно заворачиваю свои каракули в парусину, в надежде, что природа своими мокрыми щупальцами не доберется до них. Он подъехал вплотную, порылся у себя в сумке и сунул мне в руку что-то, завернутое в нарядную ткань. Улыбнувшись, наверное, первый раз за тысячу лет, эльф гикнул и легко пустил свою лошадь в галоп. Рассматривать, что же мне перепало, пришлось уже в одиночестве, но я был на седьмом небе от счастья даже не от самого подарка. Мне до жути хотелось, чтобы этот дар был началом чего-то большего.

Противоположный берег, на котором, если верить карте, начиналась территория королевства Гальд, ничем не отличался от своего собрата. Та же трава, те же деревья, тот же воздух – в общем, если бы не мост и слова Оррика, я бы и не заметил, что пересек границу. Приноровившись к размеренному шагу Звездочки, я вскоре погрузился в обычное для путника состояние: сознание твое улетает ввысь, гла-

за фиксируют проплывающую мимо дорогу, ни на чем конкретно не останавливаясь надолго, мысли, вялые и такие же неспешные, как постукивание копыт по земле, текут медленно, неторопливо, погружая тебя в режим энергосбережения.

Вдруг лошадь встала, и я выпал из состояния автопилота. Привал? Надо сказать, моя спина служила прекрасным счетчиком расстояния: несмотря на некоторую выносливость, организм восставал против чрезмерной нагрузки. Сильная боль разливалась по телу уже через пять километров после начала движения. Два часа непрерывной скачки выбивали меня из седла вернее, чем эльфийский лучник – своих врагов. Приходилось спешиваться и отдыхать. Мои спутники давно перестали возмущаться по этому поводу, приняв эти остановки как нечто неизбежное: форс-мажор, дождь, да что угодно, – ни повлиять на явление, ни тем более изменить его никому не под силу, так зачем тратить нервные клетки.

Оррик, как обычно возглавлявший наш маленький караван, остановился, развернул коня и похлопал его по тяжелой шее. Глаза бывшего инквизитора, непривычно сузившиеся, напоминали щели амбразуры, откуда вот-вот высунется ствол пулемета. Такой взгляд я видел у него лишь однажды, когда он вступил в бой с превосходящими числом разбойниками, которые погнались за мной, а нарвались на инквизитора. Догадавшись бросить на него свой особый взгляд, я стал свидетелем странной картины: недоумение, раздражение и страх. Он что, боится?!

– Кто-то идет за нами, не больше тысячи шагов, – наконец вымолвил он.

Вот они, те самые неприятности! С одной стороны, нарушать идиллию нашего путешествия страсть как не хотелось, а с другой, я прекрасно понимал, что в мирное время герои тихо спиваются за сериалами, и команду мне таким образом не собрать.

– Будем уходить?! – жадно спросил я. – Или примем бой?

Мной овладело непонятное возбуждение, подсознательно мне, видимо, давно хотелось прервать размеренное течение времени. Нашему маленькому отряду просто необходима встряска, и мне почему-то казалось, что стычка с неведомым противником наилучшим образом подходит на эту роль.

На меня уставились оба моих спутника. Один с изумлением, второй недоумевающе кривил бровь.

– Ни то, ни другое, – наконец сказал Оррик. – Выясним, что им от нас надо. Мы не сможем уйти, но и драться будем в последнюю очередь.

Впору было разинуть рот – и это я слышу от лихого инквизитора, родившегося с мечом и играючи раскидавшего бандитскую шайку. Но он слишком выразительно на меня посмотрел, и я почувствовал, как заливаюсь краской. За смущением я постарался скрыть разочарование от его решения. Конечно, как я мог позабыть о слабом звене. О себе любимом. И, как обычно, не учел всех последствий возможного

столкновения.

– А теперь запомните, – сказал он, – наш ушастый друг с этой минуты – доверенное лицо князя Аэларэля. Я наемник из Гронга, а ты... – он смерил меня придирчивым взглядом, решая непростую задачу, какую же роль мне отдать.

Я смотрел ему прямо в лицо и терялся в догадках. Что происходит? Из услышанного следует, что Оррик решил не открывать наших реальных личностей. С чего вдруг? Боится, что узнает начальство? Ну, допустим, нас лишили покровительства Церкви, но ведь временно и не навсегда. Тогда зачем такие сложности с новой легендой, которую, в принципе, и проверять никто, кроме самой Церкви, не будет. Или я опять ошибаюсь? Стал ли епископ отсылать свое решение в головной... ну, назовем его офис. Да даже если бы и отправил, пройдет просто прорва времени, пока записка доберётся до цели. Насколько я знаю, штаб-квартира еще дальше, чем то место, куда мы держим путь. Пока еще она доберётся до цели... Нужно ведь ещё ее подписать и разослать по местам. Вряд ли это такая уж важная информация, что ей будет мгновенно дан ход, так что мне совсем непонятен такой поворот.

Ну ладно, Оррику лучше знать, что происходит, так что я решил ему подыграть.

– Оруженосец! – подсказал я первое, что пришло в голову.

– Кто?! – одновременно спросили мои спутники.

Конечно, я сказал это слово на своем родном языке, ведь

аналогов я пока тут не слышал. Под взглядами обоих мне опять стало не по себе.

– Мальчик на побегушках, – скорректировал я статус. Фиг с вами, будем играть свой возраст, но, видя недоумение на лицах обоих, мне пришлось пояснить: – Ну, там, меч поднеси, водички налей, коня накорми.

Оррик обрадованно хлопнул меня по плечу, а потом с опаской посмотрел, что со мной стало, но я достойно пережил знак его расположения.

– Отлично придумано! Будешь моим слугой, – переиначил он на свой лад.

– Может, лучше его? – я вопросительно посмотрел на Аридила.

– Сдурел? У эльфов не бывает человеческих слуг. – Оррик лихорадочно продолжал: – Встретились и познакомились в городе. Он держит путь в Алату. Мы увязались за ним, потому что вместе безопаснее и не так скучно.

– То есть людей-слуг у него быть не может, а попутчики-люди всегда пожалуйста? – попытался подначить воина я, но меня попросту проигнорировали.

– Попридержи язык, – зло бросил Оррик, и я застыл на лошади с открытым от изумления ртом, чувствуя то же самое, как если бы моя рука стала действовать вопреки моим желаниям.

Видя мое неопишемое изумление, взгляд Оррика на мгновение смягчился. Он положил руку мне на плечо.

– Не делай поспешных выводов, сынок, в свое время ты первый узнаешь, что происходит.

Где-то я уже слышал эту фразу. Я почувствовал, как внутри меня закипает гнев. Происходило что-то непонятное, и мне это не нравилось. Оррик без всяких слов понял, что я чувствую, и отвел взгляд, что только укрепило меня в моих мыслях. Впрочем, в следующий миг он упрямо тряхнул головой и посмотрел мне в глаза. Вот интересно, а эльф в курсе того, что сейчас происходит? С какой стати вдруг потребовался весь этот спектакль? Два месяца прекрасно обходились вообще без легенд, но стоило пересечь границу, как тут же нарисовались сложности. Я закрыл глаза на мгновение, попытавшись выбросить мысли о произошедшем из головы или хотя бы упрятать их глубже, сейчас не время и не место для выяснения отношений. Нужно думать о внешней угрозе и настраиваться на неприятную встречу. А что может быть приятного, когда тебя догоняют преследователи, – чутью инквизитора в этом вопросе я полностью доверял.

Мы остановили лошадей и развернулись. Причём я развернулся дважды – Оррик и Аридил проводили мой странный маневр слегка удивленными взглядами. Мне, конечно, стало неловко, но Звёздочке в этот момент захотелось продемонстрировать, что она тоже в состоянии проявить характер. Наконец я присоединился к своим спутникам, и мы принялись ждать.

Утро к тому времени окончательно разметало ночной туман, и дорога хорошо просматривалась до ближайшего поворота, который находился шагах в двухстах от того места, где расположились мы. По обе стороны от дороги зеленели луга, изредка, как пальмы в кадках, торчали стволы деревьев, обросшие по кругу кустами поменьше и так до самого горизонта. Пейзаж, который легко можно найти в любой европейской стране. Стоило лишь закрыть глаза и представить, что ты... Я с сожалением отогнал наваждение: ни к чему в такой момент пускаться в ненужные сентиментальные грёзы. Но справиться с лезущими отовсюду мыслями оказалось не так-то просто: вокруг ни следа человека, ни жилья, ни полей – если бы не уверенность Оррика, что за нами идут попятам преследователи, ощущение, что мы одни на всем белом свете, было бы полным.

Я покрутил головой: мои спутники внешне держали себя спокойно, оружие никто не прятал, но и обнажать не спешил. Они производили ощущение людей, уверенных в своих силах, которым сам черт не брат. А вот я по мере приближения неизвестности понемногу терял боевой настрой. Даже нож за поясом, рукоятка которого сейчас грела мою ладонь, не добавлял уверенности. Под неодобрительным взглядом Оррика я так и не решился его достать. Похоже, он все еще хочет разойтись миром.

По лицу инквизитора проползла ухмылка. В тот же момент неясный шум добрался и до моих ушей: глаз уловил

движение, и из-за поворота показались всадники. Я насчитал пять... семь... девять, десять! Десять человек шли по нашему следу.

– Многовато, – одними губами прошептал Оррик.

– В самый раз, – на его же манер ответил эльф.

Значит, все-таки деремся? Или это оценка сил: типа, если ты возьмёшь на себя пятерых, я разделаюсь с остальными.

Мы все так же не двигались с места, и нас-таки разглядели: передние осадил коней, последовал короткий обмен мнениями, затем они возобновили движение, пустив коней шагом.

Мне представилась замечательная возможность опробовать свои способности не на одном человеке, а на группе, объединенной общей идеей. Нечто подобное я уже проделывал раньше, когда развернул настроение толпы в Бадери. Но там и тогда осознание происходящего пришло много позже, фокус получился практически бессознательно, на автомате. Сейчас пришло время осознанных действий.

Не так давно я выяснил, что для моего дара расстояние имело значение: шагах в десяти от человека аура над его головой бледнела, съеживаясь, как воздушный шар на морозе, еще пара шагов, и у нее вовсе пропал цвет. Сколько я ни пытался, иной раз мой «радар» не добивал даже до Оррика, который по традиции всегда ехал первым в то время, как мне приходилось держаться посередине.

Совсем другое дело, если людей становилось много, и у

всех формировалась единая цель. Как в тот раз, когда мы едва не попали под раздачу, стоило нам очутиться в городе, так и сейчас навстречу нам направлялись люди, объединенные общей идеей, и пусть их гораздо меньше, степень эмоционального напряжения перевешивала численное меньшинство. Я снова оценил подарок богов: если думать о людях, как о едином целом, общая масса аур соединялась в одну, и это море эмоций, подпитываемое из многочисленных источников, представало во всей красе. Как будто художник одним мазком кисти вдруг смешал всю палитру. И по нему я мог судить о степени агрессивности всей толпы. Готовы они броситься в бой, раздирая рот в отчаянном крике, или крепко стиснутые кулаки означают лишь настороженное внимание и готовность защищать свою жизнь.

– Они пока не опасны, уверены в своих силах и просто настороже. Да, и немного разочарованы тоже, – неожиданно даже для себя самого выдал оценку я.

– С чего ты взял? – удивился Оррик после того, как меня удостоили слишком внимательным и недоверчивым взглядом.

– Чую, – коротко ответил я.

Эльф хмыкнул.

– С тебя серебряный, инквизитор, я говорил, что наш юный друг полон сюрпризов.

Оррик дёрнул щекой.

– Выживу, займу у Иана.

Эльф опять хмыкнул, но больше ничего не сказал. А я чуть не разинул рот: они, оказывается, имеют наглость на меня спорить! Да ещё и за мои деньги!

– Я хочу все знать! – прошипел вдруг я. – Все! Слышите?! От начала и до конца!

На этот раз на меня никто даже не посмотрел.

– Все он хочет знать, – передразнил меня Оррик. – Я, может, тоже хочу знать, почему солнце ложится на западе, а встаёт на востоке, но кто бы мне это сказал.

Я чуть не заржал в голос.

– Договорились!

– О чем?! – на этот раз инквизитор повернулся всем корпусом. – О чем, демон заberi эту дорогу, этих людей и тебя заодно, мы успели договориться?!

– Ну как же? – деланно удивился я. – Я тебе про Солнце, ты – про все остальное.

На этот раз эльф не выдержал и расхохотался.

Глава 10

– Именем инквизиции... – грозно начал воин, за которым тянулась цепочка вооружённых людей, но уже на третьем слове замешкался: интересно, что мы должны были сделать ее именем? Остановиться? Убрать оружие? Мы и так стояли, дожидаясь, когда нас наконец догонят. Воин слишком быстро осознал нелепость возможных требований и поспешил сменить тему. – Кто вы такие?!

Меня слишком быстро и согласованно оттеснили назад. С правой стороны вперёд двинул коня инквизитор, эльф остался стоять неподвижно, поэтому они полностью перегородили дорогу, что не укрылось от глаз наших возможных противников и явно их не порадовало. А там были все сплошь серьёзные люди: у самого первого на голове красовался яйцеобразный шлем, с распущенными ремешками, – до этого я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь носил шлем – куртка из стеганой ткани с нашитыми поверх бляхами из металла, такие же точно штаны, кожаные рукавицы с наклейками в виде кастета, и в дополнение ко всему колючий, суровый взгляд из-под кустистых бровей. Его рука медленно ерзала на рукояти меча, а глаза настороженно ощупывали бывшего инквизитора: ему он, похоже, не доверял, а меня попросту игнорировал.

Остальные были попроще, но и они не производили впе-

чатление новичков: слишком жесткие лица, чересчур уверенные движения побывавших в переделках людей. И хотя других мечников я не заметил, отряд выглядел спаянной боевой единицей, в любой момент готовой прийти на помощь своему командиру. Воины крепко держали копья и окованные сталью дубины, ожидая от главного только знака, чтобы втоптать нас в пыль. Впрочем, на вопрос, чем лучше получить в драке – мечом, копьём или дубиной, – я предпочел бы уклониться от нелегкого выбора.

– А кто спрашивает? – голос Оррика тоже не блистал дружелюбием.

– Гюго из Архана, помощник главного инквизитора. – Рука воина сжалась на рукояти меча, а его глаза впились в наши лица.

Оррик подвигал плечами, словно сбрасывая на землю груз. Я почувствовал, как из него готов вырваться вздох облегчения. Все не так страшно? Помощники нас не пугают? Или тут к своим не цепляются? Да вот беда, мы только что условились, что визитки с инквизиторским вензелем больше не раздаем.

– Меня зовут Оррик, я изредка продаю свой меч, если как следует позвенеть монетами, – мой спутник позволил себе улыбнуться. – Сейчас мы с моим верным слугой сопровождаем господина Аридила в его нелегкой и крайне опасной службе.

Эльф пошевелил пальцами, даже не удостоив говоривше-

го взглядом. Я оценил прием: рука качнулась едва-едва, на миллиметр, не больше, демонстрируя хваленую первородную спесь и то, что он не зря посещал уроки по этикету. Я слышал, что подобное нарабатывается годами, а сегодня убедился в этом воочию. Никаких слов не хватит, чтобы описать достоинство, с которым Аридил проделал все вышеуказанное, да и не нужны здесь слова – ты чутьем чувствуешь, что он не прост.

Аура отряда стала светлеть, вблизи все распалось на отдельные элементы, я физически ощущал, как напряжение потихоньку отпускало этих людей, напряженно тискающих рукояти оружия. Хоть они изначально не чувствовали особой опасности – нас трое, их десять, – все равно держали себя на взводе: мало ли как там повернется?!

– Что вы делаете на дороге одни? – воин все ещё с прокладцей посматривал в нашу сторону, хотя уже и без прежней воинственной настороженности. – Вы разве не знаете, что это небезопасно?

Интересно, если бы среди нас не было эльфа, он вел себя так же сдержанно?

Из-за поворота вдруг показались еще два всадника. Один выглядел, как и все остальные в отряде, который мы повстречали (ватник да копьё – вот весь его арсенал), а вот второй – второй настолько привлек мое внимание своим внешним видом, независимой позой и кричащей расцветкой одежды, что я чуть не упустил нить разговора.

– С каких это пор в Архане путникам угрожает опасность? – спросил Оррик, и я обратил внимание, что он тоже с удивлением поглядывает на вновь прибывших, но мне показалось, что инквизитор определённо в курсе происходящего. Впрочем, Аридил встретил новость и гостей вообще без каких-либо эмоций. И даже я не понял, как он относится к данному заявлению. Складывалось ощущение, что только я один не знаю, что происходит.

Гюго проигнорировал вопрос Оррика и не представил нам новых спутников.

– Нам осталось заехать в одно место, – он убрал руку с оружия, обращаясь теперь напрямик к Аридилу, – я настоятельно рекомендую отправиться с нами. Это не займёт много времени, а потом мы должны соединиться с другим отрядом. Его возглавляет главный инквизитор Архана. – Понаблюдав за нашей реакцией на столь громкое звание, Гюго совсем расслабился. – Отец Поль с удовольствием вас выслушает и, если посчитает нужным, ответит на все вопросы. Но в любом случае, уверен, под нашей охраной путешествие более безопасно, чем если вы продолжите путь втроём.

Не очень приятное замечание, но Гюго слишком пристально наблюдал за нашими лицами, а под конец опять положил пальцы на рукоять меча. Расслабиться-то он расслабился, но бдительности не терял, так что у нас, похоже, не оставалось выбора. Если мы не пойдём сами, нас скрутят в два счета, и тогда ни о каком продолжении путешествия не

будет и речи. О том, что моим спутникам придётся положить весь отряд, я старался не думать, как, впрочем, не сомневался и в том, что им это под силу.

За эльфа ответил Оррик.

– В большой компании дорога короче, – весело сказал он, поворачиваясь к нам. – Господин, вы не против сделать небольшой крюк?

Эльф лишь пожал плечами, а моим мнением не поинтересовались.

Спустя час мы попали в засаду, где судьба вновь свела меня со смертью один на один.

ЧАСТЬ 3

Глава 1

Вы боитесь смерти? Что за глупый вопрос?

В большинстве своём по той или иной причине смерти бояться все. Но я боялся не смерти, а того, что ждёт меня после, потому что абсолютно точно знал о последствиях. Князь Аэлрэль, позвольте снять шляпу, вы идеально разбираетесь в людях. Да и чего иного ждать от существа, которое, подумав только, старше всех городов на Земле, ныне существующих и разрушенных, погруженных в забвение.

Как описать то, чего нет? Это меня больше нет. Нет тела, рук, ног, головы и ушей – я не чувствую их, словно мой мир вдруг сузился до ничтожных размеров. Я где-то. Не нахожусь, не оказался, не завис – все не то, я именно где-то, не здесь. Глаз тоже нет, я не вижу, не чувствую, не ощущаю, словно все это тоже убрали. Мне страшно – это единственный штрих, который не дает мне забыть, кем я был до того. А потом начинается...

Легкое касание, меня словно лизнули, но в прикосновении нет ничего приятного. Как я почувствовал? Словно кто-то тронул палец на затекшей ноге. У меня не было тела, и все же я как-то понял: прикоснулись ко мне, к тому, что

составляет меня. Чувствовала невидимая, неосязаемая субстанция, обвивающее мое нынешнее «я» со страхом посередине.

Следующее касание молнией пронзило мое сознание насквозь, а затем что-то принялось за меня всерьёз: мою оболочку и все, что под ней, рвали на части, жгли, били, кромсали, выдирая куски. Я завыл, потому что вдруг понял: сейчас разрывают на части душу, то, что составляет меня самого. Если мне не удастся сохранить все, до последней частички, я потеряю себя, забуду, кем был, кого любил, уважал, боялся и ненавидел. Да! Мне были дороги даже враги, потому что когда-то стали частью меня, закалили, обидели, унизили, но именно из-за них я такой, какой есть.

Я принялся сопротивляться, выхватывал оторванные куски, заживлял порезы, лечил прорехи, отнимал обратно то, что пытались украсть. Сколько так продолжалось? Вечность? Секунда? Времени тоже не было. Только когда я увидел над собой склонившего голову князя, с заинтересованной улыбкой наблюдающего, как я возвращаюсь к жизни, мне пришло понимание двух абсолютных истин: я больше никогда не умру, потому что Аэлэрэль не прав – Убийца теряет часть себя даже после первой смерти, пусть это и не так заметно; и второе: человек, заставивший меня пройти через это, умрет – пусть не сейчас и не здесь, но прощать то, что я пропустил сквозь себя, нельзя никому.

– ... везучий сукин сын! – голос Оррика раскатами гремел

над головой, но с закрытыми глазами не слишком понятно, ругается он или искренне радуется. Надеюсь, это всё-таки радость за жизнь своего подопечного, а не желание поскорее его прибить, а уж за что – найдётся.

Я разлепил один глаз, второй по-прежнему отказывался мне служить. Над головой вечерело, на ветру размахивали ветвями деревья, листья из последних сил держались за свое место, дрожа от страха, что однажды их все-таки унесет. Если мне не изменяет память, на засаду мы вместе с отрядом Гюго нарвались где-то к обеду, а сейчас солнце определённо готовилось на боковую. Я не зря вспомнил свою первую смерть. В этот раз никаких болезненных ощущений не было. Похоже, мне опять удалось обмануть старуху. Не иначе, как чудо – в тот самый последний момент, когда надо мной скалой навис тот воин с раззявленным в отчаянном крике ртом, я уже попрощался с жизнью. Мои воспоминания обрывались на том, как я без остановки, словно боек швейной машинки, колот его ножом в пах. Глаза мужика, в которых пылали боль и изумление, до сих пор стояли перед внутренним взором. Потом что-то тяжелое опустилось мне на голову. Сколько же я был без сознания?

– Я его убил?! – Голос казался чужим, чересчур резким, каркающим, как будто мне накинули сразу десяток лет. Драться мне приходилось не раз – язык тела иной раз доходит до человека гораздо быстрее слов, – но вот так, хладнокровно или пусть даже в горячке, бить человека ножом...

Чьи-то сильные, грубые руки уперлись в спину, и мне пришлось подчиниться: сидя пить гораздо удобнее. В губы уперлась деревянная миска, и в горло хлынула обжигающе-горькая гадость вперемешку с палочками, комками и еще бог знает чем – как будто дали выпить заварку, не процеживая ее. Мне пришлось подчиниться, чтобы не захлебнуться этой бурдой.

– Ты заколол этого выродка, как свинью! – загоготал Оррик, пыхтя над ухом и продолжая меня поддерживать. – Чтобы такой сопляк прирезал простым ножом гарнского людоеда, – он почмокал так, будто пытался на вкус распробовать новое пиво, – такого ни разу не слышал, не поверил бы и даже дал бы за вранье по морде. Но я видел это своими собственными глазами!

Мне, в отличие от Оррика, было не до восторгов: меня мутило. Вот только не пойму, из-за слабости мое состояние или от мысли, что убил человека. Это уже самое настоящее убийство, все, что я совершил до этого, можно было списать на определённые обстоятельства. Даже то, что мне пришлось полоснуть по горлу человека, который фактически умер. Сейчас же жизни лишился абсолютно здоровый дядька, и ничего не менял тот факт, что в противном случае на земле сейчас валялся бы я сам.

– Людоед? – вяло спросил я первое, что пришло мне в голову в перерывах между порциями отвратного зелья.

– Гарнские людоеды – лучшие наемники мира, – заметил

Оррик, внимательно наблюдая, чтобы я не халтурил и допил все до дна. – Пей-пей, я не отстану, пока не увижу доньшко этой чаши.

– Почему людоеды? Они жрут людей?

Оррик наконец своего добился и опустил меня на спину, подложив под голову что-то мягкое – странно, он ухаживал за мной так, будто я вот-вот должен отправиться на тот свет, но я не чувствовал ничего особенного, наоборот, только бодрость: меня стремительно заполняла энергия. С чего вдруг такая неожиданная реакция? Минуту назад у меня с трудом шевелился язык.

– Жрут людей? Можно сказать и так. Мне приходилось с ними сталкиваться, – он хмыкнул, – по обе, так сказать, стороны. Бьются страшно, обходятся нанимателям в два раза страшнее. Далеко не каждый может позволить себе в дружине иметь даже одного людоеда, а тут целый десятник!

Он хлопнул меня по плечу.

– А ты удивил меня, парень, не думал, что увижу такое. – Он почесал бороду, как делал всякий раз, когда задумывался о чем-то. – Прав отец Тук, кругом прав.

Я попытался встряхнуться: наконец-то что-то весьма интересное!

– В чем прав?

Оррик потрепал мои волосы и ухмыльнулся:

– Ты давай, значит, поспи, а потом мы о многом поговорим.

Я действительно чувствовал, что глаза стали слипаться. Только что сна ни в одном глазу, и вот на тебе! Последнее, что я помню, были слова эльфа и ответ инквизитора.

– Уснёт?

– Я сделал двойную порцию, епископ предупредил, что парнишка только с виду хлюпик.

Повторное пробуждение оказалось гораздо приятнее первого. Я открыл единственный глаз, оттянул повязку, потер пустую глазницу. Регенерация не спешила, глаз по-прежнему ничего не видел, ни намёка на свет или ещё какие приметы – темнота и не думала уходить, когда я пытался проверить, есть ли хоть какой-то прогресс. И все больше закрадывалась подлая мысль, а не соврал ли князь, ну, или, может, немного преувеличил.

– Пивка бы, – задумчиво протянули слева, и я понял, что все возвращается на круги своя: пиво для инквизитора было почти то же самое, что для среднего класса квартиры – если нет войны, наличие обязательно.

Я попробовал встать, и мне это без труда удалось! Руки-ноги работали, и вообще, я чувствовал, будто родился заново. Что вдруг вчера случилось, почему Оррик решил, что я умираю? Этот вопрос я задал ему немедленно, пока инквизитор неторопливо помешивал котелок, живо принохиваясь к духу, идущему от похлебки.

– Нож – крайне опасная штука в умелых руках. Ты мо-

жешь быть быстрее, сильнее и проворнее человека с ножом, но лично я бы предпочел с ним не связываться, если под рукой нет другого, более веского аргумента. Если твою шкуру порезали, ты ещё можешь бежать или драться, но жизнь начинает вытекать из тебя, как вода из дырявого бурдюка. Ты уже мертв, хотя и не догадываешься об этом. Наёмник, с которым ты сцепился, был слишком матерым бойцом. И в этом оказалось твое спасение: ему и в голову не могло прийти, что кто-то посмеет броситься на него с ножом. Вот он и не успел среагировать – никто не успел бы, – но сразу догадался, что его везение кончилось. Впрочем, у него оставалось еще достаточно сил, чтобы уйти к богам не в одиночку. Тогда он решил забрать с собой и тебя. Стоял ты чересчур неудобно, времени на размышления у твоего обидчика было в обрез, так что он использовал первое, что попало под руку, и врезал тебе рукоятью меча, хотя и этого, уж поверь, с лишком хватает, чтобы отправить на тот свет человека. Мы с эльфом до сих пор не можем взять в толк, какую же твердую кость надо иметь, чтобы отделаться шишками. У другого на твоём месте от таких ударов она бы лопнула, как гнилая тыква, – Оррик покачал головой и тут же вскричал: – И чем ты только думал, бросаясь на него с ножом?!

Вот, значит, почему у меня померкло в глазах! Я потрогал затылок и обнаружил три здоровенные шишки. Дотрагиваться до них было больно, но все же отрадно слышать, что голова у меня крепче, чем чей-то меч. В таком случае дей-

ствительно чудо, что я ещё жив и даже в целом здоров.

Оррик сделал глубокий вдох и с шумом выпустил воздух из лёгких.

– Когда ты остался один на один с наемником, признаться, я едва не завыл: мне до того надоела эта ходьба, что хотелось размяться, и разделаться с парой бандитов казалось неплохой возможностью развеять скуку. В одном я ошибся, думал, что всяко успею тебя прикрыть, ведь я считал, что контролирую бой. Появление наемника оказалось полнейшей для меня неожиданностью, – продолжал свою повинную речь Оррик. – Если бы не твое везение, лежать бы тебе сейчас с дыркой в пузе, – Оррик глубоко вздохнул. – А может, и я заодно с тобой лег бы где-нибудь рядышком. Десятником у людоедов стать ой как не просто. Вполне может быть, что я обязан тебе жизнью.

В последнее не очень-то верилось. Боюсь, что эти слова были сказаны специально для меня. Впрочем, в случае моей смерти всем нам мало бы не показалось.

– Значит, мне повезло? – промычал я.

– Конечно, повезло, – сказал Оррик. – Неужто ты думаешь, что он подпустил бы так близко человека с ножом? Знай наемник о твоём сюрпризе, ты получил свою порцию стали сразу и без всяких красивых фраз. Аридил прав, это мой промах.

– Аридил? Он теперь Аридил? – сказал я. – А как же «ушастый», «нелюдь» и остальные твои не менее безобид-

ные определения?

Инквизитор помахал ложкой, разбрызгивая похлебку.

– На его счету двадцать шесть человек. Наш «ушастик» возмужал и стал человеком. Помнишь, я рассказывал тебе про Отроги Мудрости?

– Конечно, помню. Ты ничего про них не рассказывал!

– Разве?

– Хочешь, поклянусь?

– Не надо, я тебе верю, – сказал Оррик. – Понимаешь, там, где я побывал, есть традиция возвращать человеку имя, только когда он подтвердит, что заслуживает чего-то большего, чем просто «эй, ты».

Обязательно выпытаю у него про эти так называемые отроги.

– Значит, он прошёл испытание и получил имя обратно?! – спросил я. Ну не лежала у меня душа ко всяким унижительным прозвищам, так что возвращению эльфом своего имени я, пожалуй, радовался не меньше Аридила. Если, конечно, он вообще радовался хоть чему-то.

– Прошёл-прошел, – кивнул Оррик. – знаешь, этому Гюго, прямо скажем, изрядно свезло. Не окажись здесь мы, от его отряда за пять минут бы ничего не осталось. Горе-вояки с трудом завалили троих, еще семеро на моем счету, так что ты, Иан, слегка ошибся в подсчетах. Жаль только, что, увидев, как тебя хотят насадить на меч, Аридил совсем потерял голову. В него будто вселилась тысяча демонов – он

покрошил тут всех, хотя следовало парочку оставить в живых. Язык нам бы не помешал.

– А ты?

– А что я? – вздохнул Оррик. – Что я, хуже него, что ли? Тоже слегка осерчал.

Я на секунду задумался.

– Ты сказал, что Гюго и его людям повезло, что мы оказались рядом. Сколько нашим досталось?

Оррик замялся.

– Ну, малыш, давай об этом потом.

– Что, все так плохо?

– Ну, у нас-то ни царапины, – буркнул Оррик. – Если не брать твои шишаки. Не бери в голову.

– Ответь, – внезапно меня озарило. – Все это ведь ненастоящее?

Оррик с недоумением на меня уставился.

– О чем это ты?

– Ты прекрасно понял. – Я почувствовал, как растягиваются в горькой усмешке губы. – Но специально для тебя повторю: наше путешествие – фарс?! Все эти «наш командир», «заработать имя», «за Ианом последнее слово». Вы просто надо мной потешались...

Надо сказать, что ничего такого, конечно, я поначалу не думал. Так, просто к слову пришлось. Но, как оказалось, мое «пришлось к слову» угодило в яблочко. Мне не понадобилось даже пользоваться своими способностями, чтобы раз-

глядеть, реакцию моего спутника.

Оррик помрачнел, отведя взгляд, что оказалось лучшим подтверждением моих слов. Я почувствовал, как жгучая краска заливает лицо. Он столько времени водил меня за нос! Все эти «командуй» оказались фарсом, розыгрышем, уткой для малолетки, который бог весть кем себя возомнил. И та сцена на монастырской площади – зачем она? К чему городить огород?! Сказали бы в лоб, что к чему.

Я сжал кулаки, чтобы не заорать, но с лицом совладать не смог.

– Иан, – вскинулся Оррик, но его остановило покашливание позади меня.

Я стремительно обернулся – на меня с лёгкой полуулыбкой смотрел Аридил. Он неслышно, как умеют лишь кошки и эльфы, подошел сзади и, несомненно, слышал мои слова. Ну а теперь ещё и увидел, окинув взглядом мое перекошенное лицо.

– Иан, ты, как многие люди, делаешь неверные выводы, пользуясь лишь той информацией, которой владеешь. – Он снял со спины глефу и аккуратно положил ее на расстеленный плащ. – Меня это удивляет, потому что в тебе словно живут два человека. Один – жесткий, внимательный, вечно что-то планирующий. Ты учитываешь такие детали, о которых даже мне, пожившему в этом мире, не приходилось даже задумываться. Второй – капризный, легко расстраивающийся, импульсивный малолетка, от которого лучше держаться

подальше. Так кто ты, Иан?

Я вздрогнул от таких слов. Он знает?! Князь все-таки рассказал?

– Аэлэрэль заранее предупредил, что с тобой будут проблемы, но я даже представить не мог, какие. Тебя очень сложно понять. Какие мотивы тобой движут? Я задал бы этот вопрос первому Иану и не обмолвился словом второму. Так кто ты настоящий?

Он сбил меня с толку. Можно было выдохнуть. Аридил абсолютно точно говорил не про мою скрытую ипостась! Что же он имеет в виду? И тут я начал догадываться...

Если раньше я стоял раскаленный, как жерло вулкана, боясь, что меня вот-вот разорвёт на части от гнева, то сейчас, едва до меня начал доходить смысл сказанного, от моего негодования не осталось и следа. Наружу полезла краска. Да-да, я почувствовал, как вспыхнули мои щеки. Мне стало стыдно, но я не мог понять свои чувства. Аридил извлек на свет то, в чем я боялся признаться даже себе самому. Теперь, услышав его слова, оформившиеся в моей многострадальной голове в четкое понимание вещей, мне оставалось признать, что он раньше меня распознал, что происходит. Да-да, лишь после этих слов на меня словно нашло озарение. Два человека! Два, черт побери! Я и сам иногда отмечал, что бывали моменты, когда мне приходилось подспудно удивляться своим решениям, как будто кто-то другой принимал их за меня. Кто-то другой, обидчивый, импульсивный и гораздо

более резкий. И только сейчас до меня наконец дошло, кто это был. Привет тебе с того света, Иан! Ты, оказывается, все ещё пытаешься шевелиться, давать советы и даже управлять своим новым хозяином. Вот откуда мое необъяснимое поведение. Все эти обиды, фокусы с игрой настроения, порывы и желания заниматься тысячей дел разом. Мне, выходит, досталось не только тело, но и его привычки.

Сейчас нужно исправлять ситуацию, в которую угодил по незнанию. Раньше бы я ни за что не пошел бросаться обвинениями направо и налево, а сначала попробовал разобраться.

– Я хочу извиниться, – выдавил я из себя, припоминая слова мамы «накосячил – извинись, не развалишься, а заодно покажешь, что ты человек, с которым можно иметь дело». – Я действительно не понимаю, что происходит, и это заставляет меня нервничать и делать глупости.

Оррик громко крикнул от удивления, а эльф несколько раз приложил одну ладонь к другой.

– Из парня определённо выйдет толк. – Инквизитор хлопнул меня по плечу, он был определенно рад, что ему не пришлось объясняться. – Ты давай не тушуйся, а лучше сгоняй за хлебом, старина Поль обещал поставить нас на довольствие и подкинуть провизии.

Глава 2

Нужно получить по голове как следует, чтобы понять, что жизнь без вашего участия идет своим чередом. Пока я пребывал в беспамятстве, к месту сражения вышла вторая часть отряда, о которой упоминал Гюго. Встреча вышла бурной и едва не закончилась новой стычкой, потому что дозорные поначалу приняли нас за врагов, пирующих на костях их друзей. Недоразумение удалось разрешить, но радости никому не добавило – слишком много жертв оказалось тому виной. Ничего этого я, естественно, не застал, поэтому всюю вертел головой, впитывая новую информацию.

Отца Поля, главного инквизитора Архана, города, ближайшего к западной границе королевства Гальд, как и обещал Оррик, оказалось совсем нетрудно найти и узнать. Ещё раньше его можно было услышать, и я подумал, что, возможно, в семинарии, если я вообще туда поступлю, мне придётся разучивать не только молитвы, но и изо всех сил тренировать глотку. Как ещё объяснить тот факт, что более-менее серьёзные люди из этого ведомства, которых я повстречал, с успехом могли громить голосом стеклотару, не особенно при этом и напрягаясь? Отец Поль не стал в этом ряду исключением, демонстрируя силу легких на весь лагерь.

– Густав! – колонноподобный, похожий на титана, главный инквизитор Архана расхаживал у шатра, с которым мог

посоперничать ростом. На широком лопатообразном лице, изрядно заросшем со всех сторон, орлиным клювом выделялся нос, сейчас воинственно вздернутый кверху, глаза сердито сверкали из-под кустистых бровей, на которых лежал налет седины. При этом шевелюра этого большого человека волнами спадала на плечи, и сзади его можно было принять за женщину, правда, таких героических размеров и роста, что внушила бы уважение даже мужчине такой же комплекции.

Инквизитор оказался немолод, но смотрелся несокрушимым утесом. И вот к этому утесу должна была подгрести моя утлая лодка. Я почувствовал, что вот-вот разобьюсь о скалы. Может, подождать, пока человек-гора расправится с Густавом и выплеснет на него весь свой гнев? Вот ведь чудо, я понятия не имел, кто такой этот пройдоха Густав, но уже изрядно его ненавидел: где пропадает эта свинья, когда он так нужен?!

Поглядев по сторонам, я, честно говоря, немного впал в ступор. Лагерь! На поляне, где нас так коварно поджидал враг, вырос лагерь! Пять широких палаток из серой ткани окружили большой шатер. Кое-где у разоженных костров группами по несколько человек расположились люди. Я пригляделся: безоружных не было. Даже те, кто таскал дрова и стряпал у костров, и то не расставались с мечами. Мне, не так давно и слыхом не слыхивавшем о холодном оружии и людях, которые умеют с ним обращаться, – тот эпизод с фех-

товальщиками не в счет, – их вид говорил о многом: если бы напали на этих, участие эльфа могло бы и не понадобиться.

Впрочем, кое-что, даже на мой неискушенный взгляд, отличало эту стоянку от того, что я видел в фильмах. Над всем лагерем повисла неестественная тишина, изредка прерываемая отрывистыми фразами командиров. Веселье, шутки, грубый матерок – все это заменяли проклятия главного инквизитора.

– Эй, парень, – меня наконец заметили, – ты чего здесь ошиваешься? Ты откуда взялся?!

От одного из костров поднялся молодой воин, стеганный доспех которого постукивал бляхами, аккуратно нашитыми на груди. Был он высок, строен и мог похвастаться мужественным лицом с упрямым взглядом героя.

– Я тебя спрашиваю, – тут он обратил внимание, что я слегка отличаюсь от обычного человека. – Эй, уродец! Я с тобой разговариваю!

Не успел я ответить, как меня вздернули над землей, схватив за грудки. Я бестолково болтал ногами, постепенно наливаясь злостью: да что ж такое! Ни минуты без приключений! Я всего лишь пошел за хлебом; что будет, когда я отправлюсь на этот проклятый экзамен? Революция? Конец света?

– Поставь парня на место, – с облегчением услышал я голос Оррика у себя за спиной. Сам я видел только мельтешение палаток перед глазами и макушку своего обидчика.

– А ты кто такой, старикан? – услышал я снизу. Полагаю,

Оррик сворачивал шею и за меньшие оскорбления.

Меня выпустили из рук, и я мешком рухнул на землю. Это оказалось настолько неожиданно, что приземлиться удачно не получилось, зато извальяться в пыли – отнюдь! Я на карачках, наплевав на достоинство и внешний вид, отполз в сторону, чтобы стать свидетелем зарождающейся дуэли.

Оррик в непринуждённой позе поглаживал бороду, и лишь мне было ясно, что буря не за горами: я редко наблюдал у инквизитора ауру, столь сильно насыщенную злобой. Чего это он так разъярился? Свой же, хотя хам и невежа. Напротив него криво ухмылялся мой обидчик, в его руках уже дрожал меч, но аура говорила, что парень далеко не так уверен в победе, как хотел показать.

– Эй, Грид, а ну-ка охолоди, – на сцену выступило новое действующее лицо. Отец Поль собственной громоподобной персоной встал между готовыми к бою, рассыпая вокруг свирепые взгляды. – Я тебя сколько предупреждал, чтобы с гостями ты вел себя уважительно. А ты, словно баран, бьешься в одни и те же ворота! Последнее тебе мое слово: ещё один случай – пойдешь простым стражником патрулировать улицы.

– Но я... – попятился тот, угроза была явно нешуточной.

– Поговори мне ещё, – буркнул главный инквизитор. – Я сказал – ты слышал, больше повторять не буду.

Он отвернулся от задиры по имени Грид, и теперь перед ним замер ещё один – Оррик. Они смотрели друг на друга,

как два старых вулкана, словно раздумывая, пыхнуть ещё разок или все-таки не стоит зря разбрасываться лавой вокруг. Оррик был на голову меньше, но заметно шире седого Поля. В кои-то веки он скинул свою извечную кожаную скорлупу, оставшись в одной свободной рубаше. Отец Поль, напротив, весь при параде: до блеска начищенная кольчуга, оглобля, прикидывающаяся мечом на поясе, пара ножей на голени, не хватало лишь шлема и белого плащика с красным крестом за спиной.

– Вечно ты, Оррик, баламутишь людей, – отступил в конце концов великан. – И чего тебе не сидится на месте? Давно бы уже обзавёлся приходом, коротал вечера с бочонком холодного пива и тискал прихожанок по ночам – все как ты любишь, – он неодобрительно покачал головой. – Опять, по-ди, куда-то спешишь?

Оррик пропустил его длинную речь между ушей, остановившись на главном, а я для себя отметил, что легенда, из-за которой весь сыр-бор, так и не пригодилась. Впрочем, мне-то она помогла сделать главное открытие: тащимся от города к городу мы явно не из-за необходимости куда-то добраться.

– Да, есть кое-какие дела, Поль. А ты все так же ворчишь на погоду по вечерам? – хмыкнул он.

Отец Поль вздохнул, все колечки в его кольчуге словно повторили настроение хозяина, печально зашелестев. Наконец он махнул рукой Гриду, чем вызвал его облегченный вздох. Воин бросил в мою сторону быстрый взгляд и поспе-

шил испариться.

– Не говори, – отец Поль покачал головой. – Зачем пускаешь слуг гулять по лагерю? Да ещё... таких. Знаешь же, что люди напряжены. Столько наших убито...

Оба инквизитора оглядели меня с головы до ног, как будто выискивая, один – достоинства, а другой – недостатки.

– Каких таких? – спросил Оррик. – С каких это пор ты стал делить людей на «этих и тех»?

Отец Поль в ответ промолчал, но было видно, что он изрядно смущен, что подтверждала и тучка над его головой.

– Иан – не слуга, – продолжал Оррик. – Он такой же член отряда, как и все остальные.

Отец Поль скептически на меня посмотрел.

– Больно молод, – заметил он. – Да и вообще.

Под «вообще» инквизитор, видимо, решил подвести все прочие несоответствия, чтобы не заострять внимание по отдельности. Впрочем, я уже догадался, что последует дальше: Оррик не преминет воспользоваться возможностью окунуть приятеля мордой в... факты. И тот оправдал мои ожидания.

– Вчера он один на один прирезал людоеда, – усмехнулся Оррик, глядя ему в лицо. – Ножом, как свинью.

– Э... – начал было я, но заработал лишь подзатыльник и снова умолк.

– Когда разговаривают старшие, мелюзга помалкивает, – рявкнул на меня Оррик.

Главный инквизитор Архана посмотрел на него с ехидцей.

– Что-то ты не слишком последователен, мой друг. То член отряда, то орешь на него, как... как я.

– Молодняк надо учить, – в тон ему заметил Оррик. – А то вечно какие-то приключения. Веришь, нет, но я отпустил его к тебе всего лишь за хлебом.

Оба опять посмотрели на меня с прищуром. Мне такие взгляды совсем не нравятся: можно заметно огрести и нарваться на неприятности. Теперь уже от обоих.

– А что, он действительно завалил людоеда? Не верится. Хотя тот десятник, что лежит весь истыканный... – отец Поль продолжал меня изучать, они вдвоём говорили обо мне так, будто меня нет дома.

– Я ж говорю, прирезал, как борова, – будничным тоном, так, будто на этой неделе мне не повезло повстречать всего одного, ответил Оррик. – Я и глазом моргнуть не успел, а он, как... э-э... лев бросился на него с ножом!

– Видимо, людоед опешил от наглости, – предположил отец Поль.

– Страх сковал его члены, – подтвердил Оррик. – Я своими глазами видел, как сей бравый отрок умело поднырнул под клинок врага и...

– ...зарезал его, как свинью, – продолжил за него отец Поль. – Ммм...

Он цокнул языком, показывая, что впечатлен.

– Моя школа, – гордо заявил Оррик.

Я смотрел на этот разговор двух великовозрастных пе-

тухов и только диву давался. Это они друг перед другом продолжают выделяться? У меня из драного пылесосного мешка не вылетало такого количества пыли, которым обменялись сейчас приятели.

Они постояли ещё минуту, глядя на меня, но думая о чем-то своем, а затем синхронно двинулись рядом. Я же, видя, что больше не представляю никакой ценности, уныло поплелся сзади. У меня не было возможности отрепетировать вид, но ведь в каждом из нас пропадает актер. Новости радостными назвать было нельзя, так что мне не пришлось особенно напрягаться. Я шел в трёх шагах позади, едва не упираясь в обоих инквизиторов носом, меня никто не гнал, а любопытство съедало живьем. Мой слух с жадностью ловил каждое слово. Ну как же? Судя по действиям Оррика, мы должны были оставаться инкогнито, а теперь ни о какой маскировке не шло и речи. Интересно, а отец Поль в курсе дела, что мы хотели оставаться неузнанными.

– А почему вы наплели моему помощнику, что вы какие-то там посланники? А тебя, вот диво, он представил наемником, – простодушно произнёс главный инквизитор Архана, и от этих слов на меня повеяло Крысой. Я помотал головой: в подвалы мне больше не хочется ни в каком виде.

Аура отца Поля не выдавала чувств: обычная смесь человека, который думает обо всем сразу. Плохо. Значит, по поводу нас у него никаких мыслей, может повернуться по-разному.

– А разве бедный Гюго не помер? – удивился Оррик.

– Помер, пусть Аид даст ему место потише, сегодня его душа отлетела к богам, но он успел кое-что рассказать.

– Жалко.

– Да, прискорбно.

Некоторое время они обходили лагерь молча. Нас проводжали разными взглядами, особенно доставалось мне, но я старался не придавать им значения.

Пока мы кружили между палатками, я успел заметить, что отец Поль привёл за собой не меньше пятидесяти человек. И каких человек! Все сплошь бывалые воины: мечи, топоры, я даже пару раз видел булаву на длинной цепочке, которой, под одобрительные возгласы собравшихся, воин пополам разломал щит, видимо, оставшийся от побежденных. Лагерь постепенно все-таки оживал, а мы остановились на самом его краю.

– А что вообще происходит, старина? – Оррик произнес несколько отрешенно. – С какой стати главный инквизитор провинции срывается куда-то на ночь глядя, да не один, а уводит почти всех своих людей, чтобы прогуляться по лесным тропкам. Потом какой-то сброд нападает на десять вооруженных воинов церкви и, что удивительно, едва не вырезает их поголовно. При этом первым гибнет маг, которых у нас и так можно пересчитать по пальцам, потому что эти ублюдки не спешат к нам на службу. И уж совсем удивительно то, что никто в Конгрегации по делам веры, начиная от

кардинала Эмилио и заканчивая последним инквизитором, ни сном ни духом, что на дорогах Гальда можно лишиться не только кошелька, но и головы даже хорошо вооруженным всадникам.

Отец Поль закашлялся, и Оррик правильно его понял.

– Отец Тук сказал, что перед этим парнишкой можно рассказать даже то, как ты писался в детстве, – заверил в моей лояльности Оррик. – Он ему доверяет.

Я услышал смущенный смешок, отчего мне стало ещё любопытнее: в инквизиции выживают только те, кто все про всех знает?

– Где-то с полгода назад в королевстве стали происходить странные вещи.

Глава 3

– Когда полгода назад начали по одному, по двое пропадать люди, никто не придал этим случаям какого-либо значения. Ну, сгинул человек, ну, исчезли два – зачем поднимать шумиху из-за каких-то крестьян? Мало ли их, таких случаев? Кого-то задрал медведь, другой заплутал в лесу да и утонул в болоте, третьего утащили те, о ком лучше под вечер не вспоминать, – обычные, в общем, дела, о которых со слезами на глазах вспоминают родные или долгими вечерами чешут языками односельчане. Больше о них горевать некому – ну не графу же в самом деле печься о жизни одного подданного? Вот если бы пропала деревня – это другое дело, тут точно отправят наемников разбираться. Налоги кто-то должен платить, для этого нужны подданные. Дальше – больше! Обратили внимание, что напасть добралась до торговых людей. Сначала недосчитались приказчиков, которые частенько передвигались по дорогам одни: так быстрее, можно заранее подготовить торг, прощупать почву и, авось, договориться о премиальных. Потом дело дошло до купцов.

Отец Поль изливал душу, а Оррик мрачнел с каждым словом. Похоже, отправляя нас троих в дорогу, никто и не подозревал, насколько это может быть небезопасно. Охотники взяли с собой мелкую дробь, а нарвались на стадо кабанов. Ситуация развивалась стремительно: первый караван пропал

месяца три назад. Исчезли все, включая купца и его охрану, всего семь человек, ни слуху от них, ни духу. Места, по словам отца Поля, тут глухие, меж городами дней десять пути, частенько дорога ныряет в лес, а чащи в Гальде такие, что и медведь заблудиться может. Пропали люди, где искать, непонятно, да и узнали о том случайно: повезло одному приказчику, видно, в рубашке парень родился. Он сам до торгового доехал, а обоз так и не появился из леса – тот даже запил до беспамятства, то ли со страху, то ли от радости – кто ж разберет? Его тоже на всякий случай проверили да вскорости отпустили – рассудок у бедолаги не выдержал счастья.

Стали перебирать все слухи, даже послали людей к соседям, и выяснилось, что напасть преследует народ не только в Архане, по всему королевству обозы выходят из городов, но до места назначения доезжают не все. Дошло даже до короля! Он повелел найти лиходеев, объявил награду, да только результатов почти что нет, никто ничего не видел, а люди продолжают исчезать день за днем, и не видно тому конца.

Взглядом Оррика можно было заморозить реку, когда отец Поль замолчал. Я предположил, уж не эти ли таинственные исчезновения и явились целью нашего вояжа. Только размах происходящего вскрылся слишком поздно. Интересно, зная о том, что творится, отправили бы нас втроем или снарядили всю королевскую рать?

– А вы что на дорогах забыли? – хмуро поинтересовался Оррик. – Охрана купцов – забота властей, а не Чистых Бра-

тьев.

– Месяц назад пропал отряд Торля с ним самим во главе. Он выехал из Зитау с тремя братьями, но до места назначения не добрался.

– Торль, Торль, – сказал Оррик. – Маленький, щуплый, похож на безумного кролика?

Отец Поль удивлённо уставился на моего спутника.

– Ты его знаешь?!

– Встречались пару раз, – задумчиво протянул он, оглядываясь вокруг.

Оррик остановился и снова огладил бороду. Отец Поль помалкивал, не мешая ему думать. Похоже, главный инквизитор Архана и помощник епископа, несмотря на видимые приметы, птицы разного полета. Конечно, никто в рот смотреть моему спутнику не собирался, но разница в иерархии видна невооружённым взглядом.

– Еще нападения на наших были?

– Убиты два священника, а их приходы разорены.

– Даже так?! – вскинулся Оррик.

Я увидел, как стремительно меняется аура над головой человека, за несколько секунд побелев, как снег. Главный инквизитор Архана был перепуган до смерти.

– Мы не сообщали... – пробормотал он, и я заметил, как на лбу великана выступил пот. – Епископ Урих заверил меня, что мы справимся сами.

– Старина, если мне не изменяет память, епископ Урих

несколько другой, чем мы с вами, конгрегации. Или что-то изменилось с тех пор, как я не был дома?

Оррик не смотрел на своего коллегу, но этого и не требовалось. Этот здоровый громогласный воин трясся перед ним, как лист на осеннем ветру. Какими же полномочиями обладает мой спутник?

– Что ещё мне следует знать?

Отец Поль словно сдулся, как будто из великана вытащили скелет.

– Нападения случаются все чаще. Купцы далеко не единственные, кто пропал в последнее время. Сначала мы думали, что цель неизвестных – деньги, но я думаю, что деньги им ни к чему.

– Что же им нужно? – удивился Оррик, развернувшись к собеседнику. – Для чего все это?!

Отец Поль вздохнул.

– Я думаю, им нужны люди. Но я не знаю, зачем.

– Кого они забирают? – встрял я.

Оба инквизитора на меня оглянулись, и если в глазах старого была насмешка, то Оррик был крайне серьёзен.

– Ты зря смеёшься, Поль, у этого отрока светлая голова.

– Настолько, что ему доверяет епископ Тук? – недоверчиво спросил тот.

– И даже больше, – не стал подыгрывать ему Оррик. – Рассказывай все, что спросит. Считай, это мои вопросы.

– Так кто в итоге пропал? От большего количества к мень-

шему.

Отец Поль ненадолго задумался.

– Пожалуй, больше всего пропало купцов, – промолвил инквизитор. – Приказчиков. Затем, пожалуй, идут священники, инквизиторы. Мне пришлось дать охрану самым большим церквям, к тому же меньше, чем по десятку, теперь не ходим, – отец Поль опять вздохнул. – Но и это не помогает, вы же видели, что осталось от Гюго.

Я лично не видел, но Оррик обмолвился, что выжило только три человека. Были они настолько изранены, что мало чем отличались от мертвецов. Инквизитор тогда заметил, что они не жильцы, и оказался прав: последним цеплявшимся за жизнь оказался Гюго, но и ему, видно, не повезло.

– Кто ещё?

– Говорят, в последнее время часто пропадали крестьяне, дети уходят пасти коров и не возвращаются, – пожал плечами инквизитор. – Но как это проверишь? Несколько раз нападали на благородных, но те ли это молодчики или обычные грабители, не проверишь: пропавшие на вопросы не отвечают, – великан поежился. – Страх расползается по королевству. Каждый может стать следующим, и никто не знает, когда это кончится.

Мне кажется, или отец Поль сам напуган не меньше?

– Ладно, – сказал Оррик, подводя итог разговору. – Какие у вас планы?

Отец Поль устало потер ладонью глаза, словно пытаясь

проснуться.

– Сегодня мои ребята ещё побегают по округе, может, найдутся какие следы, а завтра мы едем в Архан.

– Мы едем с вами, – безапелляционно заявил Оррик.

Глава 4

Я сидел у костра, жевал холодное мясо из наших припасов и мрачно наблюдал за лагерем. Люди уезжали, люди приезжали, слышалось ржание, над палатками вился дым от костров, периодически все это перешибалось голосом главного инквизитора. Оррик все ещё не вернулся, наверное, был занят тем, что сопровождал поисковый отряд, эльф ушел спать, и только у меня не было никаких дел.

Беседу в очередной раз отложили, сославшись на то, что сейчас «не время». Но когда оно будет, это самое подходящее время, никто не обмолвился. Раздражало, что мои спутники единогласно поддержали мое добровольное заточение у костра, дабы я своим видом снова не спровоцировал что-нибудь эдакое. Судя по всему, отец Поль встал на их сторону, и теперь я кис у еле тлеющего очага с наказом не допустить его полного угасания. Вот я и не допускал, время от времени подбрасывая прожорливому пепелищу ветку-другую из запасов, о которых утром позаботился Оррик.

– Скучаем? – меня хлопнули по спине, да так, что я чуть не растянулся на углях.

Я оглянулся: сзади стоял тот самый задира, которому недавно вздумалось учить меня жизни. Молодой, ладно скроенный парень с лицом, которое с ходу вызывает неприязнь и желание как можно скорее отвязаться от человека.

Мою кислую мину он не мог не заметить.

– Да ладно, не обижайся, – бодро сказал он, присаживаясь рядом с костром и протягивая к нему руки. – Я не со зла. Отец Поль постоянно твердит: проявляйте бдительность, не вздумайте спать в дозоре, будьте всегда начеку! – Он довольно неплохо изобразил интонации начальника, а затем рассмеялся. – Вот и въелось уже, а тут ты, разглядываешь все вокруг. А вдруг доглядчик?

Конечно, доглядчик, кто же ещё. Повсюду вокруг на сутки пути ни единой живой души, и тут вдруг враги посреди лагеря что-то разнохивают. Все же я решил, что на сегодня достаточно приключений, и махнул ему рукой.

– Да ладно, бывает, – в его ауре злобы не было, поэтому я решил спустить дело на тормозах. – Мяса?

Я протянул ему новый кусок, но получил отказ.

– Не сейчас, – он хитро прищурился. – Скажи, а что вы тут делаете?

Вот это простота! Я восхитился прямолинейностью неизвестного любопытствующего. Или очень даже известного? Уж не отец ли Поль направил ко мне этого хитреца? А что, с него станется: я стал свидетелем нехорошей сцены, его там основательно повозили лицом по столу, вот и решил... Что он там решил, я пока не придумал, а вот с этим горе-дознавателем нужно что-то делать. Пошлю-ка я тебя, друг мой, по известному направлению, но осторожненько, без мордобоя.

– Я простой оруженосец, со мной такими вещами не де-

лятся, – вздохнул как можно печальнее я и подбросил полено в костер – что может быть более унылого, чем вид паренька, которого заставили следить за костром в то время, как один из взрослых спутников спит, а другой гоняется по лесу за неизвестными лихими людьми? Тем более что именно так я себя и чувствовал, хотя и собирался изменить текущее положение вещей. Но не рассказывать же о том первому встречному?

Грид, так звали моего обидчика, покрутился еще пару минут, и видно, почувствовав мое нежелание продолжать беседу, был таков. Я опять всплакнул в одиночестве.

Ближе к обеду появился Оррик, весело поглядывая по сторонам.

– Скучаем? – ничуть не скрываясь, он попытался хлопнуть меня по плечу, но я сумел уклониться. Эти пронизательные люди начинали надоедать.

– Вот думаю, не вскрыть ли себе вены, – печально сообщил я, поигрывая ножом.

Оррик нахмурился.

– Чего? Ты чего это удумал?!

– Так скучаю, – простонал я.

Оррик покачал головой и растолкал эльфа в палатке. Хмурая долговязая фигура выбралась оттуда на четвереньках и долго смотрела на нас сонными, ничего не понимающими глазами. Наконец Аридил разглядел, что лагерь не изменил-

ся, никто не собирается уезжать прямо сейчас и на нас никто даже не нападает.

– Вы специально?

– Нет, нарочно, – буркнул я.

– Ему скучно, – подтвердил Оррик. – Он чуть не перерезал себе горло.

Эльф посмотрел на меня мутными с пересыпа глазами.

– Пусть режет, – наконец выдал он. – Я присоединюсь к нему, когда выплыву.

Он попытался уползти обратно, но я не собирался его отпустить.

– Надо поговорить.

– Сейчас? – простонал Аридил.

– Сейчас, – сказал я. – Мне нужно знать все.

Мне хотелось знать все, и прежде всего, зачем понадобилась клоунада с моим командованием. Обвели тебя вокруг пальца, Саня, а ты и рад поверить, да ещё сам повешал себе лапши на уши. И какой лапши? Первостатейнейшей!

– Зачем вы столько времени ломали комедию? – пришло время забыть о политкорректности. – И вообще, к чему все это?

Во мне снова разгоралась нездоровая злость.

– Что это? – спокойно проговорил эльф, не отводя взгляд от моих глаз.

– Вы прекрасно поняли, о чем я. – Иногда бывает так, что

чужое спокойствие выводит из себя не хуже криков и ярости, мне на собственном опыте пришлось убедиться в том, что я знал понаслышке.

– Все зависит от того, Иан, что ты жаждешь услышать. Может, ты решил для себя, что над тобой попросту издевались, удовлетворяя свою жажду глумиться над теми, кто заведомо слабее тебя. Или, может, ты подумал, что у каждого действия существует как минимум несколько причин, о некоторых из которых тебе может быть неизвестно. – Я дивился спокойствию Аридила, но, услышав последние слова эльфа, вынужден был признать, что они не лишены смысла.

Я сделал глубокий вдох, успокаиваясь.

– Расскажите, что происходит, – насколько мог спокойно, попросил я. – Меня выводит из себя неизвестность и сводит с ума, когда я не понимаю, что происходит.

На этот раз говорил Аридил. Подробностей оказалось не слишком много, не стоило и думать о вселенском заговоре. Да положи руку на сердце, того, что он рассказал, не хватило бы даже, чтобы обидеться. Обычный принцип дозированной информации: каждому положено знать то, что положено, и не положено... ну, в общем понятно. А я, как обычно, полез в бутылку. К счастью, в сложившейся ситуации нашлось два положительных момента: во-первых, теперь мне известно о влиянии прежней личности на мою собственную. Зная о нежелательных последствиях, можно осознанно корректировать действия. Впрочем, если раньше я действовал не за-

думываясь, то теперь поневоле придётся каждый раз взвешивать, чье именно решение пришло мне на ум. В кризисной ситуации так можно потерять драгоценные мгновения и создать обратный эффект. Говоря другим языком, я не уверен, что решение броситься на опытного воина с ножом было продиктовано моим собственным «я». В итоге же именно оно оказалось спасительным. Отсюда следовал вывод, который мне совершенно не нравился, но будучи человеком, опирающимся по большей части на логику, а не эмоции, мне приходилось скрепя сердце признать, что, возможно, выгода от нашей совместной деятельности может перевесить некоторые неудобства сосуществования.

Во-вторых, хорошо то, что этот разговор вообще состоялся и мне больше не придётся бродить в потёмках и играть не свою роль. В принципе, уже немало. Хотя, конечно, если на чистоту, вместо жирного плюса и определенности в копилку моей судьбы упала ещё одна причина для головной боли.

Но я отвлёкся, а между тем разговор продолжался.

– Ты зря считаешь услышать нечто ужасное, – заметил Оррик, поглядывая на меня снисходительно. – Пусть мы кое-что умалчивали до поры, да лишняя информация иной раз больше вредит, чем идёт на пользу. Вон как у тебя голова скрипела, когда думал, что не успеваешь в срок, а тут, представь, еще мы со своими проблемами. А то, что попутно решаем другие дела, тебя, в общем-то, не касается.

Я потрогал затылок, шишки оказались на месте. Очень

здорово меня не касаются их дела. Целых три раза. Сами сказали, что чудом выжил.

– А зачем нужно было ломать комедию? Все эти «командиры» ... – больше по инерции буркнул я, но меня бесцеремонно остановили.

– А никакой комедии не было, – в глазах Оррика зажглись холодные огоньки. – С такими вещами не шутят, Иан. С чувством юмора у князя Аэларэля, главы эльфийского дома и кардинала тайной стражи Святой Церкви, не очень.

Я вздрогнул.

– Но...

Аридил, сидевший позади меня, положил руку мне на плечо.

– Ты сам хотел этого разговора, так что, пожалуйста, выслушай все до конца. Никто не думает тебя обвинять, но там, куда ты идёшь, не выживают люди, невесть что возомнившие о себе. Тем, кто не привык зубами выгрызать себе дорогу, в инквизиции делать нечего.

Я обернулся и встретил спокойный, уверенный взгляд.

– Хорошо. – Мне оказалось нелегко говорить, чувствуя, как опять вспыхивает лицо.

– У наших стариков на тебя серьезные планы, – сказал Оррик. – Мне жаль, что приходится тебе это говорить, ты толковый парень, Иан, но отец Тук никогда и ничего не делает просто так. Если бы ты немного подумал, то догадался, что все, что происходит, – проверка. И ты, к сожалению, ее

пока не прошёл. Недостаточно получить назначение «командира», нужно стать им самому, каждый день, каждый миг, доказывать, что достоин. Прежде всего самому себе.

– Но...

– А ты что сделал? – хмыкнул Оррик, не дав мне и рта раскрыть. – Пустил все на самотек. Не вмешивался, когда в отряде назрел конфликт. Забился в свои мысли и роешься в них, как бездомная дворняга в мусоре, а тут все как-нибудь само разрешится.

Мои уши вспыхнули, как два бенгальских огня, а вместе с ними запылали и щеки. Сердце работало с перебоями, то перекачивая литр за литром, то замирая от стыда, и тогда я раскрытым ртом, как рыба, выброшенная на берег, ловил воздух. Мне хотелось встать навывтяжку и тут же зарыть голову в землю, как будто положение страуса хоть как-то способно облегчить незавидное состояние и дать время прийти в себя. Я боролся с нестерпимым желанием зажать уши руками, чтобы не слышать спокойную, размеренную речь инквизитора, каждым своим словом вбивающего очередной гвоздь в крышку моего самолюбия.

– Если бы тебе достались другие попутчики, – Оррик глубоко вздохнул, – тебя бы прирезали через неделю после выхода из Рогона. А может, даже быстрее.

Я взвыл.

– Да где бы я мог выучиться командовать?!

– Как где? – удивился Оррик. – Здесь! С нами. А ты даже

не пробовал.

– Но вы и без меня лучше знаете, что делать! – попробовал сопротивляться я. – Своими советами я сделаю только хуже.

– Конечно, знаем, – согласился эльф. – И тебе следовало пользоваться нашими знаниями. Толковому офицеру на то и положена голова, чтобы учитывать сильные и слабые стороны своих подчинённых, направлять их по верному пути, а не действовать по принципу «не знаю, что делать, значит, решится само».

Что тут скажешь? С одной стороны, он, конечно, прав. Только откуда мне, простите, взять этот опыт? Все мои проекты, благодаря которым уже к двадцати я чувствовал себя довольно уверенно без чьей-либо помощи, работали самостоятельно, требуя лишь эпизодического вмешательства и контроля. Первое, от чего я постарался избавиться, был человеческий фактор. Роботы не ходят курить, им не нужно платить. Выходит, все-таки придется мне переучиваться. Да, именно сегодня ко мне пришло осознание, чего требует от меня жизнь. Я так долго отмахивался от этих мыслей, полагаясь на традиционный «авось» и юношеский пофигизм, что и сам в них поверил. Не прокатило.

Начнем, пожалуй, прямо сейчас!

– Что вы на меня налетели, как волки на хромую лошадь?! – вместо стыда во мне разгорался гнев. – Что-то я не припомню, чтобы вообще подписывался под эту затею! – (а вот это уже от папы) я почувствовал, как взор затягивает

красной пеленой, и меня понесло. – Ну и что, что я не умею командовать! Какое ваше дело, что я умею?! Что вы до меня докопались со своими советами! Да плевать я хотел и на вашего князя, и на выжившего из ума старика в халате!

Очнулся я от того, что не мог пошевелиться, но не на земле, как обычно, когда падаю в обморок, а в вертикальном положении. Мне хватило секунды, чтобы разобраться в ситуации, и я покрылся холодным потом. Напротив меня сидел белый как мел Оррик и оторопело смотрел на лежащий у моих ног кинжал, а мои руки тем временем железной хваткой удерживал Аридил, он же, видимо, и выбил нож.

Это до чего же такого я договорился, если с ножом бросился на инквизитора? Судя по его взгляду, он не больше моего оказался готов к подобному результату задушевной беседы. Эльфа я не видел, но, думаю, нам обоим нужно поблагодарить его за хорошую реакцию и внимание. К своему ужасу я опять почувствовал, что начинаю краснеть.

– Остыл? – участливо поинтересовался эльф над моим ухом.

Я нашёл в себе силы спокойно кивнуть, и объятия разжались.

– Предлагаю всем выдохнуть и начать сначала. – Аридил вернулся к своему занятию: я заметил, что он часто смотрит в костер, а на его лицо в такие минуты опускается печальное выражение. Как оказалось, он при этом не теряет ниточки разговора и всегда готов вмешаться, если необходимо.

Оррик поежился, хотя солнышко пригревало изрядно. Мне до жути хотелось повторить его жест, но я удержался.

– Давайте покончим с разговорами по душам на сегодня, – промолвил я, хрипло прочистив горло.

Аридил никак не отреагировал на мое предложение, Оррик ткнул в меня указательным пальцем и покивал – беседа по душам сегодня не клеилась. Над костром повисла неловкая тишина. Я мысленно сплюнул и выматерил себя от души. Как же так получилось? Меня непросто вывести из себя, но если кому это и удавалось, я, как правило, не лез на него с кулаками. Тем более с ножом! Соседство с прежним хозяином опять дает о себе знать?

Я кашлянул. Не дело завершать разговор на такой ноте. Пусть я буду выглядеть идиотом, надо сглаживать ситуацию.

– Отец Поль говорил, что у них вот уже полгода пропадают люди. Такая картина по всей Арли? – спросил я, припоминая, о чем говорил Оррик. – И у эльфов?

Инквизитор задумчиво огладил бороду. Надеюсь, я смог перевести его мысли в другое русло.

– Как у эльфов, не знаю, – он бросил быстрый взгляд на Аридила. – А в остальных странах почти везде, хоть и не в таких масштабах. Совсем не в таких. Хотя, может, у меня устаревшая информация. А так да, пропадают люди, купцы, инквизиторы, крестьяне и благородные.

– Почему власти на местах замалчивают пропажи? – удивился я. – Ведь у Церкви достаточно сил, чтобы помочь, под-

кинуть людей...

Оррик улыбнулся.

– Сразу видно, что в политике новичок, – он отобрал у меня кусок мяса, который я ожесточенно крутил в руках, и принялся кромсать на куски моим же ножом. – Кто же в здравом уме попросит о помощи? Это верный признак слабости. Могут решить, что ты не в силах удерживать свою вотчину.

– То есть каждый в своем дремучем углу пытается умолчать о размерах проблемы, потому что боится, что его убедут, так как он не справился с проблемой своими силами? – недоверчиво переспросил я. – И так везде?

Есть вещи, которые не меняются, независимо от планеты.

– Не везде, – возразил Оррик. – Кое-где мы контролируем ситуацию лучше, поэтому о проблеме узнали раньше, – он вздохнул. – Только это ничего не меняет. Мы не можем дать охрану всем. И не можем обнаружить, кто за всем этим стоит.

– И наш поход спланирован таким образом чтобы, так сказать, на месте выяснить, что происходит, – догадался я.

– Вроде того, – хмыкнул Оррик. – Мы должны объехать все города по пути, какие возможно, и оценить ситуацию.

Я опять потрогал шишки. Ситуация мне в целом не нравилась.

– А стрелков нашли? – наконец вспомнил я вертевшийся на языке вопрос.

Эльф покачал головой, не отводя глаз от огня.

– Я обнаружил следы двоих, но они никуда не вели, как будто испарились или провалились сквозь землю, – он махнул рукой в сторону леса. – Сначала я проверил округу сам, затем люди этого инквизитора перевернули там все вверх дном. Ни следа. Точнее, они ведут в никуда.

Я на секунду задумался.

– Получается, они ушли в первые же мгновения, стоило вам двоим вступить в бой.

Оррик с Аридиллом переглянулись.

– Получается, – признал инквизитор.

– С другой стороны, – протянул я, рассуждая вслух, как всегда любил делать. – Почему они отступили? Испугались? Им всего-то нужно было лишь убрать Аридила. Он один представлял серьёзную опасность. Не думаю, что два приличных стрелка не смогли бы справиться с одним воином, пусть даже и очень умелым, – я взглянул на инквизитора. – Не в обиду будет сказано, но нас с тобой в этом случае вряд ли стоит брать в расчет.

Оррик хмыкнул, но согласно кивнул. Сравнение ему не слишком понравилось, но он умел реально смотреть на вещи.

– Значит, им нужно было разделаться с Аридиллом, – повторил я. – И добить тебя с остатками ребят Гюго.

– Аридил может отбить стрелу, – неуверенно сказал Оррик, но тут же встретил улыбку эльфа.

– Ты слишком высокого обо мне мнения, инквизитор. Я,

может, и не последний из воинов своего народа, но вряд ли владею подобным навыком. Наверное, я бы смог уклониться, но только в том случае, если бы видел стрелка. – Он замолчал, а потом добавил: – И точно ничего бы не сделал, если их двое. Тем более те, с кем мы столкнулись, явно не новички.

– Тогда остаётся единственный вариант, – я задумчиво потер щеку. – Они по какой-то причине не хотели причинять вред Аридилу. Причём до такой степени, что пожертвовали своими людьми и поставили под угрозу секретную операцию.

Глава 5

Едва опустились сумерки, Оррик опять ушел в основной лагерь. Мы остались с эльфом вдвоем. Аридил был задумчив, рассеянно покусывая травинку, он привычно смотрел, как огонь расправляется с очередным подношением.

– Когда вы успели договориться? – спросил я.

Вот радует меня, когда я разговариваю с пустотой. Прошло некоторое время, а он все так же продолжал кидать соломинки в огонь. То ли Аридил так сильно задумался, что не слышал ни слова, то ли вообще не собирался ничего говорить.

Я встал.

– Не очень давно, – услышал я отстраненный голос эльфа. – Оррик – очень умный человек, гораздо умнее, чем хочет казаться. Однажды он подошел ко мне и предложил на время оставить наши разногласия и заключить соглашение. Ничего особенного он не требовал, рассказал, что происходит, и просил не мешать. Кое-что я и сам знал, так что об остальном было догадаться нетрудно.

– Спасибо, – так же тихо произнес я и ушел в палатку. Мне нужно было подумать, хотя о чем тут думать? Церковь проводит свою операцию, подобрав удобный предлог. Как всегда, у ведра оказалось двойное дно, а там кто знает, что скрывается за последним.

День вышел очень длинный. Я опять сидел у костра. Вокруг опустилась ночь, а я так и не мог заснуть. Эльф и Оррик дрыхли без задних ног, а мне в последнее время снилось, будто та темнота, когда я пытался выбраться из «послесмертия», стала стучаться ко мне во сне. Никакие бараны не помогли быстро уснуть, стоило поворочаться пять минут, как меня накрывало. Засыпал я только под утро каким-то рваным, беспокойным полусном, в котором мне снились кошмары, но, к счастью, стоило распахнуть глаза, все забывалось.

Ещё я обратил внимание, что меня перестала донимать мошкара. Оррик старательно отмахивался от назойливой мелюзги, а мы с эльфом поглядывали на него снисходительно. Правда, я изредка ловил на себе странные взгляды Аридила, но не придавал им значения. Ещё не хватало расстраиваться по поводу комаров, которые отказывались меня кусать. Не удивлюсь, если это дар, полученный после первой смерти; я всегда знал, что у моего покровителя с чувством юмора все в порядке и насчёт моего боевого духа можно не волноваться: перед решающей схваткой я точно выплусь. Что может быть полезнее здорового, крепкого сна?

– Не спится? – Я вздрогнул. Это что, коронная фраза всех инквизиторов? Ничего оригинальнее не нашлось?

– Садитесь, отец Поль, в ногах правды нет, – вздохнул я и подбросил в костер пару веток. Мерцающие жаром угли жадно потянулись к пище, освещая бороду инквизитора ма-

линовым светом.

– Не слышал, – хмыкнул он. – Хорошо сказано, душевно.

Он опустил ся рядом, но даже сидя на бревне, которое принес к костру Оррик, возвышался надо мной несокрушимой металлической башней. Правда, я теперь знал, что у этого камня слишком мягкое сердце. Или лучше всего сказать, внутренности? Я не знаю, как относиться к этому большому, громкому человеку, который, как и я, не слишком силён в политике. Я уже смирился, что мне волей-неволей придётся окунуться в этот грязный поток, а вот главному инквизитору уже поздно что-то менять.

– Мы живём в странном мире, парень, – сказал он, глядя в костер, как и эльф до него. – Иногда мне кажется, что мы делаем то, что нужно, а иногда – лезем в петлю, потому что не понимаем, зачем всё это, мир прекрасно обойдется и без наших потуг.

Я взглянул на него и вздрогнул второй раз. Инквизитор боялся – над ним, сжавшись до размера яблока, подрагивала белая, как молоко, клякса. Отец Поль был в ужасе. Да что происходит?! Я что, медом намазан, что ли, для всех этих людей, или это последствия моего предназначения?

– Делай, что должно, и свершится, чему суждено. – Я сегодня просто кладезь для мудрых фраз.

Отец Поль посмотрел на меня невидящими глазами.

– Надвигается что-то ужасное, и никто не сможет нас от этого защитить, – пробормотал он и, не прощаясь, канул в

ночную тьму.

Я так и не понял, зачем он приходил. Огонь старательно дожидался от меня новой подачи, и я подбросил ему еще.

– Не что-то, а кто-то, – буркнул я, чувствуя, как начинают слипаться глаза. – Я надвигаюсь.

Глава 6

Естественно, я не выспался. Аридил сиял невозмутимым лицом, бодрый до отвращения Оррик перекидывался с кем-то шуточками, а мне оставалось только страдать: ради одного человека поход откладывать не с руки, особенно если этот человек я.

Сегодня Звездочка решила показать свой характер, и мне пришлось по старинке воспользоваться услугами Оррика. С грехом пополам меня усадили на лошадь, и мы заняли место в самом хвосте отряда. Инквизитор на этот раз ехал рядом с эльфом, живо делясь с ним какими-то своими размышлениями, тот нехотя отвечал.

Перед тем как мы тронулись, Оррик улучил минуту и подъехал ближе. Мне и самому хотелось переборщить с ним парой слов, слава богу, топор войны мы так и не раскопали, а яблоко раздора нужно было съесть, пока оно не дало плоды.

– Ты, это, не держи зла, – пробормотал он, чем удивил меня больше, чем если бы опять на меня наорал. – Переборщили мы с нравоучениями, да и то, давно я с новобранцами дел не имел.

Чудо! Покаянная речь вооружённого до зубов человека, словно чудодейственное зелье, вернула мне прекрасное расположение духа, впрочем, нашлась у моего попутчика и ло-

жечка дегтя.

– Только вот про епископа и князя ты того, – Оррик пригрозил мне кулаком, – лишку дал. Это хорошо, что никто не слышал, а то доброхоты найдутся и шепнут, кому надо, на ушко, и тогда мало нам всем не покажется. Епископ шуток не понимает, у него что ни шутка, то заговор. Про князя вообще лучше не вспоминать. Помню, как-то раз... – не договорив, он посмотрел на меня.

Я кивнул и жестом продемонстрировал, что с этих пор я «могила».

– И ты меня извини, – вклинился я в пошедшие по второму кругу расшаркивания инквизитора. – Правда, даже не знаю, что на меня нашло.

Оррик только отмахнулся, разворачивая лошадь, и резко добавил ходу. Я смотрел ему вслед и думал, как же все-таки странно устроен мир: ты чуть не зарезал человека, а он перед тобой извиняется, словно ничего особенного не случилось. Ну, бросился на него с ножом, эка невидаль, с кем не бывает? А я-то глаз не сомкнул всю ночь, переживал, что навсегда потеряю его расположение, и на тебе! Кто сказал, что утро добрым не бывает?

Вереница всадников втянулась в горлышко серой ленты. Это я так поэтично про дорогу. Ну не писать же, что задние ряды снова принялись глотать пыль передних. Вскоре мимо потянулись рощи, луга распахивали просторы до горизонта,

ветер все-таки разогнал тучи над нами и теперь развлекался белым кружевом облаков. Я словно ехал в медленно ползущем поезде с открытыми окнами, а вместо перестука колес до слуха доносились ритмичные удары подков о твердую землю. Этот звук убаюкивал не хуже телевизора, а монотонное покачивание лошадиного крупа добавляло к дорожному гипнозу силы.

Чтобы не уснуть, я принялся искать себе занятие. От мыслей лопалась голова, поэтому нужно было занять ее чем-то другим. На помощь неожиданно пришел ветер, нагнав над нашими головами тучи. Я с раннего детства не играл в сравнения, но тут, на пустой дороге, когда разговаривать не о чем, да и не слишком хочется, даже такая забава не давала скучать. Лошадки, верблюды, драконы, пришельцы и даже кот моей бывшей девушки – все они старательно строили мне свои рожи, и я не выдержал, высунув язык в ответ.

– Всё-таки ему досталось сильнее, чем мы подумали, – услышал я насмешливый голос Оррика. – Смотри, как перекосило рожу!

Эльф вежливо улыбнулся шутке, а Оррик весело заржал в голос. По всей видимости, мои спутники тоже не знали, как скоротать время, темы для разговоров иссякли, поэтому самое логичное в такой ситуации – прицепиться к какому-нибудь простаку. На свою беду Оррик почему-то выбрал меня, а мой зверь внутри только и ждал, на ком бы сорвать свое раздражение.

– На себя посмотри, – я злобно буркнул ему в ответ. – Меч не точен, конь не поен, зубы не чищены.

Оррик оторопело уставился на меня, словно ему только что ответила моя лошадь, а Аридил улыбнулся от уха до уха.

– Впредь тебе, инквизитор, наука, – поучительно произнес он. – Не лезь к желтой лягушке, она может плюнуть ядом.

– Да ну вас, – обиженно рыкнул инквизитор. – Я ж не со зла.

Он некоторое время ехал молча.

– А почему именно к желтой?

– Мелкие животные вроде меня помечают себя такой яркой краской, чтобы всякие громилы вроде тебя издали узнавали и старались держаться подальше. Особенно если лягушка не выпалась, – в тон эльфу ответил я.

Оррик только хмыкнул, а вот эльф оглянулся, и я был удостоен его удивленного взгляда. Я внутренне ухмыльнулся: биология, шестой класс, родная, хоть где-то ты пригодилась.

– А зубы чистить зачем? – все не унимался Оррик.

– Чтобы пугать врагов, – на этот раз первым выступил эльф. – Представь, начистил ты их перед боем до блеска, улыбнулся перед ударом да и ослепил противника. А потом уже и мечом по голове, как ты любишь.

Я бы вот так ей-богу не смог, без улыбки, без малейшей искринки в глазах – на полном серьезе нести чушь, от которой лапша сама сохнет и начинает закручиваться на ушах. Мне пришлось отвернуться, чтобы не испортить эффект.

Оррик долго переваривал новую для него теорию боя, почесывая подбородок. Видимо, примеривал на себя. Но в конце концов просто пожал плечами.

– Я лучше по старинке, без всяких ваших заумствований. Тут уж мы с Аридиллом не выдержали и засмеялись вместе.

– Есть какие-то версии происходящего? – спросил я спустя какое-то время. – Кто за этим стоит? Кому выгодно нападения, и для чего воровать людей?

Оррик с эльфом переглянулись.

– Ты прям как кардинал ди Картэ, – инквизитор задумчиво потер щеку. – Ищи, говорит, Тук, кому выгодно. А кому может быть выгодно, чтобы по всей Арли встала торговля, жались по лавкам люди, знать боялась выходить из замков? Слухи ползут самые дикие. Тут ведь как, пропал один караван, а в третьих устах их уже десять. К десятым любому становится ясно, что ещё месяц, и живых купчишек вообще не останется. Пока мы справляемся с паникой, но что будет дальше? К тому же и среди братьев далеко не спокойно. Раньше от соискателей не было отбоя и многих не брали. Сейчас, поговаривают, полноводная река мелеет, люди вдруг обнаружили, что мы не всеильны, и нас тоже коснулась беда.

Я призадумался. Размышлялось мне лучше вслух, но вокруг слишком много посторонних, для которых мои идеи могли бы показаться, как бы сказать, слегка шокирующими,

поэтому поступим-ка мы вот так...

– Мы можем слегка приотстать?

– Зачем? – спросил Оррик, а вот Аридил практически сразу ухватил мысль.

– Лишние люди, инквизитор, – сказал он. – И лишние уши.

– Они мои братья, – насупился Оррик, но по его ауре я догадался, что вся его обида – лишь дань профессиональной солидарности. В компании епископа за столько лет поневоле вобьют в голову элементарные правила безопасности. И секретность – одно из самых для этого дела важных.

Когда Оррик принял решение, найдётся не слишком много вещей, которые его остановят. Он резко подал коня назад, развернулся и начал проталкиваться сквозь строй, по его знаку мы последовали за ним. Зная о моем нереальном навыке по управлению лошадьми, Аридил сжалился и зацепил мои поводья, так что у Звёздочки не осталось и шанса, чтобы показать свой характер.

Мы довольно быстро встали в самый конец, благо и раньше располагались недалеко от замыкающих строй воинов. Нас пропустили не слишком охотно, но Оррик безжалостно рубил на корню все возражения одним своим видом. Его свирепо полыхающий взгляд отпугивал удальцов не хуже шестиствольного пулемёта в руках героя из джунглей.

– Ну? – гаркнул он, не слишком заботясь, что его может быть слышно и в первых рядах.

Я подождал, пока мы отстанем еще немного, и поерзал в седле. Наступала самая важная часть поездки. Пора было покончить с загадками.

– Давайте ещё раз пробежимся по тому, что мы знаем, – решительно предложил я, прислушиваясь к подозрительно притихшей спине – не нравятся мне такие вот штуки.

К моему удивлению, слово на этот раз взял Аридил. Если и не один в один, то достаточно точно он фактически повторил речь отца Поля, которой я оказался свидетелем по воле своего спутника-инквизитора, добавив от себя несколько моментов, которые в целом нисколько не меняли картину: людей не только похищали, но и убивали практически по всему матеруку. Под угрозой нападения оказались буквально все сословия, неизвестные не брезговали даже нищими, а иногда покушались на тех, кто до сих пор носил печать неприкасаемых, – саму инквизицию. Число случаев на проверку было не столь велико, зловещий ореол им придавал тот факт, что нападавших не смущал ни статус жертвы, ни ее окружение. Пугала безнаказанность нападавших. Нужного человека выкрадывали, остальных вырезали, так, чтобы не оставлять ни одного свидетеля. При этом работали они без осечек, наш случай – исключение из правил.

– Нападения носят случайный характер. – Эльф мрачно смотрел вперед, а я слушал его и старался понять, какое ему, собственно, дело до нападений на людей. То, что я слышал об эльфах, было почерпнуто из одной легенды, пары исто-

рий, рассказанных в кабаке подвыпившими гуляками, и молчаливой неприязни Оррика, о причинах которой он старался не распространяться. Люди не испытывали к ним добрых чувств, хотя уважали и даже побаивались, между собой называя «спесивыми ублюдками» и «высокородными» – в зависимости от общества и степени градуса. Сомневаюсь, что эльфы платили людям другой монетой. Аридил же пять минут как вышел из леса. Людей он если и знал, то их можно пересчитать по пальцам – вряд ли в вотчину эльфов пускали так много нашего брата. Скорее всего, источником знаний являлись книги и рассказы соплеменников, которые, зная историю Арли, и близко не пылали благодарностью к людям. К чему же тогда такое соперничество? Профессиональная гордость, великолепная актерская игра, или действительно жалко погибших? Никакая аура тут не поможет докопаться до истины.

– Лучшим дознавателям инквизиции до сих пор не удаётся выяснить, по каким критериям отбираются жертвы. Совершенно безопасная с виду дорога, по которой прошли тысячи караванов, вдруг превращается в смертоносную ловушку, а когда до нас доходит информация о трагедии, становится слишком поздно: от убийц к тому времени не остаётся следа, – продолжил эльф.

– Откуда ты все это знаешь, ушастый?! – вспыхнул Оррик. – И почему я об этом узнаю только сейчас?

– Не стоило так долго протирать штаны так далеко от ци-

визации.

– Мы в Рогоне, дай бог, полгода.

– Мир не стоит на месте.

Похоже, для Оррика, как и для меня, некоторые вещи оказались в новинку. Или их по какой-то причине «забыли» озвучить моему спутнику, а заодно и епископу. Если князь знал о растущей опасности, почему он все-таки выпроводил нас без сопровождения? Прямо поле для теории заговоров. Впрочем, надо возвращать разговор в нужное русло.

– Вообще никаких намеков? Дорогие товары, контрабанда? Может, люди задолжали кому по-крупному? Мечь? – Я начал перебирать все, что приходит на ум, стараясь не подпускать к себе зерна сомнений: а не слишком ли я о себе возомнил – это на экране детектив с трубкой щелкал дела, словно орехи, не сходя с места, реальность может оказаться куда глубже и запутаннее. Куда мне роль великого сыщика.

– Ничего, – сказал Аридил. – Разные люди, никак не связанные между собой. Только случай помог понять, что происходят не совсем обычные вещи: в одном из торговых обозов везли одну чрезвычайно важную для Церкви реликвию, – эльф выразительно посмотрел на Оррика. – Когда караван не явился в срок, настоятель монастыря, для кого предназначалась посылка, поднял тревогу по всей округе. Ему повезло, что главой местного отделения инквизиции служил весьма прозорливый Рубель да Силва...

– Епископ Вали да Силва... – удивился Оррик.

– Это его брат, – пояснил Аридил. – Наш да Силва не стал ждать, он собрал всех, кто мог держаться в седле, и выехал навстречу обозу.

Оррик, похоже, слышал эту историю впервые.

– Так они нашли торговцев?! – Я тоже жадно вслушивался в рассказ: меня нечасто баловали подробностями.

– Нашли! Обоз застрял в двенадцати часах езды от города. Телеги полностью перегородили дорогу, лошади в упряжи ржанием пытались отпугнуть стаю волков, крутившуюся поблизости, и ни одного человека, кто мог бы объяснить, что происходит.

– Вещи не тронули?! – удивился я.

– Нет, вору оставили его в целости и сохранности, а вот людей – никого. Настоятель потом получил все, что ему причитается, а да Силве досталась сомнительная честь открытия целой серии таких нападений. Он был умным человеком и бросился в погоню. В таких местах люди умеют читать дорогу, так что они довольно быстро вышли на след похитителей. Нападавших оказалось вполовину меньше преследователей, да в придачу к ним еще и пленники – у Рубеля были все шансы догнать беглецов.

Эльф помолчал, мне хотелось подтолкнуть его, чтобы поскорее услышать окончание истории.

– Ну и? Они их догнали?!

– Догнали, но не всех. – Аридил усмехнулся, он прекрасно понимал мое нетерпение и, похоже, умышленно не торопил-

ся с ответом. – Через несколько часов погони, когда да Силва принялся потирать руки, – пленники сильно мешали злодеям, – все вдруг враз изменилось: шагах в сорока от тропы люди инквизитора сделали страшную находку. Нашли семь человек с перерезанным горлом.

– Всем?!

– Хозяина каравана среди мертвецов не было, – промолвил эльф, подтвердив мои предположения. – О нем вообще больше никто не слышал.

– Значит, Рубель никого не догнал, – сказал я.

– Да Силва продолжал идти по следам ещё день, но в итоге потерял их. Ему пришлось вернуться ни с чем, – сказал Аридил.

«Совсем как у нас», – подумал я.

– А дальше?

– А дальше в происходящее вмешался его брат, – Аридил пожал плечами. – Было проведено расследование, благодаря которому инквизиция выяснила наконец масштаб происходящего, и все схватились за голову.

– То есть вы только полгода назад обратили внимание, что происходят нерядовые события, а начаться все могло и гораздо раньше, – сказал я, мысленно подметив, что епископу Туку о происходящем сообщить не подумали.

Аридил кивнул, не посчитав нужным комментировать очевидные вещи.

– Получается, кто-то ворует людей по всему континенту,

попутно убивая лишних, и вы не знаете, почему это происходит, кто стоит за похищениями и убийствами и для чего все затевалось.

Опять мне никто не ответил.

– Аридил, а у эльфов происходит нечто подобное?

Ух, как моему молчаливому великовозрастному спутнику не хотелось мне отвечать! Мне еще не доводилось видеть такой великолепный образчик досады. Ну-ка, хватит у него мужества? Я бы отдал руку за то, чтобы в этот момент коснуться его плеча: на князе мой детектор сработал так же безотказно, как и на человеке.

– Нет. – Я с трудом расслышал, что он сказал. Что ж, посчитаем, что это правда и кровавые разборки касаются только людей. Кстати, а почему? Впрочем, думать будем потом, сейчас первичный сбор информации.

– А отбиться у кого-нибудь, как у нас, получилось?

– Не слышал о таком, – сказал Аридил.

Чудесно! Обожаю быть первым, первопроходцам достаются все лавры, если выживут после шишек.

– И что, за полгода ни разу никому не удалось никого поймать?! – Я попал в какую-то сказку, прямо приключения «неуловимых». На континенте орудуют вооружённые до зубов группы убийц, а тут и в ус не дуют. Куда в таком случае смотрит инквизиция, которая, как я полагал, контролирует каждый чих?

Оказалось, дела все-таки обстояли несколько по-другому.

– Не держи нас за простофиль, – рыкнул Оррик. – Я слышал, за этими молодчиками гоняется половина церкви, а Клаус фон Бролле лично пообещал наградить любого, кто предоставит сведения, которые позволят поймать негодяев. Наш бравый боевой кардинал столько раз выводил своих людей прочесывать леса, что, кажется, его даже зайцы уже должны знать в лицо. Он переловил массу разного сброда, который там прячется. Несколько раз ему попадались довольно большие шайки, но кто разберёт, те ли они, которых мы ищем? После облавы редко остаются в живых, а от счастливых, переживших бой, ничего путного не добились.

Выжившим не позавидуешь. Собственный опыт говорил мне, что им повезло бы гораздо больше, если бы они скончались при задержании.

– А чтение аур?

– А что чтение аур? – сказал Оррик. – Для того чтобы что-то найти, нужно знать, что искать. Мы же блуждаем в трех соснах. К тому же не думаешь ли ты, что у нас каждый второй владеет этим искусством? Такие люди в королевствах наперечет, бродить по лесам их никто не отпустит. Да и найти обоз после нападения – большая удача, обычно они пропадают бесследно, а кто будет тратить силы на поиски человека бесплатно?

Я призадумался: все эти фильмы, сериалы и книги с невообразимым количеством разных сюжетов, в которых обыгран миллион вариантов, конечно, давал мне неоспоримые

преимущества перед моими спутниками, но оставался один нюанс – нужно найти единственно верный. Весь вопрос в том, как это сделать. В самом деле, не рассчитывал же я, что смогу найти отгадку в два счета? Нужно постараться уложиться хотя бы в три.

– Давайте проведём мозговой штурм, – предложил я.

– Мозговой штурм? – переспросил Оррик. – Не понял, что нам нужно штурмовать.

Если инквизитор с ходу и не сообразил, что я имел в виду, то Аридил за свои пятьсот лет прочитал парочку нужных книг.

– Видимо, наш юный спутник говорит о том, что каждый из нас должен высказать свои мысли, даже если они покажутся нам не совсем подходящими.

– То есть явный бред тоже считается? – ухватил его мысль инквизитор.

– Да, любая идея, – кивнул эльф. – Странное выражение «мозговой штурм», никогда о таком не слышал. Откуда ты его взял, Иан?

Хм, а ведь я, похоже, нащупал вторую ступеньку крыльца будущей крепости! В глазах эльфа я заметил неподдельное любопытство, и это мой шанс! Если не получается взять умением, почему бы ни заинтриговать обоих, не раскрывая, впрочем, суть. Уж это у меня, если я как следует постараюсь, точно получится. По крайней мере, показался краешек тропинки к душе эльфа. В моих силах расчистить дорогу и

подобрать ключик к его душе. А там и Оррик подтянется, почему-то я полагал, что именно Аридил окажется самым крепким орешком.

– Умные книги читал, – произнёс я, и по расширившимся от изумления глазам Оррика и недоверчивому взгляду эльфа пришёл к выводу, что, как известный сказочный барон, только что одним выстрелом убил сразу двух уток. При этом не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что мои спутники среагировали на совершенно разные вещи. Оррика повергло в шок мое умение читать, а Аридил явно обратил внимание на слово «умные». Крючок я закинул, теперь нужно правильно подсекать.

Начиналось все довольно оптимистично.

– Кто-то хочет всех напугать, – Оррик взял слово первым. – Ну и по возможности поживиться.

– Вопрос: зачем ему нас пугать? – хмыкнул Аридил, подумав, добавил: – И кого нас?

– Людей, народ, – пожал плечами Оррик. – А зачем – шут его знает. Вон, этого даже совет кардиналов не знает, а там люди, чай, поумнее нашего.

– А ты что думаешь, Аридил? – спросил я, мнение эльфа было любопытно послушать.

Эльф долго ехал молча, задумчиво глядя вдаль.

– Я думаю, что эти люди кого-то ищут, – задумчиво проговорил он. – Но пока не нашли, – он посмотрел на меня. –

А твое мнение?

Мнений у меня было несколько, одно из которых, кстати, созвучно с мыслями эльфа, хотя и не полностью. Интересно, если я их озвучу, меня посадят на кол сразу? Если уж становиться отцом, то и мыслить придётся его категориями, а от этого дела тянется такой душок, что мне до дрожи в коленках не хочется туда лезть. К сожалению, как я говорил, свобода выбора – это миф.

– Воспользуемся логикой, – вздохнул я, понимая, что ныряю с головой в болото. – Нападения происходят по всей Арли, значит, это тот самый случай, когда у вашего, простите, уже нашего врага желания офигевают от возможностей. Поправьте меня, но как по-другому описать то, что он одновременно проводит столько операций по всему свету? И заметьте, практически без накладок. Мы, ребята, воюем с монстром, опутавшим весь Арли от края до края своими щупальцами. Я знаю только одну организацию, которой под силу подобная операция... – Ну вот я и нырнул.

Вполне ожидаемо, договорить мне не дали. Я навсегда запомню лицо Оррика с бешено вращающимися глазами, царапающего пальцами рукоять меча и тут же хватавшегося за кинжал. Умею я находить подход к людям. Дорожка к сердцу? Авторитет? Любопытство? Не в этом веке, ребята, пока я работаю только в противоположном направлении.

К счастью, в наш спор вмешались, так что штурм обошелся без жертв.

– Оррик, Иан! – прикрикнул на нас Аридил. – А ну поумерьте свой пыл. Стоило ли делать вид, что у нас секреты, и кричать на весь белый свет? Вас слышно на несколько верст вокруг.

Я невольно бросил взгляд вперёд и прикусил язык, рядом замолчал Оррик: вся наша процессия остановилась, и теперь к нам сквозь строй проталкивался сам главный инквизитор Архана, отец Поль своей высоченной персоной. Судя по брызгам ауры, человек-гора пребывал изрядно на взводе, а глаза у него горели от бешенства, как зрачки терминатора. Что-то мы раскричались, так что нас слышали даже из головы отряда. Ну или ему сообщили доброхоты о наших непростых дебатах.

– Что вы тут мне устроили! – лязгнул он почище танковой гусеницы, осаживая коня. – Раскаркались, как вороны над падалью! Если какая тварь и не знала о нашем присутствии, то теперь-то всем все ясно! Отряд идиотов на марше!

Орать отец Поль любил, с закрытыми глазами видно, что человек делает с удовольствием, а что – скрипя сердце, изматывая себя непрерывной борьбой между «не хочу» и «надо». Судя по всему, скрипя сердце, главный инквизитор именно останавливался. Зная за собой этот грешок, он, похоже, ругался строго отведённое время, неожиданно замолкая на середине. До десяти он, что ли, при этом считает?

Как бы то ни было, его сокрушительный монолог закончился, и он, осторожно поглядывая на нас, – не переборщил

ли, – поинтересовался, «какого рожна мы устроили».

– Я слышал чересчур возбужденный голос этого отрока, – наконец почти спокойно заметил он, указав на меня здоровенным кривоватым пальцем, похожим на замшелый дубовый корень. – Десятник Ганшик прекрасно разбирается в воспитании, он мог бы помочь вам с этим неслухом.

Эльф вежливо улыбнулся.

– Спасибо, инквизитор, мы предпочитаем сами воспитывать своих людей.

– Тогда делайте это не так громко! – сказал он, как будто и не орал сейчас в голос, и выразительно посмотрел на Оррика, при этом на его лице не отразилось ни грамма досады или разочарования. Совсем другое творилось над ним: то ли он уловил суть темы, то ли частично слышал беседу, но эмоции бравого инквизитора перехлестывали через край, как будто я и ему успел насолить. Надо держать ухо востро, эльф прав: моргнуть не успеешь, как окажешься на костре.

От привала до привала, по моим прикидкам, мы прошли около сорока километров. Я порадовался за себя: пять часов в седле меня не убили, в том смысле, что я все еще продолжал дышать. Несколько раз я чувствовал на себе участливый взгляд инквизитора, но в остальном он старался помалкивать, видимо, не отошел от наших дебатов.

Аридил помог доковылять до дерева, которое сама природа поместила здесь для меня.

– Как ты? – спросил он.

Я бросил быстрый взгляд на Оррика, который о чем-то говорил с отцом Полем. Главный инквизитор изредка согласно кивал, показывая рукой дальше, и неторопливо что-то рассказывал. Может, мы узнаем, сколько ещё идти? Признаться, такой длинный отрезок пути без отдыха, который мы проделали за сегодня, изрядно меня утомил. Прежде мы старались ограничиваться всего половиной этого расстояния. Иногда и того пуще – меня хватало всего на час. Сейчас моя спина раскалывалась, как будто вместо позвоночника вставили расплавленный прут, а пятую точку я вообще перестал хоть как-нибудь чувствовать. К сожалению, здесь отряд вряд ли задержится – мои мучения пока что лишь встали на паузу.

– Жив, но частично, – честно ответил я. – Правда, более целую половину назвать затрудняюсь.

– Ты молодец, – эльф опустил плечо. – Хорошо держишься.

Подошёл Оррик. Об утреннем инциденте мы оба старались не вспоминать. Я до сих пор не мог понять, кто меня дернул начинать именно с последнего варианта. Ведь дураку понятно, как отреагирует инквизитор даже на предположение о причастности Церкви к происходящим событиям.

– По словам Поля, – он решительно отказывался добавлять к имени командира отряда звание, – сегодня мы должны дойти до большого села, оно не дальше тридцати верст отсюда. Он дал нам полчаса на отдых, так что не расслабляй-

тесь, скоро опять в седло.

Я не смог сдержать стон.

Деревню мы увидели, когда стало ощутимо темнеть. И то сказать, ко мне это громкое слово не относилось. Мой единственный глаз отказался транслировать картинку в мозг значительно раньше. Похоже, где-то между головой и седлом зажал контакт. К тому времени, как мы проехали крайний дом, я смутно воспринимал происходящее, изредка сквозь гул в ушах прорывались взволнованные слова Оррика, который вроде бы теперь ехал рядом. Когда ж это закончится?! Когда я стану настоящим героем, которые месяцами не покидают седла, спят, подложив под ухо седло, отряхиваются после смертельных ран? Когда я, черт побери, просто смогу доехать куда-либо без приключений?

Мое сознание окончательно вышиб из тела голос главного инквизитора, трубно возвестивший о нашем прибытии:

– Приехали!

Глава 7

Я проснулся. Открывать глаза или не торопиться? Может, стоит притвориться спящим и какое-то время понаблюдать за обстановкой? Знаете, если жизнь все время долбит по темечку, поневоле научишься осторожности. Впрочем, те несколько минут, что я вслушивался в окружающую тишину, ничуть не прояснили картину. Где бы я ни находился, вокруг ни души. Либо те, кто за мной наблюдает, как следует затаились.

Если надежды на слух не оправдывались, то обоняние расстаралось вовсю: меня окружал мощный запах сушеных трав. Он оказался настолько силен, что на секунду мне показалось, будто я угодил в цветочную лавку с гербариями. Резкие и едва заметные ароматы перемешались друг с другом, превратившись в убойный, ни с чем не сравнимый букет. Несколько минут я развлекал себя тем, что пытался понять, что может так пахнуть, но игра быстро наскучила. Ботаника – не самая сильная моя сторона даже на том свете, чего же говорить про этот.

Я осторожно приоткрыл глаз, краем сознания отметив, что левый, ныне незрячий, в последние дни стал сильно чесаться. Или к перемене погоды, или все-таки слова князя не пустой звук и мой организм начал наводить порядок на своей территории. Признаться, в глубине души я уже почти свык-

ся с мыслью прожить всю жизнь с плоской картинкой. Мне вспомнился князь, его скупые советы и пояснения. Какие ещё силы могут быть мне подвластны? Почему бы встречающим не сделать инструкцию: убийца, тип персонажа – легендарный, воскрешение – раз в две тысячи лет...

Ухмыльнувшись этой идее, я подумал, что хватит предаваться мечтам, пора переключиться на реальность. Самый первый вывод напрашивался, который напрашивался: если над головой имеется потолок, значит, до деревни мы все-таки добрались, хотя дело, как известно, в деталях, и вот их-то я как раз и не помню.

Последнюю треть дороги Аридил ехал бок о бок со мной, поддерживая и оберегая. Мое тело превратилось в куклу без подставки – заваливалось набок, едва обретя равновесие. Я смутно слышал, как Оррик с кем-то ругался, требуя передышки. Действительно, восемь часов в седле – это в моем положении практически путь в могилу. Несколько раз инквизитор предлагал оставить отряд, но я видел, с каким сожалением он говорит, и упрямо мотал головой. Ну должна же эта дорога когда-нибудь закончиться? Эльф поглядывал на меня со всевозрастающим беспокойством, но Оррика пока не поддерживал – и на том спасибо, спорить с двумя я был не в силах. Далее – потемки. Укатали дедку крутые горки, или как там оно говорится.

Приподнявшись на локтях, я присвистнул от удивления: оказывается, мое почти бездыханное тело уложили у ок-

на «солдатиком» на длинную, узкую лавку, сколоченную из кривых, почти не ошкуренных досок. Как же надо было вымотаться, чтобы с таким рюкзаком, как у меня, заснуть на спине, не свалиться с этой жердочки и не почувствовать некоторого неудобства. Это вам не горошина под семью перинами.

Рекорд? Рекорд!

Настроение выползло из нижнего сектора, – учитывая обстоятельства, все совсем не так плохо. Я уселся на лавке, озадаченно потерев лоб. Повторялась одна и та же история: я просыпаюсь в совершенно незнакомом месте.

Маленькая комнатенка вокруг, справа окно, по размеру напоминающее отдушину, затянутое чем-то похожим на почти непрозрачный, серый с разводами пластик (в Рогоне вроде бы у всех были стекла), слева дверь, точнее проем, не имевший ни малейших следов петель. Стены из грубых досок с заусенцами, щелями и дырками из-под сучков, а под окном, когда лежал, я нащупал тяжелые полукружья бревен – каркас внешних стен. Мне повезло, что есть крыша над головой, вот бы ещё узнать, чья она и где все остальные.

Из давнего-давнего детства, когда поездка на дачу служила индульгенцией для всех проделок и засчитывалась прогибом, я примерно представлял себе, как должен выглядеть сарай. Вот на сарай мое теперешнее жилье и походило больше всего. Или на жилище безумного дворника, который на

досуге занимался тем, что коллекционировал метлы. Огромное количество разных по форме и виду веников висело под потолком на веревках, в слабом свете напоминая скальпы безумных панков после просушки. Надеюсь, владельцу этого добра не придет в голову наведаться сюда с топором. Куда я от него денусь в таком домике с окнами размером со спичечный коробок?

Я потянулся, заранее предчувствуя, что за столь долгое время пребывания в седле мне придётся придётся расплачиваться какими-нибудь болячками, и с удивлением обнаружил, что не чувствую последствий безумной гонки. Нигде не болело, не тянуло, не ныло. Выходит, утро все-таки мудренее вечера. Предки знали толк в сне, отправляя гостей сперва на боковую, а уж потом приступая к расспросам. Кстати, в сказках еще упоминают про пир на весь мир. Вот от чего я сейчас бы точно не отказался, так это от хорошего завтрака. Бекончик с омлетиком и апельсиновым соком пришлось бы как нельзя кстати. Ладно, сойдет даже геркулесовая каша с молоком и вареньем.

Отложив мечты о еде на потом и погрозив кулаком бухтевшему возмущенно желудку, я поднялся с лавки и с удивлением обнаружил, что одним незнакомым местом история не ограничивается. Я вновь не в своей привычной одежде, а в той же самой хламиде, что и в первый день своего пребывания на Арли. Меня прошиб холодный пот. Неужели опять?!

Я вскочил, чтобы в следующий момент, споткнувшись,

растянуться на полу. Ругань, как вы знаете, в таких вещах незаменимый помощник, так что особенно в выражениях я не стеснялся. Впрочем, минутой спустя обнаружилось, что история повторяется, но с оговорками – кто-то сложил мои вещи прямо около ложа. Тут же стояли ботинки, об которые я зацепился. Не вставая с пола, прижав к груди обувь, как будто это мешок с бриллиантами, я долго и упоительно, но беззвучно хихикал (вы же помните про дворника с топором?).

Скинув рубаху, в которую меня нарядили, я переоделся в свою одежду и сразу почувствовал, что ко мне возвращается прежнее самообладание. Вряд ли кто-то будет оставлять мне мои вещи, желая недоброго здоровья. Впрочем, одежда – это детали, гораздо важнее, сколько я проспал. Зная свой организм так, как теперь знал его я, подозреваю, временем он распорядился на свое усмотрение. Я мог проваляться и час, и двое суток. Если учесть нагрузку, которую я с честью не перенес, то будь я даже провидцем, не взялся бы предположить, сколько здесь провалялся.

Следовало поскорее найти своих! Да что я говорю? Следовало найти хоть кого-то, чтобы узнать, что происходит.

Интересно, уговорили ли мои спутники отца Поля задержаться в деревне, пока я отсыпаюсь в чулане, или те послали их подальше и продолжили путь без нас? Вообще-то семеро одного не ждут. Захотят ли пятьдесят воинов сидеть без дела ради одного или даже половины нормального человека?

Представляю, как будет недоволен Оррик, если ему придётся вступаться за ненастоящего слугу.

Из комнатухи проход вел в коротенький коридор, туда же выходили ещё три комнаты. Для порядка я заглянул в одну, дверь у которой также отсутствовала: помещение оказалось забито все теми же связками трав, к ним добавилось несколько десятков мешков, закрывавших своими тушами целую стену, все остальное хозяева завалили и вовсе бесформенными тюками. Кроме окна, здесь также отсутствовал даже намек на лавку, из чего я пришёл к выводу, что, скорее всего, тут могут положить спать только такого же везучего человека, как ваш покорный слуга.

Передвигаться по незнакомому дому в темноте, если к тому же хозяева не слишком привыкли к порядку, мне было не привыкать. Тьма оказалась не идеальной, как в тех пещерах. Внешние стены просвечивали дневными полосками, через которые свет понемногу проникал в это царство сухой травы. Вскоре мне удалось отыскать и выход. Контур двери чётко обозначался щелями, словно прорезанными лазерным лучом. Пару раз споткнувшись, я уперся в нее плечом. Мое желание оказаться снаружи настолько сильно подталкивало в спину, что в плече что-то хрустнуло, и я, все равно счастливый, вывалился на свет.

После полутьмы амбара отчаянно слезились глаза. Слепой, почти как щенок после родов, я все-таки разглядел,

где очутился. К счастью, это все-таки была деревня. Передо мной стоял дом, я бы даже сказал «усадьба», но для усадьбы в моем понимании этой здоровенной одноэтажной избе не хватало блеска и аккуратности, несмотря на все попытки хозяев украсить его резьбой. Дом расплылся в стороны, словно раздобревший хомяк, у которого за одной складкой просматривалось еще три. Ажурные украшения на коньке крыши смотрелись балетной пачкой на даме из клуба «те, кому за сто». Я повстречал парочку таких на одной из тусовок и с тех пор больше в тот гадюшник ни шагу.

Надо отдать должное изобретательности хозяев, они постарались на славу. Ну, как могли. К основной части – сруб, укрытому толстым слоем соломы, – пристроилось ещё несколько, выполненных с разной степенью аккуратности из совершенно разного материала, начиная от толстых досок и заканчивая потрескавшейся от времени глиной, отчего строение выглядело этаким Франкенштейном, детищем безумного гения строительного мастерства. Потемневшие от времени и погоды кольца бревен угрюмо выглядывали из стен. Чем ближе я подходил, тем более старым казалось строение; как шевелюра у древнего старика, из-под швов клоками торчала пакля; глина отламывалась целыми пластами, оставляя светлые пятна и выбоины там, где совсем недавно была относительно ровная стена пристройки. Дом выглядел, как человек, который без опеки не в состоянии за собой ухаживать.

Вот и первые отличия, встретившие меня по другую сто-

рону каменного моста. Все деревни, которые мы проезжали, пересекая территорию Торговой Автономии, если и не дышали достатком, то говорили каждому, что хозяева крепко держат в руках хозяйство. Что тут скажешь, во многих домах были застеклены окна, хоть и материал не отличался особым качеством. Здесь даже в этом большом доме окна были забраны тем же, чем и в амбаре. Подозреваю, что пластик тут ни при чем.

Сам дом стоял нараспашку, но хозяев не было видно. По широкому двору, основательно вытоптанному и потому казавшемуся местом стихийной парковки, беспечно бродили куры и гуси, гогот стоял основательный, птица поглядывала на меня с подозрением, видно, не слишком доверяя чужим двуногим. На крыльце сушилось бельё одного цвета, в основном рубахи, штаны висели с основательно отвисшими коленями, как бывает, когда владелец проводит в них дни и ночи. Поблизости в ряд выстроился нехитрый садовый инструмент: лопаты, вилы, грабли и ещё несколько непонятных приспособлений – все было тщательно вычищено, хоть и не блестело новенькой краской. Я огляделся вокруг, но так никого и не обнаружил. Никто не вышел из дома, не встретил подозрительного незнакомца, расхаживающего по двору. Даже собаки не лаяли, хотя кое-где валялись следы их пребывания: обглоданные кости и погрызенные на концах деревяшки. Все это мне напоминало сюжет из дешёвого фильма ужасов. Куда все подевались?

В дом я так и не решился зайти: мало ли тут какие обычаи? Сначала вилами в живот и топором по макушке, а потом уже разбираться, кого это принесла нелегкая. Лучше пойду-ка я поищу своих. Не может быть, чтобы в деревне не осталось ни одного человека, а уж про такую свору инквизиторов услышит даже глухой и увидит незрячий. Кто-то да укажет дорогу.

Сказано – сделано! Забор, состоящий из двух параллельных жердей и одной перпендикулярной дубины, мог остановить только очень тупую корову. Труднее оказалось прорваться сквозь живую изгородь из растения, отдалённо напоминающего виноград, только с большими такими иголками, страшными даже на вид, но чего только не сделаешь ради свободы. Я едва не вырвал рукав и заработал глубокую царапину на щеке, зато выбрался из местного замка Иф.

Я заблудился. Нет, правда! Потерялся, как пятилетний ребенок. К такому нагромождению домов, домиков и домишек не подготовит никакой Интернет. Да и нет тут такого. Мы все привыкли, что, куда бы мы ни попали, нас ждут прямые, по линейке отчерченные дороги, правильные улицы, вдоль которых жмутся дома, сады за забором, калитки, ворота. Здесь были одни дома. Это я еще громко сказал. Одноэтажные хижины, все унылые, как на подбор, возведенные, где придется и из чего придется, покосившиеся и щербатые. Они росли в разные стороны, как бородавки на уродливом лице. И все

были пусты. Бродили по улице куры, копались в помоях свиньи, я даже слышал слабое блеянье неподалеку, вот только и здесь ни души.

Я рискнул заглянуть в один дом. Спартанская обстановка показалась бы роскошью в сравнении с тем, что представило моим глазам. Земляной пол, перекошенный стол из разных по толщине досок с сучками, две лавки, большая корзина с тряпьем, сплетенная из ветвей в прошлом веке, – вот все, чем мог похвастаться здешний хозяин. Я обернулся на шорох и замер: откуда-то из угла ко мне повернулось лицо. Наверное, это была женщина, хотя и не поручусь. Бледное пятно походило на лицо человека неопределённого пола, годам которого наверняка позавидовал бы даже сенатор Палпатин из фильма «Звездные войны». На меня смотрели широко распахнутые слепые глаза, беззубый рот шелестел, смыкался и размыкался, но оттуда не вылетало ни звука. Я в ужасе уставился на сморщенную, трясущуюся почерневшую руку, тянущуюся ко мне, словно затем, чтобы забрать душу.

Во мне забурлило, будто в животе заурчал кальян, я пару раз хлопнул единственным глазом, и меня словно ветром оттуда сдуло. Я не помнил, как ноги вынесли меня из этого жуткого места. Далеко не сразу мне хватило духу остановиться, чтобы вытереть рукавом выступивший на лице пот.

Что это было?!

Чего я так испугался? Да фиг его знает, но я так не дрожал, даже когда на меня шел людоед. Чертова бабка! Или

дедка! Мне только до кучи начать заикаться, что после подобных картин не кажется чем-то невероятным, и все – место у инквизиторов обеспечено. Будут выставлять на ярмарке в назидание. Я оглянулся, но так и не смог узнать дом, из которого так позорно бежал. Все они на одно лицо. Или на один фасад – черт его разберет, – эти строения с виду не отличались от их обитателей.

Где же все трудоспособное население? И где Оррик с эльфом? Где армия из пятидесяти человек, наконец? Могли бы... Тут я осекся: ну и чего бы они могли? Отправить мне смс? Черкануть на Вацап? Да я даже читать не умею! Кстати, а почему мне не пришло на ум это раньше? Эльф топчет землю уже пятьсот лет, наверняка сумел выучиться грамоте за это время! И своей, и человеческой. Как будет возможность, надо его потрясти как следует. Я уже знаю, что учить он умеет, так почему бы ни брать у него еще и уроки письма?

Я ещё какое-то время бродил по пустой деревне, натыкаясь на негостеприимно распахнутые двери, но от одной мысли повторить свой опыт меня била дрожь. Ну уж нет! Обойдемся на сегодня без приключений. Остановившись, я стал прислушиваться, в надежде, что хотя бы что-то откроет секрет, куда подевались жители этой деревни. Если меня подводят глаза, может, стоит довериться слуху? И он не подвел! Где-то на грани слышимости, словно отзвуки затухающего эха или шума прибоя, спрятавшегося за горой, моих ушей коснулись звуки голосов множества людей! Я чуть не под-

прыгнул. Наконец-то! Пустая деревня пугала до дрожи в коленках.

Я, насколько мог, прибавил ходу, мысленно отдавая должное мастеру Трию, не зря, эх не зря я так носился с заказом, а потом ещё уговаривал Оррика на одну пару ботинок. Красотой и элегантностью обувка не отличалась, зато носкостью и практичностью давала сто очков вперёд любой современной модели. Специально подобранная подошва с лёгкостью компенсировала разницу правой и левой ноги, практически убрав хромоту. Я вновь чувствовал себя человеком.

Десять минут скорой ходьбы вывели меня за околицу. Я так торопился, что последние метры летел вприпрыжку, словно приближающийся гул множества людей в последний момент мог от меня сбежать.

Я сразу понял, что оказался за пределами деревни. Последние строения остались за спиной, а передо мной открылась картина, достойная пера живописца. Холм, к которому одним боком притулилась деревня, начинался сразу за околицей. И сейчас, находясь у самого его подножия, мне удалось оценить размеры. Он, наверное, был даже побольше того, на котором стоял Рогон, первый город, увиденный мной на Арли. Весь народ собрался здесь. От мала, так сказать, до велика. Фигурки людей усыпали склон так густо, что издали стали похожи на муравьёв, правда, в отличие от своих трудолюбивых собратьев, вечно пребывающих в движении,

люди замерли, практически не двигаясь с места.

Отсутствие движения с лихвой покрывалось энергичными голосами собравшихся. Такой страшный галдеж, который они подняли, я должен был услышать давно, но когда хочешь из всех сил отыскать одно, пропускаешь мимо другое. Так и я, слишком сильно хотел увидеть людей, а нужно было хорошенько прислушаться.

Как я уже сказал, здесь собралась вся деревня. Не взяли, наверное, только тех, кто не мог передвигаться самостоятельно и рисковал развалиться по дороге. Я оглядел толпу, которая поголовно наблюдала за вершиной холма, и с ухмылкой подумал, что в эту глушь, скорее всего, заехал «Рамштайн». А чем ещё объяснить такое столпотворение?! Какое другое зрелище может обеспечить стопроцентную явку?

Оказалось, ещё как может.

– Добрый человек, – я подергал высокого крестьянина за рукав.

Он стоял вместе с семьёй, приобняв жену, а на его шею беззаботно болтала босыми ногами малютка в свободном сарафане. Вряд ли ей исполнилось больше пяти. Она из всех сил крутила головой и время от времени, словно леденец, совала в рот большой палец.

Наконец на меня обратили внимание. Человек на секунду сосредоточился на моем лице и уже раскрыл рот, чтобы ответить, но тут все встало на свои места. Он взглядом за-

цепился за горб, и в глазах его полыхнуло знакомое выражение. Я, в общем, подозревал, что мой вид не слишком располагает к беседе обычных людей, но чтоб настолько... В городах обращение деликатнее, чем в деревне, где прямых и бесхитростных абсолютное большинство. Для меня это оказался сюрприз, естественно, не из приятных. Но отступить было поздно.

– Добрый человек, – повторил я, – не подскажешь ли, к чему здесь столько людей?

Я вытерпел ещё один далеко не доброжелательный взгляд. На этот раз меня осмотрели гораздо внимательнее и чуть-чуть смягчились: к счастью, бомжом я не выглядел. С бродягами вообще разговор короткий.

– Ведьму жгут, – процедил сквозь зубы крестьянин и отвернулся.

Я мысленно присвистнул: это что же, живого человека на костер?! Хотя чему удивляться? Когда меня жгли раскаленным железом, не удивлялся, а сейчас прямо разинул рот. Издержки эпохи: инквизиция, дыба, испанские сапоги – и это далеко не весь список. Да что там говорить, я сам только что убил человека, и все, что сделали окружающие, – похлопали меня по плечу, «молодец», мол, вот тебе его меч. Да-да, я теперь обладатель отличных доспехов и какого-то навороченного меча, с которым не знаю, что делать. Для меня он слишком тяжел, так что не имело смысла оставлять его даже «на вырост». Оррик же советовал не продавать, потому что

нормальную цену я не возьму – у людей в этой глуши просто не хватит денег, чтобы достойно со мной расплатиться. Лучше придержать до столицы, там, по его словам, шанс на хорошего покупателя будет заметно выше.

Народ тем временем вокруг оживлённо переговаривался. Люди поднимали детей повыше, словно там впереди показывали представление цирковые артисты, а не в пламени будет стогать человек. Я рискнул включить свое зрение и окинул глазами холм. Удивительная вещь, если у подножья, рядом со мной, никаких особых страстей не наблюдалось: обычный винегрет из скуки, раздражения, страха, надежд и глухой злости – все то, что можно увидеть и в повседневной жизни, то к вершине холма картинка кардинально менялась. Облако из эмоций густело, разрасталось, сливаясь в насыщенную, однородную массу, и постепенно принимало другой цвет. Из всей этой палитры рождалось нечто темное, мрачное и до икоты пугающее, как будто с неба вниз скатывается грозовой фронт, вздымающий вверх свои первые волны. Над самой вершиной он словно зажил своей жизнью, из мрачных, тяжелых цветов закручивалась воронка. Медленно, но верно она расширялась. Я с таким никогда не сталкивался, поэтому наблюдал за явлением с ужасом, к которому примешивалась немалая толика восторга. К чему приведёт такая штукавина? К оргии? Массовому жертвоприношению?

Я внезапно опомнился – фиг с ней, с оргией, что оно сотворит со мной? Ведь у моей способности есть слабое место:

восприимчивость к внешним воздействиям тоже возросла многократно. Срочно, не обращая ни на что внимания, я зажмурился, изо всех сил представив, как меня окутывает радужный щит. Я научился им пользоваться, но с практикой не задалось: одно дело – закрываться от мыслей двух человек; здесь же мне сразу предстоит защищать диссертацию, перескочив через контрольные и экзамены. Я сосредоточился ещё сильнее, и вокруг меня засверкал второй, даже более мощный контур. Этому я научился совсем недавно, проверяя свои способности. Эти оболочки видел только я один, и мне они представлялись мыльными пузырями, слегка искажающими свет. Напор эмоций сразу ослаб, превратившись в шум моря, доносящийся из-за приоткрытой двери бунгало.

Когда я распахнул глаз, с некоторым облегчением понял, что всем присутствующим не до меня. Можно было станцевать джигу или отстучать каблуками зажигательный ритм, и то остаться незамеченным. К счастью, моя защита заработала, поэтому можно было расслабиться. Я только сейчас заметил, что взмок так, будто пробежал километр на время. Выходит, эти фокусы выматывают не меньше, чем скачки на лошади!

От дальнейших размышлений меня отвлекла оживившаяся толпа, наверху раздались крики. Я вытянул голову, но с моим ростом только смотреть через головы, скорее, я тот самый подросток, что бегаёт вокруг и пытается втиснуться между колен. Я поискал глазами крестьянина: тот стоял на

прежнем месте, что-то втолковывая своей жене, невзрачной и некрасивой женщине с волосами, собранными в пучок. Попросить его, что ли, посадить на шею меня? Это должно быть забавно. Интересно, как бы я сам отнёсся к подобной просьбе?

Наверху началось шевеление. Народ загалдел еще громче, и масса людей пришла в движение. Откуда-то справа раздались крики и ругань, люди подались в стороны, и моему взору открылась процессия: стройная девушка чуть старше меня прежнего, пепельно-серые волосы развеваются на ветру, взгляд широченных глаз устремлен вперед, и легкая улыбка блуждает на приоткрытых губах. Благородными чертами лица и гордой осанкой можно было бы восхищаться, если бы не мрачное сопровождение: ее окружало по меньшей мере шесть человек с длинными кольями, остриями едва не касающимися бледной кожи. Ещё четверо удерживали веревки, которыми она была связана так, что могла передвигаться лишь небольшими шажками, отчего ещё больше казалось, что она ступает по воздуху, не касаясь земли.

Вокруг зашуршали тихие голоса. В них мне послышался страх, смешанный с завистью, в некоторых отчетливо скреблась ненависть.

– Ведьма... ведьма...

Мне показалось, или женские голоса перевешивали мужские?

Приглядевшись получше, я обнаружил, что незнакомка не

в лучшей форме. Следствие изрядно над ней потрудилось. От ее бывшего наряда остались лохмотья, на щеке чернела царапина, а на обнаженном плече остался кровоподтек. Но она словно не замечала толпу, величаво ступая навстречу своей судьбе. Я вздрогнул: только сейчас я вдруг до конца осознал, что оказался в другом времени и на чужой планете. Мужчины могут убивать друг друга, нас можно жечь и пытаться железом, нас можно бить и унижать, но ведь и мы можем дать сдачи. Что в состоянии сделать девушка против такой толпы? Я не знаю, может, она ела младенцев и запивала их кровью, но вот так, найти свою смерть на костре... А может, я всюду не прав, потому что до сих пор не встречал на пути свою ведьму, которую без сожалений поволоку на костер? Вспомни, Иан, в каком ведомстве тебе предстоит работать...

Конвоиры откровенно ее боялись, об этом буквально кричали их ауры, но в самом центре этого чувства клубилась жирная точка – ненависть. Они не только тряслись от страха перед ведьмой, но и ненавидели ту, что сейчас оказалась полностью в их власти. Когда ты волен что угодно сотворить с тем, от кого тебя раньше бросало в дрожь, ты непременно воспользуешься своим преимуществом.

Я перевел взгляд на девушку, первый взгляд оказался обманчивым: я не смог определить, сколько ей лет. Секунду назад я принял ее за ровесницу, а сейчас она показалась мне гораздо старше. Колдовство? Или просто женские чары?

Она подходила к тому месту, где стоял я, все ближе и бли-

же, и только сейчас мне пришло в голову, что не видно ее эмоций. Воздух над ней оказался девственно чист. Она не просто ничего не боялась, вовсе нет, в ней действительно не было чувств. Словно она уже умерла. С таким эффектом я тоже раньше не сталкивался, вполне возможно, ее накачали наркотиками, чтобы не устроила что-нибудь напоследок.

В какой-то момент я понял, что ее шаги словно перезапустили мое сердце. Это чувство оказалось столь неожиданным, что заставило меня вздрогнуть. По мне словно прошла волна, будящая ото сна, отрезвляющая, заставляющая шире раскрыть глаза. Где-то в глубине просыпалось чувство, которое я пока не мог описать. В любовь с первого взгляда я никогда не верил, и мне не с чем было сравнить. Одно я осознал: между нами должна быть связь. И эту связь собираются сжечь.

Ноги сами понесли вперед. Я едва успел втиснуться в накатывающую, как волна, толпу, оказавшись в самой ее середине. За мной каменной ловушкой смыкались люди. Даже несмотря на двойную защиту, до меня долетали обрывки эмоций, и мне приходилось расталкивать их, прикладывая дополнительные усилия. Это сбивало с мысли, мешало оценить ситуацию.

Нас волокло к вершине холма, и мне ничего не оставалось, кроме как спешить вместе со всеми, чтобы не оказаться под ногами толпы. Подняв раз глаза, я больше наверх не смотрел: та самая туча схлопнулась над головой, и мне стало

страшно, что ее вид может лишить меня тех невеликих сил, что у меня оставались.

Вокруг бурлило море людей: недовольные, злорадные, перекошенные от ненависти лица. Мужчины и женщины, в одинаковой степени затаившие недоброе, и теперь эти чувства выплеснулись на их лица, ничем не сдерживаемые, словно именно в эту минуту больше не нужно соблюдать приличия, отринув в сторону все человеческое.

Нас провожали такими взглядами, что мне все больше представлялись опрометчивость и безрассудность моего поступка. С одной стороны, я чувствовал связь с этой девушкой, которую вели на костер. Пленницу дергали из стороны в сторону за верёвку, как будто ее величественная походка оскорбляет достоинство ее конвоиров. Я ничего не мог поделаться со своим ощущением, будто эта связь крепнет с каждой секундой. С другой стороны, моя часть, отвечающая за рассудок, все громче умоляла прийти в себя, опомниться, ибо потом может быть поздно.

Несмотря ни на какие мысли, я продолжал шагать вместе с процессией, затесавшись в задние ряды. Надо же, а я ещё считал себя здравомыслящим человеком. Рисковать ради неизвестного человека? И чем? На кону ведь не деньги, а кое-что более ценное. Тем не менее противиться силе, толкавшей вперёд, я не мог. Ближе! Нужно подобраться ближе!

Тут будто кто-то переключил каналы, и в девушку, словно камни, полетели проклятия. Но и это не лишило ее хлад-

нокровия, она по-прежнему шла дальше, влекомая путами, и сбивала шаг, лишь когда ее конвоирам начинало казаться, что это их ведут на костер.

Мне давно стало страшно. Будь у меня во рту деревяшка, я, наверное, с лёгкостью ее перекусил, а так лишь скрипел зубами. Не знаю, сколько длилась дорога, – мне показалось, что даже вечность для этого слишком мала, – мы очутились на самой вершине. Здесь, вопреки ожиданиям, могло вместиться довольно прилично народу, холм наверху оказался плоским, как будто специально подготовленным для такого рода зрелищ и представлений.

В самом центре стояла странная конструкция, собранная из бревен, одно из которых концом упиралось в небо. И все это ради одного человека?! Да здесь можно сжечь полдеревни! Квадратная площадка была размером с хорошую сцену, на которой без стеснения провела бы концерт любая из известных мне групп. Туда-то ее и вели.

Подталкивая тупыми концами копий, девушку затолкали наверх по лестнице, размер которой не слишком-то подходил для такой площадки. Вдобавок на ней отсутствовали перила, так что подниматься следовало вдвойне осторожно. Впрочем, копейщиков вряд ли интересовала чья-то безопасность, кроме их собственной, а девушка неожиданно грациозно взлетела по крутым ступенькам, как будто поднималась на подножку украшенной золотом кареты, а не на эшафот.

Следом, кряхтя, забрался грузный, пожилой дядька в

длинной рясе. Он недовольно зыркал по сторонам, поддерживая полы одежды, за ним полезли те самые ребята с копьями, вот кому опасный подъем оказался совсем нипочём: они улыбались и сыпали шуточками, правда, слов было не разобрать.

На площадке их уже ждали. Такой же человек в рясе, но гораздо моложе и явно ниже по рангу. Может быть в таком селе инквизитор? К стыду своему, я об этом не знал и спросить не успел, да и в другое время вряд ли бы мне пришло в голову об этом поинтересоваться. На кой лишняя информация? Теперь жалеть было поздно, а спрашивать местную публику – значило привлекать излишнее внимание: кто его знает, к чему приведет любопытство?!

Тем временем оба священника повели несчастную к вертикально установленному шесту. Она и не думала сопротивляться, ступая с такой улыбкой, будто ее провожают на бал. Я невольно восхитился выдержкой пленницы, а с другой стороны, что она могла сделать? Вокруг толпа народа, не убежать, не спрятаться. Разве что можно наколдовать что-нибудь убойное напоследок. Она же как-никак ведьма?!

Если это случится, позиция может оказаться небезопасной: я фактически прижат к сцене, благодаря своим усилиям пробившись к самому краю помоста, который оказался мне по шею. Впрочем, мысль мелькнула и исчезла, всем моим вниманием завладело происходящее.

Странно, но желающих взобраться на помост я больше не

видел. С вызовом поглядывающие на толпу парни с копьями остались практически без работы. Они расхаживали по кругу, покрикивая на самых ретивых, иногда с угрозой потрясали оружием, но большего и не требовалось. Народ не то чтобы успокоился, вовсе нет, он замер в зловещем предвкушении. Все внимание толпы обратилось на пленницу. Вряд ли тут жгут женщин каждое воскресенье.

Я пребывал в смятении. Ощущение, что наша встреча отнюдь не случайна, глодало меня все сильнее. Что-то внутри требовало действий, разрушения зловещих замыслов, я был уверен, что должен вступить за женщину, но все это вместе противоречило нарастающему чувству самосохранения, которое вязало язык и опускало руки. Как быть?! О, Господи, дай мне решимости! Я, наверное, первый раз за всю жизнь обратился за помощью к высшим силам.

Тем временем священники довольно уверенно закрепили пленницу у столба, и по их знаку из толпы, окружающей сцену, вылезли трое и принялись затаскивать наверх приготовленный заранее, связанный в аккуратные вязанки хворост. Вот и дровишки – дело точно идёт к развязке.

Если и предпринимать что-то, то нужно делать это сейчас. Я закрыл глаза: решаться или же отступить?! Жить ей, или мы умрем вместе? У меня еще оставался выход, хоть я и поклялся себе больше не умирать, но все-таки для меня это не фатальная смерть. Пленница же умрёт окончательно, и я ее потеряю. Но вспомнив, к чему приведет смерть, я отогнал

эти мысли – повторения пройденного мой разум просто не выдержит.

Ну же!

Я выбросил вверх руку, чтобы привлечь внимание священников, хоть пока и не знал, что говорить. Пусть опять будет экспромт, хоть это и последнее средство, к которому следует прибегать, если речь заходит о жизни и смерти.

В следующий момент мой единственный глаз заметил ЕЕ. Я застыл на месте с распахнутым ртом, так и не успев вытолкнуть из себя ни слова. Она стояла справа, метрах в семи от меня, и спокойно смотрела на эшафот, в ее глазах я не увидел ни капли тех чувств, что творились и изливались во круг, только спокойствие и уверенность. Неброское платье нисколько не выделялось в толпе, платок, небрежно наброшенный на голову, тем не менее полностью укрывал волосы, собранные на затылке в упругий пучок. Правильное лицо не выдавало волнения, а на губах играла едва заметная глазу улыбка. Она не смотрела по сторонам, ее взгляд был устремлен на несчастную, которая спокойно принимала свою скорую участь, и в точности такая улыбка повторялась на лице девушки, прикованной к жертвенному столбу. Я ещё больше разинул рот, ибо не только улыбка, но и взгляд, и даже глаза – все в ней указывало на общую кровь, как если бы первая приходилась сестрой второй.

Я моргнул: такого точно не может привидеться и во сне! Я видел перед собой двух одинаковых женщин, только одну

вот-вот должны передать жаркому пламени, а вторая с улыбкой наблюдает за творимым бесчинством! Как уместить в голове?! Ведь они явно сестры, такое сходство не представлялось мне без родства крови. Как можно отдавать на смерть человека, который тебе всех родней?

Должно быть, от удивления и возмущения я потерял голову и стал проталкиваться прямо к ней. Мысль, не дававшая мне покоя спокойно смотреть за казнью, наконец оформилась в голове: нужно немедленно разобраться, почему лишь одной из них гореть на костре, тогда как вторая с улыбкой будет на это смотреть. Я должен выяснить это прямо сейчас! Чувство неправильности происходящего накрыло и обернулось против меня. Меня, наконец, заметили.

– Колдун! – взвизгнуло рядом.

– Карлик! Урод!

– Я видела, как он колдовал!

Моему отчаянному желанию оказалось не суждено исполниться: я не дошел до цели двух метров. Сначала толпа расступалась, как море отходит в отлив, – страх перед неведомым колдуном на миг сделал то, что не в силах сделать ни одно оцепление. В следующее мгновение пришёл откат: люди качнулись обратно, жажда отомстить за минутную слабость пересилила страх. Задние, как обычно, подзадоривали передних. Я оказался зажат так, что не пошевелиться. Ко мне потянулись руки.

– Держи!

– Он бежит!

Множество пальцев вцепились в мою одежду, словно щупальца безумного чудища. Да это и было то самое чудище – толпа, не знающая ни жалости, ни раскаяния. Меня скрутили меня по рукам, я понял, что влип, а вокруг разразилась самая настоящая буря.

В глазах потемнело от боли – люди вокруг не отличались манерами, меня довольно бесцеремонно выбросили на сцену, словно огромный великан пожевал и выплюнул свою жертву. По-моему, краткий миг пребывания в толпе не прошёл даром: мне успели пересчитать ребра, жаром наливалось лицо, и раскалывался от чьей-то крепкой руки затылок. Заодно пострадала моя защита от наведенных эмоций – толпа практически разорвала одну из сфер.

Итогом полета оказалась повязка, сорванная с головы, и толпе открылась пустая глазница во всей ее красоте. Мир вокруг ахнул множеством голосов.

– Одноглазый колдун!

– Видно, его уже жгли, да не дожгли!

– Так мы сейчас!

– Давай его!

– На костер!

– Он пришёл за своей ведьмой, вот пусть ее и получит!

Дело принимало совсем скверный оборот, запахло жареным. Я сцапал повязку, которую толпа выплюнула следом за мной, и, не обращая на боль в груди, вернул ее на прежнее

место.

– Зачем ты пришёл, колдун?! – прозвучал сзади хриплый голос, и я немедленно развернулся.

Мне в лицо уставилось несколько копий. Лица людей выражали не только испуг, но и решимость. Вот теперь я вляпался по-настоящему. Кроме копейщиков, на меня с настроженным ожиданием взирал пожилой священник, в глазах которого не было ни капли страха, в отличие от его подчиненного, который поглядывал из-за плеча старшего с опаской.

– Ты пришел за своей слугой?! – нехорошо улыбнулся священник. – Если так, меня изумляет твоя самонадеянность!

– Я не колдун! – ответил я и сам понял, что голосу не хватает твердости. Что для семнадцати лет вполне объяснимо, но для того, чтобы вывернуться из ситуации, может и не хватить аргументов. – Я приехал в деревню вместе с главным инквизитором Полем.

Священник склонил голову набок и изобразил удивление.

– Я не замечал тебя среди Чистых Братьев.

– Должно быть, мне стало плохо на подъезде к деревне. Я совсем не помню последнюю часть пути. Очнулся в каком-то сарае и решил найти своих.

– Так их здесь нет, они уехали.

Вот же гадство!

Значит, не дождались, сделал неутешительный вывод я. Но ведь должны были остаться Оррик с эльфом! Они-то не

могли никуда деться! Я был уверен, что они где-то в этой толпе. Инквизитор должен меня заметить и, ругаясь на чем стоит свет, вскоре окажется здесь, чтобы в очередной раз вытащить из беды своего непутевого командира.

– Мои спутники, инквизитор Оррик и принц Аридил, могут подтвердить все, что я только что произнёс.

– Так что же они не сопровождают такого важного человека, как ты? – изобразил удивление монах, позади него кто-то заржал в голос.

– Я не знаю, но хочу это выяснить.

– Мы это обязательно выясним, – пообещал священник. – Прямо сейчас.

– Как же мы это сделаем без них? – я затравленно огляделся, но помощи ждать было неоткуда.

– Очень просто, – улыбнулся священник. – Ты сам нам расскажешь правду, мерзкий колдун.

Словах священника в первых рядах собравшихся вызвали одобрителный ропот.

– Позовите моих друзей, они подтвердят все, что я сказал.

– Они собрались рано утром и уехали, ни слова не говоря.

Меня словно ударили током. Я растерянно огляделся в поисках поддержки, но в ответ получил такие же взгляды, как и несчастная девушка до меня. Только на этот раз мужские внушали не только страх, но и презрение. Меня словно окунули в грязь, разорвали на части. Сквозь туман сознания я догадался, что внешняя защитная аура развалилась, слыш-

ком уж концентрированным оказалось внимание, и чересчур напряжённый акцент на моей персоне. Если так пойдет дальше, то совсем скоро я буду безвольной куклой, пускающей слюни. Что со мной сотворит эта масса людей своей ненавистью и кровожадностью? Боюсь, до костра может и не дойти. Я невольно содрогнулся, и священник воспринял этот жест за проявление слабости.

– Вот видишь, колдун, тебе не обмануть слугу богов.

В толпе одобрительно зашумели. Я понял, что проигрываю, и есть риск прямо тут явить миру нового правильного Убийцу. Если меня сожгут, через пару минут я вернусь к жизни, воскресну, и тут уж мне ничто не поможет – за меня возьмутся всерьез, окончательно разрушая мечты на нормальную жизнь. Для превращения мне придётся всего лишь дважды сдохнуть перед толпой, а этим развлечением меня с удовольствием обеспечат.

– Послушайте, – сжав зубы, чтобы не допустить ноток отчаяния в голосе, промолвил я. – Вы не понимаете, я личный представитель епископа Тука. Мы с моими друзьями едем в Алату.

На лице священника при имени инквизитора отразились сомнения. Он явно знал епископа ну или хотя бы слышал о нем. Я почувствовал, что весы качнулись в мою сторону.

– Я должен доставить в столицу важные сведения, – принял я ковать железо, пока горячо. Одно дело – сжечь колдуна и совсем другое – по ошибке спалить личного послан-

ника всемогущего инквизитора.

Внутренне я торжествовал: по лицу священника можно было догадаться, что мне удалось заронить в нем семя сомнения, и теперь перспектива попасть под очищающее пламя слегка отодвинулась. Следует избавиться от нее окончательно.

– Мы двигались по дороге с моими спутниками, когда на нас неожиданно напали разбойники. Мы вступили с ними в бой, к счастью, мои друзья оказались не по зубам этому сброду, а там к нам на помощь подоспел отряд главного инквизитора, и участь бандитов была решена, – я предложил священнику слегка видоизмененную историю событий, но не думаю, что это играет какую-то роль. – Тогда-то отец Поль и предложил нам следовать вместе. К сожалению, я не слишком приспособлен для скорых переходов, поэтому, едва мы добрались до вашей деревни, упал без сил. Сегодня я проснулся и, отправившись на поиски своих спутников, обнаружил, что остался один, – я обвел толпу жестом. – При всем при этом я довольно молод и ни разу не видел казни. Влекомый любопытством, последовал за толпой.

В продолжении моей речи священник с улыбкой кивал, посматривая по сторонам, из чего я сделал вывод, что моя история воспринята благосклонно. Публика вокруг эшафота помалкивала, почуяв, что происходит нечто странное. Меня это более чем устраивало: давление на мою ауру снизилось, что едва не вызвало облегчённый вздох.

– Кстати, за что вы ее? – я как можно небрежнее кивнул в сторону пленницы.

Священник вздохнул.

– Эта заблудшая душа своими действиями сгубила многих жителей этой доброй деревни. Мы, служители церкви, всегда стоим на страже людских законов и готовы прийти на помощь людям, особенно когда дело касается черного колдовства.

Значит, все-таки черное колдовство. Себя я, допустим, отмазал, но что делать с колдуньей? Был бы здесь Оррик, я уж как-нибудь смог его убедить отсрочить казнь, но инквизитора рядом не было, а моего слова, боюсь, окажется недостаточно, чтобы выпроводить отсюда всю эту прорву народа со священником во главе. Внутреннее чувство все увереннее указывало на то, что встреча с этой магичкой отнюдь не случайна, однако выхода пока я не видел. Что ж, в очередной раз положимся на случай, он, в отличие от планирования, меня не раз выручал.

Я взглянул на священника, который в этот момент разглядывал что-то за моей спиной.

– Как жаль, что главный инквизитор уехал отсюда и не может подтвердить ваши слова, юноша. – Он с сожалением посмотрел мне в лицо, и у меня екнуло под ложечкой. – Откуда, говорите, вы держите путь?

– Мы выехали из Рогона и едем в Алату.

– И вы говорите, что с вами срочное послание от епископа

Тука? – выражая озабоченность на лице, поинтересовался священник.

– Да, – подтвердил я, почувствовав какой-то подвох, но не понимая, в чем он заключается.

– Тогда вы не сочтёте за труд продемонстрировать мне какое-нибудь доказательство ваших слов, ибо подобный маршрут для личного курьера епископа, который должен доставить срочное послание, немного странно, – он выделил сарказмом слово «срочно» и уставился на меня с издевательской насмешкой. – Или и его случайно прихватили с собой ваши друзья?

Естественно, никаких доказательств у меня не было. Да я вообще не в курсе, что может предъявить в качестве доказательства курьер инквизиции. И что может быть странного в нашем маршруте?! Оррик как-то обмолвился, что это самая короткая дорога. Все эти вопросы промелькнули перед глазами, а в воображении возникло и резко приблизилось ощущение горящих поленьев под ногами.

– Я так и думал, – священник огорченно вздохнул. – Нам не стоило терять столько времени на сказки. Это все мое сердце, не люблю, когда страдают невинные.

Он пригладил жидкие волосы на лысеющей голове и уже с совсем другим выражением жестко бросил своим подчиненным:

– Привяжите его рядом с ведьмой, сегодня нам нужно поработать вдвойне: мы очистим мир не от одного колдуна, а

от двух!

Я не верил своим ушам! Попытки сопротивления ничего не дали: меня скрутили в мгновение ока. Мне оставалось только увещевать его словесами, что я и делал.

– Придурок! Упырь! Сука ты старая! А ну отпустил меня! Да я тебя...

Хватило двух человек, чтобы мгновенно оказаться рядом с той, связь с которой я так жаждал вдруг сохранить. Нечего сказать, сохранил в лучшем виде. Потом мне вставили кляп, но я укусил одного из своих пленителей за палец, и пока тот отчаянно им размахивал, продолжил в прежнем ключе.

– Это ошибка, священник! – я понимал, что кричать, в общем-то, поздно, но у меня все ещё оставалась надежда, что мои вопли услышат друзья. – Ты пожалеешь об этом! Оррик! Аридил!

По всему телу прошла дрожь. Да, меня долго пытали, и я три месяца наслаждался дымом паленого мяса, вкушал аромат своей собственной крови, словно мне каждый день ставили блюдо, источающее этот притягательный и вместе с тем вызывающий отвращение аромат. Боль грызла меня, отдаваясь в самой последней клеточке тела, заставляя ненавидеть тюремщиков, жадать вцепиться палачу в глотку и давать самые страшные клятвы. Но любая темница примечательна тем, что узник лелеет надежду из нее улизнуть, а как можно выжить после пылающего под ногами костра?

Как передать эти чувства? Меня бросало то в жар, то в

холод. Понимание чудовищной ошибки и знание неотвратимости смерти жгло сильнее жара самого сильного огня, хотя он еще и не начинал свой опаляющий танец.

– Священник, ты не понимаешь, что творишь!

Он обернулся с кроткой улыбкой.

– О, не волнуйся, колдун, огонь ещё никогда не мешал вашему племени. Твоя очищенная от скверны душа зазвенит от счастья.

– Сука, – я скрипнул зубами от бессилия, – у тебя потом кое-что другое зазвенит от счастья, козел!

Священник воздел вверх руки, обращаясь лицом к толпе. Люди взревели от восторга и предвкушения. Когда нам под ноги стали укладывать хворост, сила криков возросла многократно. Я почувствовал, что защита опять затрещала. Это было страшно, потому что я представил, как ее раздавит окончательно, и я буду биться в пугах от радости и восторга, когда огонь начнет гладить своими ладонями мою кожу. Я буду вопить от счастья, «звенеть», как сказал это поп, а пламя – глотать мою плоть.

В этом островке безумия я вдруг увидел ту самую девушку. Она стояла в том же месте, где я увидел ее впервые, и ее глаза были распахнуты так, будто она узрела сейчас привидение. Наши взгляды соединились, будто столкнулись два потока заряженной плазмы, и с неслышимым грохотом разбили друг о друга. И в ту же секунду из тела незнакомки, туго привязанной рядом со мной, исчезла всякая жизнь.

Она безвольной куклой повисла на опутывающих ее веревках, чем привела в негодование старшего священника. А я увидел, как в воздухе разорвалась тончайшая нить, похожая на луч солнца на закате, только с расстояния в локоть я смог ее разглядеть. Она соединяла обеих девушек.

– Вот тварь, вздумала потерять сознание! – Он выругался. – Воды принесите!

– Так не загорится, – попытался возразить один из тех, кто носил к кострищу хворост.

– Ну так лейте на нее, а не на дрова! – рывкнул священник. – А ты не вздумай закатить глазки, – это он уже мне, – а то я напоследок попотчую тебя гвоздями!

Я замотал головой, показывая, что буду вести себя смиренно, а внутри меня сотрясала дрожь: в глазах и памяти, будоража кровь и заставляя дребезжать от натуги сердце, полыхало яркое пламя, втягивающееся в лицо девушки, скрывающей под тяжёлым платком пепельно-серые волосы. Выходит, так похожих друг на друга девушек связывало колдовство, и сейчас я оказался свидетелем, как оно по каким-то причинам иссякло. Что это было? Зачем?

На моих глазах один из помощников пожилого священника притащил ведёрко воды и, испуганно оглядываясь на своего начальника, аккуратно плеснул пленнице в лицо, вода была ледяной, я понял это, потому что несколько капель угодило и на меня. Без толку, холодный душ не подействовал, она по-прежнему безжизненно висела на своих путях.

Священник, видя, что верное средство не действует, несколько раз ударил ее по щекам, но и это тоже несколько не помогло. Он выругался сквозь зубы, затем вцепился ей в шею и с надеждой во что-то вслушивался, мусоля зубами губы.

– Сдохла, тварь! – наконец выплюнул он с бессильной яростью.

Его помощники съжились от страха; несомненно, такая скорая смерть ведьмы не укладывалась в планы их предводителя. Священник яростно огляделся, словно искал, кого бы посадить на ее место, при этом все присутствующие попятнулись, видно, им был известен этот пылающий ненавистью взгляд. Наконец он остановил свой бешеный взор на мне.

– Не радуйся, колдун, тебе не удастся меня обмануть! – Он, казалось, выплевывал каждое слово. – Ты будешь гореть слишком медленно и успеешь вспомнить о каждом своем грехе!

Я смотрел на своего палача и думал совсем не о том. Как так получилось, что этих двух связывало колдовство? Почему одна дала умереть другой? С какой стати они так похожи? Почему у одной отсутствовали эмоции, тогда как другую переполняют? И к моему удивлению, в них нет злобы, ненависти и страха, лишь досада и изумление. Может, передо мной тот случай, когда сестра уничтожает сестру, но с такими ли чувствами это делается?! И вообще, почему мои мысли сейчас о других, когда я вижу человека с горящим факелом над

головой? Меня ждёт люта́я смерть, а в голове ни одной мысли к спасению.

Что-то Оррик запаздывает... Неужто он не успеет на этот раз?

Факел приблизился: вот оно, пламя, в котором сгорят мои мысли. Вряд ли теперь мне суждено стать Врагом, о котором нет ни слуха в легендах, мне предстоит продолжить проклятую цепочку. Можно забыть о планах, тихой и безмятежной жизни, впереди меня теперь только огонь и смерть.

– Поджигай, чего ждёшь, – рявкнул священник. – А то из-за вас, того и гляди, и этот сдохнет со скуки!

Факел поспешно сунули под ноги, толпа взревела, я рискнул поднять голову и увидел гигантскую воронку прямо над головой, мне почудился гул, словно работает тысяча генераторов. Протяжное у-у-у впивалось в душу, так что я не чувствовал жара у ног, а между тем костер разгорался, и первые его языки уже пробовали ботинки на вкус. Черт, без них опять буду уткой, с сожалением усмехнулся я. Страх, как ни странно, уполз, словно змея в свою тёмную нору, оставив лишь весёлую злость. И эта злость со звоном столкнулась с воронкой, отчаянно заскрежетала, заискрила, забилась и выстояла... «Хоть умру не слюнявым дебилом», – мелькнула злорадная мысль.

В этот момент все потонуло в ослепительной вспышке.

Глава 8

Дальше я помню урывками: снова запах горелой плоти и вкус углей на языке, крики, дикий ор и завывание кругом, визг священника сбоку, пепельно-серое облако перед глазами, обезумевшие глаза, чья-то рука, как в популярном селфи, упорно тянущая меня куда-то, убийственный бег, ветки в лицо, падения, подъемы, кто-то ругается, как сапожник, меня вновь пинают, и снова безумный калейдоскоп в глазах, приправленный громом барабанов в ушах – сердце долбит, кажется, прямо в мозг.

Смена декораций: перед глазами маячит здоровенный солнечный заяц, словно я только что высматривал пятна на солнце. Людей вокруг больше нет, зато полно ошестинившихся ветвями кустов, злобно цепляющихся за одежду; мои колени вот-вот подогнутся от безмерной усталости. На удивление не хватает сил, поэтому мысли: «Я что, живой? А как же огонь?» – даются мне с превеликим трудом.

– Можешь передохнуть.

Прозвучавшие слова как будто выдернули заслонку из моей выдержки, тело враз лишилось каркаса, что удерживал в вертикальном положении, и я рухнул на землю, как топор, который, едва коснувшись воды, камнем идет ко дну. Не знаю, чего мне хотелось больше: отдышаться или отстегнуть ноги – они гудели, будто только что я одолел марафон

за пару часов. Впрочем, если судить по общему состоянию, то сорок два километра оказались с нешуточным гаком, да и по пересечённой местности.

А нормально пробежались! С закрытыми глазами воображение работает лучше, поэтому легче представить детали, посмаковать нюансы. Вырвался! Отстукивающее бешеный ритм сердце, словно дикая птица, едва угодившая в клетку, успокаивалось, мысли ложились ровнее, одна за одной, а не сыпались, словно комья земли после взрыва. Чудеса случаются! Так и в Бога поверишь, и в провидение, и в кого угодно. Мне не слишком нравились крепкие выражения, можно по-другому выразить свою мысль, но в такой ситуации ругаться как сапожник – это нормально. Кстати, а ведь это не я ругаюсь, тогда кто...

– Вот дура! – сказано с чувством так, словно человек уже сто раз пожалел о содеянном и теперь говорит так громко лишь затем, чтобы вы знали, что этим званием он обязан исключительно вам.

Я опустил глаза и только сейчас заметил, что напротив меня, в точности скопировав мою позу, привалившись к дереву, сидит девушка. Как я умудрился упустить такую деталь? Таинственная незнакомка в платке. Именно ее я видел, когда из меня собирались приготовить жаркое.

Косынка соскочила за спину, и из нее вывалилась копна пышных волос пепельно-серого цвета, которые она безуспешно снова пыталась собрать в пучок. Впрочем, шнурок,

удерживающий все это великолепие, не выдержал гонки со смертью и порвался, а без него волосы возвращаться в прежнее состояние отказывались.

– Вот дура! Дура! Дура! – Она с чувством несколько раз ударила лбом о колени, а затем, обхватив их руками, беззвучно зарыдала.

Вид полного отчаяния и безысходности побуждает любого мужчину подставить свое плечо. Вмиг все мои тревоги и болячки были забыты.

– Э-э, – достаточно бодро начал я свою вдохновенную речь, но был остановлен пламенным взглядом, и оказалось в нем доброты не больше, чем в заряженной двустволке Петровича, охотника по призванию, компаньона моего отца по жизни.

– Из-за тебя, идиота, – сквозь зубы прорычала незнакомка с пепельными волосами, и ее пальцы вцепились мне в шею. Ее слезы, падающие мне на грудь, как ни странно, не принесли мне облегчения.

Поначалу от подобного проявления чувств я улыбался, но уже через секунду мне стало совсем не до смеха – при всем при том, что на моем тонком горле сомкнулись нежные женские ручки, сил разжать эти объятия у меня не хватало. То, что я поначалу принял за шутку, таковой уже не казалась. У меня потемнело в глазах. Я с мрачным удовлетворением подумал, что эта хрупкая девушка сделает то, что не удалось священнику с его подпевалами. Нелепая, идиотская ситуа-

ция, которая, тем не менее, усугублялась с каждой секундой. Без паники, сказал я себе и тут же решил, что лучше с ней, чем задохнуться. Как вразумить эту разъяренную кошку?! Недолго думая, я из последних сил залепил ей пощёчину.

Подействовало! Ещё как! Впрочем, на подобный эффект я не рассчитывал: мою бедную шею оставили в покое, а незнакомка, взмахнув облаком из волос, упала на прежнее место и заревела уже в голос. Я пару секунд оторопело наблюдал за столь резкой переменой в настроении, а затем, забыв об опасности, подсел к ней и принялся ее успокаивать. Большой глупости я совершить, наверное, не мог.

К счастью, на этот раз на меня набросились лишь словесно, и моему здоровью угрожало лишь задетое самолюбие.

Вы знаете, что такое медвежья услуга? Я теперь вполне себе представляю, потому что приобретаю все больше способностей ее оказывать. Врагам, друзьям и даже тем, с кем я не знаком. Но враги сочтут таковую за признак коварства, друзья огорченно пожмут плечами и, наверное, смогут простить – на то ведь они и друзья, не правда ли, – а как быть с теми, кто просто попался под руку?

Как я правильно догадался, девушка оказалась магичкой. Третьим по счету магом, встреченным в этом мире, и пока единственным, которому я успел так насолить, что впору хвататься за голову.

В перерывах между проливным дождем из горячих слез,

обещаний спалить меня, чтоб и косточек не осталось, и невнятного бормотания, сочетающего и то и другое вместе, я выяснил, что она выпускница второго курса Академии магии, испокон веков находившегося в королевстве Форзно, что расположено весьма далеко отсюда. Чтобы туда попасть, нужно пересечь из конца в конец славный Гальд, на территорию которого мы едва вступили; затем пройти необъятные просторы Аллии с ее широкими реками, бескрайними равнинами и дремучими лесами; потом переправиться на тот берег Убана, реки настолько великой, что раскинулась почти по всему Арли; и только тогда окажешься на границе Форзно, королевства, знаменитого своими университетами и студентами, где в славном городе Фира, ровно посередине между Аллией и Гарном, что вечно соперничают друг с другом, и благоденствует Академия магов Арли. Столь выпретенная речь вперемешку со слезами и шмыганьем носом не могла вызвать ничего, кроме улыбки, но я закусил до крови губу, сохраняя лицо серьёзным и чрезвычайно участливым. Видимо, поэтому удостоился чести выслушать и оставшуюся часть ее печальной истории.

Я слушал сбивчивую, торопливую речь и не мог отвязаться от мысли, что давным-давно знаю ее обладательницу. Словно мы встретились после долгой разлуки и теперь не в силах наговориться. Что это? Очередной подарок перерождения Убийцы? Или мой собственный дар? Но ведь так бывает и без всякого чародейства. Встретишь человека, и ка-

жется, что знал его целую вечность.

Девушку прорвало, я чувствовал, что ей необходимо выговориться, поведать хоть кому-нибудь о своих злоключениях, и потому помалкивал. Кроме того, ее рассказ добавлял еще кусочек к пазлу, о котором я пока мало что знал. Даже мысль о возможных преследователях отошла на второй план. Вряд ли погоню организуют быстро, может, до нее вообще не дойдёт.

После окончания первого курса студенты вольны делать все, что им вздумается, на лето они предоставлены сами себе. Большинство из них предпочитают отправиться обратно в лоно семьи, чтобы побыть с близкими, поведать о тягостях первого года, набраться сил перед следующим.

Другое дело – второй год. Если в самом начале им постоянно твердили, что во главе угла надо ставить теорию, то прямо с порога вторая теория оказалась отринута, и ученики вгрызлись в практику. Ей приходилось вдвойне тяжелее: вначале, когда им предложили выбрать, какой же путь они предпочитают пройти, она, не раздумывая, указала на два: ее, как девушку, добрую сестру трех старших братьев, и как будущую мать, несомненно, прельщало целительство, но как натуру неумную, иногда вспыльчивую и всегда увлекающуюся, одной дорогой было не удержать. Она давным-давно поняла, что не в ее характере долгими ночами корпеть над очередной микстурой, поэтому не задумываясь вторым

направлением избрала огонь, чем ввергла всю академию в шок, так что даже сам ректор, мэтр Оршан де Огиллон, убежденный сединами маг, огневик, магистр и много чего еще, имел с нею продолжительную беседу, но добился лишь того, что она крепче утвердилась в правильности своего выбора.

Не то чтобы подобное возбранялось, такие случаи бывали и раньше – маги двух специализаций известны миру. Рос Огнекрылый, прославленный маг, живший четыре века назад, помимо огня, что следует из его имени, повелевал силами воздуха. Тарус Безземельный соединил землю и воду, но то были великие чародеи прошлого, ныне народ стал пожиже и уже не претендовал на громкие имена, тем более она выбирала не смежные друг с другом стихии, а принципиально различные и по-разному изучаемые.

Весь первый курс Валена ходила павлином, посмеиваясь над своими сокурсниками, а на втором на смех не осталось времени. Да его вообще не осталось, даже спать выдавалось урывками, потому что то, что другим едва удавалось выполнять за себя, ей приходилось тянуть вдвойне. При этом ни о каких поблажках речи не шло: и мэтр Огринэль, и мэтр Транак друг друга не переносили на дух, отдувалась же за это она. Как два в открытую соперничающих человека, они всячески подозревали своих студентов в пренебрежении своим предметом в пользу соперника, поэтому гоняли их не в пример усерднее. Ректор иногда вмешивался в эту вражду, оставливая ретивых противников, в случае же с ней он оста-

вался до обидного безучастен, ибо в первую очередь она отдала мозоль ему.

Но девушка, по ее словам, не сдавалась, грызла гранит науки, так что понемногу, постепенно снискала уважение своих учителей, хотя данный факт никак не сказался на требовательности и придирчивости, с которой они проверяли ее работы.

Окончание второго курса отличалось от первого. Если раньше их с пожеланиями доброго здоровья и после сердечных объятий отправили по домам, то на этот раз раздали задания. Неизвестно, какие поручения достались другим, но она могла вернуться обратно, лишь только получив несколько благодарственных писем. Она вольна ехать в любом направлении, но с тем условием, что будет применять на практике то, чему обучилась. При этом все письма имели оценку: множество мелких хворей оценивались как «хорошо», несколько тяжёлых болезней, с которыми справился ученик, могли принять за «отлично», и только избавление от «смертельной» сразу давало возможность улучшить балл на экзамене, когда она дойдёт до четвёртого курса, а это очень, очень большое подспорье. Впрочем, ректор сразу предупредил все горячие головы, что даже «хорошо» для большинства – все равно что «отлично», так что советовал не гоняться за баллами, а возвращаться и получать знания дальше.

На этом месте я все же не выдержал:

– А у этой девушки имеется имя?

Она вытерла покрасневшие глазки и слегка отстранилась, да и то сказать, не слишком ли я обнаглел: все это время я провел подле нее на коленях, то и дело сдерживая желание взять ее за руку. Мало ли тут какие традиции? Вцепится мне опять в шею, что я буду с ней делать? Опять бить по морде?

– Валена, – несколько неуверенно протянула она, а потом я удостоился ее пристального и весьма придирчивого для расстроенной девушки взгляда.

Очевидно, не обнаружив то, в чем меня заподозрила, она продолжала гораздо спокойнее. Я же сидел напротив и вслушивался в оба голоса; один, ее, уже спокойный, обретший глубину и странную силу, другой, мой собственный, слышимый только мне. Он был неразборчив, но убедителен – смысл этих слов сводился к тому, что на этот раз все равно, каким образом свершилось то, что свершилось. Цель, вне всяких сомнений, оправдала средства.

История меня захватила, в девчонке скрывался талант рассказчика, она великолепно владела слогом. Ее голос к тому же обладал всеми достаточными, чтобы вас удивить, мыслимыми диапазонами, то оборачиваясь пчелиным писком, то мог обволакивать грудными аккордами. Я вслушивался в слова и все больше погружался в рассказ.

Одним лишь целительством дело не обошлось. Она метила в мага огня, так что задания ей достались сразу от обоих мэтров, посматривающих друг на друга с неодобрением; по возвращении в академию ей предстоял экзамен: слепить

столь большой шар огня, сколь это вообще было возможно. И эта задача пугала ее сильнее всего на свете, так как лечение Валене удавалось гораздо легче, чем обращение со своею нравственной стихией.

Местом своей практики, не колеблясь, она избрала Гальд, ведь не зря говорят, что дома и стены тебе помощники. Так она очутилась в этой деревне.

– Так ты местная?! – воскликнул я.

Он потупилась и тихо, как будто здесь нас мог кто-то подслушать, неохотно произнесла.

– Да, я родилась в Бохане. – Видя, что я недоумеваю, она добавила: – Это город на севере.

– А почему бы не отправиться поближе к своим?

– Не захотела, – отрезала она, и я понял, что причина действительно существует, но детали не для моих ушей.

Итак, она выбрала эту деревню, но далеко не случайно. Будучи весьма предусмотрительной особой, Велена дождалась на дороге мальчишек, которых основательно расспросила, выяснив под самый конец, что целительницы и даже ведьмы в деревне нет, жители обходятся своими силами, так что любой помощи будут рады. Чуть позже она допустила свой первый просчёт, который совершила исключительно по неопытности и, возможно, из-за желания поскорее исполнить задуманное.

Понадеявшись на свою красоту, а ей уже вполне себе было известно, какое впечатление оказывает ее внешний вид на

сильный пол, она явилась в деревню в своем истинном блеске, догадавшись лишь сменить платье и убрать украшения. Сколько завистливых взглядов местных красоток провожало ее по дороге! Сколько недоброжелательниц получила, Валена в то время не предполагала.

– Ты везде путешествовала одна?! – изумился я неожиданной мысли.

– Ну да, – недоумевающе ответила она, ни о каких нападениях волшебница, похоже, не слышала.

– А не страшно девушке на незнакомых дорогах без спутника?

Она поежилась, видно, припоминая несколько неприятных моментов.

– Магам бояться нечего, ведь со мной всегда моя сила! – несколько высокопарно произнесла Валена, а у меня перед глазами возникла картина дороги и торчащий из виска молодого мага окровавленный наконечник болта: не очень-то помогла ему его сила. К тому же о какой такой силе речь, если мне только что со вздохом поведали, как неохотно дается ей пламя? Или она насылает на своих обидчиков насморк? Видимо, новичкам все же везет. Чего нельзя сказать обо мне, хотя я все ещё жив, что это, если не вмешательство гражданки удачи?

Стоило ей очутиться в деревне, она допустила вторую ошибку. Валена сразу направилась к старосте за разрешением занять пустующий дом на окраине, тогда как сначала сле-

довало испросить его у священника, на которого девушка поначалу не обратила внимания. Получилось некрасиво: дородного старца, мнящего себя пупом земли, просто поставили перед фактом, ткнув в нос закорючкой от старосты. А дальше закономерный финал: деревенские, как и жители городов в моем времени, приходят к целителю только в том случае, если не в состоянии справиться сами. А это в основе своей глубоко запущенные, почти безнадежные случаи, и, надо отдать должное Валене, дважды ей удавалось вытащить человека практически с того света, потратив на это все свои силы. После такого лечения два дня впору было спасать ее, она с превеликим трудом поднималась с кровати, чтобы заварить для себя укрепляющее питье. Помощь пришла с неожиданной стороны: местные мальчишки незаметно и весьма скоро оказались ее помощниками, восхищенно перехватывая каждое слово. Она и сама не заметила, как нашла с ними общий язык, скорее, в том заслуга трех ее братьев, души не чаявших в младшей сестренке.

Беда пришла в третий раз, и Валене оказалось достаточно бросить лишь взгляд, чтобы понять: в этот раз ей не справиться, даже если она умрет рядом с больным. Об этом она честно рассказала жене несчастного, который периодически харкал кровью на пол – болезнь слишком глубоко прорвалась вглубь человека.

Валена с мрачным видом слушала мольбы немолодой уже женщины, но к уговорам осталась глуха. Она уже ничем по-

мочь не могла. Да тут бессилён и мэтр Огринэль, целитель высшего звания, куда же соваться ей, возомнившей бог весть что о себе, недоучке? Угрозы она выслушала совершенно спокойно, лишь до крови закусив губу, ей было жаль этого человека, но поделать она ничего не могла.

Тогда женщина, желая вытащить мужа с того света, приступила к увещаниям. Валене пообещали корову, несколько овец и даже намекнули на лошадь, но девушка приняла решение, она, незаметно смахнув слезу, посоветовала готовить умирающего к встрече с богами.

Бедная женщина, почти потерявшая мужа, видит перед собой только злую колдунью, которая не может... не хочет исцелить ее мужа! В мгновение ока забыто былое, и в ее голову разом приходит мысль, что она всегда подозревала, будто эта чертовка лишь носит личину. А дальше, как говорится, дело техники.

Валену выручила только зародившаяся дружба с местными детьми, которые поголовно оказывали ей знаки внимания. А куда им ещё идти? Тут их не гнали, позволяя то, что не сделаешь дома. В то утро, ни свет ни заря, в ее избу весь взмыленный ураганом ворвался Лин, самый старший из всей компании.

– Беда! – выдохнул он слипшийся воздух из лёгких. – Вам нужно бежать!

Валена, так и не привыкнув к подъему с рассветом, едва разлепила глаза.

– Бежать?! Куда? Зачем?

– Отец Нил собирает людей, чтобы жечь ведьму!

– Жечь ведьму?! Откуда здесь ведьма?

– Вас жечь! Тетка Улая всем рассказывает, что вы злобно хохотали над ее горем и чуть ни сгноили ее саму, – выпалил Лин. Он был страшно взволнован, заодно и напуган, ему едва минуло десять, но он уже понимал, что вряд ли для него обойдётся одной лишь поркой, если кто-то прознает, что он предупредил ведьму.

Сон с девушки слетел так же быстро, как от холодного душа, – у нее было свойство, в моменты опасности она соображала гораздо быстрее. Первым делом она отправила парня подальше, фактически выгнала его взашей, потому что пришла к точно таким же, как и малец, выводам. Она умела ценить преданность, а это самое малое, что она могла для него сейчас сделать.

Затем Валена накинула самое невзрачное из своих платьев, свернула кое-как волосы в конский хвост, обернув все это толстым платком, и полезла в подвал. Бежать?! Что за бред? Вначале она посмеется над теми, кто отплатил ей злом за добро. Проклятый дед с самого начала ее невзлюбил и всячески старался показать, что выведет на чистую воду. С какой радостью он ухватился за ложь этой карги! К магам и так, благодаря церкви, отношение было весьма опасливое, – провинности им не прощали, – а тут обвинение священнику просто преподнесли на блюдечке.

Как я уже убедился, Валена была девушкой жутко предусмотрительной, чем очень гордилась, а потому с самого начала допускала нечто подобное и заранее позаботилась о том, чтобы уйти незамеченной, но отнюдь не отомщенной.

– Не знаю, почему я тебе это рассказываю, – призналась она задумчиво, – до сих пор ни одна живая душа не знает, что, кроме магии жизни и стихии огня, я изучаю Подобие. Сама, втайне от всех. – Валена пожала плечами, словно велла беседу сама с собой. – Подобие – странное переплетение, магия жизни в ней образует костяк, на который нанизываются другие. Есть даже частичка смерти, – она вздрогнула, – но этот раздел не по мне. Да и не слишком это законно. Мне всегда нравились куклы, если называть их магическим словом, – големы, – смущённо потупилась она. Как будто я застукал ее за чем-то предосудительным!

– Голем! Конечно! – воскликнул я, осененный догадкой. – Я пытался спасти куклу!

– Ты пытался меня спасти?! – недоверием в ее голосе можно было наполнить бочку, я взглянул ей в глаза и подумал, что его хватит и на две.

Мне вспомнилось, что я выгляжу вряд ли много старше ее деревенских друзей, и к тому же горбун. Не о таких спасителях обычно мечтают принцессы.

– Да, к несчастью, я слишком поздно понял, где ты настоящая.

Она недоверчиво на меня уставилась.

– Интересно, как это тебе удалось? Я поддерживала в ней жизнь до последнего.

Так-с, это уже запретная территория, не стоит никому знать мои маленькие секреты.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Перед смертью люди творят разные вещи. Ну, я так слышал.

Она вздохнула, к счастью, видимо, не рассчитывая услышать иной ответ.

– Что же случилось дальше?

Валена вздохнула, расправляя складки платья.

– Не знаю. Управлять такой куклой, да ещё такой сложной, требует массы сил. Больше всего на свете я боялась упасть без сознания среди толпы, и тогда на месте своего создания вполне могла оказаться я. Слишком далеко от нее отходить тоже нельзя: двадцать шагов – мой предел, дальше голем теряет контроль. Толпа же сильно отвлекает внимание, несколько раз я почти потеряла связь.

– Значит, когда меня привязали к столбу...

Девушка вздрогнула и посмотрела на меня шальными глазами.

– Я не знаю, как описать! – Ее словно бросило в жар, она растерялась. – Я увидела, как какого-то карлика кидают на эшафот, как он ошеломленно вращает глазами...

Не слишком приятное описание, но я опять промолчал.

– Он о чем-то говорил с отцом Нилом, я видела, что над беднягой лишь потешаются, – Валена вздохнула. – Я успела

изучить этого гадкого человека. Знала б заранее, ноги моей не было в этой деревне.

Действительно, предусмотрительная и рассудительная. Ей, как и мне, не достает знаний и житейского опыта.

– Ты слышала наш разговор? – припомнил я ее слова.

– Лишь отчасти, хотя и стояла рядом. Управление куклой отнимает все силы.

– А о какой такой курьерской грамоте он твердил? – Я повторил слова священника, после которых меня окончательно определили в компанию к ведьме.

– Ты не знаешь про курьерские символы? – искренне удивилась она, резко поменяв настроение. – Странно слышать от того, кто назвался курьером. Все срочные сведения доставляются через порталы, расположенные в больших городах. Но без грамоты в них не попасть даже королю. Без разрешения и без денег.

Я проглотил возмущённый рык, рвущийся наружу, подобно магме вулкана. Еще и порталы?! Здесь можно за долю секунды оказаться в другом королевстве?! И почему я об этом узнаю от совершенно постороннего человека?! Так вот, значит, зачем я стираю ноги до самых ушей. Два друга решили под шумок разобраться со своими проблемами. Но зачем подвергать опасности мою жизнь? Если верить их словам, еще две мои смерти, и все эти нападения станут муравьиной возней в песочнице. Над этим надо подумать. А Оррик? Вот гусь! Мог ведь сказать, как на самом деле обстоят дела.

– И почему же билет? – как ни в чем не бывало поинтересовался я.

– Сто золотых.

Я присвистнул. Может, как раз в этом дело? Моих денег хватило бы отправить в Алату палец или, скажем, ухо. Сильно сомневаюсь, что кто-то ради моего удобства выложил бы такую круглую сумму. С другой стороны, ни в жизнь не поверю, что у отцов-командиров не найдется лишней сотни... ладно, трех сотен золота, если речь идет о спасении мира. Значит, дело в другом.

– А сколько человек можно провести за раз?

Я заслужил выражение неподдельного изумления. Что-то не то спросил, видимо, надо полегче с вопросами, а то снова окажусь на костре.

– Портал пропускает за час не более одного, с собой можно захватить легкую сумку.

Я не удержался и присвистнул ещё раз.

– Никакой ты не инквизитор! – Валена наставила на меня пальчик. – Им все это прекрасно известно. Так кто ты такой?!

Опять мы приблизились к краю. Не рассказывать же ей об Убийце.

– Я Иан, друг, – я решил отбиваться общими фразами, про себя обдумывая ее слова о порталах. – Странствую по-маленьку.

Похоже, вот она, дорога для избранных. А кто у нас отве-

чает за избранных? Церковь! Местному люду этот портал – все равно что слетать на Луну. Ни разрешения, ни денег им не достать. Что это, как ни ещё один инструмент контроля?

Вот почему так удивился священник. Конечно, при наличии портала везти срочные сведения по дорогам общего пользования по меньшей мере глупо, а в тех обстоятельствах, при которых я оказался на эшафоте, вообще подозрительно. Что это за срочный курьер, который столько времени шатается неизвестно где? Впрочем, моя злость на гнусного старикашку в рясе от этого не уменьшилась.

После, все после: месть, дальнейшие разговоры и рассуждения лучше убрать в долгий ящик, на повестке дня стоит вопрос о погоне. Пустятся ли за нами, вдогонку, и если да, то сколько у старичка и его подельников уйдёт на сборы? Мы тут совершенно бездарно тратим время на болтовню, а следовало бы увеличивать преимущество перед преследователями. Огню так и не достались мои ботинки, будет глупо, если их спалят со второй попытки.

– Кстати, ждать ли погоню? – спросил я, внутренне подбравшись. – У священника хватит сил отправить за нами людей?

Валена пожала плечами, было видно, что ее состояние ушло в другую крайность: девушкой всецело завладели безразличие и опустошенность. К счастью, моих куцых объяснений на данном этапе оказалось достаточно, и опасная тема больше не поднималась.

– В самый последний момент мне стало страшно, и огненный шар полетел не в священника, – вдруг сказала она, когда я уже не рассчитывал на ответ. – Если отец Нил и получил урон, то лишь своему самолюбию и гордыне.

Я скрипнул зубами от досады. Если я не ошибаюсь, для таких людей, как этот зловредный священник, нет более серьёзной обиды, чем уязвленное эго.

Вот уже, наверное, час – время снова стало для меня субъективной величиной – мы с максимально возможной скоростью уходили в лес. По словам Валены, место нашего вынужденного привала от деревни с холмом отделяла по меньшей мере парочка верст, которые мы проскочили галопом в самом начале. Нашу безумную гонку я не помню, в памяти лишь отдельные фрагменты, нарезка самых интересных моментов, хоть сейчас монтируй рекламный ролик, зато каждую кочку вспоминают ноги, непривычные к таким маршброскам. Но нынче не до сантиментов, лучше сегодня выжать из себя все до последней капли, чем проявить малодушие и попасться в лапы святош.

К счастью, лес здесь отличался от того, сквозь который я продирался, улепетывая от эльфов. Ни тебе зарослей, ни травы по пояс – снизу плотный ковер из трав, сверху кроны деревьев, посередине широкий тракт, иди себе, не хочу. Земля связана с небом тоненькими ниточками стволов деревьев. Таковыми они кажутся лишь до тех пор, пока не проходишь

мимо. Приближаясь к дереву, ощущаешь себя муравьем, букашкой, настолько широк ствол, а первые ветки начинаются на такой высоте, что понимаешь: да, если туда взобраться, там может найтись обиталище великанов, для которых земля кажется крохотной и игрушечной сказкой.

Поэтично? Наверное. Только мой мозг безжалостно расправлялся с подобными мыслями. Несмотря на пройденное расстояние, ничто нас не задерживало, ветки не лезли в лицо, корни не путались под ногами. Усталость пока игнорировалась, мы были полны сил и целиком вкладывали их в стремление оказаться как можно дальше от деревни с ее стариками, священниками, толпой озлобленных сельчан и костром. Беда в том, что нашим преследователям тоже не придется тратить время на все это, дорога легка, цель понятна. Вряд ли за нами отправятся слабые, не уверенные в себе люди. Скорее всего, пошлют тех, кто знает лес как свои пять пальцев. Все, что у нас было, это фора, которую следует увеличивать и увеличивать, покуда хватает сил. Зачем? Не знаю, может быть, в глубине души я надеялся на своих спутников, а, может, вообще на чудо. Но чудеса сами собой не происходят, за них приходится побороться.

Валена помалкивала, подозреваю, переживания по поводу разрушенной жизни грызли ее с утроенной силой, но помочь ей ничем не мог. Уйдем от погони, расскажу ей анекдот.

– Вот бы узнать, идут за нами, или мы зря тут надрываемся, – в сердцах выдохнул я и чуть не влетел в спину девушки,

которая секунду назад уверенно шагала первой. Да-да, и тут мне пришлось поступиться гордостью: куда легче держаться за кем-то, чем торить дорогу первым.

– Я могу попробовать, – неуверенно произнесла она.

– Как?! – опешил я, а потом замахал руками, показывая, что мне все равно, как, главное, что можно. – Сколько времени это займёт?

Она пошевелила губами, что-то прикидывая.

– Недолго.

– Раз недолго, – принял решение я, – стоит для этого задержаться.

Валена, секунду помедлив, подобрала платье и опустилась на землю. Ее глаза закрылись, лицо утратило следы эмоций, я заметил, что она села лицом к тому направлению, откуда мы только что шли, оттуда должна прийти и погоня.

Минуты текли, одна, две. Вдруг я споткнулся на очередном круге, заметив бледно-голубое сияние, окутавшее голову волшебницы. Воздух слегка замерцал, а затем облако с блестками стало вытягиваться в сторону, куда было обращено лицо девушки. Прошло еще немного времени, и оно потянулось все дальше и дальше, становясь прозрачным, едва заметным туманом. Я снова принялся яростно мерить шагами место за спиной у волшебницы. Каждой жилкой своего тела я ждал одергивания, любого замечания, так как сам знаю, как может нервировать подобное поведение. Но так и не дождался. Вместо этого Валена вдруг распахнула глаза,

обернулась, и ее ясный взгляд впился в меня не хуже змеи, встреча с которой мне едва не стоила жизни, казалось, уже несколько столетий назад.

– Идут, – только и сказала она.

Хоть я и ожидал такого ответа, внутри меня похолодело.

– Сколько их?

Валена удивлённо на меня покосилась.

– Я не ясновидящая, а магиня, к тому же недоучка, а ты спрашиваешь, сколько их?!

– Прости, – я положил руку на сердце. – Я не имел в виду ничего плохого. Просто мне не приходилось слышать о подобных вещах. Вот и подумал, что тебе открыто это знание.

Взгляд девушки немного смягчился, ни слова больше не говоря, мы тронулись дальше.

– А как тебе удаётся чувствовать тех, что идут за нами?

С каждым шагом девушка все больше мрачнела; с таким настроением человек вполне может развернуться и отправиться навстречу своим врагам, а не убегать ради свободы. Если я хочу выжить сам и вытащить свою новую знакомую из практически безвыходной ситуации, нужно что-то сделать, чтобы поднять ее дух. Самое последнее дело – позволить вариться в своем мрачном бульоне из страхов и безысходности. Пусть лучше изнемогает от моих бесчисленных вопросов.

Валена не сразу ответила, а я в очередной раз убедился, что моя способность видеть чужие мысли чересчур сильно

зависит от эмоциональных переживаний и фактически выключается в стрессовой ситуации. Ну да, я опять остался слепым и глухим. С этим надо что-то делать.

Наконец девушка заговорила:

– Иногда случается так, что целителю необходимо вначале отыскать тех, кому нужна помощь. – С каждым словом ее голос оживал все больше, Валена явно обрадовалась, что ей не придётся молчать, кроме того, мне не нужно было напоминать о прописной истине: люди охотнее рассказывают о себе, чем слушают собеседника. – Человек может лежать под завалами или в лесу, да в любом месте, где тебя обнаружат, когда уже будет поздно. Мы же чувствуем жизнь и умеем отличать одну от другой. – Она помолчала. – Мэтр Огринэль как-то показал нам, что сквозь стены можно определить тип раны и даже передать часть силы больному. Но я так не умею, – призналась она.

– Но ведь наши преследователи далеко, – сказал я. – Это не то же самое, что почувствовать раненого в двух шагах.

Валена оглянулась, в ее глазах я заметил любопытство, как вдруг заработала та часть дара, которой я пользовался нечасто: какой нормальный человек хочет знать, что все поголовно испытывают к тебе либо жалость, либо презрение. Меня окатила волна изумления и заинтересованности. Это оказалось столь неожиданно, что я тотчас сбился с шага и едва не растянулся на мокрой траве.

– Не то, – согласно кивнула она, ничего не заметив. – Но

очень похоже. – Ого! Ее глаза загорелись! Полагаю, в деревне едва ли имелись благодарные слушатели, которые в полной мере могли оценить то, о чем идёт речь, да и в академии, если верить ее словам, она слыла парией, выскочкой, где уж там говорить по душам, а тут так удачно подвернулся я. – Жизнь обычного, здорового человека мы, целители, видим, как солнце, очень яркое, и его невозможно спутать с чем-то другим. Когда мы ищем больного, его солнце почти зашло, иной раз мы гоняемся за умирающими лучами, эхом его бывшего огня. Он – тусклый, и если не знаешь, что нужно делать, никогда не отыщешь, а человек за это время умрёт. Конечно, далеко не каждому целителю за всю свою жизнь выпадает случай кого-то искать, ведь обычно работать приходится в городе, где нас просто провожают к постели больного. – Она нерешительно замолчала, но затем продолжила: – Или, например, в деревне, что, в общем, одно и то же. Кого там искать, впору учиться скрываться, – она впервые выдавила из себя улыбку. – Но бывают ведь исключения. Если человек полон сил, но находится далеко, его солнце сродни больному, оно кажется маленьким и слабым. Если изучить, с какой скоростью уменьшается яркость в расчете на расстояние... – Она поравнялась со мной и принялась пытливо меня рассматривать. – Ты действительно понял, что я сказала?!

А что ты сказала? О том, что сила сигнала падает с расстоянием, не знает только папуас в Новой Гвинее. С другой стороны, может, для здешних это открытие сродни того, что

земной шар круглый и он вращается вокруг солнца. Как ей ответить? Сделать большие глаза или добить теоремой Пифагора? Это единственное, что я помню из школы.

– Я не в меру понятливый. Поправь меня, если ошибаюсь, но для того, с какой лёгкостью ты все проделала, одного знания маловато. Я бы предположил, что нужно целенаправленно отрабатывать свои навыки.

В точку! Девушка даже остановилась, распахнув глаза от изумления, и в растерянности проговорила:

– Я подолгу играла с братьями в прятки, находила их без труда, куда бы они ни спрятались. Мальчишки в конце концов стали уходить все дальше, не ограничиваясь помещьем, откуда им было знать, что мне известны все их секретные места? Попав в академию, я выяснила, что невольно сама освоила кусочек искусства.

– И решила на этом не останавливаться, – догадался я.

Вскоре мне стало не до бесед. Говорить в спину – удовольствие ниже среднего, а семенить рядом, когда на полтора твоих шага приходится один, требовало чересчур много сил, которые и так на исходе.

Как назло, в голову лезли разные мысли, иногда совершенный бред. То мне вдруг чудилось, что все наши усилия напрасны и отец Нил вот-вот со злорадной усмешкой выглянет из-за соседнего дерева; то мнилось, что мы идем слишком медленно, и тогда я пытался прибавить шаг, но все, че-

го добивался этим, – сбивал дыхание и долго прихрамывал, держась за правый бок. Монотонные действия притупляют внимание, ты превращаешься в автомат, придаток к той части тела, которая функционирует без твоего участия.

Усталость, голод – все это играло на руку нашим недругам. Время оказалось нашим другом и самым опасным врагом. Каждый лишний час приближал или отдалял нас от преследователей. Почему-то мне казалось, что если мы продержимся до заката, дальше у нас появится хоть какая-то надежда уйти от погони. Впрочем, день и не думал подходить к концу, в отличие от моих сил. Их уже практически не осталось. Всякий раз, когда мы устраивали короткий привал, я думал, что уже не смогу подняться, и только глаза волшебницы, в которых нет-нет, да и проскакивали искры жалости, делали невозможное: скрипя, как столетний дед, я прикусывал губу до крови и, покачиваясь, брел за Валеной, поминая тупых фанатиков всуе.

На привалах мы практически падали замертво. Нужно было что-то придумать, иначе к концу дня я снова вернусь на эшафот. Мы старались быть в курсе, что делают наши преследователи. После третьей остановки Валена неуверенно заявила, что чувствует людей в трёх-четырёх часах пути, и вроде как нам удаётся держать дистанцию. Это было больше, чем я надеялся, но меньше, чем нам требовалось для спасения. При этом я всячески старался продемонстрировать уверенность, что все идёт, как должно.

Скорость передвижения совсем упала, и в том была немалая толика моей вины. Усталость брала свое, и больше не помогали ни жалость, ни злость – ничего. Держась за плечо Валены, а иногда и повиснув на нем, я ещё мог передвигать ноги, но на большее уже не замахивался. Было ли мне стыдно? Скорее, обидно до слез, что превратился в обузу, но я так и не решился предложить ей оставить меня.

Ко всем остальным нашим бедам, лес наконец-то сбросил с себя сказочные оковы, расправил зеленые плечи, стряхнул, как змея, на землю отжившую кожу. Вокруг появились кусты, трава вытянулась до пояса, в ней попрятались сухие ветки и коряги, и все вместе они взялись за нас, словно отыгрываясь за тот отрезок, когда мы прекрасно обходились без всего этого великолепия.

– Если мы не сделаем финт ушами, нас поймают, – выдохнул я, привалившись плечом к дереву, рядом обессиленно опустилась Валена. Последнее время, нам все чаще приходилось останавливаться, чтобы набраться сил. – И как тебе удаётся держаться? Ты стальная?

Она слабо улыбнулась.

– Финт ушами? Ты смешной, – сказала она. – И я не стальная, целители умеют использовать свои внутренние силы. Наверное, я ещё долго смогу идти, но стараюсь не думать, что со мной будет завтра.

Я поймал ее печальный взгляд.

– Тот шар огня выпил почти все без остатка. Себя я еще как-то могу поддерживать, но это все, что мне доступно.

В ее голосе слышалось искреннее сожаление. Я же подумал о том, что мы еще более безоружны, чем я полагал.

Нам нужно было что-то сделать, пока мы хотя бы могли передвигать ногами, и боги услышали нас! Облака прорвало. Небо обрушилось на землю сплошным потоком, я стоял, запрокинув голову, насколько позволяла спина, и беззвучно смеялся, подставив лицо тяжелым холодным каплям. Дождь. Он вмиг разделался с духотой, проник под одежду, залепил глаза, намочил волосы. Платье Валены обвисло, потеряв форму, пряди волос облепили голову и лицо рваными клочьями.

Она терла глаза руками, не понимая причин моей радости, а я не мог успокоиться, повторяя одно слово:

– Дождь! Дождь. Дождь...

Дождь. Защитник всех беглецов. Из книг мы знаем, как ненавидят следопыты это несносное явление природы, ведь оно повинно в том, что жертва срывается с крючка охотника. Оно метелкой проходится по следам, стирает запахи, возвращая жертве шансы на жизнь.

– Назад! – прокричал я Валене, сквозь звуки ненастья. – Нам нужно обратно к ручью. Мне кажется, я знаю, как утереть им нос!

Минут десять назад мы с грехом пополам перешли вброд

неглубокий, но быстрый ручей, теперь же нам предстояло туда вернуться. Если уж заметать следы, так делать это с умом. В книгах все приличные беглецы пользуются этим приемом, так чем мы хуже? Главное, придерживаться русла и не наломать дров, так мы точно собьем их со следа. Вряд ли они ожидают такой прыти от двух человек, полуживых от голода и усталости.

В книгах почему-то ничего не написано о том, что даже летом вода в лесу вполне может обжигать холодом, и одной минуты достаточно, чтобы онемели пальцы ног. С каждым метром онемение будет подниматься все выше и выше. Не было там ни строчки и о липком глинистом дне, изобилующем корягами, ямами и камнями, то и дело попадающимися под ноги, норовящими подтолкнуть в самую неудачную секунду, хватающих за одежду, ставшую враз тяжелой, как ярмо раба на шее.

Не желая испортить обувь, я решил идти босиком, зная, что мои ступни выдержат и не такое. Так же поступила и Валена, ей тоже было жалко своих сапожек. Мы брели в воде, иногда опускаясь по пояс в мутный от глины поток, стремительно закручивающий платье девушки, сбитые ветром листья, поломанные ветки. Каждому пришлось рассчитывать только на себя самого – русло ручья было настолько узким и неудобным, что только в одиночку можно было переставлять ноги, не боясь, что зацепишься за корягу и уйдешь на дно с головой. Впрочем, пару раз мне все-таки пришлось принять

ванну, и я чуть было не потерял свои башмаки, изрядно наглотавшись воды, пока ловил их в мутной воде.

К тому времени, как мы выбрались из ручья, наши зубы научились отбивать чечетку, а рук и ног я не чувствовал вообще, но результат того стоил: почти двести метров вправо от старого направления. Пройдя руслом ручья, мы сместились далеко в сторону, кроме того, я пошел на сознательный риск, и некоторое время мы даже шагали навстречу погоне, а не от нее. Только когда мне показалось, что теперь нас никто не найдёт, я окончательно сменил направление. Со всей возможной скоростью мы под прямым углом удалялись от прежнего пути, оставив ручей далеко по левую руку. Если повежёт, погоня проскочит мимо. Дождь при этом ещё больше усилился, заливая наши следы и разрушая крохотную надежду согреться в движении.

– Нужно проверить, смогли ли мы оторваться.

Валена обратила ко мне измученное лицо. Мое сердце невольно сжалось: не знаю, как выгляжу сам, но на мою спутницу оказалось страшно смотреть. Все-таки резерв волшебницы оказался не бесконечным. На фоне опускающейся темноты овал ее лица смотрелся бледным пятном. Девушку била крупная дрожь, особенно заметная, когда она пыталась стоять. Бегство, похоже, вымотало ее так же сильно, как и меня.

– Еще один раз, – я дотронулся до ее руки. – Пожалуйста. Валена, казалось, закатила глаза, но сумела удержаться.

От моей помощи она отказалась. Вместо того чтобы упасть, она плавно опустилась на землю и замерла, вслушиваясь в окружающий мир, как делала несколько раз до того. Я молчал, затаив дыхание, понимая, что сейчас, в эту минуту, решалась наша судьба – мы спасены или нас ждёт костер? Может так стать, что недруги бродят в двух шагах, и стоит готовиться к последней схватке, которая, к слову, будет быстрой.

Сияние вновь окружило ее голову, но было оно не в пример более тусклое и как будто подрагивало. Валена, не отрываясь, смотрела в точку, прозрачные нити потянулись в даль. Чем дольше я она так сидела, тем больше во мне крепла надежда, что нам удалось невозможное.

– Никого! Я никого не чувствую! – волшебница вскинулась, и в ее голосе зазвенели прежние живые нотки, наполненные неподдельные изумлением и облегчением.

С меня словно сняли экзоскелет. Я повалился на землю и почувствовал, что задыхаюсь от смеха. Не от облегчения, нет, это был лающий, беззвучный хохот, как у мультяшных гиен. Мне в очередной раз удалось обмануть судьбу.

Глава 9

Знаете, какие лучшие будильники на свете? Откуда! Ведь я тоже не подозревал об их существовании. До появления на Арли. Впрочем, даже здесь последнее время мысли о голоде и холоде напоминали о себе все реже и реже. А между тем я замерз, и кто-то, во сто крат злее «чужого», грыз меня изнутри. Кажется, даже в пещерах чувство голода не набрасывалось на меня с такой силой. Интересно, сколько времени у меня вынужденная диета.

Я раскрыл свой единственный глаз, и первым, что мне открылось, оказалась изящная девичья ручка, придавившая мою шею к земле, так что поначалу трудно было отказаться от мысли, что меня опять пытаются задушить. Скосив взгляд, я обнаружил ещё кое-что интересное: поверх бедра лежала ножка под тяжёлой грубой тканью. Судя по виду, платье волшебницы так и не просохло со вчерашнего дня. Мы легли, не раздеваясь, – во-первых, ни у меня, ни у Валены не было смены; во-вторых, мы решили, что в мокром все же теплее, чем вообще нагишом. В-третьих, ни у кого не оставалось сил, чтобы две предыдущие причины могли хоть как-то повлиять на ситуацию.

В противоположность левой стороне правая раскалилась, и если бы я не был так уверен, что представляю собой единое целое, наверняка расплавился бы где-то посередине. Причи-

на такой разницы температур мирно посапывала у меня на плече, уткнувшись остреньким носом в щеку. Ее ровное дыхание с легким посвистыванием на выдохе наверняка вызвало бы у меня умиление, если бы не утренняя мужская привычка бегать за куст; кроме того, мне вообще не хотелось демонстрировать кому бы то ни было боевое состояние моего мужского достоинства. Оно вполне адекватно реагировало и на утро, и на близость женского пола. Вот только как объяснить представительнице лучшей половины человечества, что со мной все в порядке, и то, что она сейчас увидит, вполне себе рядовое дело, а не покушение на ее честь.

Помните, все писатели пишут, что их герои аккуратно, не потревожив сон принцессы... Вранье! Мне ни разу не удалось слинять от девушки так, чтобы она не проснулась! Какие бы у меня ни были первоначальные намерения, всякий раз приходилось выслушивать разное... в зависимости от обстоятельств и настроения. Сейчас же и вовсе произошёл вопиющий случай: благодаря преимуществу в росте, меня просто не выпустили на волю!

Первое мгновение у меня в голове не укладывалось, что подобное происходит со мной. Когда же я изо всех сил начал ворочаться, наплевав на условности, рука исчезла, и над ухом раздалось горячее шипение только что посапывавшей волшебницы.

– Расскажешь кому-нибудь – спалю! – После этого многообещающего предупреждения мне было позволено поднять-

ся, и я наконец смог уделить время своим желаниям. Валене я поверил сразу и безоговорочно.

Каждый из нас, как мог, приводил себя в порядок. Утренняя прохлада потихоньку сменялась нежным теплым прикосновением ветерка, роса, выпавшая под самое утро, благополучно истаяла. Сквозь прорехи в листве к нам с любопытством заглядывал новый день, разбрасывая повсюду солнечные лучи. Он как бы говорил, что не стоит бояться вчерашнего ненастья, дождь, сделав свое дело, убежал вместе с тучами.

Чтобы согреться, я бегал по округе, попутно собирая хворост. Кожаная одежда, подсохнув, огрубела, и мне «посчастливилось» ощутить себя черепахой. Впрочем, лучше так, чем совсем без нее или в мокрой. Валене пришлось не слаще – ее платье и раньше не выглядело модельным, ведь ее наряд должен был больше скрывать, чем показывать. Сейчас же он и вовсе превратился в половую тряпку. Хуже всего то, что Валена и сама это понимала.

Костер так и остался нашей несбыточной мечтой. Девушка попыталась наколдовать огонь, но из ее затеи не вышло даже малюсенького дымка – мокрые ветки гореть не желали. Мы с сожалением постояли над несостоявшимся кострищем, и я ногой разбросал свои труды по земле – чем меньше следов, тем лучше.

Ничего ещё не закончилось. Да, есть вероятность, что мы

оторвались от погони, но положение наше ничуть не улучшилось: у нас не было денег, нам нечем добывать еду, нет одежды, кроме той, что на нас надета, и мы не имеем ни малейшего представления, что делать дальше. Куда идти? Именно об этом я и сказал, когда убедился, что Валена закончила с утренним туалетом.

Ее голос, в котором не осталось и следа вчерашней обреченности, заставил меня удивленно к ней повернуться.

– Нам нужно лишь добраться в Бохан.

– Бохан?

– Город на севере, – сказала она, окинув меня недоверчивым взглядом, который я проигнорировал. – Отец не оставит нас без защиты.

Новые вводные? Что-то мне подсказывает, что она не простолюдинка.

– А кто у нас отец?

– Барон! – выдохнула она порывисто и сразу же прикусила губу. Ее пытливый взгляд вцепился в мое лицо, выискивая малейшие признаки эмоций. А я пока не решил, дрожать от страха или трястись от смеха. Ну, барон и барон, с кем не бывает. Я вот знаю епископа, принца и князя, неплохие, в общем, ребята, хотя и не без своих закидонов. Один пытал до полусмерти, хотя, оказывается, и не пытал вовсе, второй просто прирезал, но я воскрес, чем может меня теперь удивить простой провинциальный барон?

Но вот одну деталь желательно прояснить прямо сейчас.

– Как тебя зовут на самом деле?

От меня не укрылась мрачная решимость на лице девушки. Ну точно, она желала сохранить свой титул в тайне. Интересно, к чему такая таинственность?

– Валенбергия фон Рушт.

Ого! Целая Валенбергия! Валена звучит попроще. Если она думала увидеть падение ниц или плевков под ноги, ее ждёт разочарование.

Я разглядывал ее бледное и решительное лицо. Вызывающий взгляд все ещё царапал мои глаза, пробуждая странные чувства. Эй, сейчас самое время влюбиться!

– Валенбергия – красивое имя, но, если ты не против, Валена – короче. – Я встал напротив нее. – Не пора ли взять ноги в руки и свалить отсюда, пока не поздно? Второго ручья мои ботинки не переживут.

Подозреваю, Валена относилась к тому типу людей, которые не привыкли долго горевать над одной проблемой. Час, день, в зависимости от ее величины, а затем раздражитель помещается в раздел, где содержатся точно такие же под общим названием: «Если сразу не убило, значит, рассосется». Так и тут, вопрос погони потерял актуальность, отсутствие провизии вообще не бралось в расчёт, в остальном жизнь прекрасна, и даже с погодой, откровенно говоря, повезло. Как такой подход к жизни мог соседствовать с рассудительностью, сказать было сложно, ведь об этой ее черте я знал

только с ее собственных слов. Впрочем, сейчас я был готов поверить во что угодно, лишь бы уйти подальше.

– Как ты планируешь добраться до этого Бохана? – спросил я. Топать пешком в другой город в чужой стране, о которой я ничего не знаю, мне совсем не хотелось. Оррик не мог меня оставить одного, никак не мог! Его отсутствию наверняка есть рациональное объяснение, пусть и пока мне не известное. Как только о моем исчезновении узнают, он перевернет вверх дном все королевство, не говоря уж про задрипаный самострой с маленьким холмиком.

Валена бросила на меня снисходительный взгляд.

– Оно и видно, что ты не местный. Верстах в сорока отсюда есть ещё одна деревня. Малая Горка. Когда я выбирала, где останавливаться, едва не отправилась туда.

«Чем нам поможет другая деревня?» – подумал я, но спросил совсем не то:

– Почему передумала?

– Там есть своя ведьма, – усмехнулась Валена. – Зачем им две?

– Сколько идти до этой твоей Горки?

– Завтра к вечеру будем там, – ответила девушка беззаботно. – Тут рядом.

Рядом?! Меня ее настроение начинало выводить из себя. Даже то, что мы дважды останавливались и Валена демонстративно садилась и проверяла, не появилась ли погоня, не успокаивало, а напротив, ещё больше сжимало пружину

внутри.

– Что мы будем делать в этой деревне? Просить милостыню? У нас нет денег.

– О деньгах не беспокойся, – уверила меня девушка. – Нам помогут, как только узнают, кто мой отец.

Я хмыкнул.

– А почему бы тебе ни рассказать об этом любезному отцу Нилу, тогда, глядишь, и жечь бы не стали, и отношение сразу другое, – сказал я.

Девушка оглянулась, и я поразился яростным огонькам в глубине ее глаз.

– Если бы я хотела другого отношения, я бы отправилась напрямиком в Бохан.

Некоторое время спустя, когда мы остановились на отдых перед очередным ручьем, мне представилась возможность понаблюдать, как она пытается снова воззвать к магическому дару. По ее разочарованному лицу нетрудно было догадаться, что и эта попытка оказалась не слишком удачной. Валена открыла глаза, несколько секунд буравила взглядом незримую точку среди деревьев, затем положила обе руки на землю и опустила голову. В такой позе, напоминающей испуганного ребёнка, съездившегося на коленях среди старых игрушек, она просидела какое-то время. Ее дыхание было тяжело и прерывисто, как будто она бежала, спина вздымалась после шумного вздоха, наконец, ее пальцы сжались, за-

черпывая с мрачным хрустом листву и мелкие веточки у колен, она вскинула голову и с раздражением отбросила мусор подальше. Листья разноцветными поломанными бабочками порхнули прочь.

– Не получается, – скорее для себя пожаловалась она. – Потом попробую снова.

Я сидел в двух шагах от девушки и разглядывал ее лицо. В нее на самом деле было очень просто влюбиться. Правильные и очень выразительные черты лица притягивали открытостью. Мне хотелось увидеть, как она улыбается. Там, на Земле, имея такую внешность, у нее не было бы отбоя от подписчиков.

– Я правильно понимаю, что в деревне ты собираешься рассказать, кто ты на самом деле и попросить помощи?

Валена подняла на меня мгновенно покрасневшие глаза, порывисто вскочила, подол платья хлестнул по ногам, как кошачий хвост, и принялась яростно метаться между корягой и берегом, ничего не видя вокруг.

– Да! – Она остановилась и с вызовом уставилась на меня. И куда, скажите на милость, подевалась расчетливость?

– Я подумал, что ты не хочешь, чтобы кто-то знал о том, кто твой отец.

– Не хотела! – Мне показалось, что она сейчас бросится на меня и все-таки доделает начатое с утра, но я заставил себя не сходить с места.

Пусть и без способности видеть эмоции, моя голова по-

ка ещё превосходно работала. Мне в команде не помешал бы маг, пусть недоучка, пусть девчонка с напалмом в сердце, зато будущий полноценный маг, а на ее огонь у меня найдётся достаточно воды, чтобы уравновесить стихии. Заполучить целителя и огнемет в одном флаконе тот ещё соблазн, я вам скажу. Вот из таких моментов и складывается доверие. Я молчал, не пытаюсь даже движением глаз выдать свое нетерпение. Стоило сейчас нарушить шаткое равновесие, разорвать тонкую ниточку зарождающейся приязни, как, независимо от исхода нашей совместной кампании, дорожки двух человек разбегутся в стороны.

Мое терпение оказалось вознаграждено. Валена опустилась рядом и обхватила колени руками, разом растеряв весь свой огонь. Ее глаза поблекли, пальцы переплелись и побелели. Первые слова, словно наждак по металлу, пошли со скрежетом, оставляя следы в душе.

– Давным-давно, ещё в детстве, когда я была маленькой, отец, чтобы меня повеселить, усаживался в свое любимое кресло и брал меня на руки. – Валена не плакала, таким голосом рассказывают о покойнике или о том, как в самый последний момент, когда уже готовишься праздновать победу, теряешь все, что имеешь. – Мне исполнилось восемь в тот день. Папа, как обычно, с доброй усмешкой на лице рассказывал сказку о похождениях барона Вензелоса фон Ругха. О, мы все были без ума от этой истории, и даже старший братец, Адалард, в свои семнадцать презрительно фыркавший при

виде наших детских забав, и то выдумывал разные предлоги, чтобы попасть в гостиную и послушать ее вместе с нами. Мы пятеро собирались так каждую пятницу, это было наше время, и никто не решался его отнять. Я чувствовала, что отец своими рассказами добивается того, что не смог бы сделать ни уговорами, ни угрозами. Мы становились единым целым, семьей.

Валена рассказала, как мама иногда заходила к ним, но никогда не оставалась надолго, ей не нравились разговоры о подвигах, драконах и реках крови. Она с укоризной смотрела на ее отца, покачивая головой, проводила одному из детей своей мягкой, душистой ладонью по волосам, как будто передавая всю свою любовь через это касание, и, поцеловав мужа, удалялась в свои покои. Она понимала, что дело совсем не в историях, и ни разу не выказала ему своего недовольства.

Это был особенный день. День ее торжества, когда можно все или почти все, когда на шалости отвечают улыбкой, а проказы вызывают смех.

В тот день рождения Валена захотела объявить всем о решении, которое, казалось, должно все изменить в ее жизни. Корбл и Ладвиг, ее братья и соратники по приключениям, с утра отправились в лес, чтобы раздобыть к праздничному столу ей что-нибудь эдакое, ее отец вот-вот должен был вернуться с ярмарки, он с вечера посматривал на нее загадочным взглядом, а значит, сюрприз, который они готовили с

матерью, еще только должен был приехать в имение.

Валена гуляла по двору, и все казалось ей светлее, чем раньше. Каждый, кто ее видел, кланялся и с улыбкой уверял, что она стала ещё краше, чем раньше. «Что до возраста, – говорили они, – то тебе уже впору искать жениха», – такая она уже взрослая. Эта игра изрядно ее забавляла, пока наконец не привела к неожиданному результату. «Раз все вокруг твердят, что я взрослая, значит, уже можно?» – думала она. Значит, нужно заявить об этом. Нужно рассказать о своем тайном желании, страсти, которую она скрывала вот уже целых два года. Она мечтала стать волшебницей. Какой еще день подходил для подобного заявления, как не ее собственный день рождения?

Валена горько усмехнулась.

– И ты знаешь, все они были правы. Все эти люди, и даже отец, назвавшей меня «уже совсем взрослой принцессой». Я объявила прямо на ужине, при всех гостях, когда отец говорил тост что-то о красоте, целеустремлённости. Он сказал, что я вся в него, а я объявила, что буду волшебницей.

Валена замолчала, опять уставившись в никуда, и молчала довольно долго. Когда она обратила наконец на меня внимание, на лице ее не работал ни один мускул, оно словно превратилось в посмертную маску.

– Больше отец ни разу не усаживал меня к себе на колени, мы не праздновали мой день рождения. Его дочь умерла в тот день, чтобы стать магом. А теперь... – она не договори-

ла, у нее перехватило дыхание. – А теперь то, ради чего я пожертвовала семьей, ради чего превратилась в привидение для родителей и отверженной для сверстников, ради чего отстаивала, отвоевывала право на мечту, ничего этого больше нет. Оно сгорело там, вместе с эшафотом.

Я вздрогнул от ее напора, от того, с какой болью выплеснула она эти слова. Да я, оказывается, не медвежью услугу оказал, а жизнь под откос пустил.

– Ты же говорила, что никто не знает, кто ты на самом деле. Имя сменила. Кто тебя найдёт по таким приметам?! – постарался я ее успокоить. – Ну, спалила ты эти деревяшки, но ведь не убила же никого. Нас не нашли, через пару дней спустят пар, и глядишь, все уляжется.

Бог знает, зачем я так говорил. Наверное, в тот момент я и сам верил в свои слова. К тому же камер тут нет, фотографий – тоже. Ищеек, которые могут по вещам отыскать человека, в такой дыре точно не сыщешь, так что ноги в руки, и бегом отсюда. Будет что вспомнить под бокал горячего вина в холодные зимние вечера где-нибудь в паре тысяч километров отсюда.

– Ты не знаешь, на что способны святоши, – стиснув зубы, произнесла Валена. – Возможно, и не сразу, но они отыщут виновника.

– Да как?! – я вскочил.

– Не знаю, – безразлично пожала она плечами. – Я правда не знаю. Но единственный шанс на спасение для мага, под-

нявшего руку на слугителя богов, – забиться в самый дальний угол в надежде, что ты никогда больше не попадешься им на глаза.

Ерунда какая-то. Я своими собственными глазами видел, как маг ехал в рядах инквизиторского отряда и при этом неплохо себя чувствовал. До определённого момента, конечно. На этого чопорного юношу, не проронившего ни единого слова и на всех взиравшего свысока, не бросались, скорее на него посматривали с почтительностью, его даже побаивались. Кроме того, я припомнил и слова Оррика, который сетовал на то, что у них с чародеями не очень. Как-то не вязалось это со словами Валены.

Обо всем этом я тут же выложил девушке, на что получил гневную отповедь:

– Это отверженные! – прошипела она. – Те, кто был пойман и согласился служить церкви. Они слабы и достойны только презрения!

Хо! Вот так! Моя команда, не собранная пока даже на бумаге, рассыпается, как карточный домик. А я-то намеревался сделать ей предложение! Вот гадство! Впрочем, не стоит вешать нос раньше времени. Этого добра у меня – навалом, хватит, чтобы придумать какой-нибудь выход. Пока же закругляемся с разговорами на эту тему.

– Допустим, мы попали в эти твои Горки, нам подбросили мешок с провизией, что дальше? Пешочком в Бохан? – Для себя я уже решил, что не пойду туда ни на своих ногах, ни без

них. Что мне там делать? Волков гонять? Так ведь будет наоборот. Мне нужно в ближайший город, где заправляет главный инквизитор Поль. Если они и поехали куда без меня, то только туда. Почему оставили меня одного, ещё предстоит разобраться, и нигде, кроме этого городишки, как бишь его, Архана, мне этого не прояснить.

Ну и Валену, конечно, следует взять с собой, нечего ей в Бохане делать. Свои заклюют. Пусть она пока этого не понимает, когда уяснит, будет поздно. А сожгут или не сожгут, ещё бабушка надвое сказала. Если все обойдётся, глядишь, этому злобному старикашке самому пятки поджарят за самоуправство. Что-то мне подсказывает, что костер и ведьмы не по его чину, – превышение должностных полномочий в чистом виде, а те, кто этим должен заниматься по статусу, ой как не жалуют выскочек.

Я поднялся на ноги, хлопнул по бедрам, как будто только что присаживался на дорожку, усмехнулся удивленному виду волшебницы, которая к этому моменту совсем пригорюнилась, и собрался выдать что-нибудь бодрое, весёлое, вроде «кончай нюни распускать, мы еще повоюем», как сзади меня кто-то кашлянул.

Резко развернувшись, я уперся открытым горлом в кончик длинного, в пару локтей, меча, крепко сидящего в ладони человека с кривой ухмылкой на лице, разглядывающего одним глазом свои ногти на левой руке, а другим посматривающего в нашу сторону. Он лениво поднес средний палец

ко рту, цыкнул языком, старательно отгрыз заусенец и, удовлетворенно крякнув, с пренебрежением оглядел нас с головы до ног.

В следующую секунду мир вокруг сложился вдвое, а в животе расцвел такой цветок боли, что сознание мигом выскочило из тела, чтобы уберечь от ещё больших страданий. Снесло меня с ног или же упал сам, как подкошенный, не знаю, темнота в глазах притушила дневной свет, так что я не сразу понял, что со мной. Когда способность воспринимать окружающее вернулась, перед глазами оказались те самые корни, столь любезно подставившие свои широкие плечи в качестве места для отдыха. В довершение всего пришла отстраненная мысль, что падать лицом вниз не очень приятно, – землю, может, иногда и сравнивают с периной, но для того, чтобы ощутить это, нужно иметь другой болевой порог. Мой нос, мои щеки и губы горели, словно отбивная, по которой хорошенько прошлись молотком, а затем обильно сдобрили жгучим перцем. Им вторил живот, все еще полыхавший болью настолько сильно, что вздохнуть выходило через раз, а сердцебиение заглушало все звуки. Словом, я себя чувствовал рыбой, выброшенной из сети, которую хорошенько приложили об палубу.

– Да что вы себе позволяете, я... – услышал я сквозь туман возмущённый крик Валены, прерванный звуком сильной пощёчины, и секунду спустя глухой стук падения чего-то тяжёлого.

– Вы любезно поведали, кто вы, – перебил ее голос, в котором слышалась изрядная доля злорадства. – Хотя я и без чьей-либо помощи отличу благородную тварь от доброго работника, – он глумливо хохотнул. – Но за подробности спасибо, не люблю пытаться женщин – слишком много соплей.

– Джок и Гувер, – произнес тот же голос. – свяжите-ка ее. По лесу бродят толпы мужичья в поисках какой-то ведьмы, уж не ее ли мы прихватили тут ненароком.

– Следы останутся, – неуверенно возразили в ответ.

Я услышал грязную брань, такую, что мой переводчик опять засбоил, чего, признаться, давно уже не случалось.

– Вы не на бал ее везете, потерпит! – вспыхнул неизвестный. – Демон вам в глотку, и в рот ей что-нибудь засуньте, а то очнется и превратит вас в лягушек.

– Я как-то ел суп из лягушек, – вступил в партию новый голос. – Отрава та ещё.

Но раздающий приказы, видимо, не намерен был пререкаться.

– Корш, если ты, свинья, не прекратишь болтать, мне не составит труда сделать из тебя хорошую отбивную с кровью. Я сожру ее вместе с лягушачьим супом, раздери вас все демоны на свете! – зарычал тот, кто раздавал приказы, а затем перешел на зловещий шёпот: – Ах, да, и ещё кое-что. Если хоть кто-то хотя бы подумает своей никчёмной башкой хорошо провести время с этой крошкой, я передам его нашим нанимателям вместо нее.

За моей спиной испуганно охнули. Разговоры прекратились, каждый из невидимок занялся своим делом. По всей видимости, они крутились вокруг Валены, пока не обращая на меня внимания. Боль понемногу отступала, возвращалось умение связно мыслить, а вместе с ней поднималась волна паники и недоумения: что происходит?! Откуда взялись эти люди?! Нас что, специально тут поджидали? Кому нас собираются передать? И что делать мне – попытаться оказать сопротивление? Но какой с меня, безоружного, толк? С меня и вооруженного-то проку не много. Попытаться заговорить их насмерть?

– А с этим что? – подал голос тот, кого назвали Коршем. Я насторожился, так как речь, несомненно, зашла обо мне.

Впрочем, на мой счет размышляли совсем недолго.

– Прирежь, и дело с концом, – посоветовали ему, отчего я вздрогнул и мысли понеслись вскачь. – Где вообще водятся такие уродцы, а, Джок?

Послышались приближающиеся шаги, и я отчаянно заворочался, пытаюсь подняться, – какой смысл изображать из себя человека без сознания, если вот-вот потеряешь нечто гораздо большее. В этот момент меня пронзила такая боль, что все испытанное до этого момента можно смело назвать не более чем нежным поглаживанием. Даже раскаленный прут в глазу, и тот был милосерднее. В голове разорвалась бомба, и я потерял сознание на этот раз, провалившись в темноту окончательно.

Глава 10

Меня опять не прикончили. Сознание возвращалось совсем по-другому. Первая смерть, как первое свидание, запомнится мне надолго. Моих воспоминаний хватило, чтобы ощутить разницу. Я совершенно не помнил о своих похождениях бестелесного эфирного существа. Не было и кошмаров, преследовавших меня каждый миг, стоило лишь опустить веки даже через месяц после свершившегося. Не тревожили монстры, не тянулись из дрожащего марева чьи-то нечеловеческие руки в попытках отщипнуть кусочек моей души. Возвращение оказалось не тягуче-болезненным, а резким, таким, как бывает, когда выхватывает из постели будильник. Я просто очнулся и понял, что снова жив.

– Эй, уродец, не притворяйся, – услышал я голос и тут же вспомнил, что он принадлежит человеку, который едва не оттапал мне голову, а заодно распорядился прирезать, как свинью.

Я открыл глаза, и сразу стало понятно, что декорации поменялись. Меня куда-то перенесли, пока я был без сознания. К счастью, угроза так и осталась угрозой.

Кто они вообще такие?!

– Я здесь, уродец, я здесь, – ласково, но с угрозой в голосе было сказано за моей спиной. – Не заставляй жалеть о моем решении оставить тебе твою жалкую жизнь.

Жалеть? Вот это уж точно. Ты еще пожалеешь об этом!

Я обернулся и тут же поморщился: жутко болела спина, живот постанывал, словно жалуясь, что это нечестно – вместо обеда получить лишь жестокий удар рукой.

Передо мной в развязных позах застыли трое. В середине, на корточках, тот самый молодчик, кто приставил мне к горлу меч. В его глазах плескалась усмешка, губы кривились в брезгливой улыбке, к которым я стал привыкать, перестав обращать внимание. Двое других разглядывали меня, как клопа, который почему-то все ещё ползает по столу, хотя вот он, тапок, а зловредная букашка ничем не отличается от сотен таких же, получивших свое по заслугам.

– Какой ты неженка, – усмехнулся мне в лицо главный, и я почувствовал, словно меня облили помоями, – это сработала вторая способность, которая почему-то так и не отключилась, акцентируя внимание на том, что мне здесь не рады. – И как ты дожил до этих лет? Или все это время был кое-кого под теплым крылышком? – он усмехнулся и посмотрел куда-то влево.

Проследить за его взглядом не составляло труда, гораздо сложнее оказалось сдержаться при виде Валены, лежавшей на боку метрах в пяти отсюда. Волшебница была связана по рукам и ногам, руки заведены за спину. Наверное, так поступают с беглыми рабами, но никак не с девицами благородных кровей. Мне с моего места не разглядеть, но могу себе представить, как ее глаза разбрасывают искры от гнева. Сомне-

ваюсь, что дочь барона привыкла к подобному обращению.

– Кто вы такие? – прохрипел я, пытаюсь совладать с голосом.

Лицо бандита перекосилось, и тотчас же мой бок взорвался от боли, а печень помянула добрым словом болтливый язык. Пинок яснее ясного продемонстрировал, кто является хозяином положения: даже естественное желание ухватиться за ушибленный бок, и то стало для меня роскошью: со связанными руками подобное трудно осуществимо. Сильные, жесткие, как металлические шарниры, руки живо вздернули вверх, поставив на подгибающиеся с непривычки ноги. Как бы ни хотелось продемонстрировать непреклонность, тело насмеялось над моими попытками выносить боль.

– Это в качестве аванса, – охотно пояснил бандит. – В детстве, когда я был чуть младше тебя, учитель охотно объяснил мне, что наказание гораздо лучше способствует улучшению памяти, чем похвала. Тогда я частенько не соглашался с его методами, но сейчас совсем другое дело, я повзрослел и понял, что прав был он, а не я. Постарайся уяснить, уродец: что бы ни было раньше, сейчас я – твой учитель, хозяин и бог. Так что у тебя есть только одна радость, одно право и одна возможность – отвечать на мои вопросы. Тогда, если захочу, я оставлю тебя в живых. Но тебе придётся хорошенько постараться. Ну. Понял ли?

Я лихорадочно искал... что? Что я мог сделать? Тянуть время в надежде на что-то. Ну что-то же должно было слу-

читься? Мои мысли подстегнул ещё один удар в спину, я вскрикнул, несмотря на обещание не давать слабинку.

– Попадешь еще раз в эту хреновину на его спине – пеняй на себя, – сказал главарь кому-то. – В прошлый раз он едва не издох.

– Конечно, Андес, – не скрывая страха, заверили сзади. – Я аккуратнo!

Буду бить сильно, но аккуратнo! Знакомая фраза. Не думал, что она будет иметь ко мне какое-то отношение. Получается, в прошлый раз мне засветили в горб ногой. Так вот, значит, откуда такой эффект. Я и раньше замечал, что любое падение на спину гораздо болезненнее, чем раньше, в пору, когда я был другим человеком, но и не думал, что виной всему «хреновина». Что такого необычного может скрываться под видом уродства? Крылья? Плазменная пушка? Когда уже она прорастет? Прямо сейчас я бы не отказался от возможности поджарить всех этих тварей. Особенно того, чье имя Андес. Очевидно, он и руководил этим сбродом.

Мечты мечтами, а главарь ждал ответа, с каждой секундой мрачней лицом. Если меня отметелят по приказу этой твари, лучше мне точно не станет. Стоит подыграть его самолюбию, попутно собирая информацию. Пусть по крохам, но я уверен, что и этого хватит, чтобы выход нашелся. В противном случае жить нам осталось не так уж долго.

– Понял, – просипел я.

Главарь усмехнулся и ладонью похлопал меня по щеке,

отчего ненависть внутри меня едва не выплеснулась наружу; я чудом ухитрился сдержаться и не сделал попытки дёрнуть щекой. Но, видимо, недостаточно быстро спрятал в глазах эмоции, потому что в следующую секунду жестокий удар в лицо бросил меня на траву.

– Выродок! – рявкнул главарь и, подскочив, принялся обрабатывать меня ногами.

Удары сыпались со всех сторон. Видимо, к нему присоединились его подельники. Слышались азартные и гневные крики, хеканье. Боль звенела по всему телу, взрываясь вспышками, так что вскоре я уже перестал воспринимать их по отдельности, закрыв связанными руками лицо, извиваясь, словно змея, которую топчут лошади. Дойдя до определённого предела, боль остановилась, словно сработал некий глушитель, отсекавший все лишнее, так что остальное худо-бедно можно было терпеть. Чем дальше, тем больше во мне зрел гнев, он пускал корни, прорастал в каждую клеточку, принимался душить и, в конечном счёте, работал не хуже обезболивающего. Если бы Андес умел читать мысли, ему точно не пришлось бы по вкусу результат экзекуции.

Удары и вопли оборвались неожиданно. Меня, избитого и едва соображающего, снова вздернули вверх. Я же молился, чтобы чертова плоть опять не вздумала шутить свои шутки – потеряй я сознание снова, меня точно прирежут. Тело отозвалось стоном, и я повис на руках бандитов, слабо соображая, но с мыслью, что долги надо будет платить.

Сквозь муть в сознании проникало сопение тех, кто держал меня за руки, боль то нарастала до нестерпимого уровня, то затихала, но, когда болит везде, и впрямь не знаешь, за что хвататься. Я с трудом разлепил глаз и очутился нос к носу с главарем, как тогда, в лесу, но без клинка между нами. Его с успехом заменил взгляд бандита. Андес взял мой подбородок в ладонь, сжал ее и сквозь зубы прошипел мне в лицо:

– Щенок, ты ещё не понимаешь, к кому попал! Я могу сделать с вами все, что вздумается. Мы сидим в этой дыре безвылазно три недели и подышаем от безделья, так что мои ребята с удовольствием с вами развлекутся.

«Ты уже сделал бы с нами все, что тебе вздумается», – подумал я. Угрозами обычно добиваются другого.

Информация – вот что главное для меня. Если я придержу свой язык, глядишь, узнаю что-нибудь интересное. Как там говорится? Если ты терпелив, труп твоего врага когда-нибудь проплывет мимо? Я буду ждать, гнида. Ведь не обязательно сидеть без дела, пока враг умрет от старости, можно ускорить процесс, насколько возможно. Нужно выяснить, кому мы понадобились. Точнее не мы, а волшебница, меня, я так понял, оставили в живых за компанию.

– Если ты расскажешь мне все, что знаешь, – Андес разжал ладонь, вдруг сменив гнев на милость, и продемонстрировал мне желтые кривые зубы на смуглом, не имеющем растительности лице, – я, так и быть, тебя отпущу.

Какое громкое заявление! Стоило лишь взглянуть в глаза главаря, и сразу хотелось ему довериться. Этот – отпустит. На все четыре стороны. Сразу.

– Что ты хочешь узнать?

Во взоре Андеса мелькнули радость и злорадство одновременно. Он явно решил, что я попался на его удочку.

Из леса послышался короткий свист, выстрелом разорвавший тишину на поляне. Двое, державшие меня за руки, переглянулись.

– Это Ливори со Свистуном, – уверенно заявил тот, что справа. – Его сигнал ни с чем не спутаешь.

Главарь с сожалением посмотрел на меня – допрос, похоже, откладывался, – а потом кивнул подавшему голос разбойнику.

– Бросьте его к девчонке, да руки замотайте покрепче. С ним я разберусь позже, – он упер в меня мрачный взгляд. – Не делай глупостей, уродец, мы ещё не закончили.

С этими словами он развернулся на каблуках и стремительно зашагал к краю поляны, откуда пришел условный сигнал. Следом за ним рванули ещё два человека, которые в беседе принимали не слишком активное участие, но всегда держались поблизости. Значит, в банде семь человек, включая этого Андеса. Нужно быть супергероем, чтобы перебить всю шайку. Для начинающей волшебницы, у которой сил хватает на один шар из огня, и Убийцы с талантами, больше подходящими для психиатра, – идеальное число врагов.

Попросить их выстроиться в одну линию и шарахнуть всех одним махом? Выживших я добыю разговорами.

Пока вязали руки, не слишком церемонясь и довольно грубо по новой перетягивая запястья кожаными ремешками, я воспользовался возможностью оглядеться. Другой такой может и не представиться. Бежать, конечно, пока нечего было и думать, но выяснить обстановку следовало непременно. Любая деталь, которая помогла бы получить преимущество, сейчас на вес золота.

Стараясь не крутить головой слишком откровенно, я всю работу единственным глазом. И так, сама поляна ничем примечательным не выделялась. Таких во множестве и в лесах на Земле (во всяком случае, я так думаю). Небольшая, шагов сто, что в длину, что в ширину. Деревья, словно солдаты, обступили ее со всех сторон, а к самой границе, там, где тень от стволов вечером сливается с тьмой, образовалась стена поменьше. Она была гораздо более плотной. Кусты и трава в рост человека перемешались в непроходимую массу. Неудивительно, что разбойники не брезговали часовыми: если смотреть из чащи, люди, находящиеся на поляне, были как на ладони, а если отсюда, то нипочём не заметишь, что за тобой пристально наблюдают, будь ты самым великим следопытом и трижды охотником.

Впрочем, об осторожности разбойники не забывали. Следы пребывания людей, если не знаешь, куда смотреть, так

сразу и не отыскать. Костер, где готовилась пища, расположился в самом углу, там, где трава поднималась выше колен, отлично скрывая угли от посторонних глаз. Я и узнал-то его по тому, как один из бандитов швырял в пламя дрова. Ни спальников, ни палаток не было видно – либо никто не утруждал себя организацией лагеря, не нуждаясь в крыше над головой, либо умели их основательно прятать.

Сами разбойники своим видом ничем не отличались от тех же воинов главного инквизитора Поля. Встретишь таких и не разберешь, где церковники, а где бандиты. Как и в первый раз, когда я на Арли повстречал банду, оказавшуюся впоследствии отрядом, собранным в основном для прикрытия и polegшим почти в полном составе, лишь у главаря был в наличии меч, и его наряд заметно отличался в лучшую сторону.

Наконец мне затащили руки удавкой, к счастью, не за спиной, как у волшебницы. Один из моих хмурых охранников, заросший по самые брови мужик, подергал ремень, проверяя, не перетянута ли, а заодно убедился в надежности пут. Удовлетворенно буркнув что-то не слишком разборчивое, он подтолкнул меня в спину.

– Это, – решил перевести второй, парень лет на пять старше меня, старавшийся подражать старшим товарищам, – не балуй.

Я кивнул, подтверждая, что предупреждение получено и принято к сведению, и тут в действие вступил мой желудок,

выдав протяжный не то стон, не то крик. Оба моих конвоира переглянулись.

– Три дня не ел, – обреченно заметил я, внутренне оценивая свое состояние, как довольно удовлетворительное, что, учитывая только что перенесенные побои, было довольно странно. Подумал, решил пояснить ситуацию для местного населения: – Сейчас сдохну с голода.

Вот это мужчинам было знакомо. А что? Война войной, как говорится, а обед по расписанию! К тому же я подумал, что если мы так бестолково попались, то пусть нас хотя бы накормят! Ну в самом деле, не умирать же с голоду.

Разбойники опять переглянулись, и тот, что вязал мне руки, еще более недовольно, чем раньше, кивнул молодому:

– Принеси.

Второй, молодой, возмутился.

– Джок, с чего нам его кормить? Его, может, Андес сейчас... – Разбойник выразительно провел пальцем по горлу, я в это время незаметно поежился, затем мы оба перевели взгляд на неразговорчивого бородача. В принципе, я понимал второго бандита: зачем напрягаться ради непонятно кого.

Джок долго рассматривал своего подельника, кривя заросшее черным волосом лицо, и нельзя было понять, улыбается он или сейчас воткнет кинжал прямо в глаз по самой рукоятку. Было видно, что гораздо охотнее, вместо утомительных объяснений, он использовал бы в беседе дубинку –

говорить ему совсем не с руки, но ситуация требовала пояснений.

– Скажешь сам, что он сдох от голода, – наконец прохрипел Джок и посмотрел туда, где стоял главарь и внимательно слушал вышедших из леса людей. Те довольно оживлённо размахивали руками, но звук их голосов сюда не долетал – далекогато, и понять, о чем идёт речь, не представлялось возможным.

Меня лаконичность молчуна откровенно повеселила, если ситуацию вообще можно было назвать забавной. Слов немного, а подмечено тонко, а главное, доходчиво донесено до собеседника. Второй плюнул под ноги Джока. Держать ответ перед несдержанным главарем – не лучший способ дожить до старости. Еще раз окинув меня презрительным взглядом, он направился в тот конец поляны, где я предположил наличие костра. Видимо, запасы провизии хранилась там же. Мы проводили его спину взглядами, затем переглянулись. Я не смог сдержать усмешку, и мне показалось, что Джок ухмыльнулся в ответ. Затем меня мягко толкнули в спину.

– Спасибо, – сказал я, но моя благодарность осталась без ответа.

Подчинившись, я подумал, что если в процессе побега нам придётся кого-то прибить, нужно постараться, чтобы этот бородатый тип выжил. В отличие от его дружка, кстати, которому точно достанется полной мерой, несмотря на его

возраст. Особенно же я выделил главаря. Эта скотина точно заслужила порцию стали в пузо, да проверить ещё пару раз, чтобы ублюдок жил ещё какое-то время и смотрел мне в глаза. Подивившись своей кровожадностью, я пришел к выводу, что во мне явно что-то сломалось после того, как об меня оббило ноги столько народу. Епископа и эльфа, в конце концов, можно понять, на них я злился, но понимал, что ими движет. Стремление же причинять боль просто потому, что в данный момент ты сильнее, была выше моего разума.

Меня тем временем подвели к тому месту, где лежала пленница. Валена лишь немного поменяла положение, но было видно, что ее поза и руки, связанные за спиной, а более всего грязный кусок ткани, скомканный и торчащий изо рта, причиняют ей боль не столько физическую, сколько моральную, разбивая вдребезги самолюбие гордой волшебницы. Глаз мне ее видно не было, но почему-то мне казалось, что они красные от слез. Каково благородной девице, да еще и волшебнице, чувствовать свою беспомощность, я догадывался, хоть и не в полной мере.

– Ей тоже нужно поесть, – сказал я и посмотрел на косматого, но он покачал головой и придавил меня к земле.

Мне ничего не оставалось, кроме как подчиниться.

Рацион работников ножа и топора изобилием и качеством не отличался. Мне достались кусок мяса и лепешка странного серого цвета, больше похожая на шлепок бетона, чем

на хлеб в моем понимании. Мысли о вкусовых качествах рациона я постарался задвинуть подальше, но ничего не мог поделаться с опасением касательно моих бедных зубов, ведь по свежести и мясо, и хлеб явно соперничали друг с другом. Они неохотно поддавались даже воде, в которую их бросил Джок, сжалившись над моими бесплодными попытками откусить хотя бы кусочек.

Этому неразговорчивому бородатому мужику в итоге и досталась сомнительная честь по охране пленников. В глубине души я был доволен. Все же этот вариант лучше других. Может, я и ошибаюсь, но мне кажется, что при взгляде на меня его взор смягчался, и он, как мог, демонстрировал грубую заботу. Мои усиленные способностями чувства улавливали жалость, сдобренную изрядной долей вины, исходящих от этого большого, неуклюжего человека, словно он представлял на моем месте кого-то другого, передавая мне часть нерастраченной доброты. Что, впрочем, не помешало бы ему прирезать меня в случае чего. Что до Валены, некоторое время спустя я убедился, что на девушку его забота не распространяется, волшебницу бородач одаривал взглядами, весьма далёкими от доброжелательности.

Пока еда, как поплавок, покачивалась в деревянной миске, которую притащил все тот же Джок, я искоса поглядывал в сторону Валены, пытаюсь сообразить, что делать дальше. Девушка все так же лежала на правом боку, ко мне спиной и лицом в траву. Обе ее руки были перехвачены кожаны-

ми ремешками за спиной. Она изредка пыталась шевелить пальцами, словно проверяя, принадлежат ли ей конечности до сих пор. Пальцы на правой руке – вот все, что я видел, – и их цвет мне не понравился. Кожа сильно побелела, резко контрастируя с темными, налившимися кровью, участками. Валена страдала, но страдала молча, не показывая своей слабости, лишь изредка вздрагивая всем телом так, как делает человек, пытаясь молча сдерживать рыдания.

– Джок, – сказал я. – Если вы не хотите, чтобы она осталась без рук, развяжите веревки. Или хотя бы ослабьте.

В глазах мужика вспыхнули опасные угольки, но я и не подумал отступить. В конце концов, за свою короткую жизнь я успел перепробовать полный набор удовольствий, так что страх перед этим сбродом постепенно уступал место веселой злости. Если выбирать между очередным унижением и здоровьем волшебницы, я предпочту получить первое, нежели пожертвовать вторым.

– Если не можешь сам, позови Андеса. – Хоть я и не жаждал вновь увидеть главаря, но если он один мог решить судьбу Валены, мне достанет смелости и терпения пережить и его общество, и его обхождение.

Я выдержал долгий и мрачный взгляд Джока и наконец дождался его ворчания, что, видимо, означало «попробую». Он неохотно поднялся с травы, поправил на поясе нож, съехавший назад, и медленно побрел в другой конец поляны, где у разбойников кипел оживленный спор. По его поведению

я предположил, что Джок охотно и дальше оставался тут с нами, лишь бы держаться от своих подальше. Пожалуй, на этом можно будет сыграть, правда, я пока не придумал, как.

Стоило бородатому отвернуться, я бросился к волшебнице, перепрыгнув через ее ноги, – откуда силы взялись, – и припал к ее лицу. Она широко распахнула глаза, в их глубине светились такой ужас и вместе с тем такая решимость, что на мгновение у меня перехватило дух. Я вмиг поверил, что она с готовностью и упорством столько лет шла к заветной мечте. Дай ей сейчас меч, и она без колебаний бросится в самую гущу бандитов даже без малейшего шанса на успех.

– Держись! – горячо прошептал я, не забывая наблюдать, чтобы никто не смотрел в нашу сторону. – Только держись! Что бы ни случилось, не сдавайся, я что-нибудь придумаю!

Она долго смотрела мне в глаза, кляп мешал ей говорить, поэтому она лишь поморщилась и моргнула, на целую секунду сомкнув глаза. У меня отлегло от сердца. Теперь дело за мной.

Ни секунды не медля, я вернулся в первоначальное положение, в надежде, что мои похождения остались никем не замечены. Банда собралась в полном составе, со своего места мне было не различить, кто есть кто. Джок растворился среди таких же бородатых, всклоченных мужиков, и только главарь выделялся на их фоне иглой меча, свисавшего с пояса. Ну и пусть, чем дальше мы вне поля их зрения, тем больше шансов дожить до вечера и встретить завтрашний день.

Мои руки, помимо воли, ухватили деревянную миску, которая едва не выплеснулась на траву, когда я совершал акробатические упражнения. Теперь можно и подкрепиться. Живот, предчувствуя пир, едва не полез наружу. На мгновение я подумал, что он вот-вот, как Чужой из фильма, прогрызет куртку, добравшись до мяса без каких-либо премудростей. Но, издав победный аккорд, он замолк, позволив мне приступить к трапезе традиционными методами.

Припомнив о том, что после продолжительного голодания к твердой пище следует относиться с осторожностью, я сделал пробный глоток холодного бульона, которому даже за такое краткое время передались самый малый аромат мяса и кислинка от размокшего хлеба. И пусть вода оставалась водой, мне казалось, что в руках у меня наваристая похлебка. Я готов был смаковать ее до самой последней капли, до мизерной крошки хлеба, плававшей на поверхности.

В следующую секунду вода выплеснулась мне в лицо, край деревянной миски теркой прошелся по зубам, едва не своротив челюсть.

– Откуда у этой гадины еда?! – Если оружием своим главарь владел без особых проблем, хотя бы потому, что среди подобных людей слабаки не задерживаются, то собственный голос давался ему с трудом. Он то громом гремел над поляной, то фальцетом уходил ввысь, а то и вовсе обрывался змеиным шипом. – И почему он до сих пор может ходить?!

Связанными руками не очень удобно прочищать от воды

и крошек глаза, да и тело отзывалось на регулярные побои недовольным нытьем, но мне в конце концов удалось совладать с единственным глазом, и я вперился прямо в лицо разъяренного главаря. Отчего-то мне сделалось весело, хотя, если подумать, ничего смешного не происходило. Пожалуй, я был в шаге от финальной расправы, но, как и тогда, в кабинете епископа, продолжал переть на рожон.

Надо мной темной горой возвышался главный разбойник. За ним, как за львом, шакалами толкались остальные участники банды. Правый сапог главаря темнел влажными пятнами моего неудавшегося обеда, так что мне, можно сказать, повезло: чуть правее, и не видать половины зубов как минимум. Что ж его так задело-то?

– Кто дал ему еду? – ярился тем временем Андес, потрясая кулаками, а затем схватился за меч. – Волю почуяли? Давно я глотки не резал! Сукины дети, совсем осатанели от безделья! Ну я вам...

– Я, – прохрипел в черную бороду Джок и уперся взглядом в брызжущего слюной главаря.

– Ты. – Андес покраснел, наливаясь нездоровой кровью и буравя своего подчиненного пылающими от гнева глазами. – Ты!

Он потянул меч из ножен, дыхание его стало прерывистым, вырываясь из глотки с присвистом. Я подумал, что будет весьма символично, если главаря хватит удар. Тогда... тогда так и не наступило. Андес издал протяжный полух-

рип-полустон, с силой бросил так и не извлеченный до конца меч в ножны и плюнул под ноги. Затевать ссору немедленно он не стал, хотя от него не укрылось, что остальные при виде его бурной реакции постарались отодвинуться от чрезмерно бесстрашного сообщника.

– Откушал наших харчей, ублюдок, – главарь всем телом повернулся ко мне. – Ну что ж, тем лучше. Дольше протянешь, пока мы будем... – он так и не договорил, огляделся, внезапно успокаиваясь, и я вдруг увидел, как над его головой вспухло разноцветное облако. От неожиданности я вытаращился настолько, что Андес недоумевающе поднял глаза кверху и едва смог удержаться, чтобы не потрогать затылок, – проснулась моя основная способность!

Я радостно скалился от того, что она вернулась, правда, толку от нее в текущей ситуации немного. Но все-таки приятно осознавать, что в запасе у меня есть кое-что, возможно, открывающее кусочек пути к спасению.

– Лыбься, лыбься, – осклабился, наконец, Андес. – На своих дружков надеешься? Никто тебе тут не поможет. Кишка тонка в лесу меня отыскать.

Каких таких дружков? Что-то темнит наш друг разбойник.

– Не понимаешь, – разочарованно выдохнул главарь и с кривой ухмылкой оглядел своих людей. – Он не понимает! – В ответ ему полетели нестройные, неуверенные улыбки, подчиненные стремились угодить вожаку.

Я поднял взгляд чуть выше его головы и убедился, что облако никуда не делось, образовав более чёткие границы, в которых плавали мутные чернеющие сгустки с ярко-белыми границами. Страх и ненависть в одном флаконе? С чего вдруг такое странное сочетание. И форма донельзя необычная. Для текущего момента, когда пленники полностью в его власти.

Остальные демонстрировали совершенно разный букет: от безразличия до злости, но, как обычно, причина оказалась сокрыта.

– Не понимаю.

Андес полез за пазуху и выудил оттуда медальон, который, казалось, целое столетие назад передал мне Оррик.

– А теперь? Теперь понимаешь?

Символом церкви на Арли было переплетение из трех кругов, чем-то оно походило на знак Олимпийского движения на Земле. Инквизиция использовала ту же форму, но с дополнениями в виде трех мечей, перекрещенных в центре, – кулаками добро насаждать гораздо быстрее, чем без них. Сам знак был не больше ладони. К амулету прилагалась цепочка с тонкими звеньями, как раз по моей шее, так что носить, не снимая, было настолько удобно, что вскоре начинаешь о ней забывать. Как Оррик тогда говорил после нападения бандитов в Рогоне? Предъявить в сложной ситуации любому, что докажет твою принадлежность к самой могуще-

ственной организации на планете. Если не повезёт, ее увидят те, кто будет во сто крат злее, когда узнают, кем ты являешься.

Знаете, что из всего этого следует? Правильно. Я самый большой кретин из всех, что только живут на свете! Будь то Земля или Арли – без разницы.

– Откуда у тебя знак курьера Ордена Инквизиции?! – взвился до небес голос Андеса, а я ошарашенно смотрел на раскачивающийся в кулаке главаря символ своей наивысшей тупости.

Так вот оно в чем дело! Оказывается, даже бандиту из леса известно, как выглядит пропуск в телепорт самой могущественной организации на планете, а человек, который шагает с ним на шее, ни сном ни духом. Вот оно, доказательство, что я – идиот. Мне на ум пришло сравнение с нашим любимым бюро прогнозов погоды: в народе давно ходит шутка, будто с прогнозом они не ошибаются, лишь путают место и время. Сунь я священнику в нос эту штуку, и все бы пошло по-другому. Не было бы тогда ни костра, ни издевательств.

Выходит, все это напрасно? Нелепая казнь, спор со святошей, огонь под ногами, горящий эшафот, бег по джунглям, живот, прилипший к спине от голода, ручей, дождь, изматывающая погоня, побои и издеательства – всего этого могло не быть, если бы один тупой Черный Властелин поднапряг мозги. Зачем придурку абсолютная память, если к ней не предполагается достаточно серого вещества?

Такого разочарования, такой ненависти к самому себе и отчаяния, пронзивших меня, словно удар током, от кончиков пальцев до последнего волоса, мне не доводилось испытывать никогда. Из горла вырвался то ли стон, то ли рык, я почувствовал, как мой единственный глаз наливается предательской влагой. Зрение затуманилось. Предметы потеряли четкость, поплыли, лицо атамана отдалилось, подернулось пеленой. Над животом, чуть пониже груди, там, где сердце стучится о прутья костяной клетки, зародилась тупая, тягучая боль. Я почувствовал, что невидимая плита все больше придавливает к земле, так что ни вздохнуть, ни выпустить воздух без нечеловеческих усилий. Его приходилось выдавливать из себя по капле. Звук при этом рождался в груди, и он слабо напоминал то, что в состоянии исторгнуть из себя человек.

Зарывав от бессилия, я рванулся вперед. Люди атамана, похоже, не ожидали от меня такой прыти, и растерянно отступили. Мое сознание словно погрузилось в туман, и в то же время все чувства обострились до невозможного. Своей целью я выбрал горло, но от связанных рук мало толку, единственное, что оставалось со мной, – это зубы. Я прыгнул вперед, чтобы перегрызть ему глотку. Вокруг завопили сразу несколько человек, а перед моими глазами маячил взгляд атамана – вот для кого мой бросок уж точно не стал неожиданностью.

Жгучая вспышка боли, разорвавшаяся в голове, оказалась

спасением. Меня бросило в темноту, последнее время ставшую частым пристанищем будущему ее спутнику.

Ночной лес ни с чем нельзя спутать. Он живёт по своим законам, это вам не какая-нибудь равнина или бескрайнее поле. Здесь у всего есть свое место и время. А луг, хоть и хочется сравнить его со своими открытыми родичами, все-таки берет больше от леса, признавая главенство окружающих его великанов. Если кому и приходило в голову тут своевольничать, то, конечно, не во весь голос, а так, знаете, с оглядкой, вполсилы, а то и вовсе оглушительным шёпотом. Почему оглушительным? А здесь любой звук так выделялся, что хулиган скоро замолкал, напуганный своей смелостью.

Я очнулся в полной темноте, такой, что при должном воображении можно пощупать пальцами. Она обволакивала и навевала спокойствие. Если у тебя не тряслись поджилки, она забирала страхи, сглаживала углы и живой водой заживляла рваные раны сознания. Мне всегда нравилась ночь, но сегодня всех ее сил не хватило, чтобы привести в порядок мысли. Воспоминания булыжником бились в висок, я ощущал ритмичные удары и потому не сразу сообразил, что это мерно работает сердце.

Временами у меня перехватывало дыхание. Я чувствовал, как стальными тисками скрипели зубы. Каким-то чудом рассудок держался на грани. Ощущение физической боли казалось настолько сильным, что ее вполне можно было принять

за реальность. И даже подвал с Крысой воспринимался уже не так мучительно, как мысли о собственных промахах.

– Иан, это ты? – услышал я голос, едва отличимый от ночной тишины, и не сразу разобрал свое имя. – Иан?

Голос Валены!

– Я! – прохрипев, отозвался я, испугавшись, что меня кто-нибудь может услышать, произнес гораздо тише. – Это я.

Я обрадовался ее голосу даже больше, чем своему собственному. Он отвлекал от собственных терзаний и тупой боли в районе затылка. Тут же возникло недоумение. Ее освободили, пока я лежал без сознания? Умудрилась избавиться от кляпа сама? Как?!

– Ты меня напугал, – едва слышно, но с явственным облегчением в голосе прошептала она. – Никогда не видела, как человек сходит с ума. Когда ты бросился на атамана, я думала, он убьет тебя!

Оп-па! Значит, вот что произошло. Похоже, я все-таки слетел с катушек. Немудрено, что память услужливо отключилась. Защитные механизмы у человека на высоте: нас защищает от боли, от чрезмерного напряжения, даже психика у нас с предохранителем. Мы – настоящие цари природы.

И все-таки что случилось? Если без эмоций попытаться разобрать происшедшее – а это необходимо сделать, – то вылезает неприглядная правда: в мою каморку заглянула истерика. Настоящая, без всяких прикрас. Как-то до этого обходился без нее. Может, накопилось? Если так, то пора съез-

дить в отпуск.

– Иан, ты держись, ладно? Не надо больше сходить с ума. – Голос волшебницы звучал откуда-то справа, я, наконец, повернул голову и, сощурившись, разглядел контуры ее тела. Девушка все ещё лежала на правом боку. Рук позади спины видно не было. Видимо, до бандитов дошло, что так они рискуют испортить товар. – Зачем ты так сделал?!

Валена толкала меня ногами, которые так и не подумали развязать.

– Ты сама вынула изо рта кляп? – спросил я, попытавшись поскорее съехать с темы. Сходить с ума я и сам не слишком-то торопился. У меня планов – никакой жизни не хватит. А этот безрассудный поступок? Ну, в конце концов, у каждого в жизни бывает нечто подобное.

– Нет, этот негодяй Андес решил, что достаточно связанных рук. – Она всхлипнула. – Он знает, что без них я колдовать не могу.

Значит, не такой уж неотесанный олух этот бандит. Грамотный и предусмотрительный гад.

– А вообще можешь? Восстановилась твоя, гм... сила?

Девушка долго молчала, затем едва слышно вздохнула.

– Лучину смогу поджечь. Наверное.

Лучину? Брависсимо! Хотя чего ждать от второго курса. Везде одно и то же. Даже когда ты оканчиваешь институт и, окрыленный, бежишь устраиваться на работу. Там тебя спускают на землю и в лучшем случае говорят: «Забудь все,

чему тебя научили, здесь надо делать вот так!» Не забыть бы поинтересоваться, как обстоят дела на Арли. Я на секунду представил себе картину: «Эй, ты, что это за огненное яйцо? Где тебя научили подобной мерзости?! Ах, в академии! Ну так это полная ерунда. Надо вот так».

Я не смог сдержать улыбку.

– А что с веревками? – спросил я.

Девушка всхлипнула.

– Они вбили в землю кол и привязали руки к проклятой деревяшке. Я едва могу шевелиться, – она вздохнула. – Узел слишком крепкий, и почти ничего не видно.

Похоже, с побегом пока придётся повременить. А как со свободой обстоит у меня?

Как выяснилось, дела были так себе. Бандитам не откажешь в сообразительности: меня тоже привязали к вбитым в землю кольям, причем каждую руку по отдельности, так что сесть я мог, но, если начнет чесаться нос, пиши пропало – не дотянуться. И почему я не радуюсь, что Враг в очередной раз повержен? Видимо, потому что на этот раз Враг – это я.

– Как думаешь, нас караулят?

– Вряд ли, – немного помедлив, ответила Валена. – Андес озабочен тем, что им придётся менять место лагеря, а новое место искать долго и муторно.

– Они собираются уходить? Зачем?

– Когда ты был без сознания, вернулся ещё один. Я слышала, как он говорил, что в лесу бродят толпы крестьян. Он

подслушал разговор, так вот, ищут двоих, карлика и ведьму. – На последнем слове она презрительно фыркнула.

Значит, «карлик» – сойдет, а «ведьма» – звучит так себе? Ладно, не будем заострять.

– По нашу душу. Вряд ли в такой глуши лес кишит такими странными парочками.

– Отец Нил все никак не угомонится, – в ее голосе послышались нотки презрения.

Беседа затихла сама собой, и я наконец занялся тем, чем следовало озаботиться с самого начала этой безумной кампании, начиная с моего пробуждения в деревне: я решил разложить все по полочкам.

Да, здесь было над чем пораздумать. Но прежде чем делать скороспелые выводы, нужно собрать недостающие кусочки мозаики. Мне совсем не хотелось привлекать чьё-нибудь внимание, но единственный источник информации стоил того, чтобы рискнуть.

Вытянувшись, мне удалось дотянуться носком ботинка до девушки. Она заворочалась – я облегчённо вздохнул: к счастью, Валена еще бодрствовала.

– Нам бы поспать, – прошептала она. – Но я не могу сомкнуть глаз. Что нас ждёт, Иан? К чему готовиться? Я сильная, я выдержу, только бы знать...

Похоже, волшебница держится из последних сил. Мне тоже не сахар, но мы, мальчишки, всегда хорохоримся, когда

нужно успокоить девчонку. Я беззвучно выругался и мысленно погрозил кулаком всей шайке. Это у меня в теории бесконечная жизнь, ей же рассчитывать не на что. Несмотря на все бесстрашие и железный характер, мысль о том, что из положения нет выхода, точило ее уверенность, как ржавчина опору моста. Не сейчас, не завтра, но это время обязательно настанет: силы Валены иссякнут. Впрочем, ещё вопрос, что кончится раньше – ее решимость или жизнь, которой сейчас распоряжаются бандиты.

– Что бы ни случилось, я буду с тобой. – Как бы бессмысленно ни звучали сейчас эти слова, но я не мог промолчать. Что еще я мог ей предложить? Рассказать свою тайну? Ей не помогут чужие секреты. – Мне нужно кое-что знать. Ты помнишь, что сказал тот человек? – Я старался говорить, как можно тише. – Он так и произнес: толпы крестьян?

Валена попыталась оглянуться, но ей удалось только склонить голову набок.

– Да, – ее голос был едва различим. – Он рассказал, что повстречал их трижды.

Трижды! Вряд ли поднялся бы такой шум, если бы этому бандиту встретились одни и те же крестьяне. Но откуда в лесу столько народу?

Тут мне пришла в голову неожиданная идея.

– А кто-нибудь в курсе, зачем ты пришла в деревню? – Я вспомнил про слова о рекомендательных письмах. – Ты говорила, что в академии ждут какие-то бумаги.

– Староста знает, – девушка вздохнула. – Только их письма принимаются в качестве рекомендаций.

– И что, все старосты умеют писать?

Валена вздохнула.

– Не все, но этот немного умеет.

– И ты ему рассказала все о себе?

– Я должна была! Но я не называла настоящего имени! –

Она помолчала, а затем добавила: – Так многие делают.

Я мысленно застонал. Святая простота и тысячи грешников! Кто в здравом уме будет хранить тайну от церкви?! Да этот хмырь первый побежит закладывать всех и вся, ведь ничего не мешает святоше обвинить его в том, что это он пригрел на груди змею. А если отцу Нилу известно, что против него выступает не полноценный маг, а лишь его заготовка, все встаёт на свои места. За магом, может, никто бы и не пошел, а за ученицей – легко! Удивительно, что бандиту попалось всего несколько групп, за нами могла отправиться вся деревня. Особенно если они узнали, что от основной группы мы улизнули.

– Иан, почему тебя так напугал этот знак? – вдруг совсем тихо спросила волшебница. – Если ты настоящий посланник, то почему не показал его отцу Нилу?

Приехали. Проще было залепить мне пощечину. Этот вопрос я и сам задавал себе сотню раз. Впрочем, мое молчание Валена расценила по-своему.

– Он бы не посмел перечить! Или Андес прав, и этот сим-

вол достался тебе нечестным путём? Ты украл его? И потому так боишься, что за кражу полагается казнь? Но если тебе страшно, зачем носишь с собой?

Я украл знак?! Меня всегда забавляла умение девушек построить логическую цепочку, не имея ни одного достоверного факта. Почему бы не предположить, что я просто забыл про эту штуковину – ведь ездим же мы без прав, когда они лежат дома. Конечно, история о воровстве кажется гораздо правдоподобнее.

– С чего ты взяла, что я испугался?

– Это Андес решил, когда поднес его к твоему лицу, и ты забился в припадке, – прошептала Валена. – Ты так страшно кричал! А потом словно сошел с ума.

Выходит, все думают, что, тыча в нос этим символом, меня напугали до потери сознания. А я чуть не слетел с катушек от осознания своей тупости. Вот и ругай себя за несдержанность. Кто бы мог подумать, что простой нервный срыв способен решать проблемы или даже сохранить жизнь.

Я почувствовал, как губы расползаются в широкой ухмылке. Значит, бандиты думают, что знак инквизиции сводит меня с ума? Возможно, так даже лучше. Вряд ли они обрадуются, если узнают правду. Ещё меньше это понравится мне.

– Ты сбежал от них?! Они тебя пытали?! – вскрикнула она так громко, что я испугался, что нас могут услышать. – Инквизиторы?!

А это-то тут причем? Что за допрос?! И что ответить? Особенно забавно, когда в своем неведении человек говорит несусветную глупость и попадает в яблочко. Хотя и в своем контексте. Ладно, пусть будет правда.

– Да. – Главное, мне не пришлось врать. Что до ошибочных выводов, сначала нужно спастись, оправдываться буду после.

– Ты от них бежишь, да? – прошептала она. – А как тебе удалось сбежать? Откуда у тебя знак?

Ух ты! В который раз убеждаюсь, что умные книги не врут: любопытство подчас перевешивает чувство опасности. Ну и хорошо, так мне не придётся утешать и нашептывать слова поддержки с той степенью убежденности, которой я вовсе не чувствовал.

– Бегу.

Впрочем, излишних подробностей тоже давать не следует. Несмотря на происходящее, мысль заполучить себе мага я не оставил. Разбойники – явление временное, а мысли о будущем – это мысли о будущем. Нужно заранее заботиться о том, как буду выкручиваться из положения, когда все закончится. Мало того, что она явно недолюбливает священников, это ещё можно понять, так ведь и к своим коллегам по цеху, которые служат церкви, Валена настроена крайне враждебно. Кто они, по ее мнению? Изгои, отщепенцы, предатели, и ничего более.

Вот тоже вопрос вопросов: одни служат и довольны рабо-

той, других чуть что – на костер. Так уж вышло, что мысленно я приготовил Валене судьбу, которая ей ненавистна. Ещё эти разбойники на мою голову! Не до них сейчас, ей-богу!

Из глубокой задумчивости меня вывели слова волшебницы:

– После всего этот негодяй Андес решил оставить тебя в живых, хотя остальным и не понравилось его решение, – прошептала она. – Он хочет выяснить, что тебя связывает с инквизицией.

Когда я открыл глаза, подслеповато щурясь от ярких утренних красок, сон уже оставил поляну. Ещё не сошел туман, и сами очертания предметов казались слегка размытыми. Солнце с натугой пробивалось через листву, но стерильно-чистое небо уже предвещало зной. Люди вокруг работали, не покладая рук. В центр поляны сносили какие-то мешки, сваливали вещи, чуть поодаль высились две пирамидки с оружием. Я насчитал девять человек с главарем в придачу. Видимо, ночью подошел кто-то ещё. Банда всерьёз озаботилась безопасностью и подчищала следы.

Сам Андес стоял неподалёку от нас и внимательно смотрел, как суетятся вокруг. Время от времени он вносил в ряды разбойников необходимое оживление весьма недовольным голосом. Они на мгновение замирали, а затем, казалось, приподнимались над землёй и бегали ещё быстрее, не касаясь поверхности и напоминая больших водомеров. Он, по-

хоже, действительно принял решение уйти дальше в лес, что нам оставляло все меньше шансов быть обнаруженными. Да, я все еще надеялся на своих спутников, но своими же действиями сбил возможные поиски с толку. Но кто мог предполагать о последствиях? Мы убегали от погони, а не пытались оставить следы, чтобы нас нашли.

В какой-то момент Андес повернулся, словно почувствовал мой неприязненный взгляд. Наши глаза встретились, и мне стало не по себе. Слишком колючий это был взгляд. В нем читалось мрачное удовлетворение. Уж не свой ли приговор я в нем увидел? Умирать было страшно, но пугала не сама смерть, а то, что после.

Я стиснул зубы, и моя реакция, похоже, не укрылась от главаря. Андес еще раз хмуро окинул поляну взглядом, молча сплюнул на землю и направился к нам. Всё, похоже, мосты сожжены, и назад пути не осталось. Казалось бы, от страха меня должно было парализовать, но внутри зазвенела струна, из глубины поднималась волна веселой, бесшабашной злости. Эх, жаль, жаль, что я сейчас не пилотирую истребитель, мне вполне хватило бы духу пойти на таран. К несчастью, я был более беспомощен, чем летчик, который расстрелял боезапас до конца.

Вопреки моим ожиданиям разбойники не обратили на меня никакого внимания.

– Развяжи ей ноги, – главарь угрюмо осмотрел пленницу, – благородным тоже полезны прогулки пешком.

Так у Андеса «пунктик»! Неужели не дает покоя положение в обществе, которого у него нет, да и никогда не будет? Или не повезло с хозяином?

Пока мои размышления толкались по кругу, два борода-тых любителя быстрой наживы ловко распутали ноги Валены и отвязали от кольев. Запястья тут же умело по новой перетянули кожаным шнуром. Волшебница при этом не смогла сдержать стон. Наконец девушку грубо вздернули на ноги. Она едва держалась, ее раскачивало, словно цветок на сильном ветру. Люди Андеса вынуждены были подхватить девушку под руки, чтобы она не упала. Но, несмотря на внешнюю слабость, я чувствовал, что бандиты напрасно рассчитывают на ее покорность. Я видел решимость на ее лице, мне показалось, что свирепые мужики готовы дать деру под ее полыхающим взглядом. Валена с величественной грацией оглядела обоих, так что у них зашевелились волосы на затылке, а затем подняла глаза на атамана.

– До сего дня мне было неизвестно чувство, которым так любят хвастать мужчины за кружкой пива, – казалось, что с языка волшебницы стекала горящая нефть. – Но о вас я определённо упомяну за бокалом вина.

Она замолчала, рассматривая лицо человека, распорядившегося нашими жизнями. В конце концов Андес не выдержал и криво усмехнулся.

– И что же вы обо мне скажете, моя госпожа? – он пытался говорить с сарказмом.

– Что я сожгла негодяя и с улыбкой наблюдала, как кожа слезает с его лица!

Такого поворота не ожидал никто, все впали в ступор. Андес, как карась, очутившийся в ведре без воды, хватал воздухом. Его люди хлопали глазами и тарасились на главаря, не зная, что предпринять. Картина «не ждали» в средневековом стиле, я даже пожалел, что не владею искусством живописи, иначе непременно запечатлел момент. И спокойная улыбка на лице волшебницы, и вся гамма чувств главного негодяя буквально просились на холст.

Но вот действующие лица начали подавать признаки жизни. Андес совладал с руками, до того бессильно повисшими на широком ремне. Разбойник захрипел, мгновенно наливаясь нехорошей кровью, и надвинулся всем телом на маленькую фигуру волшебницы. Она дернулась и затрепетала в руках обоих бандитов, которые то ли придерживали ее, то ли помогали стоять. Ладони девушки уперлись в широкую грудь, будто в собственный обелиск, она вскрикнула. В левой руке главаря серебристым росчерком порхнули локоны ее волос, секунда, и он резким движением запрокинул Валене голову, прижавшись небритым лицом к щеке девушки.

Щетина с отвратительным скрипом прошлась по нежной коже, оставляя красную полосу на виске. Андес наслаждался ужасом пленницы, впитывая его всем существом. Его глаза пылали от бешенства, а улыбка играла оскалом змеи. Мой взгляд, словно зачарованный, не мог оторваться от правой

руки главаря, стиснувшей кривой кинжал. Острие клинка, словно жало огромного скорпиона, упиралось Валене в левый бок. Оно подрагивало в миллиметре от ее тела, изредка касаясь его. Бурое, почти черное пятно расплзлось все шире, и мне все больше казалось, что в один прекрасный момент Андес не сможет сдержаться.

Из-за мысли, что может произойти, я почти потерял дар речи: сегодня же мой черёд умирать, смерть Валены в мои планы вообще не вписывалась! Кто же знал, что она настолько остра на язык. Нужно срочно переводить стрелки на себя, и что-то мне подсказывает, что простым уколом в сердце я уже не отделаюсь. Андес на взводе, ему нужно спустить пар. Чтобы прикрыть Валену, мне придётся сыграть роль громотвода. Вот ведь засада, я совсем не хотел становиться мальчишкой для битвы, но и с выбором, как обычно, не густо.

Приняв решение, что уже после найду причину, зачем мне погибать за почти незнакомого человека, я остановился лишь потому, что услышал, как главарь снова заговорил.

– Твое счастье, крошка, – растягивая слова, сказал Андес и втянул носом аромат страха, исходящий от жертвы, – что такие, как ты, нужны моим хозяевам в целости. А то мы бы с тобой не соскучились. К счастью, у нас сегодня есть твой нескладный дружок. Надеюсь, он не откажется составить нам компанию. – При этих словах девушка всхлипнула, но главарь не дал ей вымолвить и слово, сжав рукой горло и заставив ее смотреть в свои глаза. – Впрочем, когда ты окажешься

в гостях у людей в капюшонах, ты будешь вспоминать обо мне с умилением.

Угрозы скорой расправы возымели на меня совершенно другое действие, чем, видимо, рассчитывал Андес. Страх ушёл, вытек, как вода сквозь худое дно. Меня трясло, как будто напрямую подключили к электростанции. Адреналин в крови можно было разливать по бутылкам, как обыкновенное пиво. Меня бил озноб и жгла ненависть одновременно. Освободите мне руки, и я вырву сердце каждому, кто посмел нам угрожать!

Где-то на периферии, за пределами стадиона, словно со стороны, на сцену взирал другой человек. Холодный, оценивающий, резкий. Рядом тикала запись, секунда за секундой, капля за каплей. Бесстрастный наблюдатель делал пометки, удовлетворенно кивая. В моей голове, как птица в тесной клетке, билась неожиданная догадка. Я оказался прав! Сами того не подозревая, мы наткнулись на одну из тех групп, которые безуспешно разыскивает инквизиция. Вот ещё важный момент: им зачем-то нужны волшебники. Андес наметнул на страшный финал истории, как бы выведать у него подробности? И вообще, знает ли он хоть что-то или, как все подобные люди, хвастается тем, что нельзя проверить.

Эх, Оррик, Оррик, где же ты, дружище, как мне тебя не хватает! Вот где пригодилось бы твое удивительное оружие, Аридил. Многое я бы отдал, чтобы вы были здесь. Очень многое.

Андес, потешив свое чувство превосходства, оттолкнул Валену, брезгливо взглянул на окровавленный кончик кинжала. Поискав глазами, он опять сплюнул и, вытерев клинок о штаны, сунул его за пояс в короткие ножны.

– Отведите ее к краю поляны и не спускайте глаз. – Он подумал и добавил: – И рот этой стерве заткните. Колдовать она не может, но яд с ее языка действует и без поганого волшебства. Мы скоро отправляемся, нужно только потолковать с ее дружкой.

Несмотря на слабые попытки сопротивления Валены, повеление атамана исполнили немедля и поволокли ее к лесу. Андес остался с двумя людьми, одним из которых оказался Джок, здоровенный мужик, заросший черным волосом до самых глаз, но со своими понятиями о доброте. Интересно, главарь знает о его попытках сделать мой плен чуть более сносным? И что мне дает его присутствие? Я, конечно, в чем-то наивен, но вряд ли этот дядя настолько глуп, чтобы схватиться один против всей банды за какого-то горбуна. Попытка определённо выйдет смельчаку боком.

Остальные бандиты расхватали припасы и потянулись к лесу. По мне скользили равнодушные взоры: сколько народу перерезал их грозный вожак, сколько еще будет крови, жизнь карлика не стоит даже крохотной мысли. Андес дождался, когда его люди полностью разберут вещи и оружие, оставив на поляне только один предмет: мое пока еще пода-

иоще признаки жизни тело.

– Жаль, что у нас не так много времени, инквизитор. – Андес присел рядом на корточках, брезгливо разглядывая меня так, словно видел впервые. – Иначе мы бы могли побеседовать более вдумчиво.

Значит, все-таки инквизитор. Этот гад догадался! Знак курьера сработал против меня. Хватило тех самых смешных процентов, когда говорят, что десять к одному, и этот один выходит вперёд. Удача идет за мной по пятам, но так и не может догнать. «С другой стороны, не будут сильно пытаться», – с облегчением подумал я. Андес торопится уйти подальше, словно чувствует, как затягивается петля. Для моей решимости явный плюс: мне достанется быстрая смерть. Хотя меня, если честно, нисколечко это не радует. Я помню последствия первой, боюсь представить последствия второй. С чем мне придется столкнуться? Придется потерять еще кусочек себя. Впрочем, хуже другое: быстро я умру или медленно, я никогда не смогу найти Валену, и все жертвы будут бессмысленными.

– Где мой амулет, Андес, – отбросив заигрывания, сказал я. – Можешь зарезать меня, но оставь его при моей бездыханной тушке. Не хочу помирать безвестным мешком с костями.

Главарь бросил на меня заинтересованный взгляд.

– Смотри-ка, чучело чучелом, а как разговаривает, – он оглянулся на подельников, ухмыльнувшись. – А я думал, бу-

дешь просить о пощаде.

– Тебя?! – я скривился. – Уморил.

Андес хмыкнул. Видно, наш разговор представлялся ему совсем в ином свете. Над его головой кружилось облако недоумения и неуверенности. Он не понимал, почему я не боюсь, в отличие от всех прочих пленников, которых, несомненно, он порешил за всю жизнь немало. Непонятность его раздражала.

– Зачем ты здесь, инквизитор? Почему так молод и так уродлив? Чистые кичатся своей щепетильностью в этом вопросе. Я ни разу не слышал, чтобы в свои ряды они принимали таких.

– Поверишь, если я скажу, что заблудился? – Меня, в отличие от волшебницы, никто развязывать не собирался, приходилось разговаривать из положения лежа, что оказалось не слишком удобно: не люблю смотреть на собеседника снизу вверх.

– Не поверю, – Андес нахмурился.

– Ну и правильно, – я вздохнул. – Я бы тоже не поверил.

Андес недовольно скривился, его аура почернела. Не очень хороший знак. Стоило пенять волшебнице на ее скверный характер, если у самого язык без костей. Но слово не воробей, эту тварь не уложишь из пушки. Теперь мне предстояло пожинать плоды своей несдержанности.

Разбойник поднялся на ноги, уперевшись руками в колени.

– Оставить знак твоим? – задумчиво проговорил он. – Ну что ж, это можно устроить.

Андес повернулся к подручным.

– Отрубите ему руки и ноги, – он кивнул в мою сторону. – Лицо не трогайте, пусть те, кто его найдёт, получат свой знак. А эту безделушку, – он достал амулет и небрежно покачал на шнурке, как маятник, – я, пожалуй, оставлю себе. На память. Вот демоны!

Ага! Порезался-таки. Ну ещё бы, только идиот так хватается за заточенные до состояния бритвы края. Что-то я думаю не о том. Меня же сейчас четвертуют, и дело с концом! Возомнил себя профессором красноречия. А все мой длинный язык! Ну что стоило помолчать? В глубине сознания принялся тихонько скулить прежний хозяин тела, пытаюсь вырвать контроль. Мне стоило немало сил, чтобы удержать его в стороне.

– Не дело это, так с мальчонкой-то, – неожиданно прогудел Джок, набычившись.

Главарь резко развернулся и уставился на своего строптивого подчиненного, как будто ждал этого. Над его головой клокотала зловещая черная клякса.

– Джок, берегись! – крикнул я, понимая, что терять уже нечего.

Предупреждение запоздало: одного мгновения Андесу хватило, чтобы увернуться от могучего замаха. Он поднырнул под руку здоровяка и следующим движением выхватил

клинок, которым он только что угрожал Валене, и по самую рукоять вонзил ее в бок бывшему подельнику. Джок развернулся, словно попытавшись отмахнуться от назойливой мошкеры, его второй удар оказался страшным. К несчастью, вся сила ушла в пустоту: Андес вновь увернулся, ухитрившись полоснуть ножом под левым коленом противника. Нога бородача подвернулась, он попробовал удержать равновесие и не смог, заваливаясь на колено.

Андес сделал шаг ему за спину и приставил нож к горлу. Я в это время с бессильной яростью дергался в путах и что-то бессвязно рычал. Нож сделал резкий взмах, его траектория окрасилась алым, борода Джока пошла кровавыми пузырями. Его руки повисли вдоль большого туловища, взгляд уцепился за мое лицо. Глаза блестели, разум постепенно угасал в них, но он продолжал смотреть на меня, как будто требовал что-то.

– Он сдохнет! – заорал я что было сил, вытягивая вверх шею, чтобы не терять его взгляд.

Мне показалось, что губы мужика изогнулись в улыбке, глаза закрылись, и он рухнул лицом в траву, тяжелый, словно бронзовый памятник, сброшенный с пьедестала. Я потрясенно смотрел в его затылок, черные волосы поверженного гиганта трогал слабый лесной ветерок.

– Вот неблагодарная тварь, – рывкнул Андес, потрясая ножом, с окровавленного лезвия веером разлетались брызги. – Такой же урод, как и его убудочный сынуля.

Он оглянулся на второго бандита, в оцепенении замершего поблизости. Тот оторопело разглядывал неподвижное тело бывшего товарища по ремеслу.

– И ты туда же?! – взревел главарь, бешено вращая глазами.

– Нет, нет! – бандит выставил перед ним руки ладонями наружу, словно этот жест мог обеспечить ему защиту от смерти. – Что ты, нет!

Он так трясся, что заработал презрительный взгляд. Впрочем, ему, похоже, было плевать, потому что гордость оказалась смертельно опасным чувством. Бандит предпочитал жизнь собственному достоинству. Он продолжал бормотать одно и то же, пока Андес ни сплюнул.

– Падаль! – прохрипел он. – Вам всем пора преподавать урок. Пошел отсюда, я сам все сделаю. Ни на кого нельзя положиться.

Бандита как ветром сдуло. Андес же повернулся ко мне, и злорадство проступило у него на лице. Похоже, его-то планы как раз исполнялись в точности. Он подошел ко мне и резкими взмахами перерезал путы, приковывающие меня к земле.

– Так даже интереснее, – пояснил он, ухмыльнувшись. – Посмотрим, что ты будешь делать, маленький инквизитор. Может, дать тебе нож?

– Ты сдохнешь, – пообещал я, растирая запястья.

– В твоей следующей жизни! – расхохотался Андес. – Мне ещё не приходилось выслушивать угрозы от такого сморчка.

Это даже забавно. Ты все ещё не боишься?

Я не успел ответить на его вопрос – на кромке леса раздался крик, затем ещё один. В голосах, звучавших оттуда, слышались изумление и страх.

– Какого демона там творится?! – прорычал Андес, раздосадованно поглядывая в ту сторону, куда только что убежал оставшийся в живых напарник Джока.

– Полагаю, твоим подельникам не слишком пришло по душе расправа над их товарищем, – теперь настала моя очередь злорадствовать.

В следующий момент из леса раздался звон оружия. Закричало сразу несколько человек. Кто-то отчаянно заверещал, через секунду захлебнувшись криком. Андес выругался так, что переводчик дал сбой, и резко, почти без замаха ударил безоружной рукой меня в лицо. Посыпались звезды, мир кувыркнулся, звуки стремительно отдалились, я понял, что падаю навзничь.

Глава 11

«Взрослею», – подумал я, с удивлением отмечая, что в голове звенит, как будто вместо нее у меня приличных размеров колокол. Вроде и удар пришёлся практически вскользь, как будто атаман отмахнулся от назойливой мухи, а не пытался вырубить человека. Сознание вздрогнуло, но бодро удержалось на месте. Вот и гадай: то ли главарь в спешке оказался неточен, то ли я научился держать удар не хуже боксера. Это обстоятельство заметно подняло настроение, придало сил. Значит, ещё поборемся!

Впрочем, радость оказалась несколько преждевременной: Андес все-таки свое дело знал и оставлять дееспособного врага за спиной не собирался. Даже такого нескладного и убогого. Да, мой дух крепко ухватился за тело, но горизонт резко качнулся перед глазами, стоило мне хотя бы подумать о том, чтобы встать. С идеей подобраться как можно ближе к гуще событий пока пришлось распрощаться, потому что ноги не слушались и все попытки не растерять равновесие оканчивались мордой лица в траве.

Представление меж тем набирало обороты и без моего непосредственного участия. Там, за пределами видимости, зло звенело оружие, крики и нечленораздельные вопли осколками снарядов разлетались по всем окрестностям. Разбойники с кем-то сцепились, да так, что либо они их, либо

наоборот – на компромисс, похоже, никто не рассчитывал. Одиночные столкновения слились в общую массу и расплывались по лесу, как пожар.

Тут-то меня и накрыл откат. Никогда бы не подумал, что, развязав меня, Андес был далек от мысли, что оказывает мне услугу. Наверняка, поганец, знал, что из этого выйдет. Кровь наконец добралась до почуявших свободу конечностей, и я завопил в голос, добавив свою лепту в общую какофонию. Конечно, это была не боль. Нет, это нечто похуже: словно тысяча невидимых лапок насекомых враз пробежали по телу. Каждый в своей жизни хотя бы раз отсиживал ногу, мне же пришлось проверить на собственной шкуре, что значит отсидеть все тело.

Долго ли, коротко ли, время, как известно, течет иначе, когда тебя атакуют ёжики, к моим рукам и ногам стала возвращаться чувствительность, а к голове – способность сообщать. К тому моменту я основательно выдохся и лишь поскуливал в траве, баюкая все конечности сразу. До моих проблем никому не было дела – лес продолжал орать на все голоса. Люди самозабвенно вырезали друг друга, не отвлекаясь на мелочи.

Убедившись, что руки-ноги снова мне подчиняются, хотя и не без оговорок, я попытался представить свои дальнейшие действия. Ещё пара минут, и можно рвать когти. Мобильность – вот мой шанс на спасение, что-то подсказывало, что на этот раз все пройдёт как по маслу. Но вот дальше? Что

делать дальше? Сбежать? Но как же Валена? Как без символа, который таскает с собой атаман? Или не дёргаться и подождать результатов стычки, в надежде, что неизвестные нашинкуют в фарш всю банду. Враг моего врага – мой друг, так, кажется, звучит известная фраза.

Идея, конечно, заманчива: голос внутри соблазнительно нашептывал, что не стоит ради кого-то тратить бесценную жизнь: попыток осталось и так слишком мало. Лучше обойтись без подобной жертвы. С другой стороны, пока люди заняты делом, кое-кто может попытаться улизнуть незамеченным. Это я про нас с Валеной, конечно. Сомневаюсь, что она в данный момент под охраной: интенсивность боевых действий подсказывала, что бандиты заняты своими проблемами и вряд ли способны уделять внимание пленникам.

Итак, бежать, остаться или рискнуть? Я отчаянно растирал ноги, разгоняя кровь, и все больше понимал, что смалодушничать не смогу. Конечно, можно нарваться на меч. Какой-нибудь шальной бандит вполне способен мне помешать. И хоть полагаться на «авось» я никогда не любил, к черту планирование, пора действовать по обстоятельствам! Раз ни один мой план не сработал, обойдусь без него.

Я осторожно сел на колени и огляделся: на поляне не было ни души. Голова молчала, деревья росли, как положено, и не раскачивались вместе с землей, все мое существо взывало к немедленным действиям. Впрочем, как я ни силился, так и не смог разглядеть, что творится в лесу: заросли

на опушке скрывали происходящее лучше государственной тайны. Если я хочу убраться отсюда вместе с волшебницей, пора браться за дело.

Где же ее искать? Не думаю, что мне позволят свободно разгуливать на поле боя и дёргать за рукава сражающихся со словами: «А вы тут волшебницу не видели?» Попытка будет одна, главное, не прогадать. Предположим, она там, куда ее увели. Как раз оттуда доносились звуки наиболее ожесточенной схватки. Сталь пела свою смертельную песню, криков боли, стонов становилось все больше. По всей видимости, до конца оставалось недолго. Кто бы там ни брал верх, нужно пошевелиться, не факт, что неизвестные окажутся лучше наших прежних хозяев. Впрочем, когда решение принято, стало легче. Сомнения отодвинулись прочь, я начал подниматься.

Внезапно живая стена дала трещину. Я вмиг ухватился глазами за гибкую, высокую фигуру, проломившуюся сквозь заросли, и спустя секунду с сожалением признал в ней врага. Андес, а это оказался именно он, несся гигантскими скачками, лицо его пылало от ярости, но это было уже совсем иное чувство, нежели то, с которым он взирал на строптивых пленников. За его головой, словно воздушный шарик на веревочке, увивалась белая клякса, разрываемая черными, как уголь, трещинами. Страх и гнев – не лучшие спутники воина, они приводят к ошибке: рука может дрогнуть в неподходящий момент, верный глаз подведет при атаке. С другой

стороны, мне, человеку, который слишком мало понюхал пороха, сложно судить о том, что хорошо, а что плохо в бою.

Так и вышло. Мне уже довелось убедиться, что с контролем у Андеса полный порядок – он был собран, взгляд и не думал метаться, как у зверя, которого загнали в угол, кроме того, на нем не было ни единой царапины. Я бы сказал, что тут и не пахло бегством, а выполнялось тактическое отступление.

С мечом наперевес атаман приближался неотвратно, как сама смерть. В его левой руке змеёй вертелся кинжал, тот самый, кому сегодня уже довелось отведать человеческой крови. Я приготовился к встрече, но он не обратил на меня никакого внимания. Ещё секунда, и я увидел причину его небрежения: следом за ним из леса выскочили ещё трое, вооружённые не хуже преследуемого. Как бы ни старался Андес, уйти сразу от троих ему бы точно не удалось. Стоит отдать должное его чутью: атаман мгновенно сориентировался в ситуации, перейдя к немедленной контратаке.

Нет, трусом он точно не был. И глупцом тоже. Какие могут быть мысли, когда выходишь один против троих? Правильно, я тоже решил, что у главаря никаких шансов. Так, видимо, считали и трое преследователей, бросившись вперёд в едином порыве растоптать, повергнуть врага.

Три секунды потребовалось Андесу, чтобы доказать, как ошибаются те, кто сбросил его со счетов. Что-то подобное я видел, когда Оррик дрался сразу против четырёх человек.

Он говорил, что большинство отдаёт предпочтение технике, забывая про ноги. Движение – жизнь. Всего два крошечных шага лишили противника численного преимущества. Андес выстроил их перед собой так, что ближайший закрыл его своим телом от атак остальных.

Незнакомый воин с короткими волосами производил впечатление опытного бойца. Ему оказалось достаточно мига, чтобы сообразить: шансы сравнялись, и придётся драться один на один. Секунда сомнений, тенью отразившаяся на лице, и вот он уже смещается в сторону, чтобы не мешать остальным: к чему бессмысленная бравада, если можно свести риск к минимуму и взять числом.

Именно на перемещении, когда человек на долю секунды теряет контроль над равновесием, Андес его подловил. Резко сблизившись, он увел в сторону клинок противника, всем корпусом врезавшись в его тело, так что тот, как мячик, отлетел под ноги второму. Они вместе упали. Возникла заминка, которая происходит, когда люди кучей малой валяются друг на друга, а затем пытаются расползтись в стороны. В исполнении воинов, конечно, картинка во сто крат ускоряется и смотрится не слишком комично. А звуки! Куда подевалось спокойствие и душевное равновесие?! Разбойника костерили на чем свет стоит. Помимо ругани, до меня донесся сдавленный стон и хрипы, оружие обиженно и глухо звякнуло на земле.

Когда двухголовая гидра распалась, обнаружилось, что

для противников Андеса падение закончилось вовсе не так благополучно, как им бы хотелось. Один, морщась, вскочил, сжимая меч в левой руке, правая же плетью повисла вдоль тела, оставляя на штанине длинные, темные пятна. Второй и вовсе обескураженно ворочался на земле, зажимая рукой живот. Во всем его облике сквозило недоумение, словно он не мог понять, что происходит.

Третий, все ещё целый, с изумлением взирал на соратников, враз оказавшись на передовой. Он, похоже, не мог взять в толк, как Андес за долю секунды ухитрился превратить их победу в разгром. Атаман весело рассмеялся, ткнул третьему воину кинжалом в лицо, а затем провел им по своему горлу. Намек более чем понятен – он следующий. Воин вздрогнул, но постарался не подать виду. Его аура стремительно теряла насыщенность, обрастая белыми пятнами. Скорость, с которой оказался повержен один и выведен из строя другой, впечатляла. Такая демонстрация сил кого угодно проймет до печени.

Я думал, что после столь блистательно проведенной атаки Андес наверняка даст деру, но снова ошибся. Атаман, видно, решил окончательно разобраться с помехой, – ведь даже один воин был в состоянии ему помешать, – и вместо отступления набросился на обоих, яростно размахивая мечом. Раненый в руку не смог оказать достойного сопротивления, поэтому вынужден был спастись бегством, чем сохранил себе жизнь, но бросил товарища.

Основной удар принял на себя последний боец. Ни о какой контратаке, конечно, не могло быть и речи. Андес настолько превосходил его мастерством, что спасением для него являлась лишь глухая защита. Сумасшедший напор бандита мигом развеял надежду, что у него получится устоять: поражение было делом секунд, и только.

Ему хватило пяти. И то несколько выпадов воин отразил только чудом, в самый последний момент избежав смертельной раны. Андес творил чудеса: его меч ни секунды не оставался в покое, выбирая совершенно невообразимые углы атаки. Каждая из них начиналась финтом, и на последнюю у противника не нашлось ответа.

Андес презрительно фыркнул, вытирая об куртку поверженного кончик меча, и пнул его носком сапога.

– Живьём брать! – зычный голос возвестил о появлении нового персонажа, а заодно из леса, как горох, посыпались воины, близнецы тех, с кем с такой лёгкостью только что расправился атаман. Их было так много, что я и глазом моргнуть не успел, как нас окружили сверкающие на солнце мечи, отрезая Андесу все пути к отступлению. Я оказался внутри круга, в десятке шагов от атамана. Победа в схватке обернулась для бандита поражением в бою. Он потерял самое дорогое, что могло быть у беглеца, – время.

Как ни странно, белый цвет страха из ауры атамана практически испарился, уступив место досаде, раздражению и в большей степени ненависти. Этакая здоровенная переспелая

слива с испорченными боками красовалась теперь над его головой. Сам Андес с кривой усмешкой разглядывал человека, направляющегося к нему неторопливой походкой уверенного в себе хищника, которой обычно так щеголял сам атаман.

Воин оказался непомерно широк в плечах. Весь в коже, обвешан оружием, как новогодняя ёлка, в руках полуторный меч с прямым широким клинком, направленным острием вниз. Немолодой, но крепкий, как железное дерево, – брось такого в воду и будь уверен: он даже по дну доберётся до берега. А воздух? На кой ему воздух? На суровом лице ни следа эмоций; камень, и тот позавидовал бы его бесстрастию. Он повелительно махнул рукой, и бойцы, окружавшие нас, подались в стороны.

Я неверяще смотрел на него и не мог отвести взгляд. Все мысли и слова повывлетали из головы. Походка, голос, взгляд, косичка, наконец, – все это я вспоминал тысячи раз и готов был отдать руку, только бы их обладатель оказался здесь. Но я и помыслить не мог, что увижу его так скоро.

Оррик – а кого ещё я мог вспоминать – остановился шагах в десяти от насторожившегося атамана. По мне вскользь пробежались взглядом, как будто в журнале посещений поставили галочку, но словом не удостоили. Меня кольнуло обидой, но я поспешил ее отогнать: какие обстоятельства, такова и встреча. Лобызаться будем после. Если инквизитор здесь, то и эльф где-то поблизости. Значит, меня и не дума-

ли давать в обиду, и все приключения на одно место нашел я сам. «Лежи, – сказал я себе, – за умного сойдешь».

Додумать мысль мне не дали.

– Сложи оружие, и я обещаю тебе справедливый суд.

Андес расхохотался.

– А также справедливый костер, – он плюнул в сторону инквизитора. – Засунь себе свой суд в задницу, чистый ублюдок. Ты получишь меч людоеда, только когда я сдохну! Но будь уверен, что я заберу к Аиду парочку этих щенков! – Андес обвел обступивших взглядом, полным ненависти.

Я присвистнул: мне попался очередной гарнский людоед? Что-то этих тварей слишком много развелось по дремучим лесам. Такое впечатление, что их, словно диверсантов, забрасывают в тыл, чтобы они сколачивали отряды и держали в страхе местное население. И выполняли другие специфические задачи, вроде захвата определённых лиц.

Оррик спокойно дослушал эмоциональную речь бандита и глубоко вздохнул. Похоже, другой реакции он и не ждал в ответ.

– Очень жаль, что ты нам нужен живым. Я с удовольствием выпустил бы тебе кишки, а так придётся чуть-чуть повозиться.

Он несколько раз крутанул мечом, разминая кисть.

– Уверен, что это необходимо? – прогудело из-за спины, и я только тут заметил знакомую железную башню – главный инквизитор Архана, отец Поль собственной огромной пер-

соной, был тут как тут. Не хватало только эльфа с его хитрым оружием, тогда вся компания будет в сборе.

– К сожалению, да. Этот пожиратель падали слишком наловчился играть с оружием. Твоим ребятам он не по зубам. Конечно, можно навалиться толпой, но есть риск, что он в свалке подколлет ещё кого-нибудь. А вы и так слишком много потеряли сегодня. Кроме того, я с удовольствием разомнусь.

Отец Поль помрачнел.

– Он мне нужен живой! Ты помнишь?

– Я все помню, не переживай.

Оррик взвесил в руках меч, покрутил кистями. В нем не было ни капли страха. Он что, настолько уверен в себе? Я видел, как этот молодчик дерется, и хоть в умении Оррика сомневаться не приходилось, все же я бы поостерегся.

– Будь осторожен, – прошептал я одними губами, но инквизитор услышал и успокаивающе кивнул, мол, не стоит переживать, он уже взрослый мальчик.

В наше милое перемигивание вмешался наглый голос атамана. Андес был слишком высокого мнения о себе, чтобы оставлять врагам последнее слово.

– Сначала я вырежу «треглад» на твоём лице, старик, – Андес излучал уверенность не хуже его противника-инквизитора. – А потом перебыю все ваше отребье.

Оррик не ответил, лишь поманил его пальцем, и атаман ответил длинным, стремительным выпадом, как будто хотел решить дело первым же ударом. Разочарованно звякнул меч,

отлетая в сторону от собрата – Оррик легко увел оружие в сторону, приняв его на сильную часть клинка. Его ответ последовал сразу и был не настолько изящным, но столь же быстрым и смертельно опасным – Андес не принял приглашение на обмен любезностями и разорвал дистанцию, благо, даже на мой неискушенный взгляд, двигался он быстрее. Схватка началась без приветствий.

Обмен ударами следовал один за другим. Андес пытался достать противника глубокими выпадами и путал финтами, то показывая, что бросается вперед, то резко отскакивал в сторону, метя по ногам и в голову. Оррик уверенно их отражал, пользуясь тем, что его меч тяжелее, тут же бросаясь в короткие атаки, так что Андесу приходилось несладко, если ему оставалось лишь ставить меч под удар. Он предпочитал уворачиваться или сбрасывать оружие противника по касательной, всячески избегая короткой дистанции.

Спустя пять минут враги наконец поняли, что не уступают друг другу. Молодость разбойника, его мастерство и скорость компенсировались опытом и силой Оррика. Оба поединщика одинаково хорошо двигались, сближаясь и разрывая дистанцию. Никому не удавалось получить преимущество, несмотря на абсолютно разные манеры ведения боя.

Инквизитор заметно посерьезнел, видно, понимая, что немного переоценил силы, атаман тоже выдохся, на лбу у него пролегли морщины, поблескивая каплями пота, движения стали терять точность и скорость. Впрочем, то же самое

можно было сказать и про Оррика: атаки Андеса вызывали все большее опасение, что наступит момент, когда рука священника не поспеет за юрким мечом атамана. На его ногах уже красовалось несколько порезов, правда, совсем неглубоких. Андес мог похвастаться царапиной на плече, звериным чутьем и молниеносной реакцией вывернувшись из-под смертельного удара врага.

Еще несколько минут, и Оррик начал ощутимо сдавать. Андес наседал, постепенно наращивая темп. Инквизитор разом пропустил два легких удара, заработав две прорехи в одежде, поблескивающие кровавыми каплями. На лицах невольных зрителей прилипло обеспокоенное выражение. Человек-гора, главный инквизитор Архана, все чаще качал головой, посматривая по сторонам, как будто ждал помощи со стороны. Этот старый волк лучше всех предвидел конец поединка, изредка поскрипывая зубами.

Оррик пропустил ещё один выпад, на этот раз опаснее и глубже, чем все остальные. Андес яростно оскалился и, отбросив осторожность, буром попер вперед. Он, несомненно, понимал, что, кроме Оррика, вряд ли сможет прихватить к праотцам кого-то ещё, но твёрдо вознамерился забрать с собой хотя бы одного из врагов.

Выпад. Выпад. Парирование. Финт. Легкий меч ускоряет мах, меняет траекторию в очередной раз. Человек с воображением сказал бы, что воздух гудит, взрезаемый лезвиями, словно слоеный пирог, я же все внимание отдаю танцу. Да,

схватка в большей степени походила на танго, и оба партнёра забыли об окружающих, выписывая все новые «па», на которые уходили все отмеренные жизнью силы.

Оррик дышит тяжело, но принимает удар на гарду. Он уже не пытается ударить в ответ, уйти от атаки не хватает сил. Андес атакует беспрестанно, в его глазах радостное ожидание, предвкушение триумфа, пусть он и будет таким недолгим. Оррик получает ещё удар, отмахивается, атаман с сожалением вынужден прервать атаку, отскакивая назад, чтобы ненароком не угодить под меч.

Андес с изумлением оглядывается, глаза как блюдца – он тарашится на меня. Слышится влажный шелест, мягкий, глухой удар. А я что? Двое дерутся – третий не лезь? Жилище вам всем индейское в одно место! Когда Андес в очередной раз проходил мимо, я приподнялся и как следует пнул его в зад, так что вместо того, чтобы разорвать дистанцию, он ее сократил.

Я уже догадался, что моего друга – ну а кого же еще – принесут в жертву проклятым традициям, а местные пальцем не шевельнут, чтобы ему помочь. Мне нужно было только выбрать подходящий момент, чтобы вмешаться – на секунду отвлечь внимание атамана, а уж Оррик разберётся, как воспользоваться предоставленной возможностью. Нечестно? Пофиг! Я не собирался разменивать жизнь Оррика на кристально чистую совесть.

Глава 12

Крики, звон оружия, топот ног – все вмиг остановилось, замерло, так что, если закрыть глаза, могло показаться, что на мир опустилась ночь. В картинку не вписывались стоны раненых, но на них сейчас никто не обращал внимания. Все взгляды были прикованы к медленно съезжающему с лезвия меча телу атамана, который до последнего удерживал мутнеющими глазами своего убийцу. Технически, конечно, это был Оррик. Фактически даже такой плюгавый пацан, как я, мог вставить палку в колесо такого мастера, как Андес. Чем я, собственно, и воспользовался.

Когда труп замер в той форме, в которой ему полагается, я сел на корточки и отряхнул колени.

– Как ты мог?! – выдохнула громадина главного инквизитора.

– Это было несложно, – я отмахнулся. – Ты как?

Мои слова, конечно же, были обращены к тому, чье появление стало самым значимым событием в моей жизни со времени обретения нового тела. Неужели и у меня бывают хорошие совпадения?

Оррик застыл столбом с окровавленным мечом. Он казался потрясенным до глубины души и не отводил взгляда от лица поверженного врага. Свой план я, в общем, исполнил, инквизитору больше ничего не грозило. И хоть его против-

ник получил по заслугам, по традиции я, похоже, снова встал на пути чьих-то планов.

Кто же знал, что Оррик не сумеет сдержать удар? Вера в навыки инквизитора сыграла со мной злую шутку: один удивился настолько, что позабыл про защиту, второй не рассчитывал на подарок. Тяжелое лезвие поспешило исполнить начертанное, металл со вкусом разрезал шею. Андес, словно хамелеон, теперь мог вертеть головой во все стороны. Даже лежа на животе, он пялился в небо, что с точки зрения анатомии попирало закон природы. Будь я повпечатлительнее, не смог бы избавиться от ощущения, что атаман хочет мне что-то сказать. Впрочем, может, он и впрямь пытался: человеку, за которым всегда остаётся последнее слово, сложно бороться с привычкой.

Над телом замерли четверо. Как на картинке из дешёвого вестерна, мрачные взгляды говорили красноречивее слов. Трое – Оррик, отец Поль и Аридил, который подошёл после того, как уже все свершилось, – молча смотрели вниз, четвертый, собственно, я, вглядывался в покойного по инерции, не забывая поглядывать на живых. То, что происходящее не вписывается в обычные рамки, я уже догадался по гробовому молчанию зрителей.

Мы стояли так уже пару минут. Меня подмывало пихнуть Оррика в бок и сказать «отомри», но я помалкивал, понимая, что и так нарушил все заповеди, что только можно. Мне, кстати, было не стыдно. Оррик жив, хоть и слегка не в сво-

ей тарелке. Он сильно нервничал, то и дело закусывая губу, видно, переживал из-за исхода боя. Думаю, он и сам понимал, что просчитался с противником. Андес оказался если и не сильнее, то выносливее: возраст – штука, с которой приходится считаться, а тут разница минимум лет в пятнадцать и практики хоть отбавляй. Ничего, переживет, и хоть слова благодарности я от него вряд ли услышу, мой план сработал, правда, и как обычно, слегка не так, как планировалось. В конце концов, Враг я или погулять вышел? Хрен с ними, с традициями, зло должно быть наказано. Зло по отношению ко мне – тем более.

– Ну и чем исход схватки отличается от того, что предлагал я? – наконец «отмер» эльф, видимо, имея в виду итоговый результат.

Коллеги-инквизиторы закричали, я практически услышал, как в их головах щелкают шестерёнки. Что-то они слишком туго соображают.

– Ничем, – буркнул отец Поль. – Он был мне нужен живым!

– Дали бы возможность участвовать мне, жертв оказалось на порядок меньше.

– Вы, принц, со своей косой от него оставили бы еще меньше, чем сейчас, – с ещё большим раздражением в голосе заметил человек-гора.

– Кто ж знал, – выдавил из себя Оррик.

Отец Поль оторвал взгляд от эльфа и упер негодующий

взгляд в меня.

– Вот он знал.

– Я?! – меня пробрало. – Да я вообще тут каким боком?

Аридил хмыкнул.

– Отец Поль, – улыбнулся он, – и мы бы об этом с удовольствием послушали.

Ну вот и первая ласточка. От меня требовали пояснений, и помощь пришла с неожиданной, но столь желанной стороны. Эльф обычно всегда помалкивал, а тут вступился открыто. Кстати, зря, я сам могу за себя постоять.

– Давайте позже. Что у вас, дел больше никаких нет?

Ого! Из меня полезли колючки! С чего бы? «Не люблю, когда на меня давят», – подумал я с раздражением.

Глаза главного инквизитора поползли на лоб: его только что отчитал слуга! Великан заглотил побольше воздуха, видимо, чтобы выдать достойный ответ, но, бросив короткий взгляд на моих спутников, передумал, хотя и не без последствий. Мою отповедь проглотили, но затаили нехорошие мысли – вон над главным инквизитором распухла какая штукавина! Впрочем, люди, считающие его глупцом, вряд ли могут рассказать о своей ошибке; отец Поль не дурак, понимает, что обычного человека ждать и искать не будут. Он уже догадался, что я только прикидываюсь птичкой без крыльев, но могу дать фору любому орлу.

Мы помолчали ещё минуту, не спуская глаз с бывшего атамана. Тот по вполне понятным причинам тоже помалки-

вал.

– Он был мне нужен живым! – рявкнул отец Поль, развернулся по-солдатски резко, так что длинный плащ хлопнул его по ногам, и зашагал прочь.

Меня контузило. Что за идиотская привычка – чуть что, повышать голос?! Вокруг не глухие, а если ни черта не слышишь, есть соответствующие врачи. Продуют тебя со свистом! Я посмотрел на отца Поля, затянутого в кольчугу из толстых колец, что делало его похожим на здоровенного карася, который что-то выговаривал подскочившему к нему воину: если его поставить против епископа, то в соревнованиях по громогласности судить их поединок никому не придётся. Оба товарища разделяются с судебной бригадой в первом же раунде. Медаль «Иерихонская труба» им придётся делить на двоих.

Тут я вспомнил:

– Валена! Волшебница!

Мысли забегали, как муравьи, и я бросился к лесу. Ну, попытался броситься...

– Стой тут, – гроыхнул Оррик, крепко сжимая мое плечо. – Ты сегодня все, что можно, уже сотворил.

Я подчинился. А что было делать? Поляна гудела, как улей, пчелы в кожанках и с мечами деловито сновали туда-обратно. На моих глазах возвели шатер. Ткань хлопала крыльями на ветру, пока люди деловито натягивали веревки. Разгорались костры, в центр стаскивались припасы, кто-то с

луком, прихрамывая, топал в лес то ли за дичью, то ли нести дозор. Не далее чем полчаса назад разбойники проделывали то же самое, но в обратном порядке.

На самом краю работала похоронная команда. Таскали всех, сортировка шла в самом конце, и свои особых почестей не имели – их всех просто раскладывали на две кучки. Распоряжался хозяйством рыжий тощий парнишка, его противный голос служил надгробием и тем, и другим.

Разбойники полегли все. Их бездыханные тела клали по правую руку. Судя по ранам, они понимали, что пощады не будет, и старались подороже расстаться с жизнями. В итоге на траве оказались девять тел. Андес и тут встал во главе. Его перенесли из центра поляны, где бойкий атаман принял смерть, и уложили на землю, с укором поглядывая на меня. По барабану. Наплевать мне на кодексы чести. Оррик жив, все остальное неважно!

Потери у инквизиторов тоже были, правда, гораздо меньше. Летальных. Невозвратных оказалось двое, остальные имели ранения различной степени тяжести. Проклятья переполняли поляну, напоминая, какой ценой досталась победа. Семнадцать. Что-то слишком много для соотношения пять к одному. Да они должны были перебить несчастных за пару минут! С какой стати такой урон? Треть отряда будет хватать отметинами перед теми, кто ждёт их в городе. Опять же, если сумеют до него дотянуть, а в этом были сомнения.

Люди и не думали ныть над своей судьбой. Они молча са-

дились на землю, но почему-то ничего не предпринимали. Я видел раны: половина едва ли могла ходить. Если брать во внимание время, в могилу могут отправиться все – из истории я помнил, что основные потери приходились на отсутствие своевременной помощи, а не на умелые действия врагов, у которых статистика не отличалась в лучшую сторону.

– Оррик, почему им никто не оказывает помощь? – я тенью покачивался посреди лагеря. – Они же все умрут.

Инквизитор стоял за мной, как побитая собака. Он так и не пришёл в себя после боя.

– Им помогут, когда мы вернёмся в город.

– Какой город? Очнись! Они не дотянут даже до деревни, если как следует не обработать раны.

– Поль позаботится о своих людях без наших мудрых советов.

– Если как сейчас, забот скоро у него поубавится, – возразил я. – Какая честь подышать вот так?

– На то воля богов, – угрюмо закончил наш спор инквизитор. – Мага все равно больше нет.

Говорить Оррик был точно не расположен, чужое здоровье его особо не волновало. Взгляд инквизитора блуждал в неведомых далях, из-за чего он ничего не видел у себя под ногами и отвечал невпопад. Наверное, он мысленно снова и снова возвращался обратно к схватке, прокручивая ее от начала и до конца. Его потерянный вид лучше всяких слов описывал чувства, когда рушится мир вокруг. Как же, непо-

бедимый инквизитор проиграл бой на глазах у кучи людей, которых и близко не считал ровней. Как дальше жить? Когда песочный замок накрывает волной, люди расстаются с мечтой, а это частенько больно.

Ладно, сейчас мне недосуг, нужно заняться волшебницей, а мозги воину вправлять будем позже. Алекс, тьфу, Иан добро не забывает!

Я оглянулся и оторопел: двое воинов под руки вели Валену. Девушка была бледна, ступала нетвердо, как будто боялась каждого шага. Она не сводила глаз с растущей толпы раненых, сидящих или лежавших на траве. Похоже, ее больше занимала судьба этих несчастных, чем ее собственная. Ну да, она же целитель, и здоровье людей – ее непосредственное призвание. Или просто не видела такое количество увечных сразу.

Широко распахнутые глаза волшебницы перебегали от человека к человеку, всякий раз она вздрагивала, словно примеривала на себя ранение каждого, на кого падал взгляд. В какой-то момент Валена разглядела меня, и ее лицо осветилось радостью, но в ту же секунду облако над ее головой стало темнеть, слабая улыбка увяла, лицо приобретало оттенок болезненности. Меня коснулась тень страха и недоверия. Вот и настал тот самый час «X». Она-то думала, что инквизиция преследует меня, чтобы прикончить, и явно не ожидала увидеть меня в добром здравии посреди такого количества людей, в принципе ей ненавистных. Короче, очередная

проблема, размер которой я пока себе представить не мог, но и отказываться от присутствия мага в моем будущем отряде не собирался. А трудности? Да бог с ними, сколько их уже было, сколько еще будет. «Бить, а не считать», – как говаривал один известный всем полководец.

Вот и подтверждение моим невеселым мыслям: в меня словно уперся грозовой фронт, а глаза девушки засверкали молниями. Я скрипнул зубами – вот она, расплата за откровенность. «Сама увидела, сама придумала, сама обиделась», – вспомнил я анекдот из прошлого. Ну да, умной повода для обиды не нужно, она найдет его сама.

Впрочем, мне было все равно. Не скрывая радости, я бросился вперед. Порыв души оборвался так же внезапно, словно на голову вылили ушат холодной воды. Ее чувства сработали не хуже заряда картечи. Я запнулся, будто врезался в стену. Расплата пришла мгновенно: Оррик, погруженный в свои чувства, как муха в кисель, действовал на автопилоте. Помните про носорога, у которого не все в порядке со зрением? Инквизитор прекрасно справился с ролью: он не раздумывая махнул всем телом за мной, и на пассаж с остановкой отреагировать не успел.

Неладное я ощутил, когда лежал в траве, отходя от столкновения с паровозом. Говорят, люди могут демонстрировать чудеса, если им угрожает опасность. Мне не было дела до всенародной молвы, я даже позабыл о своих ушибах, когда догадался, что волшебницу не поддерживают, а скорее, со-

провожают, если не сказать жестче. У меня перехватило дыхание: рано расслабился, стонать будем после, ничего ещё не закончилось.

Пока я разлеживался, солдаты ожидаемо протопали мимо. Не помощь, конвой – вот что это такое!

Куда они направляются?! Что, нафиг, происходит? Я оглянулся на Оррика, который, похоже, и не заметил, что только что чуть не размазал меня по земле – так, значит, надежды на этого товарища мало!

– Эй, вы! – заорал я, удивляясь самому себе, с какой прытью бросился им вослед. – А ну стойте!

Сопровождение Валены по инерции сделало ещё пару шагов, воины с недоумением переглянулись и хотели уж было продолжить путь, как я преградил им дорогу. Меня обдало двойной порцией недовольства, недоумения и досады, сквозь которые пробивался слабый аромат надежды, последнее чувство исходило от девушки, которая наблюдала за происходящим с обреченной усталостью. Ее сил ещё хватило на атамана, но с новой угрозой она, похоже, смирилась, как мы принимаем неукротимую мощь урагана.

Если раньше мне приходилось тушить конфликты, здесь пригодился бы кувшин с маслом. Эх, не мое это, не мое...

– Куда это вы ее?

Воины опять переглянулись.

– Уйди с дороги, убогий.

– По-хорошему, говорим, – добавил второй.

Меня никогда не трогало упоминание моей ненормальности, но только не в этот раз. Я почувствовал, как в глубине нарастает гнев. Точнее, уже вырос. Главное, удержать крышу на месте, вряд ли этим двум понравится, если я кинусь на них с ножом. Могут не так понять.

– Отпустите ее. – Я не узнал свой голос, настолько он стал хриплым и низким.

– Заморыш, шел бы ты...

– ...зашибем же, – закончил за первого воина его напарник несколько невпопад. У них один разговор на двоих?

Что же делать? Мой ножик вряд ли произведёт на них впечатление. Хм... А вот что – я вздохнул и полез за пазуху. Да, никто не видел, что именно я достал из поясной сумки неудачливого бандита, пока выясняли, кто виноват. Оррик сказал, что амулет нужно использовать в крайнем случае. Там, в деревне, я свалил дурака, совсем позабыв о подарке инквизитора. Но дважды я подобной ошибки не совершу. Жаль, я так и не выяснил, какими правами обладает его носитель, но чего уж теперь, как обычно, вяжемся в бой, а после оценим потери.

Знакомые кольца выползли из-под одежды вслед за цепочкой, как будто я выуживал рыбку. Матово-серый металл грел ладонь. Опасное и завораживающее тепло, как если бы ты сунул руку в аквариум с золотыми рыбками, а обнаружил, что у них вот такие зубищи! Амулет был с подвохом. Если не

хочешь остаться без пальцев, клинки внутри колец лучше не трогать: по остроте они не отличались от лезвий бритвы. Кому пришло в голову их так заострить? Если уколешься, кожа протыкалась в два счета – собственный опыт подсказывал, что без петельки на внешней части кольца пользоваться им опасно для жизни.

Поправив знак на груди, чтобы не съезжал под мышку, я прижал правую руку к воображаемой пуговице на животе, а левую заложил за спину. Поза в стиле французского императора: как-то видел его в кино. Как ещё подростку метр с кепкой сопротивляться взрослому каланче? Рецепт один: добавим побольше наглости, заправим вальяжностью и посыплем высокомерием – вот то, что мне нужно.

– Отпустите ее немедленно!

Подействовало! Оба уставились на медальон, разинув рты. На мою горделивую позу – ноль внимания, впрочем, плевать, главное – результат!

– Сколько мне повторять?! – теперь скопируем по памяти интонации отца. – Ну, поживее!

Солдаты, к моему облегчению, разжали руки, и Валена смогла стоять без поддержки. Сама, хоть у меня и были в этом сомнения.

– Что здесь происходит?! – прогудело откуда-то сверху, и мне пришлось призвать на помощь все самообладание, чтобы не присесть от испуга: противник ожидаемо подтянул тяжелую артиллерию.

Я развернулся и увидел именно то, что рисовало воображение. Отец Поль собственной громадной персоной, да к тому же ещё кипевший, как паровозный котел. Вот уж кто плевать хотел и на меня, и на мою позу, и на мой амулет. Плохо ещё и то, что его ладонь ерзала на рукояти меча, а я до сих пор был не уверен, что возможностей этой вещицы хватит, чтобы обуздать боевой настрой громогласного инквизитора. Если он возьмётся за меч, ему не придётся особенно напрягаться, достаточно будет стукнуть меня по темечку. Какие там басни-то написаны по этому поводу?

– Он требует, чтобы мы ее отпустили, – наябедничал один из солдат. Правильно, вот главный навык солдата: вовремя свалить ответственность на другого.

– Ведите ее в карцер, ведьму ожидает костер! – главный инквизитор пошел разводить пары. Я мгновенно переварил новую вводную. Опять костёр?! Нет уж, дудки! Это ты зря, дедуля. Щепка в ботинке тоже может попортить кровь. Да и карцер в мои планы не вписывался.

– Никто никуда не идет! – я не выдержал. – Вы ее отпустите...

– Она ведьма! – меня перебили. – И будет сожжена!

– Она – волшебница!

– Ведьма и...

– ...волшебница, и она мне нужна! – ответил я той же монетой.

Чтобы лилипуту обратить на себя внимание Гулливера,

приходилось напрягать связки. Перекричать его, конечно, мне не светило, но и закрыть глаза на мои укусы означало подставить открытое горло: что-то свыше нашего разуменья заставляет нас включать в комнате свет и бегать с журналом за зловредным москитом. Заглянув в глаза главному инквизитору, я испугался, что из него вот-вот вырвется пар. Великан довольно успешно изображал из себя начищенный до блеска паровозный гудок. Тут-то у меня и забрезжила надежда, что кровопролитья получится избежать – если собака лает, может, и не будет кусаться.

А может, и нет.

– Схватить его... – заорал отец Поль так, что у меня заложило уши, затем он топнул ногой, и я почувствовал, что подпрыгнул вместе с Валеной и солдатами. Девушка едва не упала, и они были вынуждены ее опять подхватить.

На нас потихоньку стали обращать внимание, народ удивлённо наблюдал за сварой. Самые любопытные подползали поближе к центру. К сожалению, Оррик среди любопытствующих отсутствовал. Когда ко мне попытались сунуться, я повернулся к желающим лицом и постарался, чтобы самые инициативные тоже разглядели знак на груди. Это поубавило пыл, вызвав недоумение у начальства.

– Чего встали? Живо и этого гаденыша в карцер!

– Э...

– Вы язык проглотили? Плетей захотели... – впрочем, договорить отцу Полю не дали, ткнув меня в грудь сразу с

нескольких сторон. К счастью для меня, глазастых оказалось с избытком.

– Святой отец, у него знак курьера.

Сверкающая скала обернулась, впиваясь взглядом в амулет на моей груди. Можно подумать, он его не заметил раньше...

– Какой ещё знак?! – рыкнул он, и меня окатило волной растерянности.

– Этот. – Я сдернул с шеи круг, рискуя остаться без пальцев, и сунул его гиганту под нос. Ну, сейчас или меня размажут, или я утру кое-кому его сломанный нос. К сожалению, оба варианта ставили крест на хороших, доверительных отношениях с местной властью и сулили проблемы в будущем. Впрочем, на них и раньше не приходилось рассчитывать, так что конфликт даже к лучшему: пусть поработает на авторитет, лишние баллы репутации никому ещё не вредили.

Глаза главного инквизитора собрались в кучку, гигант согнулся, как будто к пешеходу наклонился фонарный столб. Подсознательно я даже ждал скрипа сминающегося металла. Внутри него клокотал пар, дыхание вырывалось со свистом. Паровоз загрузил новые данные и обдумывал, что с ними делать. Ладно, пусть сам выкручивается. Я просто ждал. Тем более я понятия не имел, дает ли мне право амулет распоряжаться чужими подчиненными, или его действие распространяется только на мою скромную особу.

– Она ведьма! – наконец с ненавистью выплюнул он. – Она

сожгла священника.

– А я слышал, святой отец отделался одним испугом, – возразил я с уверенностью, которой не чувствовал. Вдруг Валена ошиблась, и этого сморчка все-таки зацепило? Плакать я по нему не стану, но вот защищаться будет гораздо сложнее.

– Она пыталась!

Пыталась? Что за детский сад?! Земля под ногами затвердела, и я почувствовал, как мои губы пытаются расползтись в победной усмешке. Если начались «прения», то скала оказалась с песочным нутром.

– Эта волшебница, – я особо подчеркнул слово «волшебница», – спасала меня от костра, на который я угодил как раз по милости вашего милейшего священника-самодура. Если бы у него были мозги, он бы понял, что такими вещами не шутят. Он же предпочел не расслышать моих слов. Ещё вопросы?

Чувства в который раз пришлось отключить. Иначе мой рассудок не выдержал бы той волны ненависти, обрушившейся на меня, давившей на плечи, словно лямки спортивного утяжелителя, в который добавили чересчур много лишнего веса. Полегчало. Но изображение черной тучи, отплясывающей на макушке разъяренного инквизитора, нервировало похлеще его ладони на рукояти меча. Его я отключить не мог. Облако подрагивало, словно вот-вот готово было наброситься на меня вместе со своим хозяином. Хотелось за-

крыть глаза руками и убежать, я почти физически чувствовал, как тот, второй, отчаянно боролся за контроль над телом – весь его прошлый опыт твердил, что конфликтов следует избегать. Приходилось силой заставлять себя отстаивать каждую пядь не только перед инквизитором, но и перед собой.

Ну какие козыри у тебя в рукаве? Вижу же, что просто не хочется уступать доходяге.

– Какой идиот дал этому ублюдку знак «голоса»?! – выплюнул, наконец, главный инквизитор.

Значит, все-таки сработало! Мое сердце сжалось в радостном предвкушении: вот оно! В ход пошли стремные аргументы – ещё скажи, что ты прав, потому что ты больше. Поднажмем, и победа будет за нами! Только бы не дать слабину, возможно, сегодня я выиграю свою главную битву. Или отец Поль вытащит, наконец, свою оглоблю и порубит меня на стейки – вон с каким ожесточением пальцы тискают рукоять.

– Епископ Тук, – ответили за спиной голосом Аридила.

Глава 13

Похоже, отец Поль не из тех людей, кто привык просто так выпускать из своих рук добычу. А волшебница стала его добычей, призом, если хотите. Я же не только спутал планы этого великана, но и встал поперёк дороги. Он же вынужден был отступить. Такое не прощают, не забывают и при случае обязательно возвращают долг. Впрочем, плевать, если то, что уготовано мне судьбой, правда, врагов на моем пути будет, как деревьев в лесу. Что такое для леса ещё одно дерево? Подточим пилу получше да будем ждать удобного случая.

Валену все-таки отпустили, с неохотой, скрипя зубами, сопровождая взглядами, которые, если бы имели материальную основу, могли царапать стекло не хуже алмаза. Мы отступали медленно, так враги расходятся, договорившись о временном перемирии, чтобы иметь возможность позаботиться о раненых на поле боя. Нам тоже достался кусочек славы волшебницы. Будь его воля, Поль бы отправил на костер не одну, а троих.

Впрочем, люди инквизитора не удержались от маленькой мести и продемонстрировали славное обхождение: девушку буквально швырнули к нашим ногам. Валена не удержалась бы и упала, если б не помощь эльфа. Аридил ожидал чего-то подобного и успел подхватить волшебницу. Как-то так полу-

чилось, что она оказалась у него на руках, и он понес ее прямо к нашей стоянке. При этом щеки Валены засветились румянцем, и она смущённо отводила взгляд. Не каждый день оказываешься на руках у нечеловечески красивого существа.

Оказалось, в то время, пока я выяснял отношения и выцарапывал девушку из когтей инквизиции, мой спутник тоже не терял времени даром. Доказательством тому служил практически готовый костёр, которому не хватало только огня, и аккуратно сложенные пожитки двух человек, один из мешков, очевидно, принадлежал Оррику, а второй – самому эльфу. Мы опять разбили лагерь подальше от остальных, что на этот раз свидетельствовало о предусмотрительности принца или о его привычке держаться на расстоянии от суеты. И то и другое делало ему честь, а в текущих обстоятельствах мне не приходилось желать большего. Я бы вообще предпочел убраться с поляны, но в конечном счёте решил, что требуется сохранить хотя бы видимость отношений. Пока между нами всего лишь склока. Стоит полить отношения красным, и главный инквизитор может и не удержать в руках меч.

Пока я пытался справиться с бешено скачущими мыслями, которые, как известно из старой песни, «мои скакуны», Аридил разбирался с костром. Впрочем, на этот раз у него не заладилось. В конце концов он саданул кресалом себе по пальцу, и тут мы услышали, что предельно вежливый эльф тоже знает толк в крепких выражениях. Он что-то бро-

сил в сердцах, посмотрел на Валенбергию и смущенно отвел взгляд – ну да, аристократам ведь не пристало браниться. Только он не учел, что никто из нас ни слова не понимает по-эльфийски, так что он с тем же успехом мог декларировать стихи или молиться.

– Давайте я помогу, – вдруг произнесла Валена, и не успели мы глазом моргнуть, как она пальцами дотронулась до полена. Ее руку окутало облако красных мушек, дерево задымилось, по трещинам поползли молочные ниточки, запахло палеными спичками. Она поморщилась, но руки не отняла, и вот уже кора заискрилась, из-под сучка показалась бледно-оранжевая змейка.

Девушка ещё несколько секунд не убирала руку, пока пламя не ощутило себя увереннее. Костер занялся. Я с трудом удержал челюсть на месте: а мне-то рассказывали сказки про искры. Впрочем, понаблюдав за волшебницей, я пришёл к выводу, что несправедлив: похоже, она сама не ожидала от себя подобного результата.

– Теперь не погаснет, – сказала Валена, опустив взгляд.

Использовать магию сейчас, когда тебя едва вытащили из костра и вокруг такое количество враждебно настроенных существ, требует от человека либо огромной глупости, либо безумной отваги.

К счастью, нашим соседям пока было не до нас, и маленький фокус с костром так и остался незамеченным. Они шумели, как океан в пятибалльный шторм. Люди суетились, но

толку от их беготни невооружённым глазом было не разобрать. Я иногда поглядывал в их сторону, но так и не заметил, чтобы ранеными кто-то всерьёз занялся. Они без мага вообще ничего не умеют?

– Это что сейчас было? – прохрипело мне в спину голосом Оррика. Наш не в меру боевой товарищ наконец соизволил материализоваться у нашего огонька. Я оглянулся и вздрогнул: настроение у него оказалось под стать голосу и клубилось над головой грозowymi тучами.

Мои мысли перебил голос Валены.

– Волше... – начала было девушка, но Оррик заставил ее замолчать.

– Я тебя спрашиваю! – Валену инквизитор проигнорировал.

Естественно, меня, кого же ещё? Это он, конечно, не про костер и магию, а про мои разборки с Полем, господином главным инквизитором Архана.

– Поговорили, – я пожал плечами.

– П-поговорили?! – Оррик растерял остатки самообладания. – Это ты называешь поговорили?

– А как мне ещё это называть? Оружием не размахивали, никто не убит, значит, просто поговорили.

– Э... м.

Главного инквизитора я дожал, теперь пора разобраться с Орриком.

– Она спасла мне жизнь, – я указал на Валену, девушка

притихла и прислушивалась к нашему разговору. Я надеялся, что ума в ней все-таки больше, чем безрассудства. – Долг платежом красен. – О том, что я собственноручно нас двоих чуть не угробил, упоминать не стоит, Оррик как-то нехорошо поглядывает на свой меч – меня с некоторых пор такие взгляды слишком нервируют.

– Почему ты не показал амулет, который я тебе дал, священнику из той проклятой деревни?!

Спасибо, конечно, за напоминание, я тоже никогда не забуду тот эшафот. Не каждый раз спросонья оказываешься на костре. Ну и про тупость свою беспросветную нужно помнить.

– Забыл.

– Забыл?! – Оррик не дотягивал до паровозного свистка, но чайник из него вышел бы на загляденье.

– Да, забыл.

– Так зачем ты достал его сейчас, демоны тебя задери?!

– А сейчас я про него вспомнил.

Пауза. За кулисами слышится свист пара. Кто-то падает. Оррик хлопает глазами, мы с Валеной помалкиваем. Аридил режет в котелок что-то напоминающее картошку, хотя, может, это она и есть. Ловлю на себе ее взгляд – страх, похоже, исчез, зато выросло удивление. Мне кажется, на меня посматривают оценивающе и немного с опаской. Ну ладно, хоть запаха ненависти не чувствуется. Впрочем, самое трудное впереди: мне нужен маг, а обида разрушает и не такие

союзы. Это пока Валена успокоилась, в ней сейчас бурлят последствия стресса. Адреналин, как вакуумная граната, сжег воздух вместе с эмоциями на ближайшее время. Но стоит ей прийти в себя, как повылезают все тараканы.

– Так нельзя использовать знак! Ты соображаешь, что теперь будет?!

Как-то неубедительно звучит. Что ж, ответим той же монетой.

– Ты так часто об этом твердил, что я решил, что все это выдумка.

Инквизитор закашлялся.

– Я вообще тебе ничего о нем не рассказывал.

– Вот именно, Оррик, вот именно! – я и не думал сдавать назад. – Ты вообще мне ничего не говорил! Ни об амулете, который почему-то называется «Голос», ни о порталах, с помощью которых мы могли бы очутиться в нужном нам месте за одно мгновение. Ни даже о цели нашего путешествия. Ты ни о чем таком не рассказывал! Когда касалось дела, ты просто помалкивал. Так чего ты хочешь теперь?

Инквизитор на секунду замялся, но и он сдаваться не собирался.

– Я и не должен был ничего рассказывать!

Замечательная логика. Тянет на приз зрительских симпатий!

– Зачем же было подсовывать мне эту штуку?

– Никто не думал, что все так будет. Я дал тебе амулет на

всякий случай.

– Так вот этот случай наступил!

Круг замкнулся. Оррик стоял напротив меня, тяжело дышал, и я слышал, как поскрипывает кожа в его кулаках.

– Вряд ли так уж важны причины поступков в прошлом, – Аридил помешал котелок. – Ты нажил себе врага. Я слышал, у него хорошие покровители.

– Догадываюсь, – сказал я. Не просто же так отец Поль стал главным инквизитором, тут не только талант, тут без связей не обойтись. – Он меня прирежет при первой возможности?

Оррик тяжело вздохнул, сбрасывая перевязь с мечом на землю. Не думаю, что он был готов к такому отпору. Ему сегодня пришлось тяжелее всего, даже когда он наседа на меня, я не чувствовал прежнего огонька. Скорее, он ругался, потому что так надо.

– Прямо сейчас он тебя убивать не будет. Но ходить тебе придется с оглядкой, – Оррик поднял на меня тяжелый взгляд. – Как вообще можно столько наворотить в одиночку?!

На последний вопрос я бы и сам не ответил, даже если бы захотел. Едва избежав катастрофы, мне казалось, что самое страшное позади. Главное, все живы, а проблемы были и будут.

– Наше путешествие приобретает пикантный оттенок авантюры. – Аридил усмехнулся. – Если бы у меня имелся

талант к сочинительству, как у моей сестры, Иан удостоился бы поэмы. Или, может, посвятить ему хроники?

Инквизитор вздохнул, во всей его фигуре чувствовалась безмерная усталость. Он опустился на землю и закрыл глаза ладонями.

– Можно взглянуть? – Аридил указал жестом на амулет, до сих пор болтавшийся на моей груди.

Я осторожно снял его за цепочку – не хватало еще отрезать себе палец, когда уже все позади, – и передал его эльфу. Он аккуратно принял медальон и покачал перед глазами, как маятник.

– Ты знаешь, что это?

– Решение всех проблем, – сказал я, мне не хотелось серьезных разговоров, во всяком случае не сегодня. – Ну, в большинстве своем.

– Да, в большинстве, – повторил Аридил. – Но что это такое, ты не знаешь.

Он не спрашивал, он утверждал, и я решил, зачем отвечать, если и так понятно. Остальные помалкивали. Оррик так и сидел, не реагируя ни на что. По-другому я представлял рождение моей команды.

– Очень давно, так давно, что даже у нас, эльфов, память об этих веках сохранилась лишь в песнях, по заказу вашей церкви гномы выковали символы, которые бы могли показать людям мощь и нерушимость вашей веры. Три круга, переплетенные вместе, – символ церкви. Три круга с мечами

– знак тех, кто может с мечом постоять за веру и спокойствие людей. Они вложили в этот металл все знания, что у них были. То, что я держу в руках, старше, чем мой многомудрый дядя, и старше даже, чем его дед. Эти знаки невозможно уничтожить – ни магия, ни пламя не смогут оставить на этой поверхности никакого следа. Знак нельзя потерять, при гибели их владельца он возвращается туда, где обречен получить другого.

Аридил тоже не походил на себя самого. Каждый сейчас был кем-то другим.

Я посмотрел на амулет в его руках. Не верилось, что этой вещице такая тьма веков. Подумалось, что в Китае их можно было бы лепить миллионами, никто и не заметит подделку. Всем курьерам раздают подобные штуковины?

– Что такого в том, что я показал его отцу Полю? И почему тому священнику можно было его предъявить, а этому – нет?

Но ответил мне не эльф, а Оррик:

– Знак «Голоса» может получить только инквизитор!

Я смутно начинал понимать, к чему он клонит.

– Многоуважаемый Оррик лишь хочет сказать, что никогда за всю свою историю этот знак не вручался тому, кто не имеет к инквизиции никакого отношения. Знак легко спутать с курьерской монетой – пропуском, который выдается человеку для прохода через порталы. Они очень похожи внешне, только мечи не острые, а значит, не нужна и цепочка, – Аридил продолжал задумчиво крутить в руках мой аму-

лет. – Как выглядят монеты, знают практически все, в чем их отличие от «Голоса» – единицы. Он для избранных. Амулет наделяет человека правами того, кто его вручил. Их используют только в критических ситуациях и только среди узкого круга людей. Как сказал Оррик, если бы ты продемонстрировал его деревенскому священнику, он не почувствовал бы разницу и не смог бы об этом никому рассказать.

К вечеру погода испортилась, и это пока единственная хорошая для меня новость. Аридил, сохранявший спокойствие на протяжении всего дня, разложил по полочкам наши дела, и мне впервые захотелось сказать слово «мама» в том контексте, в котором жалуется на судьбу.

Эльф не знал, какое наказание уготовано человеку, присвоившему себе «Голос», но то, что оно будет, нисколько не сомневался. Отец Поль теперь в лепешку расшибется, но выяснит, откуда взялся «ублюдок», который при всех заставил его отказаться от своих слов. Положение обязывало его знать различия между обычным курьерским символом и знаком, которым отмечают особенно приближенных людей. Покажи я ему обычный курьерский медальон, нас вряд ли что-то спасло от костра, но с «Голосом» он вынужден был считаться. И дело было бы в шляпе, если бы у меня был хотя бы низший ранг посвящения. А тут попахивало статусом «самозванца» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вернуть знак Оррику? Тоже не вариант – согласно уложениям,

епископ Тук имел право выдать только один «Голос», а так как он его уже «выдал», Оррик автоматически его бы лишился.

– Если узнают, что амулет тебе достался от Оррика, его накажут с тобой заодно, – обрадовал меня Аридил. – Ему ни под каким видом нельзя передавать «Голос» другому. Трудно представить более тяжкое преступление.

– Но ты сказал, что его дал мне Тук!

– Конечно, сказал. У меня не было выбора, – эльф пожал плечами, возвращая мне амулет. – Зная тебя, я предположил, что ты можешь ляпнуть что-нибудь такое и окажешься на костре уже к вечеру. И потащишь нас заодно.

Значит, Валену я спас от смерти... тоже не до конца, а лишь до тех пор, пока не выяснится, что мое право владеть «Голосом» – фикция. Я похолодел – вот тебе и решение всех проблем.

– Легкой смертью тут не отделаешься, – сказал Аридил. – Ни тебе, ни ей, ни Оррику не позавидуешь.

Нечего сказать, успокоил. К счастью, Аридил дождался, когда мы останемся с ним вдвоём, и не стал вываливать на меня новости в присутствии волшебницы. Девушка забылась мертвым сном в палатке, место в которой, по молчаливому согласию, отдали ей. Эльфу не спалось, он в сегодняшнем мероприятии принял не такое уж активное участие, основные лавры достались нам. Ну как лавры – все уже знают, что из этого получилось.

Кстати, инквизитора тоже не было. Он резко поднялся и ушёл куда-то в лес, и Аридил не разрешил мне его останавливать. Может, это и правильно, я все равно не знал, чем его успокоить. У меня и на себя-то слов не хватало. Ещё десять часов назад я был уверен, что, появившись здесь мои спутники, все проблемы враз разрешатся сами собой, а сейчас с трудом мог думать о чем-то, кроме того, что натворил.

– Иди спать, Иан, – сказал Аридил. – Завтра тебе понадобятся все силы, какие у тебя есть.

С этим было сложно не согласиться, но я не сомневался, что не смогу уснуть, зная, что нас ждёт.

– Получается, я теперь вроде как старше по званию, чем отец Поль? – задал я мучивший меня вопрос.

Аридил не подал виду, что удивлён, но его выдало облако над головой.

– Да, формально у тебя полномочия епископа.

Гульнуть напоследок, что ли?

– Пошли-ка, прогуляемся, – сказал я. – Когда ещё за рулем «Бугатти» посижу.

Глава 14

Я повесил свой «пропуск» на грудь так, чтобы сразу было видно, что я собираюсь им непременно воспользоваться. Терять-то уже все равно нечего. Поднявшись, отряхнул штаны, и захромал в сторону лагеря главного инквизитора Поля. Почему-то мне казалось, что сегодня мои башмаки лишь усиливают хромоту, но так даже лучше. Что может быть страшнее карлика-горбуна? Только хромой карлик-горбун.

Аридил плавным движением перетек из положения «сидя» в походное и привычно закинул свою косу за спину. За ним, как воздушный шарик, болталось бесформенное нечто, излучающее неподдельное любопытство. Похоже, здорово его во дворце припекло за пятьсот-то лет. Никаких тебе развлечений, кроме интриг, а тут столько всего, что поэму ему подавай. Или даже хроники...

– Можно я познакомлю тебя со своей сестрой? – вкрадчиво спросил он. Ну точно, я как в воду глядел.

– Выберемся – знакомь, с кем хочешь, – буркнул я. – А пока давай навестим соседей.

«Соседи» нас точно не ждали. В этот раз, даже несмотря на присутствие эльфа, встретили меня не с уважением, а я бы даже сказал, с угрозой. Она витала в воздухе в прямом смысле этого слова, и я ее видел. Аридил был лишён моего дара, но и он чувствовал, настолько нам «рады». Вон как по-

добрался, словно гепард перед броском.

На этой стороне поляны раскинулся всего один шатер, рядом горели костры. Возле них расположились мрачные фигуры с оружием. Нас с Аридилом окликнули, как только я переступил невидимую черту.

– Тебя, уродец, не звали! Проваливай!

Ого! Да это же мой старый знакомый!

– Старина Грид! – воскликнул я, изобразив радостную ухмылку, и тут же на моих глазах его аура поменяла цвет. Злобный скандалист не понимал, что происходит, а все непонятное, как известно, пугает. – Не будешь ли ты так любезен проводить нас к своему высокому начальнику.

Такого он точно не ожидал. Напрягся.

– Отец Поль не принимает, – неуверенно сказал он.

– Кто тебе сказал эту чушь?

Кто-то из великих, помню, выдал нечто вроде: «Наглостью можно брать города!» А тут какой-то вшивый шатер. Естественно, нас остановить не посмели. На входе в кое-как поставленную палатку стоял на страже еще один воин, но и он не посмел преградить нам путь. Его взгляд опасно следил за траекторией движения глефы, поглаживающей спину моего спутника. На меня воин обращал не слишком много внимания, но какая разница, как добиваться желаемого? Нас пустили, все остальное – не мое дело.

– Отец Поль, тут к вам... – начал было воин, но, не дожидаясь своего представления, я откинул полу палатки и шаг-

нул внутрь, Аридил нырнул следом. Да, это он правильно – мне не помешает за спиной поддержка кого-нибудь, кто одного роста с господином главным инквизитором Архана.

Шатер оказался не слишком просторным, и я столкнулся с главным инквизитором, что называется, нос к носу. Если быть точным, до его носа я, конечно, не дотянул бы. В лучшем случае передо мной бы красовался его пупок, но мне повезло, статуя колонноподобного инквизитора была сложена пополам – отец Поль имел удовольствие трапезничать, а потому сидел на коленях с деревянной миской в руках, так что я оказался даже повыше его. На самую малость, но все же достаточно, чтобы щелкнуть по носу.

Тут он увидел меня и Аридила, вошедшего следом.

– Сидите-сидите, – махнул я рукой, – не вставайте.

Отец Поль побагровел и поперхнулся.

– Приятного аппетита, – сказал я, вспомнив про правила вежливости, чем вызвал новый приступ кашля.

Только я один услышал смешок над правым плечом?

– Отец Поль, я знаю, что я вам не нравлюсь, – сказал я. – Впрочем, сомневаюсь, что вам вообще хоть кто-то нравится. Но вы профессионал, раз дослужились до своего звания. Значит, умеете работать с тем контингентом, что имеется на данный момент.

Инквизитор отложил в сторону посуду и пристально меня разглядывал. На этот раз его внимание целиком и полностью сосредоточилось на мне. Я терпеливо ждал, краем глаза от-

мечая изменения в ауре.

– Что такое «професионал»? – наконец промолвил он.

А я-то и не заметил, что начал мешать языки. В дороге привык к тому, что Оррик с Аридиллом перестали обращать внимание на мои странности. Надо контролировать себя лучше.

– Мастер своего дела, – пояснил я.

– Ну вот что, недомерок, – отец Поль бросил ложку в недоодевшую похлебку и поднялся. – Ты сейчас...

– Уже лучше, но все равно не пойдёт! – перебил я его.

– Чего?!

– Еще утром я был «ублюдком», сейчас уже «недомерок», – сказал я. – Хорошо, что заметен прогресс, но все равно не подойдёт для сотрудничества. Партнёры должны уважать друг друга.

– Партнёры?! – взвился до небес голос старшего инквизитора. Я подумал, что если его сейчас хватит удар, многие мои вопросы решатся сами собой.

– В противном случае я буду вынужден сместить вас за неподчинение старшему по званию, согласно особому уложению действий в условиях проведения специальной операции. – Я старался использовать только те слова, которые знал. – Статья четырнадцать, параграф четыре.

Такие люди особенно боятся всяких таких подробностей. Они перед ними благоговеют, теряют боевой настрой и уверенность в себе.

– Сместить меня?! – отец Поль, видимо, сконцентрировался на моих словах о том, что я собираюсь отлучить его от командования, и не расслышал «железобетонные» доводы с цифрами параграфов, которые я выдумал минуту назад.

Ситуация накалилась. Я почувствовал, что ещё секунда, инквизитор схватит свой меч, и мне действительно придётся воспользоваться этими самыми уложениями. Позволить себя убить – ещё большая глупость, чем снести буйную голову этому мастодонту. Я вынужден был признать, что неправильно его просчитал. Отступить перед Орриком – одно, дать мне забрать волшебницу – другое, а подчиниться горбуну-малолетке – третье. На последнее отец Поль при всем моём желании пойти не мог.

Срочно идем другим путем. Однажды это сработало!

– Зачем этот бандит был нужен живым?! – заорал я в лицо главному инквизитору.

Отец Поль оказался не готов к столь кардинальной смене темы нашей беседы и некоторое время хлопал глазами.

– Мне надо было его допросить, – наконец буркнул он. – Теперь по вине этого не... Оррика, этой гончей епископа Тука, мы лишились единственной возможности узнать хоть что-то.

Я задумался. Так вот в чем дело. Главный инквизитор не только потерял людей из-за какого-то пацана, но и лишился своего информатора. Естественно, он зол как собака. Зайдём-ка с другой стороны.

– Отец Поль, позвольте спросить, почему раненые остались без ухода?

Инквизитор долго и сердито сопел, но потом все же признался:

– Моего мага убили, когда люди Гюго встретили вас. Мне просто некому их лечить.

Он снова сел.

– Отец Поль, давайте не будем друг на друга бросаться, а попробуем использовать сильные стороны друг друга, – сказал я. – Мы делаем одну работу, только с разных сторон. Мне велено разобраться, что, демон побери, происходит, а не размахивать везде полномочиями. Чтобы продемонстрировать свои намерения, я попрошу своего мага заняться вашими людьми.

– У тебя есть маг?! – вскинулся инквизитор. Какой бы он ни был самодур, за своих людей он был готов поступиться многим.

– Пока есть, – сказал я.

– А... – он посмотрел на меня. – Та колдунья!

– Волшебница, – поправил я его. – Да, она.

Он выпустил воздух сквозь зубы, видимо, принимая нелегкое решение.

– Она всего лишь ученица.

Надо же, он и это знает. Значит, я прав, и староста ее сдал. С потрохами, как я и думал.

– Но одна из лучших.

Отец Поль еще помолчал.

– Я все равно подам жалобу.

– Это ваше право, но я попрошу в ней указать и добровольную помощь инквизиции. Мы же боремся за истину, не так ли?

Он скрипнул зубами.

– Хорошо.

– Об этом договорились, – сказал я. – Теперь давайте по делу. Что такого знал этот бандит, что он был нужен живым?

После решения вопроса с его людьми отец Поль перестал демонстрировать свою непреклонность и довольно быстро посвятил меня в подробности происходящего. Как я и полагал, поймавшая нас с Валеной банда оказалась вовсе не обыкновенной шайкой. Они были из тех, за кем безуспешно гонялась вся церковь. Во время наших поисков, которые организовал Оррик, когда обнаружилась моя пропажа, случайно поймали одного из участников банды. Он-то и рассказал инквизиторам о соглядатае в городе. Мол, сведения о передвижении людей главарь получает оттуда.

По словам пленника, в лицо лазутчика знал лишь атаман. Без него отыскать вражину не легче, чем найти иголку в стоге сена. Оррик же с моей подачи уничтожил все ниточки, ведущие к негодяю, и это обстоятельство главного инквизитора расстраивало до невозможности. Работать и знать, что ты под ударом, не лучшим образом сказывается на делах. Я его понимал. Над этим нужно как следует подумать. Опыт

человека из будущего может пригодиться.

Оставив инквизитора дожевывать остывший ужин, мы удалились. Провожали нас настороженно, но уже почти без злобы. Видимо, сработало то, что отец Поль на прощание хлопнул мне по плечу рукой. И вроде бы жест-то дружеский, но сил у него оказалось немерено, так что я вспомнил балладу о богатыре, который вот такими вот похлопываниями загонял и друзей, и врагов в землю по пояс.

– Буди Валену, – сказал я. – Сейчас не до сна.

– У волшебницы может не хватить сил и знаний, – предупредил Аридил.

– Лучше пусть не хватает знаний, чем головы, – сказал я. Чего я не стал говорить, так это того, что нам всем придётся несладко, если у нее не получится.

– Лечить инквизиторов?! – Мысль о том, что придётся тратить силы на тех, кто пытался затащить ее на костер по крайней мере дважды за последнюю неделю, у девушки воодушевления не вызвала. – Да ни за что!

Я мысленно закрыл ладонью глаза. Ну почему мне постоянно нужно кого-то в чем-то убеждать? Про какой параграф сказать этой разъяренной кошке? Ее ведь тоже не заставишь делать что-либо не по своей воле. Что у меня за жизнь такая!

– Они такие же люди, как мы.

– Мы вообще для них не люди! И ты меня обманул!

– Они защищают нас от разбойников. И я тебя не обма-

нывал, они действительно гонялись за мной и пытали.

Валена на секунду запнулась, но сдаваться не собиралась.

– Где они были, когда меня тащили на костер?! Ах, да! Это же они и тащили меня туда!

Мою историю вкратце мне уже поведали. Аридил сказал, что я провалялся в беспамятстве целых два дня. Чтобы не сидеть на месте без дела, отец Поль предложил проверить несколько мест – дело максимум часов на двенадцать. За мной оставили необходимый пригляд: двоих воинов с напутствием «ни одной минуты не оставлять без присмотра». Как водится, когда ничего не происходит, трудно удержаться в рамках приказа. В итоге один прикорнул, а второй убежал до ближайших кустов. Ни один, ни другой не видели, как я улизнул из амбара, и до последнего они почивали на знании, что я дрыхну внутри. Тем более у них не было приказа следить за всей деревней – ушли все и ушли, скатертью дорога. Что из этого вышло, уже известно.

– Мне кажется, когда ты давала клятву лекаря, она касалась всех людей, – сделал я ход «конем», ну должна же быть у них тут какая-нибудь клятва.

Как оказалось, такая имелась. Упоминание о ней пробили брешь в броне волшебницы, но мне потребовался еще целый час, чтобы уговорить ее хотя бы посмотреть на раненых. Так что обратно в лагерь главного инквизитора мы отправились уже втроем. Оррик как сквозь землю провалился. Честно говоря, на такую реакцию всегда уравновешенного воина

я совсем не рассчитывал. Нужно было заняться еще и им, но время опять побежало чересчур быстро.

Стоило Валене принять решение, как ее поведение разительно поменялось. Стремительные, выверенные движения, упрямо сжатые губы, блеск в глазах – все это словно добавило ей несколько лет, превратив в уверенную, сильную женщину. Она пулей пролетела мимо патруля, даже не заметив требования остановиться, и направилась к костру с ранеными, где я насчитал пятнадцать человек. Часть из них сгорбленные сидели вокруг костра, остальные лежали на земле.

– Двоим лекарь уже не нужен, – сказал отец Поль, которого позвали, как только мы подошли.

Пламя костров зловеще отблескивало в его глазах. Казалось, он готовит их по наши души.

– Почему так много раненых? – спросил я. – Вас было больше в пять раз.

– Мои люди не воины, «Голос». Им не приходилось сражаться против наемников, – главный инквизитор вздохнул. – Что там говорить, им вообще не приходилось биться до смерти, а синяки в учебных боях не заменят науки зубами цепляться за жизнь. Но других-то у меня нет, а приказы не обсуждаются, – он пожал плечами. – Да и то, кто хочет жить, то быстро поймет, что к чему.

Да, тащить на костер учениц волшебного училища гораздо проще. Тут же пришлось всюю помахать мечом. Теперь понятно, что о ранах в бою они имеют самое общее пред-

ставление. Знает ли Валена, как обращаться с такими повреждениями?

– Я со всеми не справлюсь, – непреклонно заявила она, бегло просмотрев раненых. – И не справилась бы, даже будь при мне все силы, а не так, как сейчас.

Люди покорно лежали и сидели на земле, ожидая своей участи. Об отсутствии лекаря они, похоже, были осведомлены не хуже их предводителя. Поэтому в глазах солдат не было радости, едва они завидели нас. Ничего хорошего от нашего появления не ждали.

– Каких сколько? – спросил я.

– Не поняла, – сказала Валена. – Что значит «каких сколько»?

– Сколько тяжелых? Сколько получили легкие ранения и могут подождать с помощью волшебника? – пояснил я.

В глазах Валены мелькнуло понимание. На сей раз ее осмотр занял гораздо больше времени. Кому-то потребовалось грозное слово главного инквизитора, чтобы девушке позволили делать ее работу. Двоим без сознания оказалась нужна помощь здоровых бойцов, чтобы правильно завершить оценку их ран. На Валену поначалу смотрели враждебно, но стоило распространиться слуху, что она – целительница, люди стали поглядывать на нее с уважением и тайной надеждой. Кроме нее, надеяться им было не на кого.

– За этих двоих в другой ситуации даже не решилась бы взяться, – наконец сказала она. – Еще четверо с глубокими

ранами. Остальные потерпят до деревни.

– Скольким ты сможешь помочь? – спросил я.

Девушка задумчиво смотрела на тех, кому, возможно, спасет сегодня жизнь. Мне стало очевидно, что и шесть для нее – непомерная нагрузка. Не стоило забывать, что она – ученица, а не готовый целитель. Да и сил после всего того, что нам пришлось пережить, у нее кот наплакал. Кому же предстоит делать нелегкий выбор? Я посмотрел на отца Поля, и мне стало не по себе. Он тоже понимал, что хочет сказать ему волшебница, но аура говорила мне, что надеялся он на большее.

– Я попробую помочь всем, – сказала Валена ровным голосом. – Но не знаю, на ком кончатся силы.

Неожиданно в разговор вмешался Аридил.

– Иан, если она перенапряжется, выжжет свой дар. Для мага это равносильно смерти. Ей нельзя опускаться ниже порога, а ученики получают представление о своих пределах только к последнему курсу.

– Пусть лечит! – повысил голос отец Поль, понимая, что сейчас, возможно, останется без помощи. – Я приказываю!

– Я сама знаю, что мне делать! – Валену в роли целительницы не так-то просто было напугать.

Ситуация опять повисла на грани. Нужно было что-то решать.

– Молчать! – завопил я что было сил. Мне, наверно, позавидовал бы даже епископ, если бы услышал мой вопль. Та-

кой писклявый и тонкий, что мне и самому стало тошно.

Лагерь замер. Даже отец Поль, секунду назад гневно потрясавший своими пудовыми кулаками, удивленно посмотрел на меня. Перед моими глазами промелькнул испуганный взор Валены. Аридил, нервно щупавший рукоять глефы за спиной, замер с раскрытой ладонью. Оррика по-прежнему нигде не было видно.

– Подождите, отец Поль, – остановил я инквизитора. – Валена, что делает лекарь в идеальной ситуации, если его сил не хватает?

– Зовет другого, – сказала Валена, не глядя на меня.

– А если другого нет?

– Если у мага есть деньги, он носит с собой амулет.

– А если и амулета нет? Из другого источника маг может черпать силы?

Валена посмотрела на меня испуганно.

– Нет, наверное, нет, – ответила она не слишком уверенно, из чего я заключил, что выход все-таки имеется, но она об этом говорить не хочет или боится.

– Из другого источника маг может брать силу? – повторил я. – У человека, например?

На меня посмотрели сразу все. Кто-то с изумлением, кто-то с угрозой.

– Нельзя! Это строгойше запрещено! – испуганно вскрикнула Валена.

Ну вот я и наткнулся на церковный запрет. И вот вопрос:

что мне с ним делать? Отступить или переть на рожон? С одной стороны, мне уже, в общем-то, все равно, сколько заповедей я нарушу, с другой – раньше времени на костер не хотелось. Опять нужно заговаривать кому-то язык.

– В чем проблема? Кто-нибудь объяснит мне?

– Брать силу у человека запрещено! – повторила Валена и бросила быстрый взгляд на главного инквизитора. – Это магия смерти!

– Вообще нельзя? Или в критической ситуации, когда помощь требуется самой церкви или ее людям, все-таки можно сделать исключение?

– Я... я не знаю, – сказала она, на главного инквизитора при этом Валена старалась не смотреть. Ага, похоже, она все еще считает старшим по званию его.

– Но если бы этого потребовала сама церковь? Вы бы сделали?

– Вы еретики! – выдохнул отец Поль. – Церковь никогда... Вот и мой новый старый оппонент.

– Спокойно! Я пытаюсь решить проблему. Вашу проблему!

– Ты погубишь моих людей!

– Мы погубим их, если ничего не сделаем!

– Лучше умереть, чем после смерти испытать вечные муки!

Ну, вот мы и подошли к рубикону. Если с его личными размышлениями я еще мог поспорить, то вбитое с детства

предубеждение вряд ли будет так просто устранить. Что же мне делать? Позволить умереть этим людям? Или воспользоваться имеющимися полномочиями?

– Аридил, пожалуйста, заткни его, – попросил я. – Эй, народ, слушай сюда!

Глава 15

На ненавистной поляне мы проторчали ещё целые сутки. Все это время Валена работала как проклятая, вытаскивая людей с того света. Мне же удалось сделать всего два дела: во-первых, уже совершенно точно заполучить в своё распоряжение врага – а кем ещё может стать человек, которому к горлу подставляют меч; во-вторых, основательно разочароваться в людях, ибо призыв помочь своим соратникам ни к чему не привел. Люди, до того воинственно потрясавшие оружием при виде своего взятого в заложники предводителя, вдруг разбежались по углам, как побитые собаки.

Я смотрел им в спины, в бессильной ярости терзая ремень на поясе. В чувство меня привел вкрадчивый голос эльфа:

– Иан, у меня устала рука.

Я бросил взгляд на вытянувшегося в струнку главного инквизитора, из подбородка которого потянулась тоненькая алая ниточка. Ему в кадык упиралось одно из лезвий глефы. При этом глаза отца Поля метали молнии.

– Пусть идёт, – я отвел руку эльфа. – Хороша же у вас взаимовыручка, инквизитор. Люди готовы умереть друг за друга.

Я отвернулся, а гневное сопение за спиной вскоре удалилось.

– Умеешь ты наживать неприятности, – сказал кто-то го-

лосом Оррика. – Он теперь в лепёшку расшибется, чтобы достать тебя.

– Плевать, – бросил я. – Всего лишь одним больше. Сколько их ещё будет.

Как оказалось, переливать силу Валена все-таки умела. Под руководством эльфа, который читал кое-что из трактатов прошлого о целительстве и не только, она смогла помочь четверым тяжелым, так что они перестали бредить и заснули тяжелым сном. Своих запасов у девушки не осталось, поэтому без участия Аридила и Оррика все ее усилия не принесли бы никакой пользы. Оба моих спутника безропотно согласились стать ее аккумуляторами, но надолго их не хватило.

– Я очень плохо умею преобразовывать энергию, – призналась девушка после того, как с работой было покончено, а ее лицо оказалось похоже на посмертную восковую маску. – Почти все теряется.

Я взглянул на Оррика, тот едва мог стоять.

– Как будто весь день бегал с бревном на шее, – пожаловался он.

Стоило же мне заикнуться о том, чтобы тоже стать донором, Валена так на меня посмотрела, что враз отбила все желание возражать.

– У тебя не так много сил, чтобы ими делиться, – пояснил в более вежливой форме эльф, дрожащей рукой стирая испарину со лба.

Его запасов хватило на троих человек, тогда как могучий

Оррик едва вытянул одного. К тому времени, как Валена закончила с этими людьми, двое безнадежных затихли, так и не приходя в сознание.

– Мы могли бы спасти и их, – прошептал я, но Аридил услышал.

– У всего есть своя цена. Умение ее заплатить – дар, которым боги наделяют лишь некоторых своих слуг.

– Меня бесит не цена, а человеческая тупость.

– Не уподобляйся им, ты спас всех, кого мог.

– Ещё не всех, – возразил я.

Во мне бурлила злая энергия. Наверное, следовало позволить Валене забрать ее, а так она требовала немедленного выхода. И я знал, как ее употребить.

Ночью в лагере так никто и не сомкнул глаз. Одни кипятили в котелках повязки для раненых, другие – протирали бренди даже небольшие царапины на телах раненых. Я изъясил весь запас спиртного для медицинских целей и теперь превратил поляну в настоящий госпиталь. Главный инквизитор Архана в это время сидел у костра и помалкивал, бросая гневные взгляды на моих спутников, которые расположились напротив него и с жадностью поглощали содержимое походного котелка.

Я потом часто задавал себе вопрос: почему все эти люди подчинялись мне, хотя о моих полномочиях фактически знал только отец Поль, но так и не придумал ответ. Может быть, они чувствовали, что прав я, а не он? Может, им было

стыдно? Не знаю. Из меня никудышный врач, но познания этих людей оказались гораздо меньше моего. За ранеными никто не ухаживал, раны не промывали, перевязки делались из рук вон плохо и чем придётся. Ладно, пусть они не воины, но даже Оррик и Аридил смотрели на меня, как на сумасшедшего. Чересчур велика вера в магию? Но если мага нет или он выдохся, помирать?

Из-за четырёх тяжело раненных я уговорил отца Поля сделать крюк и заглянуть в деревню. До города они бы точно не дотянули, он и сам это понимал, но до последнего не хотел со мной соглашаться. Мнение Валены он вообще ни во что не ставил, а на Оррика и Аридила старался не обращать внимания.

От командования я его отстранять не стал, хотя Оррик и настаивал на том, что от этого будет только хуже. Но в конце концов это отряд старшего инквизитора, и пусть я делаю глупость, поступил по-своему. Оррик только махнул рукой, мол, делай, как знаешь. Он все эти дни был сам не свой, ходил, как тень себя прежнего.

Для раненых соорудили носилки, те, кто мог идти сам, отправились на своих двоих. Благодарности за спасение жизней я не ждал, но в душе все же надеялся, что произошедшее повлияет на отношение ко мне. Как выяснилось, я не ошибся и тут, только по наивности перепутал знак. Теперь к презрению добавился страх. Меня стали избегать, обходить

стороной. Уверен, если бы мне понадобилась помощь, я не дождался бы от людей даже сочувственного взгляда.

Где-то на полпути, через сутки, мы вышли на лошадей, оставленных отрядом отца Поля, когда преследование верховом стало опасным. Нас встретили два человека, и следующие полдня мы готовились к продолжению путешествия. Отряд разделялся. Часть продолжала свой путь к деревне, чтобы доставить раненых, остальные спешно выдвигались в Архан. Думаю, от нас ещё не попытались избавиться лишь потому, что отец Поль хотел использовать любую возможность, чтобы отыскать пособников банды, которую уничтожили его люди. Дивиденды от подобного деяния гораздо выше, чем удовольствие от расправы с наглым карликом.

– Дайте мне поговорить с пленником. – Я подошёл к костру, за которым сидел отец Поль и трое его ближайших помощников, среди которых я увидел и задиру Грида. Меня одарили мрачными взглядами. – Надеюсь, вы не прикончили его, когда пытались выбить из него информацию?

Меня окинули презрительным взглядом.

– Зачем? – наконец проговорил отец Поль, видимо, поняв, что так просто я не отстану.

– Я хочу с ними поговорить. Возможно, ваши люди что-то упустили.

Отец Поль наградил меня презрительным взглядом.

– Он сказал все, что знает.

– Возможно, но я хочу в этом убедиться.

– Мы умеем развязывать языки, – ухмыльнулся Грид.

– Не сомневаюсь.

Видя, что отступить я не собираюсь, отец Поль сдался.

– Грид, отведи его.

– Но...

– Мне что, самому это сделать?! – рявкнул главный инквизитор.

Воина аж подбросило. Он вскочил и, как кошка, приземлился на четвереньки, а затем, чтобы не упасть, ему пришлось быстро-быстро перебирать ногами. Впрочем, никто так и не засмеялся.

Мы с Орриком проследовали за ним. Надо сказать, я в своих мыслях окончательно запутался, как его называть. «Бывший инквизитор» вроде как оказался действующим, но непонятно, что будет с его статусом после того поражения. С тех пор, как он «вернулся», его поведение снова изменилось. Теперь он почти не разговаривал, а на его лице поселилось вечно угрюмое выражение. Свирепый взгляд, вырывающийся из-под сдвинутых бровей, напрочь отшибал любопытство. Оррик неизменно маячил за моим правым плечом, стоило мне куда-то направиться. Поначалу это, конечно, нервировало, но я старался не дёргать инквизитора вопросами. Захочет – сам расскажет.

Увидев пленника, я пришёл к выводу, что атаман хоть и был сволочью, но сволочью гуманной, во всяком случае по отношению к нам с Валеной.

– Он вообще жив? – поинтересовался я у нашего провожатого.

– Да что ему будет? – буркнул Грид.

Действительно, теперь уж точно ему ничего не будет. Если этот кусок мяса ещё в состоянии разговаривать, значит, мне повезло. Жалости к пленному я не испытывал, помня слова атамана о моем будущем, но к подобному зрелищу пока не привык.

Грид пнул кучу тряпья, к которой мы подошли.

– Просыпайся, тварь, с тобой тут поговорить хотят.

Тряпки слабо заворочались, внутри раздался приглушенный стон. Где-то посередине распахнулся один глаз, а второго я так и не нашел.

– Как его зовут?

– Ливон, – сказал Грид. – Гнида!

Он ещё раз пнул пленника, вызвав сдавленный вскрик.

– Ливон, ты меня понимаешь? – сказал я.

В ответ послышалось бульканье. Мне едва удалось остановить ещё один удар инквизитора.

– Довольно уже! Он и так едва жив!

Грид недовольно что-то пробормотал, но отошёл.

– Ливон, если ты честно ответишь на мои вопросы, тебе подарят быструю смерть.

В ответ с трудом приоткрылся второй глаз и прозвучало недоверчивое гудение. За моей спиной раздался возмущённый крик, впрочем, очень быстро оборвавшийся звуком уда-

ра.

– Это обещаю тебе я, Иан. Ну, мы договорились?

Пленник молчал.

– Если сюда придёт главный инквизитор, я уже не смогу сдержать слово. Я думаю, ты знаешь, что тебя ждёт.

Пленник пошевелился, мне показалось, что он попытался кивнуть.

– Отвечай просто «да» или «нет». И помни, я пойму, если ты врёшь.

Я оглянулся и без удивления разглядел лежавшего без сознания Грида. Оррик невозмутимо смотрел на меня.

– Проследи, чтобы он не увидел лишнего.

Инквизитор кивнул и придавил на несколько секунд шею лежавшего воина.

– Ну вот, теперь нам никто не помешает, – сказал я. – Итак, Ливон, ответь, ты был сообщником атамана?

Как мне не хотелось дотрагиваться до избитого человека, но другого способа выяснить, говорит ли он правду, я не знал. На расстоянии моя способность не работала. Я коснулся пальцем его руки, там, где кожа была целая.

– Нет. – Правда.

– Ты состоял в его банде?

– Нет.

– Ты передавал ему сведения?

– Да.

– За деньги?

– Да.

– Ты получал их от человека атамана в городе?

– Да.

– Ты знал его?

– Нет. – Ложь.

Я покачал головой.

– Я же просил говорить мне правду! Ещё один раз, и наше соглашение расторгнуто.

Пленник заморгал глазами. Может, я неверно задал вопрос?

– Ты знал его лично?

– Нет. – Правда.

– Ты знаешь, кто это?

– Нет.

– Знаешь, где его найти?

– Да.

– Это торговец?

– Нет.

– Вор?

– Нет.

– Хозяин гостиницы?

– Нет.

Варианты у меня кончились. Кто ещё мог поставлять сведения атаману? Хотя...

Мы вернулись к костру, где нашего появления ждал глав-

ный инквизитор. Он старался не показывать чувства, но его грызли сомнения. И ещё он боялся. Интересно чего?

– Отец Поль, на пару слов.

– Где Грид?

– Он остался с пленником.

Главный инквизитор взглядом разогнал всех сидящих, и мы уселись на их места. Он долго вглядывался в наши лица и наконец не выдержал.

– Вы что-то узнали?

Ого! Уже «вы»? Или это он нас всех имеет в виду?

– У меня для вас есть две новости. Одна так себе, другая вроде бы ничего, но вам не придется по душе обе.

Отец Поль насупился.

– Начну с неприятной: только я один могу вам помочь.

– Угадал, мне она не по вкусу, – сказал главный инквизитор. – Какая же тогда хорошая?

– Я знаю, где искать предателя. Он находится среди ваших людей.

Глава 16

Путь до Архана мы проделали в рекордно короткие сроки. По моим оценкам, двести пятьдесят километров уложились в четыре дня. По десять часов в седле – такой темп даже бывалым воинам оказался едва по силам. Отец Поль не давал роздыху ни днем, ни ночью, как будто его кто ужалил и за нами по пятам гнались легионы демонов. Впрочем, я-то знал это наверняка и, в принципе, одобрял такую спешку, хотя, одни боги ведают, как она меня вымотала. Оррик и Аридил попеременно ехали рядом и придерживали мое тело, когда я пытался терять сознание; поначалу меня даже пересадили в седло к другому всаднику, но так получалось еще хуже. Я проклинал свою слабость. Каждый раз, когда я заваливался, отряд останавливался, и у подчиненных главного инквизитора появлялся лишний повод чихвостить меня и в хвост и в гриву, потому что их предводитель отыгрывался на своих – мало кому понравится, когда ты и обуза, и ключ к решению проблемы одновременно. В конце концов я приказал привязать меня к лошади, чтобы избежать особенно сильных эксцессов. Однако мой организм словно чувствовал, что сейчас не время проявлять норов, и небольшого отдыха, как правило, было достаточно, чтобы продолжить путь. Мне даже к услугам Валены не пришлось прибегать, хотя она и предлагала свою помощь, а Оррик и Аридил не возражали поде-

литься силами.

В город мы попали за час до заката. Стража попыталась перед самым носом захлопнуть ворота – а как еще развлекаться этим парням? Вид раздосадованных путников лучше любого вина поднимает настроение, если только этим путником не является сам главный инквизитор города, но поди разгляди его в сумерках! Пожалуй, еще долго брызжущее слюной, раскрасневшееся от гнева широкое лицо отца Поля будет преследовать бедняг в темноте. Досталось им с лихвой. Но сейчас я даже не был в обиде на своего невольного оппонента – мелких божков время от времени следует ставить на место.

Прогрохотав подковами по выложенной камнями широкой улице и переполошив жителей окрестных домов, мы свернули направо и, поплутав по проулкам, оказались перед одноэтажным зданием из камня. В темноте оно подавляло своими размерами. Рядом возвышалась башня, похожая на своих сестер из Рогона, но эта – явно шире и выше. Оба строения соединялись перемычкой, выглядевшей в сумерках чертой перманентного маркера на темном фоне.

– Никакого отдыха! – прогремел голос отца Поля, и он, как огромный ворон, слетел со своего коня, бросив поводья Гриду. – Не разбредаться, сукины дети! Не досчитаются завтра кого-нибудь на перекличке, сгною!

Ответом ему было угрюмое молчание, все уже знали, что им сегодня не видать своего очага, а семейное ложе так и

останется пустым и холодным. Отец Поль был сильно не в духе, о причинах такого поведения гадал весь отряд, периодически относя их на наш счет, и тогда то тут, то там слышался глухой ропот. Доброжелательностью в отряде не пахло, воздух, казалось, наэлектризовался недовольством и страхом.

Оррик и Аридил спешили, и я решил, что сейчас не время демонстрировать чудеса акробатики, и дождался, пока меня извлекут из седла. Не слишком грациозно, зато надежно. Оррик успокаивающе махнул рукой, показав, что он займется нашими лошадьми, а мы вдвоем с эльфом последовали за главным инквизитором. Где-то в башне грохнула дверь, указывая направление. В темноте это оказалось нелишним. Когда мы подошли к башне, я бросил взгляд назад: тонкая фигурка Валены держалась рядом со своей лошадью, потерявшей прежнего хозяина после боя. На нас девушка не смотрела. У меня не было сил наблюдать за ней всю дорогу, но в те редкие моменты, когда я был в состоянии замечать происходящее рядом, она была погружена в свои мысли, избегая общения с кем-либо.

Выбросив это из головы, я решительно зашагал в темноту, отчаянно упрашивая организм потерпеть еще самую малость – отдых вот-вот постучится и в наши двери. Сразу за дверью нас встретил старый слуга. Он оглядел нас с головы до ног, задержав взгляд на мне, но промолчал, не выразив никаких эмоций. В темноте мой дар был практически бесполезен, так что его настроение надежно укрылось за мрачными

тениями башенных коридоров, по которым нас с эльфом вел этот щуплый старик. Мои же чувства эмоций, направленных на меня, были привычно отключены.

– Главный инквизитор ждет вас, – проскрипел он перед дверями, обшитыми железом не хуже, чем свадебный корсет одной моей подруги – бисером.

Никто и не подумал распахивать перед нами створки. Если бы не присутствие Аридила, я так и топтался бы перед входом, как лягушка в стеклянной банке. Эльф окинул их безразличным взглядом, поднажал, и половинки дверей поползли в стороны, пугая нас неестественной тишиной. Надо же, я думал, что в замках должна издавать звуки вся утварь, включая и такие вот детали интерьера.

Я замешкался в дверях, все еще прислушиваясь.

– Не люблю скрипы, – отец Поль поднялся из-за стола и вышел нам навстречу, а я с не меньшим удивлением увидел, что он уже успел разоблачиться. Главный инквизитор Архана без кольчуги и кожаного жилета смотрелся Дедом Морозом в отпуске где-нибудь на Гавайях. Мягкая светлая рубашка и широкие брюки из грубого полотна, заправленные в сапоги, превратили его в дедулю с глянцевой обложки журнала. Пляшущий неяркий свет, который давали несколько десятков свечей под потолком, навевал мысли о топоре, припрятанном под столом. Впрочем, отец Поль и без топора был будь здоров.

Кабинет по размерам существенно превышал тот, в кото-

ром квартировал отец Тук. Судя по обстановке, которая, как известно, характеризует хозяина, главный инквизитор Архана роскоши предпочитал аскезу и зашел на этом пути настолько далеко, что становилось не по себе. С фанатиками мне сталкиваться еще не приходилось.

– О чем вы хотели поговорить, отец Поль?

– Как ты собираешься искать предателя?

Мысль о том, что кто-то из его людей является пособником сатаны, не давала главному инквизитору ни минуты покоя. По-моему, он почти не спал всю дорогу. Если бы не мои доводы, дознание началось бы прямо там, на поляне.

– У меня свои методы.

– Хватит заговаривать мне зубы, «Голос»! – называть меня по имени отец Поль решительно отказывался. – Ты наплел мне невесть что про моих людей, а я должен тебе верить?

Я слегка опешил.

– Тогда зачем вся эта возня? Можно было с комфортом добраться до деревни...

– Не делай из меня дурака! Я вижу тебя насквозь!

Происходящее нравилось мне все меньше.

– Стоп! Давайте не будем перекладывать проблемы с больной головы на здоровую, – с нажимом сказал я. – Не нуждается в моих услугах, так и скажите. Что я вам, мальчик, что ли?

Мне почудилось, или Аридил опять фыркнул?

Отец Поль несколько минут пытался испепелить меня

взглядом, но, видя, что на меня его «обаяние» не действует, все-таки отступил. Он вернулся на свое место, откинулся на спинку кресла и, закрыв глаза, скрипнул зубами.

– Делай свое дело, «Голос», но... – Он с новой силой во-
ткнул в меня взгляд. – Но если я узнаю, что ты солгал, пеняй
на себя.

– Хорошего вам вечера, отец Поль, – сказал я.

Когда мы вышли, из покоев главного инквизитора, эльф
коснулся моего плеча.

– Так ли было необходимо злить священника?

– Аридил, я не знаю, чем ты занимался там, у себя во двор-
це, но здесь эти ребята понимают только язык силы. Если я
дам слабину, меня сожрут. А снова в подвал не хочется.

Аридил с удивлением посмотрел на меня, и я догадался,
что детали моего пребывания в Рогоне ему неизвестны. Жа-
леть о сказанном было поздно, но и углубляться в подробно-
сти я тоже не собирался.

– Пошли лучше посмотрим, как там наши устроились, –
сказал я.

Тот же самый слуга вывел нас из башни и кивком ука-
зал на соседнее здание. Длинная каменная колбаса, которую
пришлось обходить, чтобы попасть внутрь. Вход у строения
оказался с торца. Возле двери стояло несколько человек, ти-
хо переговаривавшихся и замолчавших при виде нас. Одно-
го из них я точно видел в отряде отца Поля, поэтому и на-

правился прямым к нему.

– Торвин, – я вспомнил, как зовут этого воина, – отец Поль милостиво предоставил нам ночлег. Ты не знаешь, мои спутники внутри?

Тот только кивнул в ответ, сопроводив его красноречивым взглядом. В бытность мою Александром, даже будучи сыном богатого папаша, я не собирал столько «доброжелательности» в свой адрес. Но вот, пожалуйста, стал инквизитором раньше времени, так вкуси прелести местной жизни. Может, стоит податься в купцы?

Едва очутившись внутри, я мгновенно оценил «подарок», преподнесенный зловредным священником. Казарма представляла собой одно-единственное помещение без каких-либо перегородок. Даже ширмы, и то отсутствовали. Да и с какой стати им тут быть, если в наличии чисто мужской коллектив с его юмором, помноженным на средневековый колорит, обращением и запахом, куда же без него. Короче, идеальное место для сплоченных одним делом соратников. Представляю, что пережила Валена, как только попала за его порог. Впрочем, и Оррику тоже было не по себе – иначе откуда тогда такое выражение на лице, будто он проглотил кол. К счастью, нам не пришлось пробираться через все эти ряды коек, чтобы добраться до спутников, их разместили справа от входа.

– Ты вовремя, – сказал вполголоса Оррик, едва нас увидел. – Я знаю, как ты относишься к бессмысленным тратам,

но имей в виду, если мы тут останемся, будет худо.

Со светом в казарме дела обстояли совсем плохо. Под толчком горело несколько больших свечей, но их света едва хватало, чтобы вместо темных силуэтов на расстоянии в несколько метров можно было разглядеть, кто перед тобой. Я видел в темноте гораздо лучше других, уж не знаю, дар ли это или привычка подолгу сидеть впотьмах, но лица волшебницы мне, пожалуй, не забыть никогда. По-моему, она была потрясена даже больше, чем когда лежала связанная во власти банды Андеса.

Я сделал знак инквизитору и вытолкнул эльфа обратно на улицу, затем за рукав оттащил его в сторону.

– Аридил, сейчас же заберешь из этого гадюшника волшебницу и снимешь ей номер в ближайшей гостинице, – я на ощупь отсчитал десяток серебряных монет.

– А вы... – эльф посмотрел на троих солдат у входа и передумал заканчивать тираду.

– Далее. Ты снимешь комнату и себе с тем учетом, что завтра тебе придется делить ее с двумя постояльцами. Мы с Орриком сегодня останемся здесь. Не хочу, чтобы меня попрекали гостеприимством, а с этого борова станется. Ну или нашепчет кто. Он и так на нас волком смотрит.

– Может, мне остаться с вами?

– Не может, – возразил я. – Ты их кровати видел? Тебе в длину и двух этих лежанок не хватит.

Пусть будет такая причина, Аридил прекрасно понял, что

я имею в виду.

– Они не дадут вам спокойно выспаться.

– Насмешил. Меня сегодня из пушки не разбудишь.

– Пушки? – эльф повторил незнакомое слово.

– Громом, – поправился я. – Иди уже, не мельтеши.

Когда фигуры эльфа и волшебницы слились с тьмой, я вернулся в казарму и забрался на ложе рядом с Орриком. Тот уже спал или делал вид, что спит. Рядом практически под рукой стоял в подставке для оружия его меч. Чего никто не знал, так это того, что в ногах у инквизитора спрятана пара кинжалов, но, думаю, и еще найдутся сюрпризы. Убивать нас точно не будут, но подстроить каверзу – вполне, так что я готовился к чуткому сну, полному шорохов, шарканья шагов и приглушенного дыхания.

К своему стыду, бдительности я не терял минут пятнадцать или и того меньше. А что вы хотите, усталость взяла свое так быстро, что переход из одного агрегатного состояния в другое произошел при моем полном непротиводействии. Тем не менее ночь прошла на удивление спокойно. Меня никто не трогал, Оррика – тем более. Даже если бы мне кто-нибудь пытался чем-нибудь досадить, я бы его попросту не услышал. Моргнул – утро. Когда я открыл глаза, инквизитора рядом не оказалось, как и вообще кого-либо. Казарма была девственно пуста, но вот следы пребывания полусотни человек буквально висели в воздухе. Гигиена в здешнем об-

ществе еще не вошла в привычку. «И не войдет», – подумал я. Интересно, «мытьё рук» можно считать прогрессорством, и меня сразу потащат на костер, или все-таки ограничатся строгим выговором с занесением в личное дело?

Обстановка не располагала к разлеживанию на кровати, поэтому я довольно быстро слинял из казармы. Только выбравшись из помещения, мне удалось ощутить всю прелесть чистого воздуха. Обитатели этого каменного мешка за ночь выдышали весь кислород, заменив его такой гремучей смесью запахов, что я и не подозревал, насколько едкой может быть атмосфера. Что до окон на петлях, тут, видимо, до них еще не доросли – они были глухие и не открывались. Я справился с легким головокружением и огляделся: при свете дня окружающая действительность уже не смотрелась частичкой Мордора, а принадлежала городу, хотя и, без сомнений, несколько отличалась от того, к чему я привык.

Архан – старый город. Об этом кричало все: от камней на мостовой и до венчиков на крышах. Я не решился отходить далеко от обиталища инквизиции, но и увиденного мне хватило, чтобы составить свое мнение. Мне здесь не нравилось. Такое впечатление, что жители, раз построив улицу, перестали обращать внимание на ее внешний вид. Архан не только был стар, он оказался дряхл, как старик после трех инсультов. Даже дома из камня, коих оказалось немало по обе стороны мостовой, выглядели щербатыми развалинами, в которых, несмотря ни на что, продолжали жить люди.

Наполнившись впечатлениями под завязку, я направился в башню. Пора попортить настроение нашему боевому дя-дюшке, он-то, небось, спал не на досках, накрытых рогожей.

– Иан! – окликнули меня. – Как прошла ночь?

– А, Аридил! – поприветствовал я эльфа. – Перины слишком толстые, а так ничего. Вы как устроились?

Эльф, как всегда, выглядел с иголки. Где он прячет уют и запасные рубашки?

– Волшебница спит. Я наказал хозяину гостиницы присматривать за ней. Когда проснется, ей подадут завтрак.

– С ней все в порядке?

– Да, – эльф покачал головой. – Полагаю, она поумнее многих. Она все понимает, хоть и не принимает происходящее. У нее слишком сильный дух, чтобы так сразу втиснуться в рамки.

Я взглянул на него и криво усмехнулся.

– Ладно, пойдем в гости, нас, должно быть, уже заждались.

Но меня остановили, не позволив сделать и шага.

– Если ты не сдержишь слово, нас просто бросят в темницу.

– А как же знак «Голоса»?

– О нем знает один отец Поль. Остальные видят перед собой зарвавшегося курьера и гадают, сколько еще главный инквизитор будет терпеть твои выходки. Если он решит, что мы лишь тянем время, попробует по-тихому от нас избавиться. А мне не хотелось бы убивать всех этих людей только пото-

му, что ты чересчур сильно наступил на чью-то мозоль. Приключения и самоубийство – это разные вещи.

– А сможешь? – спросил я.

Аридил вздернул бровь.

– Я уже начинаю жалеть о том, что покинул дворец. Среди змей гораздо спокойнее, чем в компании с тобой.

Я хлопнул его по руке (по плечу – не достал) и рассмеялся:

– Все будет хорошо. – Подумал и добавил: – Ну, или не будет. Пошли.

Навстречу нам попадались наши бывшие знакомцы по лесному путешествию, но были и новенькие. И те, и другие, как мушкетеры, прохаживались на площади перед башней, словно ждали, когда перед ними выступит отец Поль. Я чувствовал себя капитаном гвардейцев кардинала, пожаловавшим к своим злейшим врагам. Интересно, что они скажут, когда их всех приведут ко мне на проверку.

Естественно, я решил прогнать всех через свой встроенный полиграф. Особых трудностей быть не должно: несколько уточняющих вопросов, и дело в шляпе! Обманывать меня они точно будут, но никому и в голову не придет, что это бессмысленно. За пару часов управлюсь. Главное, чтобы не смылись, именно об этом я твердил главному инквизитору в редкие моменты отдыха, когда прерывалась безумная скачка. Все, что нужно, – это дождаться тех, кто завозил раненых в деревню, и не распугать остальных, кто во время про-

ведения патруля отсиживался в городе. Я был почти уверен, что среди участников похода предателя не найду. Вряд ли он настолько хитер, чтобы шарить по лесам в поисках себя самого. У него и поважнее дела найдутся – караванчик там засветить, или еще какой информацией за денежку малую с нужными людьми поделиться. Здесь он сидит, здесь, все видит и время от времени докладывает нужным людям.

Проблема в другом. У меня зубы ныли от нежелания раскрывать перед кем-либо свою способность. Береженого бог бережет, а мне и двоих достаточно. Тут тоже ведь не дураки сидят, раскусят, как грецкий орех. С одной стороны, вроде бы и ладно, а вот с другой – крайне нежелательно. Мне этой способностью и дальше пользоваться, а прознай кто-нибудь о том, что я прикосновением на чистую воду вывожу, руки никто не подаст. Да и прирезать правдолюба тоже недолго. Кому охота, чтобы я тут вынюхивал? Как избежать «засветки», я пока не придумал, но искренне надеялся на озарение. Ну, строил я планы раньше, и толку? Так какой смысл париться?

К инквизитору нас провели без лишних разговоров. Отец Поль уже демонстрировал подчиненным бодрость духа и стальную волю, снова напялив на себя свой боевой наряд. Меня так и подмывало спросить, на кой ему дома кольчуга?

– Доброго вам всего, отец Поль, – поздоровался я. – Надеюсь, выпались?

– А, вы, «Голос»? Как вам наше гостеприимство? – спро-

сил инквизитор с напускной вежливостью.

– Выше всяких похвал! Служивый люд у вас, я смотрю, как надо благоустроен, – Ну не мог я не ответить на выпад, чем заработал невидимый, но болезненный тычок от эльфа. Ладно, впредь буду пушистым.

Отец Поль оценивающе на меня посмотрел, как будто выискивал место, куда можно воткнуть мизерокордию, кто не знает, это кинжал такой, которым рыцарей закалывали, как свиней.

– Все уже в городе, – инквизитор, видимо, решил, что наши «терки» можно оставить и на потом. – Когда планируете начать?

Я видел, что ему не терпится спросить меня, как же я буду выводить иуду на чистую воду, но он держался. Ладно, вот тебе «конфетку» за сдержанность.

– Я планирую приступить, как только позавтракаю. У вас же тут кормят? На голодный желудок работается не очень. – Видя, что он снова закипает, я поспешил закончить: – Дело в том, отец Поль, что со мной в Аллию едет очень древняя реликвия, с помощью которой можно отличить ложь от правды. Мне вручил ее отец Тук и под страхом смерти запретил рассказывать о ней кому бы то ни было.

Проглотит пилюлю или нет? Я бы не поверил, но тут мир магии, каких только штукovin ни поназакопано по всему миру. Кто знает, может, и такая найдется.

– Реликвия?! – отец Поль даже привстал со своего места. –

Вам вручил ее епископ?

– Точно так, – сказал я. – И только из уважения к вам я готов воспользоваться этим инструментом, чтобы вывести наших общих врагов на чистую воду.

Как там было? При звуках флейты теряет волю? Отец Поль терял волю при упоминании о всяких древних вещичках. Как-то на привале я подслушал один разговор, он-то и натолкнул меня на решение проблемы легализации моей способности. По-моему, красиво и элегантно!

То, что я попал в точку, подтвердил цвет ауры – фиолетовый над головой главного инквизитора смотрелся весьма экстравагантно. Он даже на время позабыл о плохом настроении и ненависти ко мне.

– Я могу на нее взглянуть? – у отца Поля даже руки задрожали в предвкушении.

– К сожалению, вынужден вам отказать, – я состроил самую сожалеющую улыбку из всех возможных, но видя, как опять наливается туча, поспешил добавить: – Пока отказать, пока! Вы же не думаете, что я ношу ее с собой?

А где я ее, интересно, ношу? И вообще, что это за реликвия? Симпровизировал, называется! Нужно срочно придумывать правдоподобную версию. Тут я вспомнил, что здесь повсюду на входе в города имеются некие устройства, с помощью которых подобные реликвии отслеживаются «на раз», и похолодел. Интуиция – первый шаг к проблемам для мягкой точки. Вот черт, как же все сложно! Планируй или

не планирую, получается ерунда.

– Смею надеяться, что я увижу ее в ближайшее время, – сказал с нажимом отец Польш.

– Непременно.

Мы раскланялись с главным инквизитором, и слуга повел нас по узким коридорам в другое помещение, где располагалась столовая. Сам отец Польш от возможности откусать вместе с нами любезно отказался, сославшись на невероятную занятость, но намек мой понял верно. Ну и ладно, мне еще его физиономию лицезреть ближайшие несколько дней, пока не разберусь с кротами в местной службе правопорядка.

Место, где кормили, располагалось на первом этаже в другой половине башни. Внутри стояло пять круглых столов звездочкой мест так на двадцать пять, вдоль стен были расставлены табуреты. Вся королевская рать здесь бы точно не поместилась.

– А где едят солдаты? – полюбопытствовал я, пока старик не улизнул.

– Вы хотели сказать, братья? – он изогнул правую бровь. – У них свое помещение для приема пищи. Здесь кормят гостей главного инквизитора.

– А где кушает сам отец Польш?

– У себя. Распорядок дня главного инквизитора не позволяет отрываться от работы.

– Конечно, как же может быть иначе.

Старик ретировался, и мы с Аридиллом остались одни.

– Выбери любое место, сегодня мы – гости главного инквизитора.

Эльф прошелся вдоль столов, снял глефу и поставил ее в угол.

– Ты спать с ней не пробовал? – поинтересовался я.

– Для воина оружие – ближе, чем... брат.

– А друг ближе брата?

Аридил ответил мне долгим взглядом.

– Об этом вечно спорят барды и философы.

Мы выбрали один из столов, его даже пришлось подвинуть, чтобы эльф не чувствовал себя кузнечиком в спичечном коробке.

– Слушай, а почему вы едете умирать в Отрогах Мудрости, а темные эльфы – в Долину Тишины?

Аридил несколько секунд выглядел так, будто ему подложили на стул канцелярскую кнопку размером с кулак, а то и не одну.

– Иан, почему каждый твой вопрос требует от меня сдержанности? Если бы не клятва, я вызвал бы тебя на поединок крови!

Я сглотнул. Вопрос, конечно, с подковыркой, но я и не подозревал, что он окажется настолько болезненным.

– Не хочешь, не отвечай, мне просто интересно. – Я пожегся, в следующий раз буду думать, что спрашивать. Никак не привыкну, что я в чужом мире и тут нужно следить за языком.

От необходимости отвечать или не отвечать эльфа избавил толстяк в балахоне, подвязанном веревкой, возникший из дверного проема с парой больших мисок, из которых валил пар. Запах тушеного мяса выбил из моей головы все мысли, и я забыл и о вопросах, и об ответах. Уже не помню, когда в последний раз нормально ел.

Мясо, капуста, что-то хрустящее, вроде соленых огурчиков, – все это настолько напоминало дом, что я с трудом отделался от ощущения, что за стенами этой башни не столица или хотя бы какой-нибудь из провинциальных туристических городков, а самая настоящая другая планета. Аридил от меня не отставал, принц там он или не принц, в дороге быстро отучаешься от разносолов. Простая еда кажется яствами со стола королей, если две недели во рту появляются только окаменевший кусок мяса и вода из фляги с привкусом тины.

– Как думаешь, нас кто-нибудь подслушивает? – спросил я вполголоса.

– Я бы почувствовал, – качнул головой эльф.

Это что-то новенькое, не припомню, чтобы раньше Аридил упоминал об этом своем навыке.

– Не делай такое лицо, будто нашел пещеру, полную сокровищ, – хмыкнул эльф. – Я от рождения знаю, когда на меня смотрят, а вблизи – даже когда слушают. Но это работает только в таком крошечном помещении. Сейчас можешь говорить свободно, я предупрежу, если нам будут мешать.

Я вздохнул. Повертев проблему и так и этак, мне стало

ясно, что без спутников ее не решить. Придется посвящать их в курс дела, одна голова – хорошо, а три – лучше. Тем более эльф уже и так что-то подозревает, видел же он, как я говорю с тем пленником, которому подарил смерть. Авось, придумаем вместе, как лучше преподнести главному инквизитору мою реликвию. То, что они узнают о моей способности, конечно, слегка расстраивало, но, в конце концов, оба – люди моих покровителей, которые и так в курсе, что я могу. Про Валену же я старался не думать – как-нибудь обойдется.

В общем, как только официант в рясе принес нам кувшин холодного пива и исчез в недрах башни, я рассказал все Аридилу.

– Значит, чувствуешь, когда тебе лгут? – задумчиво проговорил Аридил, водя пальцем по кромке кружки.

– Угу.

– Опасный дар. Еще кто-то знает о нем?

– Епископ и князь в курсе.

Меня одарили удивленным взглядом.

– Они – последние, кому следовало об этом знать.

Теперь настала моя очередь тарашить глаза. Он вообще на чьей стороне?

– Удивляешься? – усмехнулся Аридил. – Во дворце любую информацию будут использовать против тебя. Дождутся, когда расслабишься, и нанесут удар.

– Да я дивлюсь другому. Я думал, ты работаешь на Аэлр-эля.

– Это нисколько не мешает мне подумать и про себя.

– Ты хочешь сказать, что о твоей способности чувствовать постороннее присутствие никто не знает?

Эльф посмотрел на меня долгим взглядом.

– Сейчас речь не обо мне, но да, ты – первый.

Это признание дорогого стоило.

– Я знаю, что не стоило им говорить, но такова цена свободы.

– Тогда, наверное, ее следовало заплатить.

– За друзей? – я поднял кружку с пивом и вопросительно посмотрел на Аридила.

Тот налил себе пива из кувшина, отсалютовал мне и молча выпил. Я последовал его примеру, едва сдерживая расплывающуюся улыбку.

– Твои проблемы легко решить, – наконец промолвил он, достал что-то из-за пояса и пододвинул ко мне.

Передо мной лежал кинжал в ножнах. Он был очень похож на тот, который, наверное, я вряд ли когда-нибудь забуду. Впрочем, все-таки чем-то он отличался: рукоять из темного материала, одновременно гладкого и шершавого на вид, с навершием в виде головы волка (на том, другом, была изображена звезда).

– Его подарил мне мой наставник на совершеннолетие. Бери – он твой.

У меня перехватило горло.

– Но... я не могу!

– Можешь и возьмешь, – сказал Аридил, допивая пиво из кружки. – Тебе же нужна реликвия? Ты везешь эльфийское сокровище в Аллию для передачи в руки людей, поэтому тебя сопровождают родственник князя и помощник епископа. Священник и не подумает усомниться в твоих словах.

– Но ведь это не волшебная вещь!

– Кто об этом знает? – Увидев, что я уже было собрался ему возражать, Аридил остановил меня жестом. – Тебе рассказали сказку о каких-то устройствах, которые обнаруживают реликвии? Такие устройства сами являются реликвиями, их не развешивают на каждом шагу, как игрушки на День Восхождения. Допускаю, что у епископа такая имеется, но здесь, в этом захолустье, такого днем с огнем не сыскать! Они не уберегли даже одного-единственного на всю провинцию мага!

В словах эльфа был резон.

– Я отдам его, как только все закончится.

– Это подарок, – сказал Аридил. – И закончим на этом. Иначе я и вправду вызову тебя на поединок, ибо мое терпение на исходе!

Я кивнул и засунул кинжал за пояс.

– Кроме того, для меня он бесполезен, я плохо обращаюсь с ножами.

Для интервью, как я по старинке обозвал процесс допроса, было выбрано специальное помещение в самой глубине

башни. Подозреваю, в соседнем номере этого заведения уже тлеют угли горна, а палач натирает дыбу. Отец Поль всюду совал нос, гремя луженой глоткой по всем коридорам обители инквизиции. Он был чересчур возбужден, но, надо признать, все-таки пытался держать себя в руках, помня мой наказ – скрывать, что нам известно о наличии предателя в рядах отряда. Кинжал Аридила инквизитора впечатлил. Он держал его на вытянутых руках, как мать держит ребенка, и мне стоило немалых усилий выдрать мнимую реликвию из его загребущих лап. Главный инквизитор даже пытался слабо возражать и настаивать, что он должен проводить проверку самостоятельно. Мне пришлось соврать, что настройка на артефакт – слишком долгое и сложное занятие, а со временем у нас и без того туго.

В центре помещения поставили стол и два стула. Оррик встал за моим правым плечом, вооруженный до зубов, Аридил восседал на лавке у стены, а отец Поль, словно загнанный в клетку тигр, метался из угла в угол, поскрипывая кольчужными кольцами.

– Вы не могли бы присесть куда-нибудь? – воскликнул я наконец. – Мешаете настройке!

На самом деле он не столько мешал, сколько «достал» своими придирками, я был почти готов попросить его удалиться. Впрочем, вряд ли бы у меня вышло от него так просто избавиться. В конце концов мне пришлось посвятить его в «тайнство» и добавить его вопрос в общий список, чтобы

только от него отвязаться.

Первым подопытным оказался небезызвестный мне Грид, подсуетившись, он оказался в самых первых рядах. По «легенде» я выступал проверяющим откуда-то «сверху», тем более что процедура оказалась стандартная, но из-за удаленности от центра мира в Архане ни разу в жизни не проводившаяся. Из-за чего Грид хорохорился и старался всем своим видом показать, что уж ему-то бояться нечего, ибо нет на свете более лояльного подчиненного. Оружия у него при себе не было, отчего воин, привыкший держаться за рукоять меча, периодически хватался за воздух у пояса и после недоумевающе бросал туда взгляд, вспоминая, что перед процедурой всем было велено сдать оружие в оружейную комнату, под которую переоборудовали кладовку рядом со столовой в башне.

– Садись, – сказал я и указал Гриду на стул. Сам я сидел за столом напротив. Посередине, между нами, в свете факелов поблескивая разводами на клинке, лежал кинжал Аридила без ножен. – Ты понял, что тебе предстоит?

Объяснения потребовали гораздо больше времени, чем я думал. Людям главного инквизитора было непонятно все: начиная от необходимости держаться за артефакт, заканчивая моим участием в происходящем. Особенно их не устраивал мой возраст и облик. Как будто, чтобы проводить дознание, нужно обладать обликом Шона Коннери.

– Да что тут непонятного? Держусь за рукоять, вы задаете

вопросы – я отвечаю.

– Отвечать нужно правду! Это понятно?

Отец Поль подскочил к столу и сунул в нос своему подчиненному здоровенный кулак.

– Только соври мне! Сгною!

– Отец Поль! – возмутился я. – Не надо оказывать давление на человека!

– Это кто человек? Он? Да я...

– Главный инквизитор Поль! – взорвался я. – Может, вам лучше посидеть в своем кабинете?

Это подействовало. Инквизитор заткнулся, опалив меня взглядом, а я подумал о том, что в следующий раз подобное мероприятие нужно будет проводить на открытом воздухе или хотя бы в хорошо освещенном помещении. В свете факелов от моего умения видеть настроение людей оказалось мало толку: в полутьме цвета было совершенно не разобрать – как будто на черно-белой фотографии разглядывать вишню и гадать, поспела она или нет.

– Десятник Грид, – сказал я, когда все немного успокоились. – Вам сейчас придется ответить на несколько вопросов. На все нужно отвечать «да», даже если ответ потребует сказать неправду. Вам за это ничего не будет. Вы меня поняли?

Я как-то ради шутки проходил полиграф и помнил о том, что его нужно настроить на человека. Понятия не имею, требуется ли настройка для моей способности, но на всякий случай решил, что будет не лишним проверить. Грид опасно

покосился на своего начальника, тот, чтобы мне не было видно, исподтишка погрозил ему кулаком, на что я сделал вид, что ничего не заметил, – к этому времени вообще планировалось завершить опрос всех подчиненных главного инквизитора, а мы еще даже не начали.

– Понял...

– Зови меня «ваша милость», – это я подсмотрел в какой-то книге, вот и решил блеснуть эрудицией, однако заработал три недоумевающих взгляда и один настороженный.

– Понял, ваша милость.

– Ну и хорошо, – мне уже до смерти надоели эти реверансы. – Начали. Тебя зовут Грид?

Глава 17

Я дул уже вторую кружку пива, Аридил налегал на вино, Оррик расправлялся с кусками окорока, а Валена маленькими глоточками тянула из стакана сидр.

– И что теперь собирается делать ваша милость? – спросил Оррик, высасывая из косточки мозг.

– Я думаю, – огрызнулся я.

– Когда ты думаешь, у меня одно место чешется, – сказал Оррик. Оглядев присутствующих, он задержал взгляд на волшебнице и посчитал нужным уточнить: – То, которое об седло трется.

Выдав «перл», он понял, что все равно получилась двусмысленность, но дальнейших уточнений никто не дождался.

Валена была единственным человеком в нашей компании, кто пока был не в курсе, что моя игра в крутого детектива обернулась полнейшим фиаско. Освещением событий как раз и занимался Оррик в то время как я царапал ногтем крышку стола. По моей милости в темницах Архана томилось нынче неслыханное ранее количество изменников, а главный инквизитор оказался автором разоблачения заговора вселенских масштабов. Всему виной оказался единственный вопрос, который пропихнул в мой список отец Поль. Звучал он достаточно размыто: «Злоумышлял ли ты

когда-нибудь против власти инквизиции в Архане?» – поэтому я и пошел ему на уступки. К несчастью, мне далеко не сразу пришло в голову, какую я совершил глупость, дав слабину. Когда Грид «спалился» на этом вопросе, я даже испытал нечто вроде удовлетворения: ну хоть что-то в моей жизни прошло без сучка и задоринки, но после третьего подряд случая догадка сверкнула в моем мозгу. К сожалению, было уже слишком поздно – главный инквизитор закусил удила, и теперь конвейер начинался именно с этого вопроса и им же заканчивался. Весь мой тщательно продуманный план просто попал в утиль.

– Его можно как-нибудь вразумить?

– Этого борова? – Оррик хмыкнул. – Ему уже в грезах видится сан епископа и кабинет в Цитадели. Ты ему преподнес повышение на золотом подносе, потому что такого события даже в летописях не найти. Чем больше людей повяжут, тем выше заслуги!

– Но ведь они невиновны! Да меня самого можно обвинить в том, что я хочу нанести урон инквизиции в этом проклятом городе!

– Хорошо, что ты сам себя спросить не можешь, – сказал Оррик.

– Ты подумай ещё вот о чем: в новом качестве да ещё в ореоле славы он покончит и с тобой, и с твоим покровителем, – заметил Аридил, меланхолично потягивая вино.

Ситуация прескверная: я сам своими руками вложил в ру-

ки врага оружие против себя самого. В камеру попало больше сорока человек, отец Поль не пожалел даже раненых. Тюрьма была переполнена, на такое количество арестантов никто не рассчитывал.

– Так. Давайте думать, что можно сделать, – сказал я. – Просто так сдаваться я не намерен.

– А что тут поделаешь? – сказал Оррик. – Если раньше мне светил только костер, то теперь представить, что со мной сделают, не хватает воображения, а оно у меня богатое.

– Тебя это огорчает? – спросил Аридил.

– Уж точно не радуется.

– Еще недавно ты жалел, что тот негодяй не прикончил тебя в бою, а теперь огорчаешься по таким пустякам.

– Когда хочу, тогда и огорчаюсь, – буркнул Оррик. – Не тебе же иголки под ногти будут совать.

– Вот уж никогда не думала, что в инквизиции одни нытики! – фыркнула Валена, до сих пор молчаливо выслушивающая наши разговоры.

– А ты вообще молчи, колдунья! – бухнул Оррик. – Ты тут просто потому, что вот этому молокососу отчего-то вздумалось тебя защищать. Была бы моя воля...

– Я не колдунья, а волшебница! – вспыхнула Валена. – И вообще я дочь барона.

– Да мне...

– Хватит! – рявкнул я. – Мы сейчас все в одной лодке. И дочь барона, и сын кузнеца, и принц, и... я. Ругаться друг с

другом будем, когда все закончится! Благополучно, ибо другого варианта я не рассматриваю.

Мне удалось перехватить изумленный взгляд волшебницы, которым она уставилась на эльфа. Пусть теперь все будет в курсе, кто есть кто в нашей компании. А если дальше поперет в таком духе, то они весьма скоро узнают и о моей профессии, или что это там такое.

– Аридил, опиши Валенбергии, пожалуйста, нашу текущую ситуацию, – попросил я. – Только коротко, без рассоливаний.

Аридил как будто только и ждал моей просьбы.

– Вас, миледи, как волшебницу, бросят в костер за нападение на священника. За создание голема, – при этих словах глаза девушки поползли на лоб, – положена дыба или четвертование. Оррика ждет разжалование за проигрыш в схватке – люди такого ранга, как епископ, не терпят подле себя слабых, – и костер за передачу знака «Голоса». Иану уготованы колесование или дыба за самозванство, а также много чего за все остальное. Ну а я умру, потому что связан с ним клятвой «защитника» и убью любого, кто захочет причинить ему вред. Так-то вот... Ну, за нас, за отъявленных головорезов и смутьянов! – Аридил поднял бокал и опустошил до дна.

Над столом повисла подавленная тишина. Каждый переваривал слова эльфа, который весьма точно описал, что нас ждёт. Как-то я не задумывался, что все настолько серьёзно. Может, попросить эльфа перерезать мне глотку два раза и не

ждать, когда судьба соизволит это сделать сама?

– Как ты узнал про голема? Он рассказал? – спросила Валена, с подозрением поглядывая на меня.

– Мисс Валена, вы оставили столько следов, что мне достаточно было задать пару вопросов, – сообщил Аридил. – Дознаватели инквизиции потратили бы на расследование немного больше времени, но им не составило бы особого труда раскрыть ваш секрет.

Волшебница погрузилась.

– Я об этом не подумала.

– Так был ещё и голем? – Оррик задохнулся от возмущения. – Ее сожгут, даже если мы каким-то чудом выпутаемся из ситуации! Это чистая некромантия!

– Но ты же знаешь, как она сможет себя спасти, – возразил эльф.

Валена, видимо, поняла, к чему клонит эльф, потому что вспыхнула и гневно вскрикнула:

– Ни за что!

А вот я ничего не понял.

– О чем речь?

– О полной амнистии, которая предоставляется магу на пожизненной службе инквизиции, – сказал Аридил. – За нее может замолвить словечко епископ. У него есть право принимать клятву.

– Я ни за что не пойду на службу к инквизиторам!

– Епископ на дух не переносит колдунов! – Оррик никак

не мог успокоиться. – Да он ее первый на костер бросит. А я дров подкину!

– Да я сожгу тебя прежде, чем...

– Заткнись, ведьма, еще одно слово и...

Я не выдержал и стукнул о стол кружкой с пивом. Толстые стенки не выдержали, и куски глины разлетелись вокруг, обдав всех холодной пеной. Резко запахло хмелем. Посетители ошарашенно пялились в нашу сторону, видимо, ожидая развития ссоры и последующего мордобоя. Мои спутники хлопали глазами и обтекали.

– Ну, хватит! Мне надоели ваши разборки! Или ведите себя подобающе, или идите ко всем демонам сразу! Мы все в одной лодке, и она вот-вот утонет.

Аридил усмехнулся и оглядел всех по очереди, в конце концов он посмотрел на меня.

– Не умеешь командовать? Ну-ну. Эй, хозяин, еще пива моему другу, да кружку неси покрепче!

Валена и Оррик смущенно молчали, друг на друга они старались не смотреть.

– Епископ действительно может дать ей защиту? – спросил я.

– Может, – буркнул Оррик, – только захочет ли? В конгрегации вряд ли сыщется человек, который на столько не переносит ко... волшебников.

– Это уже моя забота, – сказал я.

– Ну-ну, – хмыкнул инквизитор. – Хотя, кто тебя знает,

может, и заговоришь старика.

– А что, мое мнение уже значения не имеет?! – воскликнула Валена.

– А какие у тебя еще варианты? – буркнул Оррик. – Или хочешь на костер?

– Если ты не дашь клятву служения, ты умрешь, – сказал Аридил.

Валена закусила губу, ее взгляд метался, словно птица в клетке, по которой стучат гаечным ключом. Наконец она остановила взгляд на мне.

– А могу я дать клятву ему?

Все посмотрели на меня с удивлением.

– Когда он станет инквизитором, сможешь, – сказал Оррик, посмотрел на меня и ухмыльнулся. – Вечно к тебе липнет всякое...

– Так он что, не инквизитор?! – уловила главное для себя Валена.

– Он только едет в академию, чтобы сдать экзамен, – пояснил Аридил.

– Угу, – Оррик зарылся бородой в чашку с пивом. – Поди еще пройди испытание.

Тут волшебница выдала такое, что даже Оррик удостоил ее уважительным взглядом.

– Но и это ещё не все, – сказал инквизитор. – Мне действительно больше не видать службы у отца Тука, как своих ушей. Проигравшие ему не нужны. Но и отпустить меня он

не сможет, потому что я знаю слишком много. А вот оставить в помощниках у «Голоса»... думаю, согласится.

Я разинул рот: моя мечта о создании своей команды воплощалась прямо на моих глазах.

– Если Иан станет инквизитором, уверен, отец Тук сможет замять скандал, – сказал Аридил. – Князь Аэларэль рассказывал мне, что епископ имеет очень сильную поддержку наверху. Потянет здесь, дернет там, и про Иана забудут.

– Есть ещё кое-что, что вам всем следует знать, – вздохнул Оррик. – Иан никогда не пройдёт поединок, потому что епископ лично распорядился, чтобы его убили во время проведения боя. Как можно более кровавым способом.

Глава 18

– Отец Поль, – я поднял кубок, – хочу вас поздравить. Далеко не каждому под силу раскрыть заговор такого масштаба!

Главный инквизитор Архана сидел за своим столом, и на его губах блуждала улыбка. Он явно уже примеривал на себя плащ епископа.

– Не приписывайте все заслуги мне, «Голос», вы тоже внесли свою посильную лепту в это громкое дело. Я вас никогда не забуду.

– Ну что вы, право, не стоит упоминать о моем скромном участии.

– Напротив, «Голос», напротив, я всенепременно о нем расскажу на совете инквизиторов, когда меня пригласят для разбирательств. Он должны услышать всю правду.

Я скрипнул зубами, ибо ни секунды не сомневался, какую правду расскажет отец Поль на совете.

– Одно только меня огорчает, – я вздохнул почти искренне.

– Что же, мой друг? – воскликнул отец Поль. – Говорите, я с радостью исполню все, что вы попросите!

– Меня печалит то, что в свете заговора мы совсем упустили из виду поиск предателя, который сообщил сведения о передвижении вашего отряда.

– Да бросьте, он точно пойман и сидит вместе со всеми! – отмахнулся главный инквизитор. – Об этом нечего волноваться. Мои люди и без вашего чудо-амулета смогут справиться со своими обязанностями. Это уже рутина. Вам лучше стоит побеспокоиться о том, что вы расскажете на совете.

– Непременно об этом подумаю, – я скрипнул зубами.

– Тогда не смею вас больше задерживать, «Голос», – сказал отец Поль и демонстративно перевел взгляд на рукопись, лежавшую перед ним.

Мне не оставалось ничего, кроме того, чтобы ретироваться несолоно хлебавши. Паршивое настроение ухнуло еще дальше, хотя мне казалось, что под ногами дно. Мало того, что мы не нашли истинного виновника нападений, так еще и по моей милости в пыточные подвалы угодило полсотни ни в чем ни повинных людей. Я понятия не имел, как их оттуда вытащить. Выпускать из своих загребущих лап добычу главный инквизитор Архана явно не собирался. Успехи на поприще раскрытия заговора сулили ему такие дивиденды, что он зубами уцепился за такую возможность.

– Без толку ходил? – догадался Оррик, едва увидел мою кислую физиономию. – А я тебе говорил!

– Да, это была любимая фраза моей матери: «Я тебе говорила», – буркнул я. – Лучше извлеки из своей брюзжащей шкатулки какую-нибудь умную мысль.

Оррик окинул наши невеселые лица – Аридил и Валена сидели тут же – и вздохнул:

– С умными сейчас проблемы. Не сезон.

– Что он сказал? – подала голос Валена.

– Что обязательно расскажет обо мне на совете инквизиторов.

– Это плохо. – Оррик поискал кувшин пива глазами и, убедившись, что он девственно пуст, поморщился. – Он потащит тебя на суд. Ну и нас заодно. Мало нам не покажется – там такие крысы, что вытащат на свет божий все, что ты успел натворить за свою короткую жизнь. Тук постарается откреститься от нашей компашки, так что испить чашу придется по полной. Никто за нас не вступится.

– Но как он собирается предъявлять обвинения? Ведь артефакта на самом деле не существует. Я заранее предупредил его, что он не сможет...

Оррик захохотал.

– Наивный ты человек. И куда только тебя, такого «всезнайку», отправили. Да ему твой кинжал и не нужен. Как ты думаешь, сколько народу, которых упекли в темницу, после нескольких часов вдумчивых расспросов согласятся признаться в чем угодно, лишь бы у них вытащили спицу из жопы?! Ночь не закончится, как они все будут лить друг на друга помои и обвинять в смертных грехах! Только выбирай на любой вкус и записывай за болтуном. Не удивлюсь, если старый пень и на нас замахнется, когда у него будут все козыри в рукаве. Еще окажется, что ты зря сбегал с эшафота.

От такой перспективы у меня захватило дух. Нет уж, бить-

ся так биться!

– Ждите здесь! – бросил я, поднимаясь.

– Ты куда? – удивился Оррик.

– Вторая попытка, – я поправил рубашку. – Мы, горбуны, без боя не сдаемся.

– Махни на дорожку, – предложил Оррик, протягивая мне маленькую деревянную стопку, я уже знал, что тут в ходу настойка из какой-то травы, горькая настолько, что от глотка морщится даже кожа на спине.

– Да хрен с тобой, давай, – решил я.

– Отец Поль! – мне повезло, что кабинет инквизитора был открыт, в противном случае мой запал весь вышел зря перед чудовищных размеров дверью. – Отец Поль, демон вас всех раздери!

Настойка оказалась не только очень горькой, но и по крепости значительно превосходила водку, а так как я хотел казаться очень храбрым, то одной порцией отделаться не удалось. Нечто, напоминающее по вкусу соленое яблоко, я дожевывал по дороге и теперь размахивал им, как пистолетом командир штрафного батальона.

– Отец Поль! – я влетел в распахнутую дверь и нос к носу столкнулся с его хозяином.

Главный инквизитор с изумлением взирал на мое громкое появление.

– «Голос»? – кашлянул он недоумевающе. – Чем обязан,

Э-э...

– Чем обязан?! – завопил я сходу. – Чем?! И вы еще спрашиваете?! Да вы наглец!

– Не понял, – пробормотал он, смущенный моим напором.

– Он не понял! – Еще мой отец говорил, что лучшее средство смутить человека – повторять за ним его слова, так он сам себе выдумает все, что тебе нужно. – Да вы соображаете, что вы сделали?!

– Э...

– А я вам сейчас скажу! – заявил я и сел на стол рядом с инквизитором, что, похоже, повергло его в шок, а над головой стала потихоньку набухать белая клякса. – Вы мятежник, отец Поль, и самый настоящий смутьян!

Выпученные глаза инквизитора надо было видеть. В его груди только зарождалось эхо возмущенного крика, как я соскочил со стола и встал над ним, незаметно поднявшись на цыпочки.

– Молчать! Я «Голос» епископа Тука! А вы кто? Хрен с горы? Управляющий задрипанного городишки, который на карте без лупы не отыскать! Как вы посмели препятствовать правосудию?! Вы скрываете настоящего предателя? Или постоит-ка, может, вы с ним заодно?!

Я изобразил самый зловещий взгляд, какой только мог представить. Не знаю, как он выглядит в исполнении семнадцатилетнего подростка, но, судя по выражения лица глав-

ного инквизитора Архана, города, которого почти не видно на карте, у меня кое-что получилось.

– Нет, нет, я даже не думал!

– Ах, вы даже не думали?! А вы подумайте – иногда помогает! – Меня понесло, и если раньше я, в принципе, пытался контролировать свои действия, то сейчас поймал себя на мысли, что у меня срывает башню. – Если ваши люди не дадут мне довести расследование до конца, я сегодня же сообщу епископу о ваших действиях, ставящих под удар всю церковь.

У инквизитора на лице было написано, что он бы с удовольствием немедленно заткнул мой рот, но перспектива встать на пути всей церкви его ужасает. «Надо добивать», – понял я.

– Сообщите епископу? – вдруг проблеял отец Поль. – Сегодня?

– А вы что же думаете, отправившись в инспекцию, я не позаботился о связи с ним? – у церкви хватает разных амулетов. Мы не беззащитны перед магией.

Я уже и так наложил ему с три короба, он поверил в кинжал «правды», почему бы не быть еще и табакерке «Голоса».

– Но вы еще не сообщили ему ничего такого? – на главного инквизитора было жалко смотреть, не зря я тогда ночью решил, что «дуб-то с пустой сердцевиной». С теми, кто слабее, отец Поль вел себя соответствующе, а с теми, кто показал силу, старался не связываться.

– Еще не успел, – сказал я. – Пока что он знает, что мы напали на нечто «крупное».

Как ни пытался инквизитор, не смог скрыть облегченный вздох.

– Не стоит ему волноваться о всяких пустяках. И вам не стоит.

– А я все же волнуюсь! А что если это заговор в заговоре? А вдруг не все заговорщики пойманы? К тому же если мы узнаем имя этого человека, то вам будет воздано вдвое!

Я замолчал, наблюдая за лицом главного инквизитора, на котором страх потерять все вдруг сменился жадностью, борющейся с благоразумностью. К моей помощи он прибегать не хотел, но и морковка была велика. К моей радости победило простое человеческое чувство, кое-где именуемое грехом.

– Да, в таком свете ваши слова не кажутся мне бессмысленными, – задумчиво проговорил он. – Но что же мы можем сделать?

– Я составил новый список вопросов, который поможет нам выявить иуду.

– Позвольте, как вы сказали? Иуду?

– Да, так у нас называют предателей.

– Хм, какое нехорошее слово! Но как верно оно передает смысл. Иуду! Что ж, идите и найдите иуду! Если нужна какая-то помощь, немедленно обращайтесь! Я буду на своем месте!

Вот оно как! Заполучив такой кусок и отодвинувшись от пропасти, отец Поль вновь почувствовал могущество, которого у него никогда не было, и теперь с лёгкостью приказывал «Голосу» епископа. В лепешку расшибусь, но пну этого тщеславного индюка.

Выйдя за порог кабинета главного инквизитора, я тяжело вздохнул. Каждый день к таким методам прибегать – останешься без нервных клеток. Этот еще оказался слаб духом, почему-то я был уверен, что с отцом Туком такая фишка не прокатила бы. Спустившись по лестнице и выйдя во двор, я направился к гостинице, в которой остановились Аридил и Валена. За столом в зале сидел Оррик и потягивал пиво. Он уставился на меня вопросительным взглядом, и я кивнул.

– Налей мне еще и предупреди всех – начинаем!

– Неужели горлодер подействовал? – ахнул Оррик.

– Старина Поль оказался не готов к выходкам пьяного мо-локососа.

Уже через час в тот же самый кабинет потянулись первые «постояльцы» камер. Как и в первый раз я решил начать с Грида. Воин, обезоруженный, без пояса и с обильными кровоподтеками на лице едва ли напоминал себя прежнего. Всего за сутки он стал бледной тенью прежнего задиры и гордеца. К счастью для нас и для него, отец Поль не успел всерьез насладиться своим успехом, и к пленникам не приступили с расспросами по-настоящему.

– Здравствуй, Грид, – сказал я. – Садись.

Он молча опустился на табурет, с ненавистью разглядывая мое лицо.

– Ты знаешь, в чем тебя обвиняют.

– Я невиновен! Я не злоумышлял против инквизиции! – почти закричал он.

– Я знаю, – сказал я. – К несчастью, твой начальник думает по-другому. Я пытаюсь поправить ситуацию, и мне нужна твоя помощь.

– Что нужно? – наконец спросил он.

– Честно ответить на вопросы.

– Я уже раз отвечал честно на твои вопросы.

– Ответь еще раз. Теперь все по-другому – я тебе обещаю!

– Хорошо, – вздохнул он. – Спрашивайте, ваша милость.

Я пропустил сарказм мимо ушей.

– Передавал ли ты сведения о передвижении караванов или отрядов инквизиции кому-либо?

– Нет.

– Рассказывал ли об этом посторонним или близким людям, которые затем могли передать их врагам инквизиции?

– Нет.

– Знаешь ли ты кого-нибудь, кто мог это сделать?

– Нет.

Я уже настолько расслабился, ожидая от Грида правды, что мои пальцы, до того лежавшие на кулаке десятника, сползли на клинок. И тут, после очередного «нет», у меня

явственно засвербело в носу. Но не сильно, так что чихаешь до звона в ушах, а в меру: потрешь переносицу – желание исчезнет. Я даже поначалу не понял, что же случилось, и только после до меня дошло, что произошло: мне соврали, и я почувствовал это, не имея прямого контакта с человеком! Способность работала через металл! Гораздо слабее, не так ярко выражено, но все также исправно. Вот оно, мое спасение! Теперь я знал, как скрыть свои навыки от чужих глаз.

– Ты меня обманул, – сказал я, возвращая руку на кулак Грида: опыт необходимо повторить, вдруг я ошибся?

Воин замялся.

– Я не уверен.

– А мне думается, что это не совсем так.

– Ну? Теплая и уютная камера ждет.

– Возможно, десятник Таринг мог разболтать что-то о нашей прогулке. У него длинный язык.

Мое чувство лжи молчало.

– Оррик, этот Таринг сидит вместе со всеми?

– В соседней камере. У него легкое ранение, ваша милость.

– Давай его следующим.

– Хорошо.

Больше ничего интересного я от Грида не услышал, поэтому спустя некоторое время его вернули обратно.

Десятник Таринг оказался невысоким человеком, нехлипким, но и не мускулистым, как ожидалось от младшего ком-

состава. Он слегка прихрамывал на правую ногу, и у него не хватало нескольких зубов, отчего его речь звучала невнятно, даже короткие «нет» и «да». Моя надежда вывести его на чистую воду разбилась об его лаконичные ответы, да и в целом он настолько не подходил под описание «болтун», что уже к середине беседы я понял, что с помощью меня, очевидно, Грид попытался решить свои личные проблемы, а мое «чувство правды» сработало на его беспочвенных подозрениях и личной неприязни. В конце концов его пришлось отпустить, и я начал сначала.

Людей приводили и уводили, а я был так же далёк от результата, как и в самом начале. В качестве охраны отец Поль истребовал у городского главы десять солдат, практически ополовинив и так невеликий гарнизон, но кто б вздумал ему возражать! В городе и так царил переполох – история о том, что почти вся инквизиция томится в застенках, уже просочилась наружу. Люди замерли в ожидании.

В конце концов я приноровился, и за день смог опрашивать по девять человек. Вопросов было немного, способность не требовалось настраивать. В тот первый день, когда за решетку угодили почти все члены отряда, беседа с людьми свелась к одному-единственному вопросу. Я задавал его, как автомат, а главный инквизитор и слышать не желал о прекращении процесса. Сейчас, когда мне не мешали, я сосредоточился на ответах, но и к концу недели воз не сдвинулся с места – подозреваемых не осталось.

Мы собрались вчетвером в кабаке рядом с башней. Заведение пустовало, все его обычные посетители теперь квартировали в нескольких десятках метров напротив и чуть ниже уровня мостовой, отрезанные от пива и прочих недоступных им сейчас излишеств. Впрочем, отец Поль несколько поумерил прыть и пока не пытался взять дело в свои руки. Но его нетерпение нарастало, тогда как мои надежды по-быстрому решить дело рушились на глазах. Так что наше настроение было под стать всеобщему – если и не похоронное, то точно не боевое.

– Больше никого не осталось. Шестьдесят три человека. Мы опросили всех. И тех, кто ходил, и тех, кто не ходил. Пустота. Никаких агентов, ничего!

Добавить к сказанному мне было нечего. Да все и так это знали, ибо принимали в процессе самое непосредственное участие. Даже Валена настояла на том, чтобы ее допустили к делу. Я плюнул и разрешил: хуже все равно не будет.

– А может, это кто из убитых? – сказал Оррик. – Не повезло бедняге, свои и прирезали.

– Сомнительно, – возразил Аридил. – Если рассматривать эту версию, все наши усилия напрасны.

– Будем исходить из того, что он здесь, – заявил я. – Как он мог меня обмануть? Любые уточняющие вопросы не дают результатов. Кажется, мы предусмотрели все: и добровольное сотрудничество с врагом, и под нажимом, за деньги и без, прямое предательство, игра в тёмную – ничего!

Если кто и не понимал раньше всех выражений, то теперь, после стольких дней игры в детективов, среди нас таких уже не осталось.

– А твоя эта хреновина точно работает? – сказал Оррик. – Может, отключается иногда, а ты и не знаешь.

– Работает. – За время интервью я несколько раз специально просил собеседника сказать что-то заведомо ложное – способность исправно щекотала мне нос.

– Эй, там! – крикнул Оррик хозяину. – Неси ещё пива!

Я перестал ограничивать своих людей в тратах: если мы найдём предателя, как-нибудь выкрутимся, если не найдём, перейдем на казенный харч, а деньги достанутся другим.

Совсем молоденькая девушка, почти девочка, принесла нам ещё два кувшина. Оррик разлил всем по кружкам, даже Валена не подумала отказаться.

– А если он тебя не обманывал? – вдруг сказала она.

– Не может быть. Я же спрашивал...

– А если ты его не спрашивал? – проговорила она. – Со всем.

– Но как такое возможно?! – воскликнул я. – Мы же всех...

– Не всех, Иан, – сказал Аридил. – Далекое не всех.

На следующий день я заявился к главному инквизитору ни свет ни заря. Он показался мне без обычной кольчуги и тер глаза.

– Как успехи в расследовании, «Голос»? Я слышал, что пока иуда не пойман, – в голосе отца Поля не было и следа сожаления.

– Как раз наоборот, – сказал я. – Мы напали на след.

– Ого! И кто же это?!

– Осталась самая малость. Мы думаем, что это кто-то из прислуги. Их не замечают и ведут беседы, о которых многим не следует знать. Поэтому мне нужно ваше согласие, чтобы поговорить со всеми, кто находится в этом здании, включая повара, чистильщика и камердинера.

– Что за чушь! – мигом вспыхнул отец Поль. – Это все проверенные мной люди!

– Но позвольте, ваши воины разве не являлись таковыми до недавнего времени?

– Но они солдаты! Солдатам свойственно бунтовать!

– А чем повар в инквизиции отличается от солдата? Он призван кормить слуг божьих, чтобы они ограждали народ от ошибок и людей, которые их совершают умышленно. Это тоже солдат в некотором роде, – я повернулся назад и уперся глазами в Оррика.

– Конечно, все они солдаты! – гаркнул тот.

– Вот видите, главный инквизитор, так что если ересь проникла в сердце братьев, что уж говорить о небоевых службах! Пока что я всего лишь прошу, отец Поль, – произнес я многозначительно.

– Ну хорошо, – наконец сказал он. – Проверьте, но по-

скорее! Мой рапорт почти готов, даю вам один день.

– Вы само великодушие, – сказал я, глядя на его довольную физиономию, естественно, поимка шпиона среди слуг подпортит ему репутацию, так что он выделил мизерный срок, чтобы мы гарантированно сели в лужу.

Оказавшись за дверью, я повернулся к Оррику.

– Так. Нужны списки всего обслуживающего персонала. Вообще всех, кто хоть как-то относится к инквизиции. Даже если это девушка, и она лишь каждый четверг ходит стирать носки помощнику повара. Наш источник говорил про инквизицию, и я почему-то уперся в солдат, больше такой ошибки допускать нельзя.

– Ты представляешь, сколько народу придётся опросить? Сколько у нас времени?

– До сегодняшнего вечера.

– Ты с ума сошел! Как ты себе это представляешь?

– Не имеет значения, – сказал я. – Мы на верном пути!

Оррик вздохнул.

– Где взять имена всей обслуги?

Я задумчиво потер подбородок, и в этот момент к нам подошел пожилой слуга главного инквизитора.

– Завтрак подан, ваша милость, – кличка ко мне прицепилась, теперь так меня называли почти все в башне.

– Давай зови наших, – сказал я Оррику, – в темпе едим и нужно шевелиться. Тебя как зовут? – обратился я к слуге.

– Томаж, ваша милость.

– Вот что, Томаж, ты же тут всех знаешь? Кто уходит, кто приходит, кто подметает.

– Да, ваша милость.

– Значит, сможешь составить список всех, кто работает в башне или навевывается сюда время от времени и мог что-то слышать. Моим людям придётся их всех опросить. Возможно, предатель скрывается среди них, – сказал я и вдруг взял его за руку. – Ты, кстати, не передаешь сведения о передвижении своего начальника и торговых караванов врагам инквизиции?

Он вздрогнул и попытался отстраниться.

– Нет!

Я чихнул ему прямо в лицо.

Глава 19

– Так что, отец Поль, давайте не будем торопиться с огульным обвинением всех и вся. Погорячились, пригрозили, наказали, наконец, куда же без этого, но надо же быть милосердным. Все мы люди не без греха, что ж из-за этого портить жизнь и карьеру? У меня же нет ни малейшего желания сообщать епископу о том, что верный сын церкви пригрел на своей широкой груди гадюку! И вам стыдно быть таким злопамятным.

Дело происходило в личных покоях главного инквизитора, только на этот раз принести вино было некому, потому что старый слуга инквизитора сидел под замком в самом глубоком подвале башни, а нового ещё не нашли.

– Да вы проходите, не стесняйтесь, это же ваш кабинет, ваше кресло, – сказал я, поднимаясь из-за стола. – Ну как, мы договорились?

– Да, – глухо произнёс отец Поль сквозь стиснутые от гнева зубы.

– Так вы распорядитесь, чтобы всех выпустили? Не хотелось бы, чтобы люди томились за решёткой дольше необходимого. Лучше сами объявите им о помиловании. Ну а валить можете все на меня, это вам здесь работать.

Отец Поль с ненавистью смотрел на меня, и я его, в общем-то, понимал.

– Кстати, я отпишу епископу о вашем примерном участии в этом деле и помощи, которую вы оказывали на каждом шагу.

Главный инквизитор резко по-военному развернулся и выскочил из своего кабинета, как будто ему дали хорошего пинка. Я улыбнулся ему вослед: вот что значит образцово проведенная операция. У нас на руках были признания личного слуги строптивного инквизитора, а у него на людей – пшик. Я обрадовал его, что церковь будет всячески отрицать наличие инструмента, определяющего правду, а его люди и так в один голос вопят о своей невинности.

Теперь он будет сидеть в своей глуши тише воды, не дай бог, чтобы кто-нибудь вспомнил о его промашке. А значит, никаких проверок в ближайшее время не будет. Да, враг у меня появился серьёзный, но его ядовитые зубы стертые, а сам он попал в клетку. Мне повезло, что и людям удалось в какой-то мере помочь. Помятые, но живые, а шрамы заживут. Зато будет о чем вспомнить за кружкой пива.

Насвистывая весёлую мелодию, я отправился в гости к Оррику, который все это время глаз не спускал со старика-лазутчика. Где-то рядом лязгали замки камер, отпираемые солдатами, и безоружных, избитых людей гнали наверх. Чувствую, мое участие в пытках ещё и как следует приукрасят.

– Оррик, где ты там?

– Здесь, ваша милость, – раздался голос из одной из ка-

мер, стоявших нараспашку.

– И ты туда же? – сказал я. – Заканчивай с этим. Командир звучит куда как лучше. Ну, где этот болезный?

Я заглянул внутрь и в свете четырёх факелов, разгоняющих мрак подземелья, разглядел всех своих. Даже Валена стояла тут, не побоявшись мрачного антуража.

– Дело в шляпе, – сказал я радостно, а затем на всякий случай пояснил: – Отец Поль остался без епископской мантии, но вынужден держать язык за зубами.

– Не радуйся так, – сказал Оррик. – Ты лишь выиграл нам время. Ничего не закончилось.

– А ничего, что мы тут при нем, – я указал на старика, сидящего у стены, – сыпем своими секретными секретами?

– Не бойся, он спит, – сказал Оррик и жестом показал, что сон пленника вынужденный.

– Ты его не зашиб?

– Крепкий дед, – хмыкнул Оррик, – и не больно словоохотливый.

– Но... – поторопил я его.

– Но, демон его подери, мы все знаем, так что, если и зашиб, невелика потеря.

Я потер руки.

– Отлично! Не томи, рассказывай!

– История стара как мир, – заметил Аридил. – Когда-то давно отец Поль оказался проездом в деревне, староста которой подложил под него свою дочку, но не рассчитал харак-

тер главного инквизитора. Девочка тронулась головой, а ее обидчик уехал, кинув отцу медяк за услуги, – я слышал, так часто поступают в человеческих селениях, чтобы получить сильную кровь.

– Бедная девочка, – проговорила Валена.

Да-а, привыкать мне ещё и привыкать к этому миру.

– Месть?

– Да всего понемногу, – сказал Оррик. – Сначала месть, потом деньги – от дочурки остался маленький, за которым нужен пригляд. Да какая разница?! Главное, мы знаем, что он работал не на одну банду! Оказывается, их целых три штуки ошивается рядом с городом!

– Медом тут, что ли, намазано? – сказал я. – Он сообщил, для чего они это делают?

– Да ему-то что, лишь бы платили. Отец Поль – отличный источник информации, а этот хмырь просто запоминал все, что слышит, и оставлял послание в определённом месте.

– А как вообще получилось, что он стал заниматься этим делом? – спросил я.

– Однажды в кабаке к нему подсел человек и предложил поработать на благо всех людей и его самого.

– Так и сказал?

– Угу, кто ж откажется от такого. А тут ещё платят, и есть возможность поквитаться.

– Неужели так просто устроиться слугой к главному инквизитору?

– Не так сложно, если пропал старый.

– И что, у главного инквизитора не возникло никаких подозрений? – спросил я.

– Он его, конечно, вспомнил, а воспоминания у отца Поля остались сугубо положительные, вот и взял к себе. Ну, может, пожалел немного. Кто ж откажется сделать доброе дело, если это ему ничего не стоит.

Я задумался, остальные в ожидании смотрели на меня.

– Пока никто не знает, что шпиона поймали, надо воспользоваться ситуацией! – сказал я. – Оррик, быстро наверх, там наш бравый инквизитор вещает о предателях и заговорщиках. Нужно помешать ему разболтать на весь мир все, что нам известно. Ни одна живая душа не должна знать, что мы уже поймали негодяя! И вообще, пусть напустит побольше тумана, вдруг у этих молодчиков здесь есть еще кто-то, пусть лучше думает, что продолжается охота на ведьм.

Когда Оррик убежал, а с ним ушла и Валена, Аридил взял меня за плечо.

– Что бы ты ни решил, что бы ни сделал в дальнейшем, знай, что я – с тобой. И не потому, что дал клятву. Для дяди моя семья как кость в горле, но почему-то никто, кроме меня, этого не видит. То, что сказал Оррик, лишь подтверждает мои подозрения. Вручив мою жизнь тебе, князь нанес нашему роду несмываемое оскорбление. Принц эльфов, пусть даже четвертый в роду, в услужении у человека! Но дядя привык все судить по себе, и тут он просчитался – я не считаю

унижением отдать жизнь за такого, как ты. Почему-то я верю, что в тебе что-то есть, что-то такое, что заставляет меня смотреть в будущее с надеждой. Словно в тебе заключена надежда. Я смотрю на тебя, вспоминаю, что говорили мне дома, и понимаю – они ошибаются, потому что не видят того, что вижу я.

Его глаза погасли, он отпустил меня и отвернулся, а я стоял столбом, не в силах скрыть сильнейшее изумление. Такого признания, да ещё сейчас, можно было ожидать от кого угодно, но только не от всегда спокойного и рассудительного Аридила. Оно, пожалуй, меняло все. Если до сих пор я в глубине души ещё сомневался, куда мне податься и не послать ли нафиг и князя Аэлара, и епископа с их требованиями, то сейчас понял, что хочу этого сам, без чьей-либо указки. И никакой старикан в рясе со своими далеко идущими планами меня не остановит. Хочешь меня прикончить прилюдно? А вот те хрен! Я стану инквизитором, несмотря ни на что. Вот тебе мое слово, слово Тёмного Властелина – Убийцы!

– Аридил, ты все понял? – сказал я, всматриваясь в его ауру. – Двигаешься позади основной группы с таким расчётом, чтобы никто, повторяю, никто не смог тебя обнаружить. Твоя задача – захват тех таинственных личностей, кто не принимает непосредственного участия в драке. Будь осторожен, сам знаешь, с арбалетами они управляться умеют.

В ответ на мою нотацию эльф лишь улыбнулся.

– Надеюсь, мне не нужно проверять степень правдивости твоих слов?

Аридил враз посерьезнел.

– Я сделаю, как ты хочешь.

– И присмотри за Валеной. Она рвется в бой не меньше остальных, но её дело – наблюдение.

– Не волнуйся, я ручаюсь за её жизнь.

– Сам на рожон тоже не лезь, – я ткнул его пальцем в грудь, подводя итог разговору.

Понимаю, я всем до смерти надоел, но это моя первая боевая операция, и мне не хотелось сесть в лужу. Да, судьба наконец-то повернулась лицом к своему антигерою. Помимо всего остального, Оррик выяснил, что буквально несколько дней назад к нашему стукачу заявился кто-то из банды и долго выпрашивал насчёт большого обоза, который должен был выйти из города. Десять телег, пятнадцать охранников на троих купцов, нанятых вскладчину, и возницы – всего тридцать два человека. Похоже, бандиты вконец осмелели, если позволяют себе нападать на такой хорошо защищенный отряд, или объединили усилия, что, с одной стороны, увеличивает риск моего плана, с другой – дает шанс избавиться от всех разом. Кровожадный план зловещего карлика? Возможно. Но от рядовых участников банды не было никакого толка. Я уже убедился, что им ничего не известно. Руководители отрядов явно знали гораздо больше, но и противники из них не чета солдатам, захватить такого живьем можно при

условии серьезных потерь, а мне не хотелось такого исхода.

А вот возможность захвата организаторов – совсем другой коленкор. Подозреваю, именно арбалетчики и являлись теми самыми главными «заказчиками», на которых стоило обратить внимание. Именно на их поимку я и возлагал особые надежды в планируемой операции. Их захват должен был произвести Аридил, двигавшийся по пятам за основным отрядом. Благодаря возможности волшебницы отслеживать появление чужаков задолго до предполагаемой встречи, у него появлялось время подготовиться и засечь засаду едва ли не раньше, чем на нас нападут. Дальше уже дело за ним. Его уровень подготовки, позволял надеяться на благополучный исход. Я сразу клещом вцепился в эту возможность.

Несмотря на то, что даже Оррик не верил в наличие еще одного соглядатая в городе, я постарался максимально скрыть все наши приготовления. Для этого уже поздним вечером гостиница, в которой поселились купцы, была полностью заблокирована инквизицией. Отец Поль прекрасно постарался над речью, и теперь бойцы буквально горели желанием отомстить тем, из-за кого, как они думали, им пришлось пережить ряд не очень приятных моментов. Как ни странно, меня он обвинить побоялся, целиком и полностью возложив вину на пока еще эфемерных врагов. Поэтому купчишек не слишком вежливо попросили заткнуться, когда они попытались качать права. Все трое с напряженным вниманием выслушали, чего от них хотят слуги богов, а я под-

сластил пилюлю тем, что они заслужат благодарность церкви.

В результате все люди из каравана остались под арестом в гостинице, а сам постоянный двор закрыли под вымышленным предлогом – на этом настоял я: лучше сплетни, чем длинные языки подвыпивших караванщиков. С нами выразили желание отправиться сразу двое купцов, подозреваю, они опасались, что мы элементарно хотим увести их товар. Никто не имел ничего против их участия. Более того, я и сам собирался предложить им участвовать, чтобы ни у кого не оказалось подозрений насчет состава самого каравана. Было бы странно, если бы в нем не оказалось собственников товара.

Мы вышли из города, едва забрезжил рассвет. Я ехал в одной из телег в самом центре каравана. Оррик настоял на том, чтобы убрать из нее часть содержимого и сделать для меня самое настоящее убежище. Мне пришлось согласиться, впрочем, я и не возражал – умереть по глупости в момент, когда «наши победили», показалось мне слегка неуместным. В идее инквизитора оказалось весьма рациональное зерно, поэтому я пошёл ещё дальше и приказал соорудить такие же схроны во всех остальных телегах. В них удалось разместить по четыре человека в каждой – пятьдесят четыре прекрасно вооружённых и злых до зубовного скрежета воинов, жаждущих дорваться до вражеской крови.

– Оррик, я не думаю, что нам стоит ждать нападения рань-

ше завтрашнего дня, – сказал я, и воин, сидевший рядом со мной в телеге, скорчил недовольную гримасу. – Грид, нечего изображать из себя школьника, ты же в армии.

– Я в инквизиции, а не в армии, ваша милость, – сказал он.

– Не вижу разницы. Вашим товарищам тоже не слишком удобно, но они же помалкивают.

Со мной и десятником в телеге находилось ещё двое: долговязый, рябой малый с мечом, вечно шмыгающий носом, и парень чуть постарше меня, которого все звали «ползун». Лично я так и не смог соотнести прозвище с его владельцем. Оба воина держали мысли при себе, и только Грид демонстрировал мне свою независимость.

Обоз двигался со скоростью бодрой черепахи, так что только через пару часов городская стена исчезла за деревьями. Делать было решительно нечего и, самое главное, негде. Даже мне с моим ростом не получилось бы вытянуть ноги. Как же там умещаются остальные? Но ради дела все готовы были терпеть, а Оррик пообещал разрубить напополам каждого, кто хотя бы высунется из телеги без его ведома. К полудню, пройдя километров пятнадцать, обоз встал, и «легальные» охранники отправились обедать, нам же пришлось довольствоваться сухим пайком. Телеги едва слышно «переговаривались», иногда внутри возков кто-то коротко хмыкал, после чего все испуганно замолкали.

– Ваша милость, а это правда, что в старого Томажа вселился демон?

Хм, интересная интерпретация.

– Грид, тебе никто не говорил, что много будешь знать – скоро состаришься?

Воин вздрогнул и осенил себя тремя кругами – я первый раз видел подобный жест.

– Сохрани боги, это ж рази любопытство?

– А что же это? – заинтересовался я.

– Так, мысли вслух!

Я хмыкнул.

– Оставьте свои мысли при себе. Много будете думать, и вас сожгут уже по-настоящему.

Теперь вздрогнули все трое, но больше меня вопросами не докучали. Самое время подумать о будущем, которое мне уготовили мои покровители. Значит, вам нужен фейерверк на площади и сказку сделать былью! Старый хитрый пройдоха в сутане приготовил мне славный сюрприз, а эльфийский Дункан Маклауд, да продлятся его годы до тех пор, пока я не снесу ему голову, явно решил воспользоваться чужими руками. Но я не доставлю вам такой радости.

Отобедав как следует, возникшие повскакивали на козлы телег, и мы двинулись дальше. Помните анекдот про каток? Набор максимальной скорости в момент старта – как раз наш случай. Я стал опасаться, что мы загнемся в своих укрытиях, пока доберемся до места засады.

Ночью нам всем пришлось вылезти из наших схронов, иначе потом толку от воинов оказалось бы мало. Я бы во-

обще в первый день разрешил всем не прятаться, но Оррик убедил меня, что, во-первых, за нами могут следить, а во-вторых, мы говорим о воинах, а не о барышнях, которым лишь бы потанцевать, – потерпят, если для дела нужно. Когда солнце село, инквизитор все-таки разрешил всем выбраться из телег. Надеюсь, за нами присматривают не так тщательно. Чтобы избежать риска, Оррик расставил дозорных и только потом дал команду покинуть укрытия. Я с наслаждением растянулся на траве, вслушиваясь в звуки ночного леса, а перед самым рассветом нас всех загнали обратно. Мы жаждали боя больше всего на свете. Грид скрипел зубами и разминал затекшие ноги, остальные, безымянные соседи, занимались тем же самым, но в разных вариациях. Мой горб пылал болью, как будто там внутри находился термоядерный реактор, у которого отключили систему охлаждения.

– Ну сколько можно?! Где эти лодыри? – в сердцах прошипел я в середине третьего дня, когда мое терпение перевалило за грань. – Это уже натуральное хамство!

Бам! В борт телеги ударилось что-то, и перед моим носом из дерева высунулся арбалетный болт.

– Ааа! – кто-то завопил истошно над ухом, и я узнал голос купца Веринима. – Убива-ают!

Как он верещал! Боже, настоящий талант! Если бы я сам не просил его вопить погромче, ни за что бы не подумал, что это сольное выступление – постановка. Надеюсь, и нападав-

шие не заподозрят подвоха. Нам нужно было их выманить, а не гоняться за ними по бурелому.

Выглянув из-под парусины, накрывавшей нас с головой, я обнаружил, что вокруг царит настоящий хаос: охрана суматошно пыталась построить строй, их начальник орал в голос, что-то требуя от очумело вращающих глазами людей. Возницы побросали вожжи и пытались укрыться в телегах. Верю! Верю! Мне хотелось хлопнуть в ладоши от радости. Пока все шло согласно плану.

К нам из леса бежали люди, потрясая оружием и грозно улюлюкая. Их было не меньше тридцати человек, некоторые выглядели очень серьёзно! Неужели очередные людоеды? Им оставалось преодолеть ещё метров тридцать, когда поведение людей, суетившихся возле телег, кардинальным образом поменялось – их движения приобрели смысл, в руках замелькали мечи, – а стоило бандитам добежать до дороги, из телег горохом посыпались злющие инквизиторы, на ходу разминая затекшие члены. Задуманное удалось на славу: сила встретила силу, и волна нападавших, ожидавшая встретить лишь слабое сопротивление, наткнулась на несокрушимый утёс.

Второй в своей жизни серьёзный бой воины встретили совсем по-другому. Никаких пленных нам больше не требовалось, а значит, не нужно и рисковать понапрасну, подставляться под удар, сдерживать замах. Воины с двух сторон за долю секунды сообразили, что ждать пощады от врагов не

имеет смысла. Они столкнулись с грохотом и ревом. Тут же окрестности огласились криками боли и ярости. Звон мечей взвился ввысь, распугивая лесных обитателей, хруст костей, падение тяжелых тел на землю, рычание намертво сцепившихся воинов обрушились на меня, оглушая и заставляя заворуженно наблюдать за этой пляской смерти.

На этот раз я оказался сторонним наблюдателем, но это обстоятельство ни на секунду не облегчило мне жизнь. Все голоса слились в один. Как можно управлять боем, если непонятно, где свои, где чужие? На солнце сверкали мечи, глухим звуком отдавались удары оружия о щиты. Перед глазами завертелся калейдоскоп из тел, так что мой мозг сразу потерял нить боя. Но Оррику как-то это удавалось. Именно мой спутник играл роль начальника охраны каравана, и я в который раз убедился, что он, как рыба в воде, чувствовал себя в бою. Инквизитор видел все и действовал единственно верным способом. Он шел сквозь схватку, раздавая четко выверенные удары, на моих глазах он несколько раз помешал врагу добить наших воинов. Инквизитор не стеснялся бить в спину, ставить подножки, сбивать с ног. Наше численное преимущество и его умелые действия постепенно перевешивали чашу весов.

Мне показалось, или я видел смазанную тень, метнувшуюся к опушке? Если это тот, о ком я думаю, мой план вполне удался и во второй части – Валена смогла вовремя обнаружить нападавших, и теперь Аридил шел по следу организа-

торов. Я мысленно пожелал ему удачи.

Битва понемногу стихала. Несмотря на наличие нескольких очень сильных бойцов, мои воины сначала оттеснили противника от обоза, а затем расчленили на части. К тому времени, как я выбрался из своего убежища, она разбилась на множество мелких стычек, на наше счастье, в этот раз уже наши бойцы бились вдвоем против одного нападавшего. На крики уже не оставалось сил, обе стороны берегли их для ударов. Этим я и воспользовался.

– Сдавайтесь! – крикнул я.

Меня никто не услышал – ну еще бы, откуда бы взяться луженой глотке? Тогда я попросил о помощи своего глашатая.

– Сдавайтесь! – подхватил купец Вериним после довольно ощутимого тычка в спину.

Лишние минуты схватки – это лишние раны, силы и кровь. Даже если сдадутся несколько человек, мои усилия потрачены не зря. И действительно, несколько нападавших замешкались, услышав крик купца, за что были мгновенно наказаны – мои бойцы и не подумали предоставлять им шансы на жизнь. Опустил меч – падай с перерезанной глоткой. Я на секунду опешил – не такой реакции я ожидал на свое предложение, но мой порыв остановил Вериним, догадавшийся о моих намерениях. Он буквально поймал меня за шкуру и втянул обратно в телегу.

– Без вас разберутся! – заорал он, и мне пришлось подчи-

ниться.

Схватки закипели с новой силой, враг стал отступать, кто-то с той стороны попытался объединиться, чтобы пойти на прорыв, но и наши это понимали: очагов сопротивления становилось все меньше, преимущество – все больше. Оррик метался между воинами, помогал там, где его опыт ломал чужую силу и волю. Мне оставалось только смотреть за тем, как гибнут последние нападавшие, на свой счет в этот раз я не записал никого. Ну и фиг с ним, уж по этому поводу я печалиться точно не буду.

Последний враг безмолвно повалился на землю, его обступило семь моих воинов. Грид сплюнул на труп, утер с лица кровь – свою и чужую – и радостно заорал:

– Сдох, ублюдок! Победа!

Его крик подхватили остальные воины. И хоть были среди них и те, кто не мог подняться с земли, но и они, кривясь от боли, тянули к небу руки с клинками. Оррик только усмехнулся, хлопнул десятника по плечу и направился к телегам. Он еще издали заметил меня и отсалютовал.

– Иан, все! Ни один не ушел. – Он обратил внимание на купца: – И ваш товар в сохранности, уважаемый Вериним.

– Ну и славно, – проворчал купец. – Вот только я не успеваю на ярмарку.

– Всем нам приходится чем-то жертвовать. Если бы не мы, вам больше не довелось бы увидеть ни одной ярмарки в своей жизни. А у вас в активах останется благодарность церкви.

Не находите, что убытки не столь велики? – сказал я.

Купец спорить не стал, спрыгнул с телеги и пошел проверять лошадей, а я посмотрел на Оррика.

– Надеюсь, Аридил успел напасть на их след.

– Ты тоже заметил, как наш ушастый друг несея к лесу?

Как пить дать твоя колдунья что-то учуяла, – усмехнулся Оррик. – Его тоже заметили, но наш длинноухий друг от стрелы увернулся.

Я посмотрел на пробитый насквозь борт телеги – если бы не укрепленный по распоряжению инквизитора деревянный щит, кто знает, как все могло обернуться.

– А это в кого стреляли-то?

– В меня, – буркнул Оррик. – Только я тоже не лыком шит. Я же помню, кого в тот раз эти гады выцеливали, вот и старался не отсвечивать. Но все равно с четырехсот шагов...

Он повернулся боком, и я разглядел глубокую царапину у самого горла. Автоматически пощупал свое, не такое толстое, словно ствол дерева, и сглотнул.

– Пипец, – это все, на что меня хватило.

– Да, еще немного, и я не жилец. – Оррик оглянулся. – Славно мы их прижали. Потери, конечно, есть, но ты их всех перехитрил. На твоём счету уже три шайки. Такое не забывается, отец Тук, конечно, припишет все себе, но и нам всем достанется, будь уверен.

– Конечно, достанется – он хочет меня убить прилюдно, – напомнил я.

– Хотел! Хотел, безусловно, – согласился Оррик. – Но он не такой дурак, как ты думаешь, если увидит, что ты полезен, обязательно передумает. Беспольных дураков на свете полно, а вот полезных...

– ...дураков? – вставил я.

– Дурак ты, – беззлобно ругнулся инквизитор. – Ладно, пойду я, нужно ребятам помочь. Где там твоя колдунья? Ее помощь тут пригодится.

Оррик ушел, а я вылез наконец из телеги и решил оглядеться. Первый раз за все время мне удастся побродить по полю боя на своих двоих. Когда напали на Гюго, мне пришлось туго, в лесу – не было времени, а сейчас моя роль сводилась лишь к наблюдательской, я старался никому не мешать, но удовлетворить жгучее любопытство хотелось. Одно дело – видеть бой издали, другое – бродить среди тех, кто еще час назад смеялся, надеялся, злился и строил планы.

Нас было пятьдесят семь против тридцати трех. Купцов, конечно, следовало не брать в расчет, если бы Джонас, коллега Веринима, не отправился размахивать кистенем, защищая свое добро. Он получил, естественно, на орехи и теперь постанывал рядом с телегой, баюкая окровавленную руку. Хорошо еще, что не насмерть. Задел он своим оружием кого-нибудь или весь его запал пропал зря – никто потом так и не вспомнил.

Раненых оказалось больше на целый десяток – двадцать семь человек так или иначе попробовали чужой клинок на

вкус. Пятеро больше никогда не похващаются за пивом, что они испытали в бою. Двенадцать из двадцати семи самостоятельно не смогли бы даже доползти до дороги – их сейчас с величайшей предосторожностью укладывали на обочине, высматривая волшебницу.

Враги полегли все. Их изрубленные тела я обошел особенно тщательно. Следовало привыкать к реалиям этого мира. Они пришли за нашими жизнями и заплатились своими – все честно. Моя попытка заставить их сложить оружие пришла из прошлого мира и не имела никаких шансов. Наверное, ее все приняли за военную хитрость, если так, то она удалась.

Наконец за поворотом раздались радостные крики – это двое солдат, отправленные Орриком за Валеной, махали остальным руками. Девушка запыхалась, но старалась не отставать – сейчас ее время. Она уже знала, что ее умение лечить в данный момент нужнее, чем любое другое.

– Сюда ее, сюда! Трому совсем худо, да и Дирк едва дышит.

Отношение к волшебнице тоже переменилось. Фактически она спасла от смерти четырех человек, хотя почти никто не сомневался в том, что их ждет. Вести из деревни пришли практически перед самым отъездом. Пусть никто из них еще не вставал и мог пить только бульон из ложечки, но и Аиду теперь придется потерпеть с их появлением в своем царстве. Каждый воин в отряде был в курсе, кто спас жизнь их сорат-

ников. Оррик, несмотря на свою нелюбовь к колдовству, постарался донести до всех, что именно волшебнице они обязаны жизнью.

Перед Валеной расступились, пусть слегка настороженно, но с изрядной долей почтительности.

– Дайте ей пройти.

Девушка, впрочем, уже не реагировала на отношение к себе так сильно. Когда слишком долго пребываешь в состоянии стресса, перестаешь реагировать на раздражители. Это поначалу компания инквизиторов приводила ее в ужас и лишала воли, но с каждой прожитой минутой жизнь примиряла ее с мыслью о будущем. Сейчас же ее интересовали только раненые. На тех, кто прижимал к себе руку или прихрамывал, она даже не посмотрела, все ее внимание было приковано к ряду тех, кто лежал на земле.

– Вот с ними, – она указала на трех человек, – я уже не смогу ничего сделать. Слишком тяжелые раны.

Жестко. Я бы постарался смягчить новость, но сейчас перед воинами стояла не девушка, а целитель, которому приходилось решать, кому жить, а кому умирать.

– Остальным я могу помочь, но моих сил на всех не хватит, – ровным голосом сказала она.

– Я поделюсь, – выступил вперед Оррик, но его отстранил долговязый парень, сидевший со мной в укрытии.

– Вы уже и так сделали больше, чем все мы, – он с вызовом посмотрел на остальных. – Почему это с нашими товарища-

ми за нас должны своей кровушкой делиться чужаки? Чем мы хуже? Не дело так! Пусть колдунья мою жизнь забирает, для своих братьев не жалко.

Сначала на него посмотрели, как на сумасшедшего, но спустя секунду вперед шагнул Грид и рубанул рукой.

– И то дело! Верно говоришь, Окуш! Я тоже готов жизнью поделиться!

– И я!

– И я!

– Мою бери, колдунья!

– У меня много, не убудет!

Я стоял и смотрел на выкрикивающих свои имена воинов и едва мог сдержать подступивший к горлу комок. Если все, чего я добился в этом мире, ограничится всего лишь спасением этих людей, то я уже не зря здесь оказался. Конечно, главного инквизитора Архана с нами не было, но уже одно то, что эти люди пошли против расхожего мнения, дорогого стоит. Впрочем, аппетит приходит во время еды, так что, конечно, не дело останавливаться на достигнутом. То, что лавры достаются не мне, а моим людям, нисколько меня не задевало, а в какой-то мере даже и вдохновляло – не люблю быть на виду. А так – непричастен, но все знают, что я был где-то поблизости.

Нас с Орриком оттеснили от раненых и довольно решительно попросили не лезть не в свое дело.

– Веришь, первый раз такое вижу, – хмыкнул инквизи-

тор. – Обычно наш брат от колдунов шарахается, как от огня, а тут, вишь, даже защищают. Чудеса!

– Чудеса творятся людьми, – сказал я. – И нечудеса тоже.

Оррик посмотрел на меня и покачал головой.

– Что-то нашего лопухого долго нет.

– Он же утром был длинноухим.

– Да как ни назови, все равно задерживается. Сколько там времени ему нужно, чтобы догнать, стукнуть по темечку и притащить вражину сюда?

До сих пор у меня не было ни тени сомнения, что эльфу удастся разобраться со всеми вопросами самому, но стоило Оррику пробубнить о своих сомнениях, как мои тараканы полезли из всех щелей.

– Может, нужно было пойти за ним?

– Догнать эльфа здесь? Ну ты и шутник. Лес для них – все равно что тракт для конного.

– То есть ты за него не волнуешься?

– Я?! За эльфа?! – сделал большие глаза Оррик. – Больно надо! Я за дело переживаю, пристукнет пару человек, и мы опять окажемся у разбитого корыта.

Спустя час Оррик уже не был так оптимистично настроен. Аридил так и не вернулся. Если бы у меня был хвост, я бы, наверное, уже отбил бы им себе ноги. Инквизитор проявлял беспокойство только тем, что часто поглядывал в сторону леса, я же места себе не находил от волнения.

– ...им теперь только отдых, – Оказывается, Валена закончила все свои манипуляции и теперь пыталась мне рассказать о состоянии раненых. – Принц еще не вернулся?

Я застонал от бессилия.

– Нет! – мой голос сорвался на крик.

Валена вела себя с эльфом подчеркнуто вежливо, и ей, должно быть, казалось, что мы не замечаем, какими взглядами она одаривает нашего высокородного спутника. Если Оррик старался зацепить Аридила разными эпитетами вроде «длинноухого», то она называла его не иначе как «принц» или «его высочество» – в зависимости от ситуации.

– С ним все будет хорошо, – уверенно сказал она, положив руку мне на локоть, но ее аура выдавала в ней страх. К счастью, моя способность распознавать правду через одежду не «пробивала», поэтому оставалось думать, что она действительно так считает.

Я постарался вздохнуть поглубже, как будто проглатывал перьевую подушку.

– Не надо было отпускать его одного, – еще раз повторил я, хотя и понимал, что Оррик, скорее всего, прав. Да, это была моя идея, но Аридил всецело ее поддержал.

– Я могла бы попробовать его найти, – сказала Валена и посмотрела на меня.

Как же я мог забыть о ее способности! Поборов эмоции, я кивнул.

– Но ты же потратила все силы на раненых.

– Кое-что осталось. В этот раз у меня от помощников не было отбоя, почти не пришлось тратить свои силы.

Я подошел к Оррику и попросил найти для Валены такое место, чтобы ее не могли разглядеть посторонние. Он внимательно посмотрел на девушку и повел нас по дороге обратно. Не успели мы пройти и ста метров, как мне открылась небольшая полянка, отлично маскирующая все наши действия со стороны разбитого лагеря.

Валена уселась на колени, закрыла глаза и сосредоточилась. Оррик и не подумал уходить. Он с любопытством наблюдал за действиями волшебницы, но не задавал никаких вопросов. Не забывал он и поглядывать в сторону лагеря, выглядывая из кустов время от времени. Заглянув туда очередной раз, инквизитор выругался и обернулся к нам.

– Если вы собираетесь искать эльфа, то напрасно тратите время.

– Почему?!

– Потому что наш блудный друг только что заявился в лагерь. Один.

Я облегченно выдохнул, не в силах сдержать радостную улыбку, растянувшую мой рот до ушей. Черт, еще немного, и я побегу к нему вприпрыжку. Но даже на это я готов был пойти, лишь бы этот длинноногий товарищ вернулся живым и невредимым. Лучше провалить план, чем потерять друга. В лагерь мы вернулись все вместе, я шагал посередине излишне бодрым шагом. Эльфа оказалось видно издалека, его

фигура на целую голову возвышалась над остальными. Наконец он тоже обратил внимание на нашу троицу и решительно двинулся нам навстречу.

– Аридил!

– Как успехи?

– Цел?

– Ты почему один?

Последним подключился к опросу Оррик и, как обычно, первым вспомнил о деле.

– Нам нужно отправляться в Зитау, – ровным голосом сказал Аридил, едва мы с ним поравнялись.

– Куда?! – воскликнул я.

– Это город, следующий после Архана, – пояснил Оррик. – Но мы и так бы поехали в том направлении. Вернемся к отцу Полю, расскажем о результатах...

Только тут я заметил, что бледностью кожи Аридил напоминал мертвеца, а за те несколько дней, что он провел, следуя за караваном, ему словно добавили пару сотен лет.

– Нет, нужно ехать немедленно! – глаза эльфа горели мрачным огнем.

– А я могу вставить слово? – обиженно спросила Валена.

– Нет! – в один голос ответили Аридил и Оррик, глядя в глаза друг другу.

– Что вообще случилось? Ты можешь сказать?

– Не могу, но нам нужно поторопиться.

– Что такого есть в этом Зитау, чего нет в Архане?! – воз-

мутился я.

Оррик внимательно посмотрел на эльфа, почесал бороду и перевел взгляд на меня.

– Там есть портал. Связь.

– Связь с кем? – спросил я, начиная догадываться, о ком пойдет речь.

– Мне нужно увидеть князя.

– А нам, значит, ты рассказать не можешь? – обиженно спросил я.

– Прости, Иан, вас это не касается.

Оррик тронул меня за плечо.

– Иан, есть только одна новость, о которой он нам ничего не расскажет.

– И что это за новость? – спросил я, глядя в глаза Аридилу.

– Что мы влезли в дела, касающиеся эльфов, – сказал Оррик и глубоко вздохнул.

Глава 20

Еще пара дней, и я буду чувствовать себя заправским гусаром. Спать в седле я практически научился, если это полубезделье можно назвать сном. Мы неслись по дороге, останавливаясь, только когда сил держаться в седле уже не оставалось. Будь на то воля эльфа, то пришлось бы обходиться вообще без отдыха. Моя спина вскоре перестала посылать мне сигналы, словно до организма дошло – предупреждай или нет, ничего не изменится. Так или иначе, я держался в седле, если и уступая спутникам, то ненамного. Подозреваю, именно в этот момент моя выносливость наконец-то шагнула на новый уровень.

В путь мы отправились не сразу, а как только Валена убедилась, что сделала для своих пациентов все, что могла. Нас провожали удивленными взглядами, засыпав волшебницу словами благодарности, Оррику тоже досталась немалая их толика, ко мне подошел лишь Грид и просто кивнул, впрочем, в этом жесте было больше почтительности, чем благодарности. К эльфу же не осмелился приблизиться ни один человек, но, по-моему, ему было наплевать – его захватила навязчивая идея, и ничто другое не интересовало, а своим мрачным видом он пугал даже бывалого инквизитора – во всяком случае, Оррик на время оставил свои шуточки и старался его не задевать. Вместо этого он забрал лошадей у

охраны вдобавок к тем, что вели в поводу Аридил с Валеной, так что у нас получилось по одной заводной.

Принц с ходу взял такой темп, что уже через три дня я с милением вспоминал анекдот про английского и русского летчиков, в котором англичанин честно признался, что «лучше бы он умер в субботу». Я даже периодически думал, что суббот получается чересчур много – каждый день мне казалось, что уж хуже, чем сегодня, точно не может быть. Однако наступал следующий, меня поднимал окрик эльфа или мягкая рука волшебницы, и Оррик привычным баскетбольным движением закидывал мою тушку в седло. Дальше в сознании отпечатался лишь монотонный «тук-тук-тук» под копытами лошади.

Иногда к концу дня я настолько уставал, что подолгу не мог заснуть. В такие вечера я сидел у костра, пялясь в огонь, и ни о чем не думал. В один из них ко мне и подсел эльф.

– Опять не спишь.

Я вяло качнул головой.

– Не могу. Честно. Кажется, что, стоит упасть с лошади, и засну, как мертвец, но сна ни в одном глазу. – Я понял, какой получился каламбур, и усмехнулся. – Ну ты понял.

Аридил печально вздохнул.

– Поверь, я хотел бы все рассказать.

– Расскажешь, когда сможешь, – сказал я. – Я не в обиде.

Что-то там Аридил увидел. Или кого-то встретил, но не хотел или не мог говорить. Чего уж там, любопытство грызло

меня почище пса, нашедшего сочную кость с остатками мяса. Но давить на Аридила нельзя. Лучше узнать новости позже, чем потерять только-только зарождающееся между нами доверие. Тем более между плеч у меня не только горб и вешалка для шляпы, кое-какие мысли на сей счет появились, пока без подробностей, но здесь, в лесу, можно обойтись и без них, так что подождем.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Аридил как-то странно на меня посмотрел.

– Я все чаще думаю, что князь и сам не понимает, какую услугу мне оказал, связав нас обязательством.

– Но поначалу ты костерил его на чем свет стоит, – усмехнулся я.

Аридил улыбнулся.

– Я рад, что ошибался.

– Я тоже рад, – сказал я, – что не стал проклятием для вас.

Аридил помолчал, а затем вздохнул. От той горечи, что оказалась вложена в этот вздох, меня пробрало до печенок.

– Проклятия бывают разные.

– Мои легкие. Умылся, и все прошло, – попытался пошутить я, но Аридил не принял шуточный тон.

– Это хорошо. К сожалению, не со всеми бывает так просто.

– Ты про что? – я начал понимать, что мы говорим о разных вещах.

– Ты знаешь, втайне эльфы завидуют людям.

Что-то я вообще перестал понимать, куда он клонит. Или сейчас все это предисловие к чему-либо более серьезному?

– Где-то очень глубоко, – хмыкнул теперь уже я, все ещё не зная, как реагировать.

– Зря смеешься, так и есть, – возразил Аридил. – Ваш век недолог, вы поколениями живете без войн и потрясений. Многие из моих родичей помнят времена, когда мир был другой. Невозможно остаться наивным идеалистом, когда за плечами столько всего. – Он помолчал. – Ты можешь вообразить, что до ста двадцати я торчал в школе?

Я честно попытался себе представить этот срок и содрогнулся.

– Чему можно учиться такую прорву времени?

– Много чему. Этикет, языки, искусство – все это требует массу времени.

– Искусство – еще поверю, но этикет?

– А знаешь ли ты, что почтительность можно демонстрировать девятью разными способами, и у каждого из них есть своя степень?

Это оказалось представить еще сложнее, чем сто двадцать лет в школе. Я понял, что в теме почтительности я полный профан. А еще мне стало много понятнее, что с прогрессом здесь полный швах. Мир Арли если и развивается, то темпы его развития сродни черепашьему спринту.

– Чтобы запомнить все это, требуется, как ты сказал, про-

рва времени, но во дворце без этикета не ступить ни шагу. Чуть-чуть ошибся – разговоров на месяц.

– Тяжело вам.

– А сколько учился ты?

– Одиннадцать лет, – сказал я и понял, что меня только что поймали на крючок. Учиться здесь могут только самые сливки общества, что автоматически свидетельствует о моем положении. Я пытался проникнуть в мысли эльфа, но то ли он не обратил внимания на мои слова, то ли не показывал виду, что ему это интересно. – Но до тебя мне, конечно, как до Рогона ползком.

Эльф не повел ухом на мою попытку пошутить.

– Куда хуже то, что у нас не изучают историю. О ней принято слагать легенды, воспевать в балладах, но четко задокументированных трудов – единицы. Получить к ним доступ можно только с разрешения старейшин, которые не спешат его раздавать.

– Почему?!

– Никто не хочет отвечать на этот вопрос. Да мне даже задать его не дают! Приходится по крупицам собирать сведения из других источников, а любопытство никем не приветствуется.

Оп-па! Выходит, у эльфов тоже не демократия. Кто-то попридержал исторические факты и не спешит оповещать население, предпочитая подготовке к конфликту счастливое неведение толпы.

– И до чего же ты докопался? – я весь превратился в слух.

– Наши старейшины скрывают историю. На глубину в тысячу-полторы лет очень много очерков и воспоминаний, но дальше – табу! Но я выяснил, что две тысячи лет назад эльфы едва выжили в чудовищной войне на истребление.

Я ещё больше насторожился.

– Ты уверен?

– Мать в минуту слабости рассказала мне историю нашей семьи. Как они с отцом чудом пережили последнюю Войну Заката. Им на тот момент было чуть больше ста, их с другими детьми отправили в тайный город, чтобы уберечь от гибели. Никогда ни до, не после она не говорила о тех годах. По ее словам, наша семья потеряла очень много родных в те годы смуты.

Мне стало не по себе. Я уже знал, как трепетно относится Аридил ко всему, что касается его семьи.

– А есть подробности?

Аридил вздохнул и посмотрел мне в глаза.

– Она рассказала, что в тот год на Арли пришел человек, и вместе с ним на наш мир обрушились все кары небесные, какие только может придумать себе смертный или бессмертный. Он огнем прошелся по землям эльфов, оставляя за собой только пепелище и трупы наших сородичей. Но самое страшное, что я узнал, оказалось другое. Зло не исчезло, оно дремлет где-то и вскоре вернется вновь. Имеющий уши да услышит – о его пришествии шепчутся наши старейшины,

но для других ничего не происходит. Мы не готовы, никто не ждет крови и смерти. Мы обречены, если его не остановить, если я его не остановлю, чего бы мне это ни стоило.

К счастью для меня, во время скачки я еще не научился думать, иначе точно слетел бы с катушек. Неожиданное признание Аридила выбило фундамент из-под моих ног и повергло в уныние. Нашел, называется, команду. Почему у меня все не как у людей? Почему не может быть просто и понятно? Этот – плохой, тот – хороший, это – черное, то – белое. У меня же все настолько запутанно, что сам черт ногу сломит. Теперь еще и клятва эта. Аридил мне нравился, но теперь я не смогу ему открыться, а значит, не смогу доверять. Хотелось все послать, и подальше.

Но прошел пятый день пути, за ним потянулся шестой, следом – седьмой. Монотонность дороги притупляла чувства, а усталость довершала начатое, и вскоре мне стало казаться, что этот разговор состоялся полтысячи лет назад, когда Аридил еще ходил в школу. Эльф больше о сказанном не вспоминал, мне поднимать тему вообще было ни к чему, так что через некоторое время я вообще не смог бы сказать, сон вокруг или явь. Мы что-то ели, что-то пили, садились в седло и наматывали километр за километром. В записях, с которыми я сверился перед самым выездом из Архана, говорилось, что между городами никак не меньше пятисот километров, сколько мы прошли, а сколько осталось, оставалось

для меня загадкой.

А на восьмой день на нас напали. Это случилось, когда мы искали место для дневной остановки. Не доезжая до очередного перелеска, перед тем как дорога выскакивает из чащи, позади Валены с треском обрушилось дерево, отрезав путь к отступлению. Пришпорив коней, мы вырвались из теснины и угодили под слаженный залп арбалетов. Целились в основном в Оррика, поэтому ему досталось две стрелы, мне – одна. Валену и эльфа стрелки проигнорировали, хотя эльф как раз и являлся для них основной опасностью.

Мне стрела пробила предплечье, причем расстояние, с которого стреляли, оказалось настолько смехотворным, что черенок прошел руку навывлет. Но это я понял уже после, когда старался выползти из-под копыт лошади, куда я свалился, на миг потеряв сознание от боли. К счастью, нападавшие решили, что меня можно не брать в расчет. Как назло, пострадала правая рука, так что я с трудом извлек из-за голенища кинжал левой и замер, постаравшись определиться с диспозицией, – на меня пока не обращали внимания. Параллельно с этим я не переставал браниться, потому что мат, как известно, может приглушить боль.

Нас давили. Оррик вроде бы отбивался, но как-то вяло, как будто после изрядной порции пива, на него наседали двое, впрочем, не особенно стараясь. Основное внимание уделяли эльфу, который в очередной раз демонстрировал чудеса владения своим страшным оружием. Вокруг него про-

пеллером вращались лезвия глефы, парируя один удар за другим. Но враги подготовились – его теснили длинными рогатинами сразу семь человек. «Живьем будут брать» – подумал я. Засаду планировали с расчетом на специфику оружия Аридила, знали, по какой дороге мы будем идти, а значит... Выводы мне совсем не понравились, к тому же о них можно вспомнить и позже, когда мы отобьемся. Если отобьемся...

– Иан, уходи! – крикнул Оррик, не оглядываясь.

Ага, щас, так я взял и ушел. Во-первых, кто меня посадит на лошадь; во-вторых, что я, их всех брошу, что ли?

Дела шли все хуже и хуже. Аридила теснили к лесу. Как только он окажется в перелеске, наша песенка спета – не очень-то помашешь среди стволов такой штукой. При этом противник, похоже, прекрасно знал, что убежать он и не подумает. Оррика уже несколько раз ранили, и я заметил, что при замахе он держится за левый бок – стрелы видно не было, возможно, он ее просто сломал. Меня никто не держал и не преследовал, но уйти я тоже не мог. Что же делать?

– К лесу, к лесу его! – услышал я крики, полностью подтвердившие мои подозрения.

Еще чуть-чуть, и что-либо делать станет совсем поздно. И тут в дело вмешалась волшебница. Зачет по огненной магии ей точно поставят. Все это время она готовилась и в роковую для нас минуту выпустила в спины загонщиков эльфа целых два огненных шара, а затем мешком повалилась на землю. В следующее мгновение произошло столько событий, что их

хватило бы на целую книгу.

На волшебницу, как и на инвалида, нападавшие не обращали внимания, видимо, не принимая нас в расчет. А зря. Оба шара врезались в спины врагов, окружавших эльфа, и взорвались с оглушительным грохотом. Шестерых человек разбросало, как тряпичные куклы. Аридил краем глаза в последний момент что-то заметил, поэтому успел шарахнуть в сторону, и ему досталось меньше всех остальных. Вскочил он необычайно резво, хоть его одежда оказалась прожжена на груди насквозь. Через несколько секунд я убедился, что контрольными бывают не только выстрелы, но и удары – тремя длинными движениями эльф добил тех, кто лежал на земле, и снес голову воину, который держался руками за глаза. Глефа прошла через плоть, как нож сквозь масло.

Оррик тоже не терял времени даром. Стоило двум его обидчикам оглянуться на своих коллег, когда Валена потчевала их огоньком, как инквизитор словно взорвался, двумя короткими ударами поставив точку в бою. В эти удары он вложил все оставшиеся у него силы, поэтому рухнул вслед за волшебницей. На ногах остались мы с Аридилем, который ошалело оглядывался в поисках очередных врагов.

– Плохиши кончились! – крикнул я ему.

В глазах эльфа заиграло осмысленное выражение.

– Я думал, нам конец, – честно признался он.

– Скажи спасибо Валене, – сказал я. – Когда она очнется, конечно.

– Обязательно! – в сердцах ответил Аридил. – Что с Орриком?

– Ах, черт! – Я бросился к лежавшему на земле инквизитору.

К счастью, он был жив и уже пытался встать.

– Я в норме.

– А стрелы?

– Одну обломил, чтобы не мешалась, а вторая прошла вскользь. – Он охнул и упал на одно колено, но все же с третьей попытки смог подняться.

Я обшарил его глазами и увидел обломок, торчавший из левого бока.

– Никогда не думал, что придется когда-нибудь благодарить колдунью, но, видно, у тебя, Иан, все не как у людей.

Я в ответ на его реплику промолчал.

– Где эта девчонка? – прохрипел Оррик, и мы вдвоем с эльфом бросились в сторону ее лошади.

Валена лежала без сознания.

– Она потратила все силы, – сказал Аридил. – Лечить вас некому.

Мы все дружно посмотрели на Оррика, он скривился, но нашел в себе силы махнуть рукой.

– Тут до города максимум день, а там меня подлатают.

– А ты доедешь со стрелой в боку?

Оррик посмотрел на меня с таким видом, будто я спросил его, не откажется ли он завтра от пива.

– Нужно только извлечь наконечник и перевязать, – безапелляционно заявил эльф.

Я где-то читал, что стрелу как раз извлекать нельзя, потому что раненый может истечь кровью, о чем немедленно сказал вслух.

– Ты что, лекарь? – удивился инквизитор. – Да и не каждый из них знает, что делать.

– Не лекарь я.

– Так чего ж лезешь?

– Потому что хочу сделать правильно, – буркнул я.

– Правильно он хочет, – сказал Оррик. – Коли так, то не лезь, куда не просят. Тащите стрелу!

– Может, Валенуждеждемся? – спросил я.

– Может, ты помолчишь уже? Тащите, пока не передумал.

– Хорошо, но я никогда этого не делал, – предупредил эльф.

– Все когда-то бывает в первый раз, – хмыкнул Оррик. – Только давайте побыстрее, а то могу и передумать.

– Не нужно, – сказал Аридил.

– Ты ж торопишься на пожар.

– Потерплю, теперь нас вряд ли смогут остановить.

– Это из-за тебя нас тут чуть не порешили?

Аридил оглядел поляну: в двух местах лежало семь человек, еще двое валялись поблизости.

– К сожалению, да. Из-за меня вы подверглись смертельной опасности, но теперь уже все позади.

– Тогда давайте не будем рубить шею тупым мечом. Хочу завтра вечером свиную ногу и кувшин темного эля, – заявил Оррик. – И ты, Иан, лично принесешь мне добавки!

Мы разожгли костер и накипятили воды. Эльф взялся за обломок стрелы, слегка торчавший над поверхностью кожи. Я сразу понял, что просто так вытянуть его не получится – не за что зацепиться.

– Ты разворишь рану, когда будешь его доставать, – сказал я. – Он истечет кровью прямо здесь, и мы его не доведем.

– Тащи, я сказал, – перебил меня Оррик. – Ничего со мной не сделается. Я этих зубочисток уже столько вытащил – не сосчитать.

Я вздохнул, почувствовав на секунду, что ощущали мои родители, когда пытались меня убедить в своей правоте.

Эльф задумчиво покачал головой.

– Иан, ты был бы прав, но нам повезло: болт слегка ослабила защита, а потом он попал в ребро. Видишь это? – он указал на место на коже. – Кость раздроблена, но наконечник не ушел глубоко. Я так думаю.

– Да тащите уже! – завопил Оррик. – Я умру, прежде чем вы договоритесь!

Эльфу пришлось расширить рану и долго ковыряться в крови, но он извлек наконечник из тела Оррика. Инквизитор ругался так, что мой переводчик выл от натуги, но так и не смог распознать и половины того, что он выкрикивал. Палку в зубы он почему-то брать отказался, заявив, что ни-

кто не может назвать его слабаком. В итоге, когда показалось навершие болта, Оррик называл его мясником, которому доставляет удовольствие копаться в человеческих внутренностях. Лоб инквизитора покрылся мелкими каплями пота, и его бил озноб, как будто он только что прибыл из страны вечных снегов без шубы.

Затем Оррика туго перевязали прокипяченными полосками одежды и заодно перебинтовали меня. Я к тому времени уже едва стоял на ногах, – по всей видимости, сказывалась потеря крови. Еще через полчаса очнулась Валена, и мы все схлопотали хороший нагоняй, что не растолкали ее до операции.

С помощью эльфа она, бледная как поганка, поколдовала над раной Оррика и остановила кровотечение, заявив, что, если бы они так не торопились, она ни за что не позволила бы ему продолжать путешествие. О том, что девушка спалила шесть человек, никто не обмолвился ни полусловом, а эльф предусмотрительно оттащил обугленные тела подальше в лес. Я же героически отказался от лечения, заявив, что царапины не стоят внимания волшебниц, а шрамы украшают настоящего мужчину.

– Слова мужа, – заметил Оррик, он хорохорился и старался продемонстрировать бодрость духа, но его аура говорила мне о другом.

До утра мы остались на месте боя, а едва забрезжил рассвет, отправились дальше. Оррик крепился изо всех сил, но

было видно, насколько он бледен. Инквизитор, взобравшись на лошадь, почти что сразу перестал улыбаться и время от времени кусал губу, когда думал, что его никто не видит. У меня начался жар, пока еще слабый, но я чувствовал, что лиха беда начало. Теперь-то я был совсем не против, чтобы меня подлатали, но Аридил отдал все, что мог, Валена истощена сверх всякой меры, так что оставалось надеяться на себя. Теперь все решали расстояние до города и наша выносливость.

К воротам Зитау мы выползли, когда стража уже всю тащила створки друг к другу. Нас увидели, но и не подумали подождать с закрытием города. Вообще нафига нужно запирать город, если нет ни внешних врагов, ни внутренних?!

– Стойте! – заорал я и из последних сил пришпорил коня. – А ну стойте! Именем инквизиции!

Выдрав левой рукой из-под куртки кругляш, я вцепился в него рукой, чувствуя, как по пальцам поползли капли горячей крови. Знают они про знак «Голоса» или не знают, мне было наплевать, нам позарез нужно попасть в город сегодня, потому что я сомневался, что все мои спутники переживут эту ночь за его пределами.

Солдаты бросили свое занятие и принялись что-то обсуждать. Когда я подъехал, чудом умудрившись не сверзиться с коня, потому что держаться за поводья было элементарно нечем, они уставились на меня, как на привидение.

– Именем инквизиции! – Я сунул в нос самому старшему

на вид знак «Голоса» – он же знак курьера для не сведущих в отличиях между ними – и прохрипел: – Я требую нас пропустить!

То ли внешний вид изможденного до крайности человека, то ли мой иступленный голос заставил его вздрогнуть и посмотреть на меня чуть ли не испуганно.

– Что с вами, господин?

– Попали в засаду! Нам нужен лекарь. Немедленно!

Солдаты засуетились.

– Как же это?! Где?! Кто посмел?! – меня засыпали вопросами, но я от них лишь отмахивался.

Наконец к нам подъехали мои спутники. Оррик безжизненной куклой свисал с лошади, его придерживал Аридил. Валена выглядела ненамного лучше инквизитора, но еще держалась на своих силах. Завтра ей придется куда хуже всех.

– Дайте нам провожатого, – распорядился я, даже не имея понятия, могу ли приказывать страже. – И отправьте посыльного к лучшему лекарю, пусть немедленно явится в гостиницу.

Старший стражник быстро отдал все распоряжения, и самый молодой из них побежал впереди нас, показывая дорогу.

– Куда ты нас ведешь?

– В гостиницу «Молодой эльф», господин.

– Далеко до нее?

– Да нет, тут рядом, пройдем по Садовников, а там уж

рукой подать.

– Хорошо, веди.

Город, по улицам которого мы шли, оказался не таким запущенным, как Архан, и он был больше и выше. Строения окружали нас плотным строем, исключительно из камня, зачастую двух- и трехэтажные. Несмотря на поздний час, навстречу попадались прохожие, провожавшие нас взглядами, но я не чувствовал удивления в их глазах. Как будто раненых тут возили чуть ли не каждый день. Интересно...

Начальник стражи не соврал – к гостинице мы вышли буквально через несколько минут после того, как въехали город через ворота. В темноте здание ничем не отличалось от соседних, разве что слегка возвышалось над остальными и расплзлось вширь сразу на пару зданий. В окнах первого этажа за мутными стеклами горел свет – там не спали.

Неожиданно Аридил натянул поводья и подъехал ко мне.

– Иан, послушай, мне нужно срочно отправить сообщение.

– Это не потерпит еще минут двадцать? Я один с Орриком не справлюсь.

– Мое дело не терпит ни минуты, я должен был бросить вас еще там, на месте первой засады, и мчаться сюда во весь опор, – сказал он, отводя взгляд. – Уверен, здесь вы найдете всю необходимую помощь, а я вернусь, как только закончу дела.

С этими словами он развернул коня, и уже спустя мгно-

вание только цоканье копыт указывало направление, в котором скрылся эльф. Я поднял глаза и заметил, что Валена не сводит с меня глаз.

– Иан, нам нужен лекарь и быстро, рана слишком тяжела – от меня мало толку.

– Эй, малый, как тебя кличут? – спросил я нашего провожатого.

– Соф, господин.

– Вот что Соф, вот тебе целый серебряный, найди мне лучшего доктора в городе! Приведешь быстро, получишь вторую монету.

– Но ведь вы сказали десятнику...

– Его я попросил, а тебе плачу за скорость. Усек?

Парнишка кивнул и тоже умчался, издали крикнув:

– Хозяина гостиницы зовут Бардварт!

Стоило нам подъехать к парадному входу, дверь распахнулась, и оттуда выбежали двое: почтенный толстяк и его полная противоположность – высокий тощий дядька с пышной бородой. Как будто они только и ждали, как мы доберемся до них из леса.

– Почтенный Бардварт, – обратился я к толстяку, – нам требуется ваша помощь!

– О, нет, молодой господин! – ответил толстяк, подступая к лошади Оррика. – Я – Клес, это – Валлис, мы тут работаем, а господин Бардварт будет рад услужить вам за стойкой. Он редко покидает гостиницу.

– Надеюсь, у вас есть свободные комнаты, наш друг совсем плох, мы ждем доктора, и нам нужно хорошее, светлое место, чтобы врач смог его осмотреть.

– Лучшие номера к вашим услугам! – воскликнул Клес, всплеснув руками, и сноровисто принялся вытягивать инквизитора из седла.

Не обращая на нас с Валеной больше никакого внимания, они осторожно опустили Оррика на землю, затем Валлис сбегал куда-то и притащил большой кусок плотной ткани, который расстелили на земле. Вместе они переложили его на импровизированные носилки и споро понесли в дом. Хлопнула дверь, и мы остались с волшебницей вдвоем на пустынной улице. Валена легко соскочила с лошади, чего нельзя было сказать обо мне.

– Э-э... – проблеял я. – Можно тебя попросить мне помочь?

Подо мной была заводная лошадь, с которой мы пока не нашли общего языка. Вряд ли всех моих навыков хватило бы, чтобы заставить ее встать на колени. Хорошо, что вечер скрывал детали, я чувствовал, что мое лицо сейчас по цвету не отличалось от спелой вишни. Девушка сначала одарила меня недоумевающим взглядом, потом легонько хлопнула себя по лбу, и мы вместе кое-как справились с проблемой, при этом я чуть не потерял сознание, зацепившись пострадавшей рукой за седло.

– Коней оставьте, о них позаботятся, – услышал я голос

Валлиса из-за приоткрытой двери.

Едва очутившись внутри, я почувствовал, как у меня подгибаются ноги. Если бы не волшебница, растянулся бы на полу, а так мне пришлось повиснуть на ней, чтобы не упасть. Не знаю, почему так получилось, то ли пружина внутри меня разжалась, то ли ощущение безопасности ударило в голову вместе с запахами горячей кухни. Вечерняя прохлада еще как-то поддерживала меня на ногах, а горящий камин и теплый воздух, окруживший меня, стоило переступить за порог, окончательно выбили подпорку. Кое-как Валена дотащила меня до ближайшей лавки и впихнула за стол.

– Я закажу ужин.

– Нет, сначала нужно позаботиться об инквизиторе. – Я сделал попытку встать, но не смог даже пошевелиться.

– Сиди уж, будущий инквизитор. – Валена толкнула меня в плечо. – Сама все сделаю.

Удивительно, но, несмотря на близость красивой девушки, я не чувствовал к ней никакого влечения. Нежность – да, признательность – несомненно, но ни о какой любви и речи не шло. Я словно нашел в ней сестру, которой у меня никогда не было. Валена как будто сразу почувствовала мое отношение и с радостью ухватилась за эту ниточку. Девушки всегда с готовностью взваливают на себя ношу по опеке немощных и убогих.

– Что угодно, молодые господа? – У нашего стола остано-

вился любопытнейший тип. Если кратко его описывать, то лучше представить себе одноногого старика на деревянной ноге из известного всем романа. Только выправка у него оказалась солдатская и не хватало на плече попугая. Это, видимо, был тот самый хозяин гостиницы, который встречает гостей за стойкой, и теперь я понимал, почему.

– Уважаемый Бардварт? – сказала Валена.

– Он самый, – усмехнулся тот. – Клеса часто со мной путают. Я вижу, вас потрепало.

– На нас напали в дне пути от города... – волшебница хотела добавить что-то еще, но я ее перебил.

– Мы едва ушли, – сказал я, а вот то, как мы разобрались с бандитами, никому знать не надо.

– Совсем разбойники распоясались, – вздохнул Бардварт. – И куда смотрит барон.

Мне показалось, что все эти вздохи предназначались для нас. Уж слишком острый у него взгляд.

– Я не знаю, куда смотрит он, а мы – на пару комнат. Одну – для леди, другую – для троих мужчин, побольше. Вам уже сказали, что мы ждем врача для друга?

– Я уже велел слугам положить его в самую удобную комнату и послал за свечами.

– Мы вам благодарны, – сказала Валена. – Мне будет нужна теплая вода завтра утром.

– Все сделаем в лучшем виде, – кивнул хозяин. – Желаете отужинать? Поросенок едва поспел.

Я почувствовал, как рот помимо моей воли наполняется слюной. Есть хотелось еще больше, чем спать.

– Сначала мы проведем друга, – сказал я. – Кстати, почём у вас кров?

– Пять серебряных за комнату, – ответил Бардварт. – Но вам уступлю один серебряный и сегодняшний ужин за мой счет.

Вот интересно, если к нему не заваливаются среди ночи с полумертвым человеком в придачу, то комната стоит один серебряный с носа? Но не идти же теперь в другое место. Я уже не в силах подняться, да и Оррику лишние телодвижения не добавят здоровья. Хоть Валена и утверждала, что опытный маг поставит его на ноги за пару дней, я в это верил с трудом. Как, впрочем, и в какие-то регенерирующие функции моего организма: в последнее время глаз перестал чесаться, но я так и не прозрел.

– Распорядитесь проводить нас к нашему другу.

В комнату, где разместили инквизитора, нас отвел Клес. Очевидно, по жизни этот толстяк был крайне жизнерадостным человеком, который к любым горестям относился легко и непринужденно. Вот и тут ранение Оррика немедленно превратилось в царапину, а доктор, которого мы ждали, должен был непременно поднять его на ноги за пару минут. Если бы так и было! Впрочем, с магией я пока сталкивался лишь поверхностно, впоследствии нужно будет окунаться в нее гораздо сильнее, если хочу «вжиться в мир».

– Он здесь, – Клес толкнул дверь. – Миледи, ваша дверь следующая.

Мы зашли, и сразу в глаза бросилось ложе с неподвижным телом Оррика. То, что дело плохо, видно было невооруженным глазом: его грудь вздымалась мелкими толчками, как будто он проглатывал воздух по кусочкам, а не вдыхал его, как обычный человек. Дополнительные свечи еще не принесли, так что на лице воина плясали тени, и даже при плохом воображении их легко можно было принять за духов смерти. Я с трудом опустился рядом с ним и приложил ухо к груди. Даже через одежду чувствовалось, что у него горячка.

– Ты уверена, что он поправится?

– Ты просто не знаешь, на что способен хороший лекарь. – Валена опустила ладонь мне на плечо. – Мои потуги в сравнении с их умением – все равно что холмик с горным хребтом. Не за один день, конечно, но за неделю будет лучше прежнего. Но приготовься к тому, что аппетит у него вырастет втрое от обычного.

Я вздохнул. Давно пора наступить на горло собственной жадности. Раньше я проще относился к деньгам. Неужели и это подарок от того, прежнего Иана? Хотя с чего бы? У него денег отродясь не водилось. К тому же при отъезде Оррик не забыл и захватил с собой четыре меча, доставшиеся ему в качестве трофея. Он сказал, что железо так себе, но каких-то денег они все равно стоят. Их можно продать и здесь, все-таки попридержав меч десятника, аккуратно притороченный

к седлу лошади эльфа.

Мне было больно смотреть на осунувшееся, бледное лицо инквизитора. Потерять его? Бог с ним, с ценным членом отряда, я привязался к этому здоровяку, но так и не смог понять как человека. Что им двигало? Что движет сейчас? Удивительно, но факт – Аридил оказался гораздо проще и прямолинейнее, чем этот немолодой уже воин. И все равно, если задумываться, то я все сильнее склонялся к тому, чтобы назвать его другом, а не просто спутником.

В этот момент в дверь осторожно постучали. Она приоткрылась, и в щель просунулась голова молодого стражника.

– Я привел доктора! – Соф нашел меня взглядом.

– Ну так давай его скорее, чего ждешь!

Парень посторонился и в комнату вошел высокий статный человек в длинном плаще, закрытых сандалиях и в некоем подобии цилиндра. Из-под шляпы выглядывали кустистые брови, скрывавшие взгляд незнакомца.

– Кто у нас больной? – спросил он, глядя на лежавшего Оррика, и его звучный, уверенный голос мне понравился.

– Доктор Адалоуолф, – представился он и небрежно бросил шляпу на одну из пустых кроватей. – Что у вас приключилось?

Под шляпой обнаружилась копна черных волос, и я сразу скинул посетителю лет пятнадцать. Оказывается, не все лекари – старики. Но хватит ли ему опыта? Простуда отличается от арбалетного болта в бок.

– На нас напали, – сказала Валена. – Мы отбились, но наш спутник получил стрелу. К счастью, я немного умею лечить, поэтому смогла остановить кровь.

Доктор Адалоуолф удивленно взглянул на девушку и улыбнулся.

– О! Коллега! – Он одобрительно кивнул Валене, а затем сморщил нос и наклонился над Орриком. – Вы молодец! Какой курс?

– Второй, – смущенно ответила девушка. – Я так и не смогла получить рекомендательных писем.

Мужчина еще раз оглянулся.

– Считайте, что одно у вас есть. Высшее. Вы сохранили ему жизнь, а это, поверьте, непросто. А теперь не мешайте мне.

– Можно мне остаться? – спросил я. – Перед этим он спас жизнь мне. Это мой друг.

Доктор на секунду задумался.

– Почему бы и нет. И вы, миледи, можете остаться. Вам не мешает взглянуть на дело ваших рук и понаблюдать за процессом.

Соф, получив причитающееся, тут же исчез, а больше в комнате никого не было.

– Ну, приступим! – немного театрально сказал Адалоуолф, скинул плащ, оказавшись в костюме, похожем на пижаму для мужчин, и воздел руки над Орриком.

Практически сразу от ладоней Адалоуолфа к телу Оррика

потянулись зеленые нити, таким же цветом вспыхнули его глаза. Судя по направлению взгляда Валены, визуальные составляющие магии она не видела, но все равно сразу подбралась и все ее внимание обратилось на Оррика. Что-то она чувствовала, но не так, как я.

Магию я видел как на ладони. Доктор Адалоуолф был переполнен ею, как кастрюля, которую налили до краев, и сейчас она закипела, переливаясь через край. Цвета энергии оказались насыщеннее и ярче, чем те, что я видел у волшебницы. Он вливал в колдовство все больше и больше силы. Нити утолщились, набухли и стали пульсировать, на концах образовались присоски, они, наподобие щупалец, касались мест вокруг раны.

– А его не надо раздеть? – ляпнул я.

– Не надо, – с легким недовольством в голосе отрезал Адалоуолф, не прерываясь.

Не надо так не надо. Я продолжал разглядывать невидимую для остальных паутину, которая все гуще опутывала место ранения. Часть из нитей стали проникать в рану – Оррик застонал, но в себя не пришел. Тут в кармане у врача запульсировало нечто большое и еще более яркое. Я разглядел багровый свет, пробивающийся сквозь ткань. Предположу, что подключился накопитель, о котором рассказывала Валена. Наш доктор не так прост!

– Девочка, как я уже говорил, ты почистила рану и скрепила часть сосудов, но внутреннее кровотечение не остано-

вила. Еще несколько часов, и даже я не смог бы его спасти. Повезло, что ты догадалась передать ему часть своих сил.

– Я...

– Не надо оправдываться, лечению таких ран не обучают даже в академии.

Ого! Полевая хирургия тут не в чести?

– А где учат? – спросила она.

– В Отрогах Мудрости, – сказал Адалоуолф, и мне до жути захотелось узнать об этом месте как можно больше. – Но тебе туда дорога закрыта, это место не для молоденьких девушек.

Теперь любопытство будет сжигать меня почище египетского огня. Мне до смерти захотелось узнать об этом месте. Похоже, вся движуха в мире проходит именно там. Вон даже маг там побывал, не по скайпу же он выучился работать с такими ранами.

Лекарь, или другими словами, маг-целитель, опустил руки ниже и сжал ладони в кулак. Рана засветилась ослепительным светом, и я не поверил своим глазам: края раны в прорезе одежды стали сходиться! Медленно, по миллиметру в секунду, кожа двигалась, нарастала молодой розовой пленкой. Оррик застонал громче, но по-прежнему не просыпался.

– Шрам оставлю, – сказал Адалоуолф. – Думаю, у него их и так достаточно.

Подержав еще несколько минут ладони над местом ранения, маг удовлетворенно кивнул – свечение погасло. На все про все ушло пятнадцать минут и несколько капель пота, ко-

торые маг постарался смахнуть небрежным взмахом руки.

– Ну что, заметила что-нибудь? – спросил он.

– Да, мэтр! – она поклонилась. – Я такого никогда не видела!

Маг улыбнулся и потрепал ее по щеке, как воспитатель малолетнюю ученицу. И своенравная девчонка даже не подумала возмутиться!

– Кто у тебя учитель?

– Мэтр Огринэль.

Адалоуолф усмехнулся.

– Старый ворчун! Передавай ему от меня привет, как вернешься в академию. Думаю, он будет рад обо мне услышать. Ну-с, есть еще пациенты?

Валена бросила взгляд на меня, но я энергично замотал головой.

– Это все, – поспешно сказал я, мне почему-то не хотелось, чтобы меня осматривал посторонний.

Девушка удивленно распахнула глаза, но я не дал ей сказать и слова.

– Сколько мы вам должны за лечение?

Маг сжал губы, видимо, прикидывая что-то в уме, а потом со скучающим видом произнес:

– Одного золотого будет вполне достаточно.

Я посмотрел на Оррика, вздохнул, а затем полез в сумку. С одной стороны, на здоровье не экономят. С другой – правильно сделал, что не дал себя осмотреть, за такие деньги

пусть само заживает. Есть у меня регенерация или нет, но я уже чувствую, как под действием суммы везде начинает стягиваться кожа.

– Не забудь заглянуть за рекомендацией! – сказал Адалоульф, взвешивая монету в руке.

С этими словами маг кивнул мне и удалился, прихватив плащ и шляпу. Валена опустилась на свободную кровать, подобрала ноги и обхватила их руками. Ее глаза потускнели, и она прикусила губы.

– Зачем мне рекомендация, если я больше никогда не увижу академию?

– А где же учатся маги, которые принесли присягу инквизиции? – спросил я.

– Нигде, – ее голос дрожал. – Они нигде не учатся. Их презирают и ненавидят. А еще боятся.

Так, вот еще задачка. Если я не хочу, чтобы она наложила на себя руки, а стала полноценным магом, нужно обеспечить ее обучение. Не верю, что этого нельзя сделать.

– Не вешай нос, мы что-нибудь придумаем!

В этот момент дверь снова открылась, и в комнату ворвался Аридил. Был он невероятно зол и сыпал искрами в буквальном смысле этого слова!

– Мне отказали! Сто тысяч демонов им на голову! Да постигнет их проклятие Древа! Вы слышите, мне отказали! Этот напыщенный индюк даже не захотел открывать дверь!

Мы с Валеной переглянулись: очевидно, дела у эльфа с

отправкой срочной депеши оказались не очень хороши. Из-за этого он был не похож сам на себя.

– Они посмели отказать принцу?! – изобразил изумление я, хотя чувствовал только усталость.

– Даже слушать не захотели! – воскликнул он, продолжая нарезать круги. – Велели приходить завтра и принести деньги!

Я насторожился.

– Какие деньги?

Аридил остановился и сначала нахмурился, а потом посмотрел на меня. В его горле что-то забулькало, и он резко остановился.

– С меня потребовали две золотые монеты.

– Сколько?! – не поверил я своим ушам.

Эльф почесал затылок.

– Две монеты, – повторил он и посмотрел на меня. – Ты можешь мне одолжить? Когда князь появится здесь, я клянусь, что отдам тебе деньги!

Я вздохнул. Похоже, Аридила вытурили из отделения почты вовсе не из-за времени суток. Порывшись в поклаже, я обреченно протянул ему два тяжелых кругляша. Жрать нам станет нечего гораздо раньше, чем на половине дороги. Если не придет Аэларэль и не вернет мне долг, мы очень недолго сможем рассчитывать на гостеприимный прием даже в этой гостинице.

– Я верну! Клянусь! – горячо проговорил эльф, но у меня

не было сил даже слушать его.

– Вернешь, но на сегодня новостей достаточно.

– Как он? – Аридил вспомнил, что не только у него одного проблемы, и кивнул на лежавшего без сознания инквизитора.

– Говорят, поправится, – сказал я.

– Что значит говорят?! – воскликнула Валена. – Мэтр Адалоуолф просто чудесник! Видели бы вы, как быстро и без всяких усилий излечил вашего друга!

Насчет «без усилий» я бы поспорил, но решил промолчать.

– Почему ты не захотел, чтобы мэтр посмотрел и тебя? – встряла Валена.

– Потому что по сравнению с Орриком у меня лишь царапина. За такие деньги она и сама заживет – мне, в отличие от Оррика, мечом не размахивать. И вообще, давайте спать. Когда-то же должно быть так, что утро вечера мудренее.

Проснулся я с головной болью и пустым желудком. Горячий поросенок, о котором рассказывал хозяин гостиницы, меня так и не дождался. Ладно, нужно довольствоваться малым, мой желудок и каша вполне устроит. Я открыл глаза и обнаружил, что в комнате никого нет. Ну, эльф понятно – спозаранку побежал докладывать князю, но где инквизитор? Неужели магия оказалась настолько мощной, что за ночь подняла на ноги полумертвого человека? Значит, сбылось

пророчество волшебницы, и выздоравливающий инквизитор уже опустошает закрома родины. Странно, обещали, что он будет поправляться неделю, а не одну ночь.

Спустившись в зал, где кормили постояльцев и заезжих, я действительно нашел там Оррика в компании остальных. Аридил потягивал вино из бокала, Валена подчищала тарелку от яичницы, а инквизитор занимался тем, что мстил тому самому поросенку, которым меня вчера соблазняли. Все шло к тому, что мне точно ничего не достанется.

– Иан! – воскликнул радостно Оррик, размахивая большой косточкой. – Мы решили тебя не будить!

– И сожрали мой ужин, – пожаловался я, опускаясь на скамью рядом с Валеной – от девушки пахло цветами и еще чем-то пряным.

– Так закажем еще! Бардварт – отличный малый! И пиво у него м-м-м!

– Я слышал, что раненых поят бульоном, – сказал я, провожая взглядом свиную ножку в бездонную пасть Оррика. – А не пивом.

– Да?! – удивился тот. – Расскажешь потом байки со своей родины. У нас воинов лечат мясом!

– Я заметил. Ты почти здоров, как я погляжу.

– Ну не совсем. Чую, кровь не до конца восстановилась, и кожа на боку чешется и нарастает.

– Мы это все утро слышим, – заметил Аридил. Он был спокоен, как будто и не было вчерашнего вечера.

– Отправил? – поинтересовался я.

– Да. Завтра утром князь должен быть тут.

Недалеко же мы ушли за это время. Зато информации выше крыши. Надеюсь, Аридил все-таки расколется, потому что оставаться в неведении я не собирался. В конце концов, именно мне удалось ухватить за хвост черную кошку в темной комнате.

– Валена, ты ходила за рекомендацией к магу? – спросил я.

Девушка подняла на меня отрешенный взгляд.

– Зачем? Я же говорила...

– Сегодня же забери бумагу. Забери, я сказал!

– Хорошо, – без всякого энтузиазма согласилась она. – Схожу.

После завтрака меня заставили пройти «техосмотр». Сил у волшебницы по-прежнему не водилось – сказывалось полное истощение после боя, – Аридил опять где-то пропадал и не мог со мной поделиться, поэтому лечение велось традиционными способами. Она реквизировала у хозяина гостиницы кастрюлю и долго варила в ней какую-то пахучую гадость. Затем поменяла повязку, подложив под нее отвар, отчего рука занемела от локтя и до плеча. Меня успокоили, что так и должно быть, а потом заметили, что процесс заживления идет существенно быстрее положенного. И хоть болеть еще будет долго, подвижность, похоже, полностью восстановит-

ся. В конце Валена все же уколола меня моей прижимистостью и попросила все равно показаться полноценному магу, когда эльф вернет деньги. Я, естественно, ей это пообещал. После вернулся в комнату и обнаружил там Оррика. Инквизитор успел заснуть раньше меня, из-за чего мне пришлось спешно оттуда ретироваться – храпел мой спутник ничуть не тише, чем ругался.

Я оказался предоставлен самому себе до конца дня. Волшебница все-таки решила заглянуть к магу, который вчера пользовал Оррика, Аридил куда-то убежал еще раньше, инквизитора было слышно даже на лестнице – все нашли чем заняться. Лишь у меня отсутствовала даже малейшая необходимость что-то делать, и от того становилось скучно вдвойне. Бардварт пообещал придержать за нами наш стол, но не сидеть же в гостинице до самого вечера? Тогда я решил развлечь себя пешей прогулкой.

Почему каждый раз мы оказываемся в городе за полночь? Почему не утром? Птички поют, цветы поворачиваются к солнцу – мне, конечно, не до романтики, но все же гораздо приятнее, когда вокруг светло. И настроение... Да, к слову о настроении: мое утро сразу не задалось – стоило оставить за спиной несколько перекрестков, небо заволгло тучами и зарядил мелкий, противный дождь. Прохожих смело с улиц, как будто прошли метлой. Редкие люди, попадавшиеся навстречу, спешили по своим делам, нахохлившись и завернувшись в высокие воротники. Я решил, что дождю

меня не остановить, и продолжил прогулку.

Чем ближе к центру города, тем больше прибавляли дома этажей, кое-где попадались даже четырехэтажные монстры. Я высоко задираю голову и несколько минут рассматривал широкие окна, резные карнизы, балкончики, прилепленные к стенам. Если закрыть глаза, можно представить, что вокруг раскинулся провинциальный европейский город, а в кармане вот-вот зазвонит телефон.

– С какой целью вы...

Я обернулся, и говоривший не закончил свою фразу. Напротив меня остановились трое стражников. Один разглядывал меня, будто пытаясь припомнить, где он меня видел. Что-то в его лице показалось мне смутно знакомым. Так и есть! Этот стражник был вчера у ворот и видел, как мы въезжали в город.

– Как ваш друг? – вспомнил он меня наконец. – Удалось спасти?

– Да, большое спасибо. Ваш маг творит чудеса!

Стражники заулыбались.

– Да, это он умеет.

– Может вытащить с того света.

– К сожалению, не бесплатно, – вздохнул я.

– Ободрал вас как липку, – понимающе кивнул стражник. – Сожалею.

Что-то не похоже, чтобы он действительно сожалел. У него на уме явно другое.

– Хорошо, что мы вас повстречали, – заявил другой. – Вы вчера так быстро уехали, что мы не успели взять с вас плату за въезд в город. Но мы не в обиде, главное, ваш друг в полном порядке.

Они ожидающе уставились на меня, а я не знал, что ответить. Понятно, что сейчас они попытаются вытрясти побольше. Впрочем, вопрос звучит по-другому: послать их подальше или не нарываться? Могут они меня за это арестовать или нет?

– Велика ли плата?

– По пять серебряных за человека, наша помощь, естественно, бесплатно.

Я с трудом смог удержать челюсть на месте. Это грабёж среди белого дня!

– Да вы с ума сошли!

Стражники нахмурились.

– Вам, господин, следует держать себя повежливее, а то мы не посмотрим, что у вас ранен друг. Мигом окажетесь за решёткой!

Погулял, называется. Ссориться с местными властями в мои планы пока не входило.

– Вы не так меня поняли, я всего лишь высказал изумление суммой. Мне нигде не приходилось платить больше серебряного!

Солдаты переглянулись.

– Возможно, в каком-нибудь захолустье и так, но у нас тут

другие порядки! Так вы будете платить?!

Что делать? Отдать последние деньги этим вражинам? Какой бы ни был хозяин гостиницы добряк, без оплаты он выставит нас на улицу. Одна надежда на князя.

– Буду, но у меня с собой отсутствует необходимая сумма. Все деньги остались в гостинице. – Тут мне пришла в голову мысль получше. – А что, представительство инквизиции в городе есть?

Стражники настороженно переглянулись.

– Конечно, есть, господин.

– Тогда не проводите ли меня к их обители, я как раз хотел нанести визит ее главе.

Мне показалось, или над головами стражников повисли белые шарики страха?

– Вы хотите увидеть епископа Берингара?

Ого! Я и подумать не мог, что в этом городе свой епископ. Готов ли я к встрече с ним? Как бы не сесть в лужу поглубже. Но платить мне хотелось еще меньше, чем встречаться с этим Берингаром.

– Да, мне бы хотелось передать ему привет от епископа Тука. Его начальник охраны лежит сейчас со стрелой в боку в гостинице «Молодой эльф», а я вот изволил прогуляться по вашему славному городу и нанести визит епископу Берингару. Так вы проводите меня?

– Э-э, конечно, господин, – скороговоркой протараторил стражник. – Пойдемте...

– Стойте! – оборвал я его. – А как же пошлина за въезд в город?!

– О! Не берите в голову, мы зайдем за ней позже, как-нибудь в другой раз!

Подозреваю, товарищи бойцы теперь изо всех сил желали, чтобы этого разговора не было, потому что я слышал от Оррика, что инквизиция пользуется правом беспошлинного прохода в любой город на Арли. К счастью, я вовремя об этом вспомнил, иначе, как лох, отдал бы последние деньги.

Впрочем, к епископу мне попасть так и не удалось – святой отец «работал в полях». Мне пришлось оставить ему послание и адрес, по которому меня можно найти. Во избежание дальнейших приключений я поспешил вернуться в гостиницу. Все это время меня сопровождал почётный караул из трех стражей порядка, облегченный вздох которых при виде гостиницы можно было услышать даже с заткнутыми ушами.

– Благодарю за компанию, – сказал я, прощаясь. – Заглядывайте за пошлиной.

Старший из стражников скривился, как будто хлебнул кислого молока.

– Если вам ещё понадобится помощь... – пробормотал он.

– Я обязательно вас найду. – Я многозначительно на него посмотрел, с удовлетворением понимая, что отомщен.

– Как погулял? – Оррик махнул мне рукой, приглашая к

столу. В огромной сковороде перед инквизитором развалился брат-близнец вчерашней молодой хрюшки. Рядом парили тарелки с закуской и гарниром, которым он уделял не меньше внимания, чем здоровенной кружке пива в правой руке.

– Нанес визит местному епископу.

Оррик поставил кружку на стол.

– Надеюсь, ты не додумался передать привет от дядюшки Тука этому жирному борову?

– Епископ Берингар отсутствовал на рабочем месте, – вздохнул я. – Так что я не смог этого сделать.

– Повезло, – шумно выдохнул Оррик. – Они с Туком те ещё друзья. Ты вполне мог оказаться за решеткой. На пару деньков из-за какой-нибудь ошибки.

Я вздрогнул. Все мои гениальные идеи ведут в одно место?

– А есть у нашего славного епископа те, кто не хочет при встрече вспороть ему живот или огреть по голове молотком?

– Так сразу и не вспомню, – заржал Оррик. – Давай, не стесняйся, все равно ты платишь.

Инквизитор сделал знак, чтобы накрыли вторую половину стола для меня.

В трактире оказалось немногочисленно. Посетители жались по углам и в основном налегали на еду. Время для посиделок за пивом придёт позже.

Мальчонка метнулся к нам от барной стойки и выставил передо мной несколько тарелок.

– Гуляш тащи, – велел ему Оррик. – Для заправки.

Указание немедленно исполнили, и уже через минуту я почувствовал, до какой степени проголодался. Мясо таяло на зубах, а бульон прожигал глотку жаром, но все равно остановиться оказалось выше моих сил.

– Очуметь, как вкусно, – признался я, чувствуя, что готов обглодать ложку.

– Старина Бардварт свое дело знает крепко, – усмехнулся Оррик. – Когда он служил поваром на Отрогах Мудрости, такие вещи вытворял, парни на руках его были готовы носить. Особенно когда на завтрак, обед и ужин одна и та же крупа.

Тут уж я не удержался.

– Да что это за Отроги такие?!

– Это, брат, самое паршивое место на свете. Снег, холод, и ни одной девки на сотню верст. У тысячи мужиков, кроме жрачки, никакой отрады, но платят так, что люди готовы идти на край света и рисковать своей шкурой ради звона монет.

Я затаил дыхание и ждал продолжения, но Оррик, похоже, уже сказал все, что хотел.

– За что же так хорошо готовы платить?

– А за что обычно готовы платить? Конечно, за чью-то жизнь и чью-то смерть.

– Ты можешь хотя бы сейчас не говорить загадками?! – взмолился я.

Оррик уставился на меня удивленным взглядом.

– Ты и в правду не знаешь?!

– Оррик, всю свою жизнь я провел в пещерах. С чего бы мне знать? Я думал, что ты заметишь, что для меня многие обычные вещи кажутся удивительными.

Оррик покачал головой.

– Станный ты, но, если сказано, что это не моего ума дело, значит, я в это не лезу.

Все, мне это надоело: или пан, или пропал.

– Оррик, если бы ты не проиграл в том бою, ты бы рассказал мне, что Тук хочет меня убить?

Я выдержал его взгляд и дождался, когда он опустит его.

– Иан, что ты от меня хочешь? Я всю жизнь исполнял приказы.

– Я хочу знать: могу ли тебе доверять.

Ну вот, слова сказаны. Теперь я либо его потеряю, либо в моей команде действительно появится человек.

Оррик молчал долго, очень долго. Он даже есть перестал, задумчиво разглядывая стену напротив. Наконец он поднял на меня взгляд.

– Епископ терпеть не может неудачников, а тот бой показал, что я не просто проиграл, а не смог верно оценить силы противника. Так что никакой я уже не начальник охраны. В лучшем случае обычный «чистый брат», и только. – Он помолчал, а я, затаив дыхание, ждал продолжения. – Но потом я понял, что никто не сделал бы для меня того, что сделал ты в тот день. Меня ведь прирезали бы, не подтолкни ты тогда

этого негодяя. Боги дали мне ещё один шанс. Ты дал. Так что я обязан тебе жизнью, а Оррик всегда отдает долги. – Он говорил так, будто рассуждал сам с собой, но тут он взглянул мне в глаза. – У меня нет родных, нет близких, нет дома, мне некуда возвращаться. Все, что у меня теперь есть, – это долги перед тобой. Так что – да, ты можешь мне доверять.

К вечеру в трактир стали стягиваться завсегдатаи и любители пропустить по стаканчику после напряженного трудового дня. Таланты, приобретенные Бардвартом на службе, притягивали к его заведению служивых всех мастей, так что вскоре свободных столов не осталось. Впрочем, нам не пришлось воспользоваться любезным предложением хозяина, потому что Оррик торчал за столиком с обеда, сразу перейдя в разряд почетных клиентов. А потом мы уже вдвоём принялись проедать последние деньги.

Через несколько часов к нам присоединилась Валена, поведав, что маг оказался настолько любезен, что дал ей несколько полезных советов. В конце рассказа она достала из сумки грамоту с широкой квадратной печатью.

– Ума не приложу, что мне с ней делать, – вздохнула она, – отступники не учатся в академии.

– Отступники? – спросил я.

– Так называют тех, кто работает на инквизицию.

– Да что ты заладила, отступники-отступники. От костра спаслась, и то ладно. А такими штуками не разбрасывают-

ся, – буркнул Оррик. – Пригодится где-нибудь.

Я все-таки добился своего, и инквизитор рассказал мне историю про Отроги Мудрости. Такое название получило ущелье в горах на севере континента. Снег, лед, метели и собачий холод – вот все, что надо знать, чтобы в здравом уме обходить это место стороной. Память о нем пришла с незапамятных времён, и ничего хорошего в тех историях отродясь не водилось. Смертельный ужас – вот что в них было. Гиблая земля, даже одиночки без царя в голове предпочитали держаться от нее подальше. В тех краях можно повстречать такое, что навсегда отобьёт желание спать в темноте. Время от времени из ущелья выползали твари, что не привидятся в самом страшном кошмаре. Вампиры и оборотни – детишки в сравнении с этими созданиями тьмы. Зараза распространилась дальше по королевствам, и тогда инквизиция обратилась к гномам. Им предложили восстановить права на земли поверхности, раскинувшиеся над их владениями, в обмен на строительство несокрушимой крепости на пути расплзающегося зла. Те, не задумываясь, ответили согласием.

Строительство, по разным свидетельствам, продолжалось от тридцати до пятидесяти лет. Сколько подгорного народца при этом полегло, одному Аиду известно, но гномы сдержали слово и вручили священникам ключи от бастионов. С тех пор на пути тварей стояла крепость, равной которой не знала Арли. Стены ее тянулись на десятки верст, а шпили башен царапали небо. Над главным входом гномы установили сим-

вол Светлого Братства – три перекрещенных меча. Его потом объединили со знаком церкви, связав с инквизицией. Каждый, кто прошел через эти ворота, становится членом этого незримого сообщества. Так что, если ты планируешь стать полноценным братом-послушником и посвятить свою жизнь служению, дорога твоя пролегает через эту крепость. По сути, инквизиция кует там свои самые ценные кадры. Впрочем, под ее стягом в стенах твердыни собирается разный люд. Его привлекают блеск золота и привилегии, даруемые отслужившим в мрачном, холодном краю. С давних времен напор тварей вырос в десятки раз, так что охотники до быстрой наживы часто вместо денег получают пристанище в желудке очередного чудовища. И все равно поток желающих не иссякает – церковь и королевства не жалеют золота для смельчаков. За год службы в этом месте можно скопить круглую сумму, за пять лет – жалуют титулом барона. Но пять лет в тех краях – самоубийство. Оррик отслужил три, когда его забрал из крепости Тук, в то время ещё и не помышлявший о сане епископа.

Мы с Валеной слушали Оррика, раскрывши рот, когда завопил Аридил, усталый, но очень довольный.

– Получил весточку от своего князя, – догадался инквизитор. – Все ходишь где-то, а тебя тут уже давно вино дожидается.

– Да, пришёл ответ, – эльф налил себе вина. – Завтра утром он будет здесь.

Вот уж не знаю, радоваться или печалиться. Ничего хорошего я от этого визита не ждал. Хотя пришла пора расставить точки над «и».

– Может, расскажешь, что ты там нашёл? – сказал Оррик. – Какие могут быть тайны от друзей?

Аридил, осушил стакан и покачал головой.

– Если так хочется, спросишь у князя.

– У князя я спрошу обязательно, – заметил я. – Но я хочу спросить у тебя. Подозреваю, то, что ты увидел, касается вашего задания. То есть уже нашего задания. Слова же Оррика натолкнули меня на мысль, что вся эта возня связана с твоим народом.

– Я не буду говорить, – спокойно сказал Аридил.

– А ты и не говори, – усмехнулся я. – Говорить предоставь мне, а ты слушай и моргай время от времени. – Дождавшись кривой усмешки на губах Аридила, я продолжил: – Подозревать, что в нападениях по полной замазались представители твоего народа, я начал, когда увидел результаты стрельбы, и хоть били из арбалетов, навык – он и в Долине Тишины остается навыком. Ну и что, что вы на дух не переносите бездушные машинки для изготовления дырок на расстоянии. С такой дистанции и точностью поразить цель может только эльф, а цель, как известно, оправдывает средства. Когда же я узнал, что эльфы не убивают своих, все встало на свои места.

Не люблю давить, поэтому и выкладывал я свои предположения, уставившись в кружку с пивом. Пузырьки лопают-

ся, пена оседает, и на свет божий показывается краешек янтарного напитка – прямо как информация, которой поначалу кот наплакал, а затем только успевай собирать и выстраивать. Я посмотрел на Аридила, который пытался продемонстрировать невозмутимость, но цвет ауры выдавал его с головой.

– Полагаю, ты все-таки догнал тех стрелков. Ими оказались твои сородичи. И они снова не решились прикончить своего, как, впрочем, и ты не решился их задержать. Зато наговорились вы вдоволь. Именно поэтому тебя не было так долго. Ты предлагал им пойти с тобой? Сознаться? А они убеждали тебя в своей правоте и уговаривали в обратном. Ввиду того, что ты вернулся один, подозреваю, ни у тебя, ни у них ничего не вышло, и вы остались при своем мнении, – сказал я, теперь глядя ему прямо в глаза. – Учитывая размах предприятия, твой дядя либо полностью в курсе, либо что-то подозревает, потому и направил тебя сюда. Из этого следует, что наша миссия завершена. Поэтому я буду требовать, чтобы нас отправили в Алату порталом, потому что смысла в дальнейшем топтании дорог нет никакого.

На эльфа было жалко смотреть. Взгляд Аридила ковырял неровности на залитом пивом столе. К счастью, в трактире освещение было так себе, иначе я решил бы, что он покраснел.

– Так мальчишка прав, и ты действительно в лесу встретил своих? – недоверчиво спросил Оррик.

– За всеми нападениями и пропажей людей стоят эль-

фы? – вскрикнула Валена. – В академии обсуждение этой темы не приветствуется, но я как-то слышала разговоры преподавателей.

Аридил обреченно молчал, но я не собирался давать ему возможность улизнуть от ответа.

– Принц, – я специально воспользовался его титулом, чтобы подчеркнуть значимость слов, – ты можешь, конечно, не отвечать, но в команде, которую, я надеюсь, вы почтете своим участием, от своих не может быть секретов. – Мне очень не хотелось так говорить, но, похоже, у меня не оставалось выбора. – Мы все связаны, благополучие одного зависит от всех остальных. Я понимаю, что тебе тяжело признаваться в причастности к преступлениям своего народа, но сейчас твой народ – это мы. Стоит провалить миссию, и твоей мечте конец. Кому нужен правитель, который не может сдержать слово и позаботиться о своих?

Аридил тяжело вздохнул и поднял на меня взгляд. Очевидно, он принял решение.

– Спрашивай.

Дальше наш разговор напоминал допрос следователя и подозреваемого, но мне нужно было знать все.

– Ты обнаружил в лесу эльфов?

– Да, двоих, оба вооружены арбалетами. Я подобрался к ним почти вплотную, едва одному не снес голову.

– Полагаю, и они, и ты были удивлены.

– Да, они не ожидали увидеть меня.

– Они не пытались тебя убить?

– Эльфы не убивают друг друга.

– Что было дальше?

– Мы поговорили. Дареан, так звали одного из них, предложил мне уйти с ними. Он сказал, что у них великая миссия, к воплощению которой должны стремиться все эльфы.

– Что за миссия?

– Он сказал, что мне расскажут, если я пойду с ними.

– Но ты не пошел.

– Нет.

Я задумался. Для чего же они таскают людей? Что за миссия может требовать такого количества жертв? Вряд ли они занимаются этим, чтобы развлечь себя рабами или сделать зоопарк.

– Задержать ты их не пытался?

– Как? Это равносильно убийству, – вздохнул Аридил. – Они тоже пытались уговорить меня, но не прибегали к насилию.

– В общем, вы разошлись, – подытожил я.

Довольно долго после признания эльфа мы все думали о своем. Никто не произносил ни слова. В конце концов, что меняло вмешательство эльфов? Для меня – ничего. Мне нужно было сдавать экзамены и становиться инквизитором. Как – другой вопрос. При этом ни в коем случае не допускать смерти перед скоплением людей, чтобы не явить им возрождение Убийцы. Вот так – и в лодку сесть, и рыбку съесть. Тя-

жело, но надо, ведь я как-никак вообще сам по себе явление, но как говорится, будь реалистом, проси невозможного!

Я оглядел своих людей. Да, теперь я определенно могу называть их своими людьми. Нежданно-негаданно я обрел то, к чему так стремился, – свою команду.

– А теперь послушайте, что я вам скажу. – Я огляделся: народ в трактир все прибывал, но до нас никому не было дела. – Наши дела тут закончены. Завтра я буду просить у Аэларэля порталом отправить нас напрямиком в Алату. У меня есть год, чтобы подготовиться к поступлению. Пока не знаю как, но я стану инквизитором. Понимаю, что сейчас это звучит слишком самоуверенно, но поверьте, я умею добиваться своего. Когда это произойдет, заметьте, не «если», а «когда», мне нужны будут люди, на которых я смогу положиться. Зачем, спросите вы? Отвечу. Потому что я не собираюсь прозябать на задворках. Карьера – вот моя цель. Уверен, у вас тоже есть свои цели. Готов поклясться на чем угодно, что если вы поможете мне, они станут и моими. А вместе можно горы свернуть. Но я должен быть уверен, что могу на вас положиться. И теперь я хочу спросить: вы готовы пойти за мной? Не за инквизитором Ианом, а за мной.

Оррик крикнул, Аридил выглядел смущенным, Валена разглядывала меня так, будто увидела впервые.

– Я тебе уже все сказал, – проворчал Оррик, оглядел остальных и припечатал ладонью стол. – Но для остальных повторю: я с тобой. Моя жизнь – твоя жизнь.

Следующим выступил Аридил. Было видно, что для него подобное признание внове, но выглядел он не менее решительным.

– Никогда не думал, что такое скажу, но пусть Лес будет мне свидетелем: я с тобой, пока не затронута моя честь и честь Семьи, – сказал Аридил, и я незаметно выдохнул: значит, его семья тут ни при чем – уже хорошо. Значит, будет служить не за страх, а за совесть.

Все посмотрели на волшебницу. Валена же не обращала внимания ни на кого, кроме меня. Что-то мне подсказывало, что ее слова окажутся решающими.

– Я потеряла семью в восемь лет, – тихо сказала она. – Они отреклись от меня. Ты первый, кто напомнил мне о том, что иногда, когда весь мир против, возможно, найдутся те, кто подставит плечо в такую минуту.

– Прямо Светлое Братство, – Оррик почесал бороду.

В этот момент на улице закричали. Одиночный вопль подхватили, он размножился и пошел эхом гулять между домов. Посетители Бардвартова заведения поначалу не обратили на шум внимания, но по мере того, как он рос, замолкали и в недоумении принимались вертеть головами. Самые любопытные выглянули посмотреть, что происходит. Спустя минуту в зал ворвался человек в дымящейся куртке.

– Дом купца Вилберта горит!

Все повскакали с мест. Я тоже начал подниматься, но Оррик успокаивающе махнул рукой.

– Сиди уже, без тебя разберутся. Вон желающих сколько. Я посмотрел на эльфа, Аридил и не подумал куда-то двигаться, попивая вино из кружки.

– А мы разве не должны помочь?

– Должны? Кому и чего мы должны? – сказал удивленно Оррик. – Это не наше дело. Сами справятся. Город из камня, до нас огонь не доберется.

Удивительно практичный подход.

– И ты, девочка, не вздумай дергаться, – жестко пресек возражения Валены Оррик. – Из тебя сейчас целительница, как из меня поэт, так что сиди и не рыпайся. Одно дело – лечить запрещенными способами братьев-инквизиторов, и совсем другое – разных проходимцев. На костер же не хочешь? Вот!

Зал трактира опустел. Остались только мы и компания из пяти человек в углу заведения. Не думаю, что все побежали помогать, зрелище пожара привлекает не меньше ротозеев, чем казнь или драка. Главное, чтобы тебе не досталось.

– Продолжайте есть-пить, – сказал вдруг Оррик. – По моему сигналу отходим к лестнице на второй этаж. Валена, ты – первая, птичкой летишь вверх!

Глаза волшебницы расширились, я начал разевать рот, а Оррик уже гаркнул:

– Пошли!

И все вдруг завертелось: пятеро незнакомцев, до того преспокойно хлебавшие пиво в углу, снесли лавки, бросившись

в нашу сторону. Один из них отклонился от курса и накинул на дверь засов. Остальные четверо стали нас обходить, да так шустро, что я через мгновение понял, что наверх нам никак не успеть.

– Вместе держаться! – взревел Оррик. – Аридил, Иан на тебе!

В отличие от нас пятерка действовала молча и чрезвычайно уверенно. В их руках замелькали короткие кривые мечи, я заметил, что все они в повязках, закрывающих лицо.

– Братство Бездушных! – ахнула Валена.

Оррик выругался, и в его руках бабочками замелькали ножи. Аридил вытащил из ножен кинжал, брат-близнец которого лежал наверху в моих вещах. Я дал себе слово, что, если выберусь и из этой переделки, буду всегда таскать оружие с собой.

На нас наскочили двое и, увернувшись от выпада Оррика, легко отскочили обратно. Они напомнили мне историю о волчьей стае и лосе. В этот момент кто-то стукнул во входную дверь, естественно, она не открылась, послышались удивленные голоса.

– Нам надо продержаться! – бросил Оррик. – Дверь ломают, и им станет не до нас.

Видимо, это понимали и убийцы, потому что в следующую секунду в атаку бросились уже трое. Замелькали мечи, я слышал только звон стали и сдавленное дыхание. Тройка разорвала дистанцию, и я с радостью увидел, как одни из них

зажимает глубокую рану на правой руке. Меч вывалился из ладони, но убийца перехватил его левой. Как по мне, разницы я не заметил.

Впрочем, от моей радости не осталось и следа, когда я взглянул на своих спутников. Оррик тяжело дышал, он ошутимо припадал на левую ногу, и под ним по полу были размазаны чем-то темным следы ботинок. Левая рука Аридила плетью повисла вдоль тела. Высокая фигура эльфа как-то скособочилась, движения, обычно плавные и стремительные, приобрели рваный ритм и как будто фальшивили. Он явно был ранен не только в руку.

В дверь забарабанили изо всех сил. Крики из недоуменных обретаки краски и злость. До того, чтобы толпа приняла решение ломать дверь, оставалось совсем чуть-чуть. Но я не был уверен, что нам достанет сил продержаться эти «чуть-чуть».

– Иан, Валена, приготовьтесь! – выкрикнул Оррик и бросился вперед. За ним следом в атаку устремился эльф.

Убийцы не ожидали от них такой прыти и пропустили момент броска. Инквизитор слитным движением сбил с ног сразу двоих, одного из которых угостил ударом утяжеленного ботинка в голову. С его кровью смешалась чужая. Третьего он попытался достать ножом, но эльф его опередил на мгновение. Эффект неожиданности сделал свое дело, вырвав преимущество у врага. Естественно, я и не подумал никуда убежать!

А через мгновение у Оррика подкосились колени, и он завалился набок, чем немедленно воспользовались два оставшихся на ногах противника. Как-то Аридил мне рассказывал, что он не слишком хорошо владеет кинжалом, сегодня мне представилась возможность убедиться в правоте его слов. Он попался на обманный выпад убийцы и «провалился». Меч вошел ему в незащищенный правый бок. Я закричал и, не помня себя, бросился вперед. Меня дернули за руку, я споткнулся о чье-то тело и упал. В падении мои глаза, словно в замедленной съемке, выхватили момент, когда в грудь эльфу несколько раз воткнулись оба меча и кинжал. Аридил замер в нелепой позе, постоял чуть-чуть и упал навзничь. Последний его взгляд скользнул по моему лицу.

– Принц Аридил, – раздался шелестящий голос одного из убийц. – Вам просили напомнить, что для своих жизнь эльфа священна, но вы выбрали не ту сторону.

Москва

30.12.2020

От автора: Вторая книга серии «Хроники Арли» увидит свет в канун самого Нового года. Верно говорят, что для писателя его труд сродни ребенку и каждый из них почему-то первый, так во всяком случае мне периодически кажется. Вот и этому первенцу открывается дорога в большой мир. Однако, сам процесс рождения книги, конечно же, отлича-

ется от человеческого. Прежде всего тем, что в одиночку родилось бы совсем другое дитя. Так что я благодарен всем, кто принимал наивжнейшее участие в появлении на свет этой рукописи и тащил и ее, и меня, и «вообще», чтобы она вышла такая, какая есть.

Отдельные слова благодарности хочу выразить своей супруге, Комарьковой Ирине: если бы не она, то все получилось бы совсем не так, как должно. Ее терпение по истине безгранично, а энергия способна зажечь солнце. Ее стремление к идеалу творит чудеса!

Андрей Юрьевич! Сложно пожелать более вдумчивого читателя и въедливого критика! Сколько ляпов мне не удалось добавить в книгу благодаря его стараниям!

Оформление обложки: Комарькова Ирина К.

Корректурa: Литрес